

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

---

## POLITICAL LINGUISTICS

**6(84)'2020**

**Политическая лингвистика** / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО  
**П50** «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2020. – Вып. 6 (84). – 191 с. –  
(Цена свободная).  
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27  
ББК Ш100.621

**Political Linguistics** / editor-in-chief A. P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI  
**П50** “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2020. – Issue 6 (84). –  
191 p. – (Free price).  
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

***Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».***

***We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.***

Министерство просвещения Российской Федерации  
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Уральский государственный педагогический университет»



# ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

---

## 6(84)'2020

### Научный журнал

*Учредитель:* ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: [journals.uspu.ru](http://journals.uspu.ru) (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2020

Ministry of Education of the Russian Federation  
Federal State Budgetary Higher Education Institution  
“Ural State Pedagogical University”



# POLITICAL LINGUISTICS

---

## 6(84)'2020

### Scientific journal

*Founder:* FSB HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИЦ), [http://elibrary.ru/title\\_about.asp?id=28049](http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049)
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: [journals.uspu.ru](http://journals.uspu.ru) (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2020

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Главный редактор:** *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

### Заместители главного редактора

- Э. В. Будаев*            Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия
- М. Б. Ворошилова*    Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Россия

### Члены редакционной коллегии:

- В. Н. Базылев*            Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
- Ю. В. Богоявленская*    Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
- Р. Гусман Тирадо*        Университет Гранады, Гранада, Испания
- Е. В. Дзюба*             Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- С. В. Иванова*            Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
- В. И. Карасик*            Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия
- Н. Н. Кошкарлова*        Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия
- Е. А. Нахимова*         Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- Н. Б. Руженцева*         Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
- О. А. Солопова*         Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
- Д. Вайс*                  Университет Цюриха, Швейцария
- А. де Лазари*             Лодзинский университет, Польша
- И. Иньиго-Мора*         Севильский университет, Испания
- Б. Ю. Норман*            Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
- П. Серйо*                 Лозаннский университет, Швейцария
- Й. Сипко*                 Прешовский университет, Словакия
- П. Стейнер*              Пенсильванский университет, США
- У Айхуа*                 Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Л. Цонева*                Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария
- Дж. Шарафутдинов*     Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай
- Ян Кэ*                    Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

**Технический редактор:** Д. О. Морозов

**Заведующий отделом перевода:** С. М. Поляков

## EDITORIAL BOARD

**Editor-in-Chief:** *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

### Deputy Editors-in-Chief

*E. V. Budaev* Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia  
*M. B. Voroshilova* Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

### Editorial Board:

*V. N. Bazylev* Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia  
*Y. V. Bogoyavlenskaya* Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia  
*R. Guzman Tirado* University of Granada, Spain  
*E. V. Dzyuba* Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia  
*S. V. Ivanova* Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia  
*V. I. Karasik* Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia  
*N. N. Koshkarova* South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia  
*E. A. Nakhimova* Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia  
*N. B. Ruzhentseva* Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia  
*O. A. Solopova* South Ural State University, Chelyabinsk, Russia  
*D. Weiss* University of Zurich, Switzerland  
*A. de Lazari* University of Łódź, Poland  
*I. Iñigo-Mora* University of Seville, Spain  
*B. Yu. Norman* Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus  
*P. Seriot* University of Lausanne, Switzerland  
*J. Sipko* University of Prešov, Slovakia  
*P. Steiner* University of Pennsylvania, USA  
*Wu Aihua* Beijing Foreign Studies University, China  
*L. Tsoneva* St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria  
*G. Sharafutdinov* Guangdong University of Foreign Studies, China  
*Yang Ke* Guangdong University of Foreign Studies, China

**Technical editor:** D. O. Morozov

**Head of Translations Department:** S. M. Polyakov

## СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика» .....	10
--	----

### РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Каминская Т. Л.	Новые тренды в российской политической коммуникации .....	12
Клушина Н. И.	Мультимедиаальный код языка и его роль в политической лингвистике .....	19

### РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Блинова О. А. Бабилова М. Р.	Информационное поле вандализма: представление СМИ и общественная реакция .....	26
Журавлева Е. В.	Специфика невербальной составляющей в политической коммуникации (на примере российских телепередач) .....	33
Зарипов Р. И. Будаев Э. В.	Метафорические образы настоящего и будущего России во французских СМИ: внешнеполитические аспекты .....	42
Корниенко А. В.	Особенности директивного дискурса петербургской власти, вызванного коронавирусом .....	53
Макеева С. О. Нестерова В. Е.	Моделирование массмедийного образа/имиджа полиции (ретроспективный анализ отечественных и зарубежных исследований) .....	67
	<i>На англ. яз.</i>	
Овсянникова О. С.	Репрезентация образа Дональда Трампа в современной документальной прозе .....	78
Попова Т. Г. Кокорина К. А.	Языковая личность политика как фактор информационно-психологической войны .....	86
Солопова О. А. Будаев Э. В. Бойко А. В.	Метафорический образ будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР .....	96
Чжан Тао Кошкарлова Н. Н.	Особенности речевого воздействия в китайской социальной рекламе, направленной на пропаганду санитарных норм в условиях пандемии коронавируса (на материале уличных агитационных плакатов) .....	108

### РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Бабилова М. Р.	Семантические нагрузки визуальных форм вандалных повреждений в региональном аспекте .....	117
Иванова Е. Н.	Эпистолярный текст первой половины XVIII века как отражение особенностей мыслеоформления пишущего (на материале писем и распоряжений Акинфия Демидова) .....	127
Мубаракшина А. М.	Роль когнитивного контекста в семиотической интерпретации иноязычных вкраплений в романе Сергея Минаева «Духless» .....	132
Пономарева О. Б.	Семантическая и стилистическая вариативность процессов семантической деривации в русской и английской политической лексике .....	137

Порозов Р. Ю. Клюсова П. С.	Молодежь как субъект вандальной активности в субкультуре граффити ..... 150
--------------------------------	--

Януш О. Б. Мухарямов Н. М. Мухарямова Л. М.	Языковая политика в теоретических контекстах неоинституционализма ..... 156
---	--

#### РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Лю Лифэнь Хуан Чжунлянь	Сопоставление комбинаций элементов языковых ландшафтов китайских и российских вузов (на материале их вывесок) ..... 166
----------------------------	---

#### РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Красса С. И.	Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа (обзор 1) ..... 174
--------------	---

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» ..... 188
--

## CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics” .....	10
---	----

### PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

<b>Kaminskaya T. L.</b>	New Trends in Russian Political Communication .....	12
<b>Klushina N. I.</b>	Multimedia Language Code and its Role in Political Linguistics .....	19

### PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

<b>Blinova O. A.</b> <b>Babikova M. R.</b>	Information Field of Vandalism: Media Representation and Public Response.....	26
<b>Zhuravleva E. V.</b>	Specific Features of the Non-Verbal Component of Political Communication (On the Example of Russian TV Shows) .....	33
<b>Zaripov R. I.</b> <b>Budaev E. V.</b>	Metaphorical Images of Russia’s Present and Future in French Mass Media: Foreign Policy Aspects .....	42
<b>Kornienko A. V.</b>	Key Features of the Coronavirus Directive Discourse of St Petersburg Authorities.....	53
<b>Makeeva S. O.</b> <b>Nesterova V. E.</b>	Modeling the Mass Media Portrayal/Image of the Police (Retrospective Analysis of Domestic and Foreign Studies) .....	67
	<i>In English</i>	
<b>Ovsyannikova O. S.</b>	Linguistic Representation of Donald Trump’s Image in Modern Non-Fiction Literature .....	78
<b>Popova T. G.</b> <b>Kokorina K. A.</b>	Linguistic Personality of a Politician as a Factor of Information-Psychological Warfare.....	86
<b>Solopova O. A.</b> <b>Budaev E. V.</b> <b>Boiko A. V.</b>	Metaphorical Image of the Future of Russia in the Chinese Non-Institutional Political Internet Discourse .....	96
<b>Zhang Tao</b> <b>Koshkarova N. N.</b>	Peculiarities of Verbal Impact in Chinese Public Service Advertising Aimed at Promotion of Health and Safety Regulations under the Conditions of Coronavirus Pandemic (On the Material of Street Posters).....	108

### PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

<b>Babikova M. R.</b>	Semantic Load of Visual Forms of Vandal Damage: Regional Aspect.....	117
<b>Ivanova E. N.</b>	Epistolary Text of the First Half of the 18th Century as a Reflection of the Peculiarities of Expression of the Writing Person’s Way of Thinking (Based on the Letters and Orders of Akinfiy Demidov).....	127
<b>Mubarakshina A. M.</b>	The Role of Cognitive Context in the Semiotic Interpretation of Foreign Inclusions in the Novel “Spiritless” by Sergey Minaev .....	132
<b>Ponomareva O. B.</b>	Semantic and Stylistic Variability of Semantic Derivation Processes in Russian and English Political Vocabulary.....	137

**Porozov R. Yu.** Youth as the Subject of Vandal Activity in the Graffiti Subculture..... 150  
**Klyusova P. S.**

**Yanush O. B.** Language Policy in Theoretical Contexts of Neoinstitutionalism ..... 156  
**Mukharyamov N. M.**  
**Mukharyamova L. M.**

**PART 4. FOREIGN EXPERIENCE**

**Liu Lifan** A Comparison of Linguistic Landscapes  
**Huang Zhonglian** of Chinese and Russian Universities ..... 166

**PART 5. REVIEWS. CHRONICLE**

**Krassa S. I.** First Roundtable on Practices and Standards  
in Forensic Authorship Analysis (overview 1) ..... 174

Manuscripts Requirements ..... 188

## РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

### Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зару-

бежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, одобренного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

### Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

### Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность ци-

тат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

#### **Контакты.**

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: [ap\\_chudinov@mail.ru](mailto:ap_chudinov@mail.ru),  
[shinkari@mail.ru](mailto:shinkari@mail.ru).

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

Группа в социальной сети «Фейсбук»:  
<https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

#### ***С уважением и надеждой на сотрудничество:***

д-р филол. наук, проф.  
Анатолий Прокопьевич Чудинов,  
д-р филол. наук, доцент  
Эдуард Владимирович Будаев,  
канд. филол. наук, доцент  
Мария Борисовна Ворошилова,  
канд. филол. наук  
Даниил Олегович Морозов.

## РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42

ББК ШП41.12-51+ШП41.12-006.21

DOI 10.26170/pl20-06-01

ГСНТИ 16.21.51

Код ВАК 10.01.10, 10.02.01

Т. Л. Каминская

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8331-8687 

 E-mail: [tlkam1@mail.ru](mailto:tlkam1@mail.ru).

### Новые тренды в российской политической коммуникации

**АННОТАЦИЯ.** В статье посредством контент-анализа и дискурс-анализа различных онлайн-платформ исследуются трансформации и новые тренды политического дискурса накануне выборов в Госдуму, связанные с изменением политической ситуации в России. Актуальность исследования обусловлена возникновением и политическими успехами новых партий («За правду» Захара Прилепина, «Новые люди» Алексея Нечаева, Партия прямой демократии (ППД) разработчика компьютерных игр Вячеслава Макарова и экологическая партия «Зеленая альтернатива» московского экоактивиста Руслана Хвостова), активизацией гражданской журналистики и вовлечением в политический дискурс молодежи. Новые поколения (которые принято обозначать буквами латинского алфавита Y и Z) черпают информацию из не подконтрольных власти социальных сетей и чужды политическим штампов. Практика коммуникации комсомольской и партийной бюрократии из советских времен (взятая на вооружение объединениями «Наши», «Молодая гвардия» в начале текущего века) больше не работает. Новые коммуникативные запросы проявляются в таких формах, как политические флешмобы, блогерство, подписание онлайн-петиций и подобные коммуникативные практики. Выделяются следующие новые тренды политического дискурса: «горизонтальность» сетевой коммуникации с множеством центров и молодых партийных лидеров в регионах; активное использование социальных сетей с учетом их коммуникативных особенностей и приемов; вхождение в политическую тусовку «неполитических», но медийных личностей из сферы искусства, разрушающих шаблоны политической коммуникации; неожиданные, порой эксцентричные и неуместные, на первый взгляд, на официальных мероприятиях речевые практики.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** политический дискурс; политическая коммуникация; интертекстуальность; целевая аудитория; политические партии; дискурс-анализ; контент-анализ; политические деятели; тренды политического дискурса; Интернет; интернет-пространство; интернет-дискурс; интернет-тексты; интернет-коммуникация; социальные сети.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Каминская Татьяна Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет при Правительстве РФ; 125993, Россия, г.Москва, Ленинградский пр-т, д.49, ауд. 401; e-mail: [tlkam1@mail.ru](mailto:tlkam1@mail.ru).

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Каминская, Т. Л. Новые тренды в российской политической коммуникации / Т. Л. Каминская // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 12-18. — DOI 10.26170/pl20-06-01.

**БЛАГОДАРНОСТИ.** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31407 «Интернет-коммуникации российских политических партий: масштаб, содержание и динамика информационных потоков в социальных медиа».

Изучая политический дискурс как процесс речевой деятельности, связанный с политическими событиями, особое место исследователи отводят предвыборному дискурсу как его части. При этом сегодня преимущественно рассматривается медийное отражение политических событий и персон. Обзор подходов и методологическая база исследования предвыборных публикаций представлены в статье [Руженцева 2018], где предвыборная коммуникация называется «отдельным форматом» политического дискурса, привязанным к конкретному событию. При этом сама предвыборная гонка обозначается термином «разнонаправленное коммуникативное событие», во время которого увеличивается число сообщений, «сфокусированных на акторах: конкурентах

и политических событиях» [Пастухов 2016: 150—151].

Предстоящие выборы в Государственную думу 2021 года начались как коммуникативное событие в особых обстоятельствах. И не только пандемия повлияла на отказ партийных лидеров от личных встреч с избирателями в пользу увеличения активности в Интернете и расширения онлайн-коммуникации на различных медийных платформах — дискурс-анализ предвыборной гонки демонстрирует смену коммуникативной парадигмы и ее новые тренды.

Актуальный сегодня сетевой характер политической коммуникации и ее кроссплатформенность показаны нами на примере экологического дискурса [Каминская 2019]. Надо отметить, что экология как модный коммуни-

© Каминская Т. Л., 2020

кативный тренд прочно обосновалась в тематическом поле наиболее известных в России парламентских партий и совершенно новых, возникших весной 2020 г.

Об этих новых четырех партиях («За правду» Захара Прилепина, «Новые люди» Алексея Нечаева, Партия прямой демократии (ППД) разработчика компьютерных игр Вячеслава Макарова и экологическая партия «Зеленая альтернатива» московского эоактивиста Руслана Хвостова) стоит сказать особо. Аналитики и журналисты поначалу скептически отнеслись к их практически одновременной регистрации Минюстом, называя их очередным кремлевским проектом для канализации протеста. Заголовки ведущих медиа по поводу новых политических инициатив, поддержанных властью, еще в августе 2020 г. были ироничны: *Прилепин написал партию* (о партии «За правду»), *Новые люди не позвали старых* (партия «Новые люди»). «Коммерсантъ» весьма точно назвал их «партиями средней дальности», журналисты предрекали им провал на выборах: *«партии-спойлеры»*, *«новые партии, сталкиваются в регионах с равнодушием населения и ведут довольно скучные и неяркие кампании»* [Литвинова, Дюрягина 2020].

Однако результаты этих выборов, считающихся репетиционными для Думских выборов — 2021, оказались тревожными для всех «старых» партий: утраченные «Единой Россией» проценты по сравнению с 2015 г. ничего не прибавили партиям-старожилам. А новые упомянутые партии, провозглашая своим электоратом «молодежь на улицах», «до сих пор не охваченный выборами электорат», неожиданно для многих экспертов получили желаемый пятипроцентный минимум (для дальнейшего участия в выборах в Госдуму без сбора подписей) практически во всех регионах, где выдвигались. На наш взгляд, это произошло во многом благодаря смене парадигмы коммуникации.

Интервью, которое дал через день после выборов лидер «Новых людей» изданию «Медуза», разошлось цитатами по множеству СМИ и пабликов в социальных сетях [«В России либо Путин, либо Навальный. Но есть оттенки» 2020]. В нем глава новой партии (и компании «Фаберлик») говорил о таких слагаемых успеха, как *новый тип кандидатов, которые не мыслили себя в политике*, к которым *элиты были равнодушны* и которых *региональные СМИ поддержали*.

Ключевым коммуникативным трендом стал концепт *обновление*, и ключевым словом политической коммуникации становится слово **новый**. Партия «Новые люди» поместила это слово в название, а партия Захара

Прилепина «За правду!» включила слово в слоган первого партийного съезда: *Время новых людей — время новых идей*. Название «Зеленая альтернатива» также указывает на обновление и предполагает «отстройку» от «старых» партий с экологической повесткой, а лидер этой партии, Руслан Хвостов, в интервью отмечает: *Мы хотим строить современную партию нового толка. Кроме того, партия сокращенно звучит ЗА* [Колесников 2020].

На появление и активность новых партий отреагировало не только российское медиапространство, но и западная пресса. Так, например, газета «The American Conservative» назвала партию «Новые люди» *Настоящим вызовом власти Путина*, а ее руководителя с позитивной повесткой строительства партии в регионах противопоставила оппозиционеру Навальному: *Пока Алексей Навальный ухаживал за западными СМИ, Алексей Нечаев на родине строил коалицию* [Ajjan 2020].

Кстати, Навальному западные СМИ ставят в вину именно отсутствие позитивной повестки и организаторских способностей в партстроительстве. Однако всеми журналистами отмечается его умение разговаривать с молодежью на ее языке. Так, «Свободная пресса», анализируя интервью, взятое Юрием Дудем в больнице Германии у оппозиционера, подчеркивает, что *герой этот максимально приближен духовно к своей пастве. Объясню. На протяжении всего интервью Навальный вкраплял маячки: популярный современный мультимедийный фильм „Рик и Морти“, группу „Кровосток“, компьютерную игру „Контр-Страйк“, Виктора Пелевина, „Страх и ненависть в Лас-Вегасе“, фильм „Человек-паук“. Навальный, что называется, близок к интернет-народу, поэтому народ готов верить ему, ведь он культурно „свой“ <...> и в отличие от вас он смотрел „Рика и Морти“, любит компьютерные игры, носит кроссовки „Бэд Бэланс“ и пишет в своём инстаграме чакланиковские заметки, поэтому ему поверят. Так это работает* [Семашков 2020].

Политический медиадискурс сегодня как никогда акцентирует необходимость работать на молодежь как электорат. Как известно, именно эта целевая аудитория в России сегодня наиболее пассивна в плане участия в выборах. От политиков в коммуникации требуется использование тех мотивационных посылов и таких прецедентных текстов, которые понятны именно ей. Кроме того, очевидный тренд ориентации на молодежную аудиторию связан не только с провозглашением этого факта в последний год

всеми активными партиями в их группах социальных сетей, но и выдвижением в качестве лиц партии представителей молодежи. Молодые политики предлагают смелые, порой слишком эксцентричные речевые практики. Так, представляющая в Мосгордуме партию «Яблоко» Дарья Беседина пришла 12 марта 2020 г. на внеочередное заседание Думы, собранное с целью выражения одобрения поправкам в конституцию, в футболке с надписью «Обнулись», выражая таким образом несогласие с предложенным обнулением президентских сроков Владимира Путина.

В группах социальных сетей партии «Новые люди», которые, кстати, набрали более 7 тысяч подписчиков за полгода до выборов и активно обновляются, ведется рассказ о молодых лидерах партии, попавших в региональные парламенты. Публикации о лидерах и их вхождении во власть сопровождаются хештегами, один из которых — *#люди-важнее* связан с продвижением именно местных инициатив: *Половина депутатов Рязанской облдумы — дебютанты. Наш Вадим среди них. Ему 24 года, в политику он пришёл с чёткой программой: улучшить инфраструктуру всей Рязанской области, ведь чистыми и благоустроенными должны быть не только большие города.*

Анализ политического медиадискурса страны демонстрирует еще один тренд политической коммуникации, который можно обозначить как *горизонтальность*. Речь идет об *акценте на регионы* — именно этот тренд лежит и в основе гражданской журналистики в стране. В программе партии Захара Прилепина значится, что «это партия тысячи городов»; вовлечь в политику и участие в выборах людей, которые обычно не ходят на выборы, прежде всего молодых, активных и проживающих в далеких от Москвы регионах страны — таков посыл и гражданской журналистики последнего пятилетия. В название интернет-журнала «7x7» (симптоматично, что его основали и развивают молодые люди в Сыктывкаре) включено словосочетание *Горизонтальная Россия*, а слоган его — *Хватит читать Москву!* Интересно, что гражданская журналистика, работающая в формате редакций, все больше объединяется по горизонтали, делая совместные расследования и аналитику. Так, в октябре 2020 г. Межрегиональная команда журналистов (интернет-журнал «7x7», «Тайга.инфо», ТВ-2, «Четвертый сектор»), как пишут журналисты, *собрала случаи в разных регионах, чтобы понять, какими могут быть последствия несвоевременной медпомощи и какие ошибки были допущены во время первой волны коронавируса в Рос-*

*сии.* Такого рода работа с информацией является иллюстрацией к развитию в России сетевого общества, о неуправляемости которого из единого центра писал испанский социолог Кастельс [Castells 2010].

Гражданская журналистика претендует на контроль общества над правительствами и развивается как на самом локальном пространстве (городской микрорайон), так и в глобальном медиаполе (сбор и трансляция big data по разным социальным проблемам, исследования тайного бэкграунда межгосударственных решений). Она иллюстрирует этот новый тренд политической коммуникации, связанный с децентрализацией политических решений и действий (притом что ведущие федеральные СМИ исходят в публикациях из посылки «все решает Москва»).

Региональная повестка является основной и для запуска новых медийных проектов гражданской журналистики в России, блогерского гражданского движения, коммуникаций в группах социальных сетей. При этом феномен «гражданской журналистики» обретает в России свои черты и новые формы. В современных медиареалиях к гражданской журналистике относят блогинг в соцсетях. Этот тип журналистики, конечно, существует и в формате единоличного блогерства — как журналистика любителей, однако наиболее стабильно она развивается в рамках традиционных редакций как результат краудфандинговых усилий.

Термин «гражданская журналистика», или «журналистика участия» («citizen journalism», «participatory journalism»), авторами работы «We media» [Bowman, Willis 2010] применяется по отношению к действиям граждан, которые с целью предоставить независимую, надежную, точную и релевантную информацию по самым разным темам играют активную роль в процессе ее сбора, обработки и распространения. Возможно, применительно к российской ситуации наиболее подходящим представляется предложенный И. М. Дзялошинским термин для таких русскоязычных медиа — «журналистика соучастия» [Дзялошинский 2006]. Часть аккаунтов индивидуальных блогеров практически можно приравнять к авторским СМИ. О такой своей социальной идентичности авторы их, собственно, заявляют сами [Елена 2015]. И речь идет не только о собственно политических и исследовательских проектах Алексея Навального (который действует не в одиночку), а о проектах, на первый взгляд, сугубо просветительских. Так, блогер Илья Варламов, относимый к гражданским активистам и журналистам, известен своими репортажами из путешествий в авторском

канале ЖЖ (сейчас первая позиция в рейтинге «Живого журнала»). В своих публикациях он высказывается не только о социальных проблемах территорий, но и о протестах. Интересно, что зачастую, начав с репортажных зарисовок или жанра интервью (Юрий Дудь), блогеры, превратившись в «миллионников» по количеству подписчиков, дрейфуют к политическим темам и выказывают политические амбиции. Вплоть до участия в думских выборах.

С людьми из сферы искусства связан третий обозначаемый автором статьи тренд современного политического дискурса: медийными персонажами партий становятся писатели и художники, творчество которых направлено на довольно узкие целевые аудитории. Музыкант Сергей Шнуров, кинорежиссер Иван Охлобыстин, музыканты Вадим Самойлов, Юлия Чичерина и Александр Скляр, писатель Захар Прилепин и художник Василий Ложкин — представители культурной элиты — вовлекаются в партийное строительство. Само по себе определение их коммуникативных действий как партийное строительство или даже само участие в предстоящих выборах в Госдуму в интервью они отвергают, рассматривая предвыборный дискурс как своего рода шоу. Так, ответ Василия Ложкина на вопрос о мотивах вхождения в руководство партии «Зеленая альтернатива» *я за все хорошее и против всего плохого* по сути является интернет-мемом.

Прежде всего с такими людьми связана актуализация еще одного коммуникативного тренда — явления «Новая искренность», берущего как движение свое начало в литературе и расширившегося до явления медийного и даже политического. Движение вывело в публичное пространство то, что было прежде приватным. При этом такую откровенность, которая существует в Сети, люди не могут себе позволить в реальной жизни: по сути, Интернет в этом случае является инструментом, одной стороны, удовлетворения психологической потребности в откровенности, с другой — самопознания, самодиагностирования. Флешмобы 2018 г. *#MeToo*, *#янебоюсьсказать*, *#faceofdepression*, в которые были вовлечены тысячи людей, делившихся своим трагическим опытом (сексуальное насилие, попытки суицида и так далее), — пример так называемой «новой искренности» как новой коммуникационной практики. Ссылки из СМИ на публикации по этим темам массово репостятся в социальные сети и сопровождаются личными историями авторов репоста. Массовые признания о негативных сторонах жизни внешне счастливых людей, как и трансляции для

миллионов зрителей интимных сторон счастливых моментов (рождение ребенка, свадьба и т.д.), расширяют сферу публичного. По мнению исследователей, это происходит потому, что социальные институты в офлайне (школа, университет, социальные службы) сегодня частично утратили свою актуальность и не отвечают запросам общества.

Тексты о трудностях и разочарованиях, с одной стороны, компенсируют красивую картинку жизни, которую позволяет создать цифровая реальность, с другой — служат отстаиванию гражданских прав и привлекают внимание к социальным проблемам. Именно в последние два года, как указывает О. И. Иссерс, произошло «проецирование художественной концепции новой искренности на сферу политики» [Иссерс 2020: 216]. Новая искренность нарушает жанровые стандарты новогодних обращений президентов и предвыборной агитации, когда общечеловеческие ценности превалируют над идеологемами. Однако применительно к российским коммуникативным реалиям термин «новая искренность» получил ироничную коннотацию: употребляется по отношению к чиновникам, чрезмерная искренность которых не согласуется с гуманистическими идеями и миссией власти. Данное явление породило многочисленные мемы и обсуждения в новых медиа [«Новая искренность» в российской политике и ее последствия 2018] и сегодня может трактоваться как «опубликование собственных личностных оценок, табуированных в данном обществе, политиками и медийными персонами, и как следствие, наносящих вред имиджу авторов высказываний». С этим соотносится понятие триггера, который в формате дискурса власти рассматривается как «устное или письменное высказывание представителей власти, вызывающее острую негативную реакцию общественности» [Руженцева, Кошкарлова, Чудинов 2020: 100].

Примеры новой искренности, которая как коммуникативный тренд активизировалась с вовлечением в политику людей искусства, связаны с программными речами лидеров новых партий, которые мало похожи на привычные выступления партийного руководства страны. Так, советник председателя партии «За правду», актер, кинорежиссер Иван Охлобыстин в феврале на учредительном съезде начал свою речь с импровизации, связь которой с политикой трудно уловить: *Вот что хочу заметить, а стало как-то мне, как работнику кино, в этой сфере не хватать песен в кино*. После странного рассуждения о судьбах отечественного кинематографа, о невнятных кон-

цовках у кинофильмов Охлобыстин, как бы извиняясь за свою официальную миссию, объявил: *Теперь зачитаю официальную речь, не долую официальную красивую речь.* При этом «официальная речь» так же изобилвала метафорами и по стилистике была похожа скорее на отрывок из литературного произведения постмодернизма: *„Жить здесь и сейчас!“ — знает каждый русский пьяница. Мы так живём, мы безалаберные. Нас много, мы какие-то хауситы. Вот если рисовать Россию, что это такое: диск, обломан край и корни деревьев в космос, свисающие провода, какие-то телефоны.*

Политические споры и возражения конкурентам ведутся на поэтическом языке метафор и рифм. В январе медийное лицо партии «Новые люди» Сергей Шнуров опубликовал в своем «Instagram» стихотворение о новой партии «За правду». Первую часть стихотворения музыкант посвятил руководителям конкурентов, с иронией напомнив, что Охлобыстин, помимо актерского ремесла, увлекался богослужением и политикой: *Был попом, потом интэрном, // Но всегда топил за власть. // Помогало сильно верно, // И веревочка свилась. // Звали его вроде Ваня, // Только что снимался в шоу, // Воевал он на диване, // Выпивал на посошок.* Заключил поэтический памфлет Шнуров сравнением представителей партии с гротескными персонажами из поэмы Гоголя «Мертвые души» и произведений Булгакова.

Новые поколения (которые принято обозначать буквами латинского алфавита Y и Z), которым адресованы тексты с приведенными в данной статье примерами, черпают информацию из неподконтрольных власти социальных сетей и чужды политических штампов. Практика коммуникации комсомольской и партийной бюрократии из советских времен (взятая на вооружение объединениями «Наши», «Молодая гвардия» в начале текущего века) больше не работает. Отмечая равнодушие молодежи к политике (см. публикацию газеты «Ведомости» от 30 апреля 2020 г. по результатам исследования «Российское „поколение Z“: установки и ценности», проведенного немецким Фондом им. Фридриха Эберта совместно с «Левада-центром» [Мухаметшина 2020]), эксперты среди причин политической индифферентности молодежи указывают *изжившие себя формы коммуникации и новые коммуникативные запросы: политические флешмобы, блогерство, подписание онлайн-петиций и подобные коммуникативные практики.*

Таким образом, можно заключить, что российский предвыборный дискурс демонст-

рирует новые тренды политической коммуникации, которые отражены прежде всего в медийном пространстве и связаны с выходом на авансцену политики новых поколений с новыми коммуникативными установками, коммуникативным опытом и новыми ожиданиями от власти. Среди трендов очевидны:

- «горизонтальность» сетевой коммуникации с множеством центров и молодых партийных лидеров в регионах;
- активное использование социальных сетей с учетом их коммуникативных особенностей и приемов;
- вхождение в политическую тусовку «неполитических», но медийных личностей из сферы искусства, разрушающих шаблоны политической коммуникации;
- неожиданные, порой эксцентричные и неуместные, на первый взгляд, на официальных мероприятиях речевые практики.

#### ИСТОЧНИКИ

1. «В России либо Путин, либо Навальный. Но есть оттенок» // Медуза. — 2020. — 15 сент. — URL: <https://meduza.io/feature/2020/09/16/v-rossii-libo-putin-libo-navalnyy-no-est-ottenki>. — Текст : электронный.
  2. Елена (редактор). Илья Варламов превратил свой блог в авторское СМИ / Елена. — Текст : электронный // The Village. — 2015. — 15 июня. — URL: <https://www.the-village.ru/city/city/216401-varlamov>.
  3. Колесников, Р. Еще одна «Зеленая альтернатива». Нужна ли России новая экологическая партия? / Р. Колесников. — Текст : электронный // Федерал Пресс. — 2020. — 11 марта. — URL: <https://fedpress.ru/article/2450282>.
  4. Литвинова, М. Партии средней дальности. От четырех новых проектов ждут хотя бы по одной победе на осенних выборах / М. Литвинова, К. Дюрягина. — Текст : электронный // Коммерсантъ. — 2020. — № 144 от 13 авг. — URL: <https://www.kommersant.ru/amp/4451088>.
  5. Мухаметшина, Е. Более 80% российской молодежи равнодушны к политике / Елена Мухаметшина. — Текст : электронный // Ведомости. — 2020. — 30 апр. — URL: <https://yandex.ru/turbo/vedomosti.ru/s/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni>.
  6. «Новая искренность» в российской политике и ее последствия / Свободные новости // Рамблер/новости. — 2018. — 23 нояб. — URL: [https://news.rambler.ru/other/41319119-novaya-iskrennost-v-rossiyskoy-politike-i-ee-posledstviya/?article\\_index=1](https://news.rambler.ru/other/41319119-novaya-iskrennost-v-rossiyskoy-politike-i-ee-posledstviya/?article_index=1). — Текст : электронный.
  7. Семашков, Р. «За моим отравлением стоит лично Путин». Комикс Алексея Навального / Р. Семашков. — Текст : электронный // Свободная пресса. — 2020. — 7 окт. — URL: [https://svpressa.ru/politic/article/277957/?fbclid=IwAR0I6fjWgdVX\\_Z\\_e41yzekW-z1eh45XhLS0ceuCrbBwzAPtYzNKVrRTjupI](https://svpressa.ru/politic/article/277957/?fbclid=IwAR0I6fjWgdVX_Z_e41yzekW-z1eh45XhLS0ceuCrbBwzAPtYzNKVrRTjupI).
  8. Ajjan, G. The Real Challenge to Putin's Power / George Ajjan. — Text : electronic // The American Conservative. — 2020. — 3 Oct. — URL: <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-real-challenge-to-putins-power/>.
- #### ЛИТЕРАТУРА
9. Дзялошинский, И. М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям / И. М. Дзялошинский. — Москва : Престиж, 2006. — 104 с. — Текст : непосредственный.
  10. Иссерс, О. И. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации / О. И. Иссерс. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2020. — Т. 19. — № 6. — С. 216—227.
  11. Каминская, Т. Л. Коммуникативные тренды российского экологического PR / Т. Л. Каминская. — Текст : непосредственный // Мир русского слова. — 2019. — № 2. — С. 32—36.

12. Пастухов, А. Г. Актеры современного медиаполитического дискурса: о роли политиков, элит, общественности и медиа в формировании критического восприятия действительности / А. Г. Пастухов. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 3. — С. 149—155.

13. Руженцева, Н. Б. Политические и коммуникативные стратегии в печатных предвыборных материалах / Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 2 (68). — С. 18—28.

14. Руженцева, Н. Б. Триггеры в дискурсе власти и их отражение в СМИ / Н. Б. Руженцева, Н. Н. Кошкарлова, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Язык и культура. — 2020. — № 50. — С. 99—114.

15. Bowman, S. We Media: How audiences are shaping future of news and information / S. Bowman, C. Willis. — July 2003. — URL: [http://www.hypergene.net/wemedia/download/we\\_media.pdf](http://www.hypergene.net/wemedia/download/we_media.pdf). — Text : electronic.

16. Castells, M. The Power of Identity / M. Castells. — Text : electronic // The Information Age: Economy, Society and Culture. — Wiley-Blackwell, 2010. — Vol. II. — URL: [http://gendocs.ru/v9374/manuel\\_castells\\_end\\_of\\_millennium\\_the\\_information\\_age\\_economy\\_society\\_and\\_culture\\_vol\\_iii](http://gendocs.ru/v9374/manuel_castells_end_of_millennium_the_information_age_economy_society_and_culture_vol_iii); URL: 10.04.2019.

**T. L. Kaminskaya**

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8331-8687 

 **E-mail:** [tlkam1@mail.ru](mailto:tlkam1@mail.ru).

## New Trends in Russian Political Communication

**ABSTRACT.** *By means of content and discourse analysis of various online platforms, the article studies transformations and new trends in the political discourse, taking place on the eve of the parliamentary elections and brought about by the change in the Russian political situation. The urgency of the study can be attributed to the emergence and political achievements of the new parties (“Za Pravdu” (For Truth) established by Zakhar Prilepin, “Novye Lyudi” (New People) established by Aleksey Nechaev, The Direct Democracy Party established by Vyacheslav Makarov and the ecological party “Zelenaya Alternativa” (Green Alternative) established by the Moscow ecoactivist Ruslan Khvostov), activation of the civil journalism and involvement of young people in political discourse. New generations (notoriously identified with the Latin letters Y and Z) get information from social networking sites uncontrolled by the authorities and avoid using political clichés. The practical communication of the Komsomol and party bureaucracy of the Soviet times (borrowed by the unions “Nashi” (Ours!) and “Molodaya gvardiya” (Young Guards) early in this century) no longer works. New communicative demands manifest themselves in such forms as political flash mobs, blogging, signing online petitions and the like. The following new trends of political discourse are singled out: “horizontal” organization of networking communication with a variety of centers and young party leaders in the regions; active use of social networks with reference to their communicative peculiarities and techniques; inclusion of “non-political” but famous media personalities from the sphere of art in political intercourse, who violate the political communication clichés; unexpected, sometimes even eccentric and improper (at first sight) speech practices at official events.*

**KEYWORDS:** *political discourse; political communication; intertextuality; target audience; political parties; discourse analysis; content analysis; politicians; political discourse trends; Internet; Internet space; Internet discourse; Internet texts; Internet communication; social networks.*

**AUTHOR’S INFORMATION:** *Kaminskaya Tat’yana Leonidovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Mass Communications and Media Business, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

**FOR CITATION:** *Kaminskaya, T. L. New Trends in Russian Political Communication / T. L. Kaminskaya // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 12-18. — DOI 10.26170/pl20-06-01.*

**ACKNOWLEDGMENTS.** *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISI) within scientific project № 20-011-31407 “Internet Communication of Russian Political Parties: Volume, Content and Dynamics of Information Flows in Social Media”.*

### MATERIALS

1. “In Russia, either Putin or Navalny. But there are shades” // Medusa. — 2020. — 15 Sept. [«V Rossii libo Putin, libo Navalnyy. No est' ottenki» // Meduza. — 2020. — 15 sent.]. — URL: <https://meduza.io/feature/2020/09/16/v-rossii-libo-putin-libo-navalny-no-est-ottenki>. — Text : electronic. — (In Rus.)

2. Elena (editor). Ilya Varlamov Turned His Blog into an Author’s Media / Elena. — Text : electronic // The Village. — 2015. — June 15. [Elena (redaktor). Il’ya Varlamov prevratil svoy blog v avtorskoe SMI / Elena. — Tekst : elektronnyy // The Village. — 2015. — 15 iyunya]. — URL: <https://www.the-village.ru/city/city/216401-varlamov>. — (In Rus.)

3. Kolesnikov, R. Another “Green Alternative”. Does Russia Need a New Environmental Party? / R. Kolesnikov. — Text : electronic // Federal Press. — 2020. — March 11. [Eshche odna «Zelenaya alternativa». Nuzhna li Rossii novaya ekologicheskaya partiya? / R. Kolesnikov. — Tekst : elektronnyy // Federal Press. — 2020. — 11 marta]. — URL: <https://fedpress.ru/article/2450282>. — (In Rus.)

4. Litvinova, M. Medium-range Parties. Four New Projects are Expected to Have at Least One Victory in the Autumn Elections / M. Litvinova, K. Dyuryagin. — Text : electronic // Kommersant. — 2020. — No. 144, August 13. [Partii sredney dal’nosti. Ot chetyrekh novykh proektov zhdu khotya by po odnoy pobede na osennikh vyborakh / M. Litvinova, K. Dyuryagina. — Tekst : elektronnyy // Kommersant”. — 2020. — № 144 ot 13 avg.]. — URL: <https://www.kommersant.ru/amp/4451088>. — (In Rus.)

5. Mukhametshina, E. More than 80% of Russian Youth are Indifferent to Politics / Elena Mukhametshina. — Text : electronic // Vedomosti. — 2020. — Apr. 30. [Bolee 80% rossiyskoy molodezhi ravnodushny k politike / Elena Mukhametshina. — Tekst : elektronnyy // Vedomosti. — 2020. — 30 apr.]. — URL: <https://yandex.ru/turbo/vedomosti.ru/s/society/articles/2020/04/29/829352-molodezhi-ravnodushni>. — (In Rus.)

6. “New Sincerity” in Russian Politics and Its Consequences / Free News // Rambler / news. — 2018. — Nov 23. [«Novaya iskrennost’» v rossiyskoy politike i ee posledstviya / Svobodnye novosti // Ramb-

ler/novosti. — 2018. — 23 noyab.]. — URL: [https://news.rambler.ru/other/41319119-novaya-iskrennost-v-rossiyskoy-politike-i-ee-posledstviya/?article\\_index=1](https://news.rambler.ru/other/41319119-novaya-iskrennost-v-rossiyskoy-politike-i-ee-posledstviya/?article_index=1). — Text : electronic. — (In Rus.)

7. Semashkov, R. “Putin is personally behind my poisoning.” Comic Strip by Alexei Navalny / R. Semashkov. — Text : electronic // Free press. — 2020. — Oct. 7. [«Za moim otravleniem stoit lichno Putin». Komiks Aleksey Naval'nogo / R. Semashkov. — Tekst : elektronnyy // Svobodnaya pressa. — 2020. — 7 okt.]. — URL: [https://svpressa.ru/politic/article/277957/?fbclid=IwAR0I6fjWgdVX\\_Z\\_e41yzeKw-z1eh45XhLS0ceuCr bBwzAPtYzNKVrRTjupI](https://svpressa.ru/politic/article/277957/?fbclid=IwAR0I6fjWgdVX_Z_e41yzeKw-z1eh45XhLS0ceuCr bBwzAPtYzNKVrRTjupI). — (In Rus.)

8. Ajjan, G. The Real Challenge to Putin's Power / George Ajjan. — Text : electronic // The American Conservative. — 2020. — 3 Oct. — URL: <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-real-challenge-to-putins-power/>.

#### REFERENCES

9. Dzyaloshinskiy, I. M. Journalism of Complicity. How to Make the Media Useful to People / I. M. Dzyaloshinsky. — Moscow : Prestige, 2006. — 104 p. — Text : unmediated. [Zhurnalistika souchastiya. Kak sdelat' SMI poleznymi lyudyam / I. M. Dzyaloshinskiy. — Moskva : Prestizh, 2006. — 104 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Issers, O. I. Faces of “New Sincerity” in Modern Political Communication / O. I. Issers. — Text : unmediated // Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. — 2020. — Vol. 19. — No. 6. — P. 216—227. [Grani «novoy iskrennosti» v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii / O. I. Issers. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. — 2020. — T. 19. — № 6. — S. 216—227]. — (In Rus.)

11. Kaminskaya, T. L. Communicative Trends of Russian Environmental PR / T. L. Kaminskaya. — Text : unmediated // World of the Russian Word. — 2019. — No. 2. — P. 32—36. [Kommunikativnye trendy rossiyskogo ekologicheskogo PR / T. L. Kaminskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Mir russkogo slova. — 2019. — № 2. — S. 32—36]. — (In Rus.)

12. Pastukhov, A. G. Actors of Modern Media-political Discourse: on the Role of Politicians, Elites, the Public and the Media in the Formation of a Critical Perception of Reality / A. G. Pastukhov. — Text : unmediated // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. — 2016. — No. 3. — P. 149—155. [Aktory sovremennogo mediapoliticheskogo diskursa: o roli politikov, elit, obshchestvennosti i media v formirovaniy kriticheskogo vospriyatiya deystvitel'nosti / A. G. Pastukhov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. — 2016. — № 3. — S. 149—155]. — (In Rus.)

13. Ruzhentseva, N. B. Political and Communicative Strategies in Printed Election Materials / N. B. Ruzhentseva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2018. — No. 2 (68). — P. 18—28. [Politicheskie i kommunikativnye strategii v pechatnykh predvybornykh materialakh / N. B. Ruzhentseva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2018. — № 2 (68). — S. 18—28]. — (In Rus.)

14. Ruzhentseva, N. B. Triggers in the Discourse of Power and Their Reflection in the Media / N. B. Ruzhentseva, N. N. Koshkarova, A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Language and Culture. — 2020. — No. 50. — P. 99—114. [Triggery v diskurse vlasti i ikh otrazhenie v SMI / N. B. Ruzhentseva, N. N. Koshkarova, A. P. Chudinov. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk i kul'tura. — 2020. — № 50. — S. 99—114]. — (In Rus.)

15. Bowman, S. We Media: How audiences are shaping future of news and information / S. Bowman, C. Willis. — July 2003. — URL: [http://www.hypergene.net/wemedia/download/we\\_media.pdf](http://www.hypergene.net/wemedia/download/we_media.pdf). — Text : electronic.

16. Castells, M. The Power of Identity / M. Castells. — Text : electronic // The Information Age: Economy, Society and Culture. — Wiley-Blackwell, 2010. — Vol. II. — URL: [http://gendocs.ru/v9374/manual\\_castells\\_end\\_of\\_millennium\\_the\\_information\\_age\\_economy\\_society\\_and\\_culture\\_vol\\_iii](http://gendocs.ru/v9374/manual_castells_end_of_millennium_the_information_age_economy_society_and_culture_vol_iii); URL: 10.04.2019.

**Н. И. Клушина**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия  
ORCID ID: 0000-0002-4666-5433  **E-mail:** nklushina@mail.ru.

## Мультимедиаальный код языка и его роль в политической лингвистике

**АННОТАЦИЯ.** Развитие интернет-технологий и мультимедиа делает возможным создание текстов, синтезирующих в себе знаки различных кодов, как вербальных, так и невербальных, буквенных и небуквенных. Это позволяет выдвинуть гипотезу о формировании в коммуникативном пространстве Интернета нового, мультимедиаального кода языка. Данный код рассматривается как закономерный этап развития человеческой коммуникации в новых технологических условиях, а не как антропогресс. Например, мультимедиаальный код усложняет традиционную пунктуационную систему языка, интегрируя в нее эмодзи, стикеры и другие мультимедиаальные знаки в функции запятых, точек, многоточий и т. п. Мультимедиаальная стилистика видит в новом коммуникативном коде языка потенции усиления экспрессии и выразительности. Разграничиваются термины «мультимедиаальный текст» и «мультимодальный текст»: мультимедиаальный текст возник на базе мультимедиа и является продуктом мультимедийных технологий, которые формируют сложный синкретичный код медиакоммуникации за счет инкорпорации знаков различной медийной природы, а мультимодальный текст не обязательно относится к медийным. Мультимедиаальные тексты, которые одновременно являются поликодовыми и мультимодальными, вызывают симультанный эффект, оказывающий серьезное воздействие на адресата. Данное свойство мультимедиаальных текстов активно используется в политической коммуникации. Особый интерес для политической лингвистики представляют интернет-мемы и мультимедиаальные статьи, которые становятся инструментами современных политехнологий. Мем, генетически связанный с карикатурой, создается не художниками, а любым человеком, овладевшим мультимедийными интернет-технологиями; преимущество мема — в скорости распространения, охвате аудитории (в этом мем сближается с политическим анекдотом) и интерактивной реакции на политическое послание. Мультимедиаальный код в интернет-статьях работает не только на восприятие информации всеми органами чувств, но и повышает достоверность, например за счет использования видеофрагментов.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Интернет; интернет-пространство; интернет-дискурс; интернет-тексты; интернет-коммуникация; социальные сети; мультимедиа; мультимедиаальный код; политический дискурс; медиадискурс; медиатексты; мультимедиаальная стилистика; мультимедиаальные знаки; интернет-мемы; мультимедиаальные тексты; мультимодальные тексты; политическая лингвистика; политическая коммуникация.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Клушина Наталья Ивановна, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1; e-mail: nklushina@mail.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Клушина, Н. И. Мультимедиаальный код языка и его роль в политической лингвистике / Н. И. Клушина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 19-25. — DOI 10.26170/pl20-06-02.

**БЛАГОДАРНОСТИ.** Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-012-00077 «Креативная функция языка в интернет-коммуникации».

### 1. ВВЕДЕНИЕ. ПОНЯТИЕ МУЛЬТИМЕДИААЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСТИЛИСТИКЕ

Интернет-коммуникация шире любой другой коммуникации в силу своей конвергентной природы. Она может соединять в себе все доступные коды: аудиальный, визуальный, аудиовизуальный, — с помощью которых кодируется и считывается информация. Но помимо разных кодов, в интернет-коммуникации для передачи сообщения активно используются и разные кодовые системы: буквенные, пунктуационные и небуквенные, например математические, химические и включающие другие символы, а также рисунки, графики, анимация и т. п. Таким образом,

мультимедиаальность, или мультимедийность, можно трактовать как объединение в интернет-тексте знаков различных кодовых систем.

В современной медиастилистике формируется новая область — мультимедиаальная стилистика (Б. Тошович, Н. И. Клушина, В. Е. Чернявская, А. В. Николаева и др. [Тошович 2018; Клушина, Николаева 2020; Чернявская 2013, 2015]), в которой изучается функционирование в интернет-коммуникации знаков различной семиотической природы (вербальных и невербальных, буквенных и небуквенных), а также знаков различных кодов — цвета, шрифта, символов и т. п.

С точки зрения мультимедиаальности, при широком ее понимании, можно рассматривать любой текст, в котором, кроме букв, имеются

рисунки, фотографии и другие знаки небуквенной природы. Средневековый текст также может рассматриваться как мультимедиаальный (например, рукописная Библия включает цвет, дизайн заглавной буквы и другие мультимедиаальные элементы). Но с развитием интернет-коммуникации, и в частности мультимедиаальных технологий, мультимедиаальность стала ведущей чертой именно Интернета.

Сам термин *мультимедиаальность* является новым, поскольку описывает свойство современных мультимедиа, под которыми понимают «совокупность компьютерных технологий, одновременно использующих несколько информационных сред: графику, текст, видео, фотографию, анимацию, звуковые эффекты, высококачественное звуковое сопровождение» [Мультимедиа www].

Б. Тошович определяет мультимедиа следующим образом: «Мультимедиа — комплексный вид коммуникации, в котором объединяются знаки, символы, коды, средства различных видов устного и письменного общения — буквенные (базовые и факультативные) и небуквенные: а) иконические символы, б) устные (записи голосов / песен, звуков животных и природы), в) визуальные и аудиовизуальные (графики, иллюстрации, карикатуры, чертежи, рисунки, картины, фотографии, скриншоты, аватары, виджеты, комиксы, клипы, клипарты, анимации, презентации, фильмы, гифы, трейды, лайны / лайнарты, хэдшоты, фуллбоди, кирибаны, коллабы, ... видеоприколы, видеопоздравления, видеопародии, нарезки из фильмов и мультфильмов, анимационные открытки, музыкальные открытки, аудиокниги, видеомотиваторы, мемы, мультики, притчи, рассказы, рекламы, ролики, трейлеры, вайны, заставки, стихи и т. п.)» [Тошович 2018: 132]. Как видим, само по себе определение мультимедиа показывает, насколько разнообразны мультимедиаальные ресурсы для выстраивания коммуникации.

Мультимедиаальность в интернет-коммуникации дает возможность проявления стилистического потенциала интернет-текста на каждом уровне его кодирования: вербальном, визуальном, аудиальном и других, что приводит к мощному мультимодальному воздействию, т. е. воздействию на все органы восприятия информации.

## 2. КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ — ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ — МУЛЬТИМЕДИААЛЬНЫЙ/ МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ТЕКСТ

Предмет интернет-стилистики — гипертекст. Предмет мультимедиаальной стилистики — мультимедиаальный текст.

Предшественниками мультимедиаального текста являются креолизованный и (в другой терминологии) поликодовый тексты.

Понятие поликодового текста коррелирует с понятием «креолизованный текст». Эти два термина можно считать синонимами. Отличаются они временем вхождения в научный терминологический аппарат стилистики текста.

Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов креолизованные тексты трактуют как тексты, в которых визуальный иконический элемент «интегрирован в вербальное сообщение в содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом аспектах» [Сорокин, Тарасов 1990: 180].

Термин *креолизованный текст*, как излишне метафоричный, постепенно вытесняется термином *поликодовый текст*.

Поликодовый текст — текст, в котором информация передается с помощью различных кодов (аудиального, визуального, вербального), причем они тесно переплетены.

Наиболее яркими примерами поликодового текста являются рекламные тексты, а также тексты телевизионные, в которых вербальный код объединен с визуальным (реклама) или с визуальным и аудиальным (телевидение). Важная особенность поликодового текста состоит в том, что все коды в нем должны быть взаимосвязаны, но не дублировать друг друга. Поликодовый текст по своей природе синкретичен.

Мультимедиаальный текст — следующая ступень в развитии поликодового текста, поскольку в вербальный код текста, обычно состоящий из букв и пунктуационных знаков, добавляются небуквенные символы (#, @, % и т. п.), иконические знаки предметов (📺), компрессированные знаки эмоций (эмодзи и смайлики), знаки — субституты морфологических форм (вместо слова *люблю* вставляется сердечко ♥ и др.).

Аудиальный код также расширяется, в том числе из-за монтажа различных голосовых врезок, визуальный код дополняется анимацией, «гифками» и прочими визуальными знаками. Таким образом, поликодовый текст усложняется и эволюционирует в текст мультимедиаальный, в котором контаминируются знаки различных информационных систем. Мультимедиаальный текст — продукт конвергенции медиа. В интернет-коммуникации практически все тексты мультимедиаальные.

Мы полагаем, что необходимо дифференцировать термины «мультимедиаальный текст» и «мультимодальный текст». В современных зарубежных и российских исследованиях они синонимичны и взаимозаменяемы, как в свое время термины «стиль» и «дискурс». С точки зрения научной перспек-

тивы нам представляется необходимым указать на неполное совпадение и несинонимичность данных понятий. Мультимедиа́льный текст возник на базе мультимедиа и является продуктом мультимедийных технологий, которые формируют сложный синкретичный код медиакоммуникации за счет инкорпорации знаков различной медийной (sic!) природы. Основная среда его бытования — медиа. Мультимодальный текст не обязательно медийный. В основе данного термина — модальность восприятия полисемиотического текста. Мультимодальный текст считывается всеми органами чувств, что способствует симультанности его восприятия, оказывающей множественный эффект на адресата. Мультимедиа́льный текст при таком понимании является в то же время и мультимодальным.

Мультимедиа́льность усиливает стилистический потенциал текста, поскольку каждый мультимедиа́льный знак несет в себе новую, небуквенную информацию, что позволяет разнообразить стилистические ресурсы современного языка.

Б. Тошович намечает стилистические перспективы мультимедиа́льности, связанные с соотношением мультимедиа́льности и экспрессивности, с типами экспрессивного воздействия при кодовом переключении, а также с развитием картинке в тексте и текста в картинке, подчеркивает стилистическую значимость «проникновения оральной структуры в линейную структуру письменной речи, языка тела и его мультимедиа́льной транспозиции, ... стилевую ценность эмотиконов, смайликов и их функционирование в текстуальном окружении, карикатуры как мультимедиа́льной экспрессы», поднимает и другие вопросы развития мультимедиа́льной стилистики [Тошович 2018: 132, 133]. Таким образом, мультимедиа́льный текст выдвигается в центр современных стилистических исследований.

### 3. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МУЛЬТИМЕДИА́ЛЬНОСТИ

Стилистический потенциал мультимедиа́льности очень высок. «Мультимедиа́льность представляет собой важный источник стилистического материала, в первую очередь экспрессивности и выразительности. Объединением различных кодовых систем и / или их элементов создаются стилистические эффекты (неожиданность, обманутое ожидание, новизна), языковое выражение становится более разнообразным, расширяются возможности стилевого варьирования, возникают условия для более экономного, сжатого высказывания» [Тошович 2018: 147].

Мультимедиа́льность становится ведущей чертой не только медиатекстов, но и рекламных текстов. Появляется специфический жанр журналистики — мультимедиа́льная история, или лонгрид. Мультимедиа́льность проникает в язык и стиль художественной литературы. Например, бурное развитие получает сегодня визуальная сетевая поэзия, а также так называемые фанфики (фанфикшен-литература), представляющие собой любительские версии известных произведений, в которые сегодня все чаще включаются различные мультимедиа́льные коды, например, вместо описания внешности героя вставляется его визуальный портрет и т. п.

Проникла мультимедиа́льность и в сферу спонтанного бытового письменного общения на различных интернет-площадках — в соцсетях, мессенджерах, чатах, блогах, т. е. в неофициальной части Интернета, где частотное использование эмодзи, смайликов, гифок, лайков, хештегов и других мультимедиа́льных знаков. Эти специфические интернет-символы становятся настолько популярны, что из онлайн переносятся в офлайн как стилистические приемы офлайн-коммуникации (например, хештеги, лайки, сердечки на улицах городов, маркирующие значимые события, на которые необходимо обратить внимание).

Такое широкое применение мультимедиа́льности стало возможным только из-за развития Интернета с его конвергентной природой, позволяющей участникам коммуникации легко объединять и переключать коды различных систем без ущерба для смысла.

Таким образом, в интернет-коммуникации формируется особый мультимедиа́льный язык, который начинает активно использоваться и за пределами Интернета.

Все это говорит о возрастании авторитета интернет-коммуникации и ее влиянии на дальнейшее развитие языка. На первый взгляд упрощенная, нередко анимизированная, визуализированная, цветная, символическая коммуникация в Интернете не есть свидетельство детскости коммуникации, напротив, мультимедиа́льность говорит об усложнении смысла при упрощении, визуализации или транспозиции формы выражения. Мультимедиа́льный текст задействует не только различные каналы и коды для считывания информации (зрительный, аудиальный, буквенный), но и различные смыслы, заложенные в цвет, шрифт, графику и т. д.

Таким образом, мультимедиа́льная стилистика раскрывает новый стилистический потенциал интернет-коммуникации, которая построена на конвергенции мультимедиа и использовании различных знаковых систем в едином мультимедиа́льном тексте.

## Западные СМИ назвали Лукашенко председателем колхоза



Рис. 1

### 4. МУЛЬТИМЕДИАЛЬНЫЙ КОД ЯЗЫКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Мультимедийность современного медиадискурса распространяется и на политическую коммуникацию, предоставляя ей всё большие возможности для тотального воздействия на массовую аудиторию.

Сформированные Интернетом жанры «мем» и «лонгрид» по своей форме являются мультимедийными и имеют серьезные преимущества перед традиционными жанрами, в которые ранее «упаковывался» политический контент (например, публицистическая статья, интервью с политиком и т. п.). Мем и лонгрид противопоставлены по критерию краткости / полноты представленного контента, но эти жанры объединяет мультимедийная составляющая, которая придает наглядность, даже красочность содержанию. Прототипическим жанром для политического мема вполне возможно считать политическую карикатуру. Ирония, оценочность, комичность присущи в равной мере как мему, так и карикатуре, визуальная составляющая и лаконичность формы также объединяют данные жанры. Но если карикатура находится на фронтире художественного искусства и политики, то мем создается не художниками, а любым человеком, овладевшим мультимедийными интернет-технологиями, именно поэтому мем является репрезентантом мультимедийного кода коммуникации. Например, мем, синтезирующий (на основе монтажа по принципу коллажа) телевизионный кадр с портретом добродушно улыбающегося А. Г. Лукашенко, заголовок из газеты «Западные СМИ назвали Лукашенко председателем колхоза» и цитаты из речи прези-

дента Белоруссии, становится демотиватором негативного имиджа политика (рис. 1).

Преимущества мема — в скорости распространения, охвате аудитории (здесь мем сближается с политическим анекдотом) и интерактивной реакции на политическое послание, а также легкости создания данного жанра любым человеком, владеющим новыми технологиями. Мем полностью отвечает современным запросам интернет-пользователей, к которым в основном относится активная молодежь, и становится одним из важнейших жанров в политической коммуникации, активно воздействующим на политическое сознание молодого поколения. Мемы создают смеховую политическую культуру и становятся инструментом политтехнологий. Данный жанр раскрывает весь лингвокреативный потенциал нового мультимедийного кода современного языка.

Лонгрид, или мультимедийная история, — еще один жанр, который становится важным и актуальным в политической коммуникации, он также создается с помощью мультимедийного кода. В чистом виде лонгрид практически не используется, его, как и в случае с мемом и карикатурой, можно считать прототипическим жанром для современной интернет-статьи. Достаточно большой объем и, главное, мультимедийная составляющая — те черты, которые позволяют говорить о генетической связи современных публицистических статей в Интернете с лонгридом.

Жанр статьи в Интернете становится мультимедийной историей. Как пример приведем скриншот статьи из интернет-версии газеты «Известия» (рис. 2).



Рис. 2

Использование в статье видеофайлов с выступлениями Лукашенко раздвигает границы текста, значительно увеличивает объем статьи, делая ее соотносимой с объемами и жанровыми характеристиками лонгрида. Мультимедиа в таких статьях работает не только на восприятие информации всеми органами чувств (что обеспечивает мультимодальность мультимедиа), но и решает проблему достоверности: вы все видите собственными глазами. Поэтому мультимедийные статьи также становятся инструментом политтехнологий, использующих категорию достоверности как одну из возможностей манипулирования контекстом.

Природа мультимедиа, опирающегося на синкретизм в создании текста и мультимодальность его восприятия, настолько сложна, что может приводить к непредсказуемым эффектам. Поэтому мы видим свою задачу не только в формулировании идеи нового мультимедиа, но и в необходимости изучения эффектов, которые он может породить. Если художественная условность языка карикатуры в какой-то мере снимает с автора ответственность за другое, чем он задумывал, прочтение, то мультимедиа, с имманентной презумпцией достоверности, может вызвать негативный эффект.



Рис. 3

Как пример можно привести пост Марии Захаровой, созданный с помощью мультимедиа (кадр из фильма «Основной инстинкт», протокольное фото встречи Вучича и Трампа и вербальная интерпретация данного политического события) и вызвавший дипломатический скандал (рис. 3).

## ВЫВОДЫ

Интернет спровоцировал, породил и упрочил цивилизационный слом, который сопровождается в том числе не просто развитием современного языка, а его качественной трансформацией, позволяющей говорить о новом коде коммуникации.

С точки зрения культуры речи изменения языка, происходящие в интернет-пространстве, многими современными учеными описываются как регресс, «возвращение в пещеру». Мы с осторожностью относимся именно к такому пониманию интернет-коммуникации — как коммуникативного пространства, негативно воздействующего на современный язык. Нам коммуникативное пространство Интернета представляется скорее ретортами для формирования нового, мультимедиа, который технически стал возможным только с развитием мультимедиа. Мультимедиа, на наш взгляд, является не упрощением, а, наоборот, усложнением языка, поскольку ин-

тегрирует в себе знаки различной семиотической природы: как буквенные, так и небуквенные, вербальные и невербальные, как письменные, так и аудиальные и визуальные, что позволяет задействовать все органы восприятия послания и тем самым усилить воздействующий эффект. Мультимедиа-код к тому же усложняет традиционную пунктуационную систему языка, интегрируя в нее эмодзи, стикеры и другие мультимедиа-знаки в функции запятых, точек, многоточий и т. п. В нашем понимании мультимедиа-код языка способствует симультанному считыванию и восприятию сообщения, поэтому с этих позиций он отвечает важнейшему закону экономии речевых усилий за счет компрессии формы кодирования и выражения смысла. Маклюэн будущее «расширение человека» видел в том числе и в передаче мысли без словесного оформления. Мультимедиа-код может быть первым шагом в это будущее.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е. Е. Анисимова. — Москва : Academia, 2003. — 122 с. — Текст : непосредственный.
2. Артемова, Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Артемова Е. А. — Волгоград, 2002. — 237 с.
3. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. / М. Б. Ворошилова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 193 с.
4. Гончарова, Е. А. Медиа-аспект модуля формулирования текста как проблема стилистики / Е. А. Гончарова. — Текст : непосредственный // СТИЛ. — Белград, 2008. — Вып. 7. — С. 11—20.
5. Клушина, Н. И. Введение в интернет-стилистику / Н. И. Клушина, А. В. Николаева. — Москва : Флинта, 2020. — 240 с. — Текст : непосредственный.

#### N. I. Klushina

M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia  
ORCID ID: 0000-0002-4666-5433 

 **E-mail:** nklushina@mail.ru.

6. Максименко, О. И. Поликодовый vs. креолизованный текст: проблема терминологии / О. И. Максименко. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2012. — № 2. — С. 93—102. — Текст : непосредственный.

7. Мичурин, Д. Е. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов) : дис. ... канд. филол. наук / Мичурин Д. Е. — Тверь, 2014. — 162 с. — Текст : непосредственный.

8. Мультимедиа // Финансовый словарь. — URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin\\_enc/25382](https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/25382). — Текст : электронный.

9. Мультимедиа-стилистика. — Бая Лука, 2018. — 174 с. — Текст : непосредственный.

10. Омеляненко, В. А. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности / В. А. Омеляненко, Е. Н. Ремчукова. — Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. — 2018. — № 3 (17). — С. 66—78. — DOI 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78.

11. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — Текст : непосредственный // Оптимизация речевого воздействия. — Москва, 1990. — С. 178—187.

12. Сорокина, Ю. В. Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса / Ю. В. Сорокина. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2017. — № 10 (76). — Ч. 1. — С. 168—170.

13. Тошович, Б. Мультимедиа-стилистика / Б. Тошович. — Текст : непосредственный // Мультимедиа-стилистика. — Бая Лука, 2018. — С. 131—152.

14. Чернявская, В. Е. Медиа-ность: опыт осмысления формирующейся парадигмы в лингвистике / В. Е. Чернявская — Текст : электронный // Медиалингвистика. — 2015. — № 1 (6). — С. 7—14. — URL: <https://medialing.ru/medialnost-opyt-osmysleniya-formiruyushchejsya-paradigmy-v-lingvistike/> (дата обращения: 13.10.2020).

15. Чернявская, В. Е. Медиа-поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты / В. Е. Чернявская. — Текст : электронный // Вестник Иркутского университета. — 2013. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialnyu-povorot-v-lingvistike-polikodovye-i-gibridnye-teksty/> (дата обращения: 13.10.2020).

16. Jäger, L. Medialität und Mentalität. Theoretische und empirische Studien zum Verhältnis von Sprache, Subjektivität und Kognition / L. Jäger, E. Linz. — München, 2004. — 369 S. — Text : unmediated.

## Multimedia Language Code and its Role in Political Linguistics

**ABSTRACT.** *The development of Internet technologies and multimedia makes it possible to create texts incorporating signs of various codes, both verbal and nonverbal, alphabetical and non-alphabetical. This allows posing a hypothesis about the formation of a new multimedia language code in the communicative space of the Internet. This code is considered to be a logical stage in the development of human communication under new technological conditions but not as an anthropological regression. The multimedia code complicates the traditional punctuation system of language integrating into it emoji, stickers and other multimedia signs in the function of commas, full stops, suspension points, etc. Multimedia stylistics treats the new communicative language code as a potential for boosting emotionality and expressiveness. The author discriminates between the terms “multimedia text” and “multimodal text”: the multimedia text emerges on the basis of multimedia and is a product of multimedia technologies which form a complex syncretic code of media communication by incorporating signs of diversified media nature, and the multimodal text is not necessarily media. Multimedia texts, which are at the same time polycode and multimodal, produce a stimulating effect with a serious impact upon the recipient. This property of multimedia texts is actively used in political communication. Internet memes and multimedia articles which become instruments of modern political technologies are especially interesting for political linguistics. The meme, genetically connected with cartoon, is not created by artists but by any common person who has mastered multimedia Internet technologies. The advantages of the meme consist in the speed of disseminating, a wide range of audience (it is close to political anecdote in this sense) and the interactive response to a political message. The multimedia code in the Internet articles does not only enhance the perception by all sense organs but also improves information reliability, e.g. by using video footages.*

**KEYWORDS:** *Internet; Internet space; Internet discourse; Internet texts; Internet communication; social networks; multimedia; multimedia code; political discourse; media discourse; media texts; multimedia stylistics; multimedia signs; Internet memes; multimedia texts; multimodal texts; political linguistics; political communication.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Klushina Natal'ya Ivanovna, Doctor of Philology, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

**FOR CITATION:** *Klushina, N. I. Multimedia Language Code and its Role in Political Linguistics / N. I. Klushina // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 19-25. — DOI 10.26170/pl20-06-02.*

**ACKNOWLEDGMENTS.** Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant № 20-012-00077 “Creative Function of Language in Internet Communication”.

#### REFERENCES

1. Anisimova, E. E. Text linguistics and Intercultural Communication (based on creolized texts) / E. E. Anisimova. — Moscow : Academia, 2003. — 122 p. — Text : unmediated. [Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) / E. E. Anisimova. — Moskva : Academia, 2003. — 122 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Artemova, E. A. Caricature as a Genre of Political Discourse : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Artemova E. A. — Volgograd, 2002. — 237 p. [Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa : dis. ... kand. filol. nauk / Artemova E. A. — Volgograd, 2002. — 237 s.]. — (In Rus.)
3. Voroshilova, M. B. Political Creolized Text: Keys to Reading : monograph / M. B. Voroshilova ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2013. — 193 p. [Politicheskiiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochneniyu : monogr. / M. B. Voroshilova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2013. — 193 s.]. — (In Rus.)
4. Goncharova, E.A. Medial Aspect of the Modus of Text Formulation as a Problem of Stylistics / E. A. Goncharova. — Text : unmediated // STYLE. — Belgrade, 2008. — Issue 7. — P. 11—20. [Medial'nyy aspekt modusa formulirovaniya teksta kak problema stilistiki / E.A. Goncharova. — Tekst : neposredstvennyy // STIL. — Belgrad, 2008. — Vyp. 7. — S. 11—20]. — (In Rus.)
5. Klushina, N. I. Introduction to Internet stylistics / N. I. Klushina, A. V. Nikolaeva. — Moscow : Flinta, 2020. — 240 p. — Text : unmediated. [Vvedenie v internet-stilistiku / N. I. Klushina, A. V. Nikolaeva. — Moskva : Flinta, 2020. — 240 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Maksimenko, O. I. Polycode vs. Creolized Text: the Problem of Terminology / O. Maksimenko. — Text : unmediated // Bulletin of RUDN. Ser.: Theory of Language. Semiotics. Semantics. — 2012. — No. 2. — P. 93—102. — Text : unmediated. [Polikodovyy vs. kreolizovannyi tekst: problema terminologii / O. I. Maksimenko. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik RUDN. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. — 2012. — № 2. — S. 93—102. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Michurin, D. E. Precedent Polycode Text in Verbal-pictorial Communication of Internet Communities (based on the material of Russian-language image forums) : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Michurin D. E. — Tver, 2014. — 162 p. — Text : unmediated. [Precedentnyy polikodovyy tekst v verbal'no-izobrazitel'noy kommunikatsii internet-soobschestv (na materiale russkoyazychnykh imidzh-forumov) : dis. ... kand. filol. nauk / Michurin D. E. — Tver', 2014. — 162 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Multimedia // Financial Dictionary. [Multimedia // Finansovyy slovar']. — URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin\\_enc/25382](https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/25382). — Text : electronic. — (In Rus.)
9. Multimedia stylistics. — Text : unmediated. — Banya Luka, 2018. — 174 p. [Multimedijalna stilistika. — Banya Luka, 2018. — 174 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Serbian)
10. Omel'yanenko, V. A. Polycode Texts in the Aspect of Multimodality Theory / V. A. Omel'yanenko, E. N. Remchukova. — Text : unmediated // Communication Research. — 2018. — No. 3 (17). — P. 66—78. — DOI 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78. [Polikodovyye teksty v aspekte teorii mul'timodal'nosti / V. A. Omel'yanenko, E. N. Remchukova. — Tekst : neposredstvennyy // Kommunikativnye issledovaniya. — 2018. — № 3 (17). — S. 66—78. — DOI 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78]. — (In Rus.)
11. Sorokin, Y. A. Creolized texts and their communicative function / Y. A. Sorokin, E. F. Tarasov. — Text : unmediated // Optimization of speech impact. — Moscow, 1990. — P. 178—187. [Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya / Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. — Tekst : neposredstvennyy // Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya. — Moskva, 1990. — S. 178—187]. — (In Rus.)
12. Sorokina, Yu. V. The Concept of Multimodality and Analysis of Multimodal Lecture Discourse / Yu. V. Sorokina. — Text : unmediated // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2017. — No. 10 (76). — Part 1. — P. 168—170. [Ponyatie mul'timodal'nosti i voprosy analiza mul'timodal'nogo leksiionnogo diskursa / Yu. V. Sorokina. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2017. — № 10 (76). — Ch. 1. — S. 168—170]. — (In Rus.)
13. Tosovic B. Multimedia stylistics / B. Tosovic. — Text : unmediated // Multimedialna stylistics. — Banya Luka, 2018. — P. 131—152. [Toshovich, B. Mul'timedial'naya stilistika / B. Toshovich. — Tekst : neposredstvennyy // Multimedijalna stilistika. — Banya Luka, 2018. — S. 131—152]. — (In Serbian)
14. Chernyavskaya V. E. Mediality: analyzing a new paradigm in linguistics / V. E. Chernyavskaya. — Text : electronic // Media Linguistics. — 2015. — No. 1 (6). — P. 7—14. [Medial'nost': opyt osmysleniya formiruyushcheysya paradigmy v lingvistike / V. E. Chernyavskaya — Tekst : elektronnyy // Medialingvistika. — 2015. — № 1 (6). — S. 7—14]. — URL: <https://medialing.ru/medialnost-opyt-osmysleniya-formiruyushcheysya-paradigmy-v-lingvistike/> (date of access: 13.10.2020). — (In Rus.)
15. Chernyavskaya V. E. Medial turn in linguistics: polycode and hybrid texts / V. E. Chernyavskaya. — Text : electronic // Bulletin of Irkutsk University. — 2013. [Medial'nyy povorot v lingvistike: polikodovyye i gibridnye teksty / V. E. Chernyavskaya. — Tekst : elektronnyy // Vestnik Irkutskogo universiteta. — 2013]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialnyy-povorot-v-lingvistike-polikodovyye-i-gibridnye-teksty/> (date of access: 13.10.2020). — (In Rus.)
16. Jäger, L. Medialität und Mentalität. Theoretische und empirische Studien zum Verhältnis von Sprache, Subjektivität und Kognition / L. Jäger, E. Linz. — München, 2004. — 369 S. — Text : unmediated.

## РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38  
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55  
DOI 10.26170/pl20-06-03

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

**О. А. Блинова**

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия  
ORCID ID: 0000-0002-3051-4251 

**М. Р. Бабилова**

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия  
ORCID ID: 0000-0003-0814-5936 

 **E-mail:** olesyablinova79@yandex.ru; marina-anvarova@yandex.ru.

### Информационное поле вандализма: представление СМИ и общественная реакция

**АННОТАЦИЯ.** Представленная статья является результатом исследования информационного поля феномена вандализма на основе анализа городских порталов Екатеринбурга, Челябинска и Новосибирска (критерии отбора — посещаемость портала) и пабликов сети «ВКонтакте».

В ходе проведения исследования авторами были определены две группы критериев создания информационных сообщений о вандальных актах: обязательные (актуальность; близость к аудитории; наличие бэкграунда; сопричастность; иллюстративность) и второстепенные (необычность; конфликтность; лаконичность). Также представлена классификация комментариев в обсуждении сообщений о вандализме. На городских порталах выделяются комментарии, выражающие сожаление; резко осуждающие; обвиняющие власть; обесценивающие значение разрушенного/испорченного объекта. Отмечается, что многие комментарии сами носят вандальный характер и содержат оскорбления, призывы к физическому и моральному насилию над правонарушителями, нередко возникают конфликты между участниками полилога, имеющими разные взгляды на освещаемые СМИ события. В пабликах сети «ВКонтакте» условно все сообщения о вандализме можно разделить на две группы: негативные и позитивные. Позитивно окрашенные посты о вандализме — это в основном сообщения о нанесении граффити на фасады домов или иные объекты инфраструктуры района, что рассматривается как способ сделать город более ярким и позитивным.

В результате исследования авторы пришли к выводу, что новостные сообщения о вандализме не являются частотными в новостной ленте, за исключением резонансных случаев общероссийского или общечеловеческого вандализма, предпочтением же и на городских порталах, и в сети «ВКонтакте» отдается освещению локального вандализма. Таким образом, информационное поле вандализма в СМИ сформировано слабо, что отрицательно сказывается на понимании многообразия феномена «вандализм» россиянами.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Интернет; интернет-пространство; интернет-дискурс; интернет-тексты; интернет-коммуникация; социальные сети; интернет-сообщения; журналистика; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; языковые средства; вандализм; молодежь; информационные поля; информационный резонанс; общественный резонанс; феномен вандализма; граффити; деструктивное поведение.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Блинова Олеся Александровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры психологии образования, Уральский государственный педагогический университет, 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: olesyablinova79@yandex.ru.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Бабилова Марина Рашифовна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: marina-anvarova@yandex.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Блинова, О. А. Информационное поле вандализма: представление СМИ и общественная реакция / О. А. Блинова, М. Р. Бабилова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 26-32. — DOI 10.26170/pl20-06-03.

**БЛАГОДАРНОСТИ.** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01278).

Вандализм — явление, которое определяется по-разному. Согласно УК РФ, вандализм — осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах [УК РФ, ст. 214]. Это определение

можно считать официальным. Такая формулировка позволяет говорить о социальной природе вандализма, иначе говоря, вандальные действия всегда направлены на общество и, как правило, эта направленность носит негативный характер.

Исследование феномена вандализма юристами, психологами, педагогами и учеными других специальностей способствовало расширению трактовки термина. Одни, такие как Коэн, Голдштейн, Уайз и другие, акцент ставят на сознательности вандальных действий, понимая вандализм как намеренное разрушение общественного имущества. Другие рассматривают вандализм как способ коммуникации [Kruzhkova, Vorobyeva, Porofov, Zarbova 2018]. Многообразие определений и неоднозначность понимания вандализма лишили его исключительно негативной окраски и сделали предметом дискуссий. Поскольку вандализм — феномен социальный, то его обсуждение и исследование исключительно учеными и экспертами не даст целостной картины его понимания и отношения к нему со стороны граждан и не позволит провести воспитательную, психологическую, педагогическую, юридическую работу, направленную на ознакомление граждан с различными видами вандализма и формирование различного отношения к ним.

Согласно отчетам Росстата, актов вандализма, классифицируемых как преступления, настолько мало, что они не попадают в официальную статистику [Россия в цифрах 2018 [www](http://www)]. Тем не менее каждый из нас обнаружит вокруг себя минимум одно-два проявления вандальной активности соотечественников. Почему же мы узнаем об актах вандализма только тогда, когда они носят масштабный характер или касаются культурных или исторических ценностей, как, например, при сносе памятников советским военачальникам в ряде европейских стран? К счастью, такие акты вандализма случаются не так часто, львиная доля вандализма носит местный, локальный характер. Поэтому с целью формирования общественного мнения и общественной оценки феномена вандализма необходимо создание вокруг него информационного поля. Таким образом, цель данной статьи — анализ информационного поля вандализма, создаваемого в сети Интернет, на информационных порталах и в социальных сетях, критериев размещения материалов и оценок-комментариев пользователей.

Роль лидеров общественного мнения (далее — ЛОМ) в формировании отношения общества к вандализму принадлежит СМИ, которые в настоящее время претерпевают значительные изменения. По утверждению В. В. Савчук, современные медиа утратили связь с материальной формой, в результате чего возникла инверсия знака, проявляющаяся в конституировании означающего [Савчук 2012: 34]. В то же время Маклюэн

говорит о единстве медиа и реальности, образующих медиареальность, характеризующуюся очевидностью, незаменимостью и всеприсутствием [Маклюэн 2003]. СМИ предстают как архитектура слышимого, видимого, воспринимаемого [Савчук 2012: 37], конституируя наше представление о реальности. Можно сказать, что действия становятся общезначимыми лишь тогда, когда о них сообщают СМИ. Благодаря медиа устанавливается коммуникация, формируется солидарность и возникает интерпретация реальности. Другими словами, с одной стороны, медиа следят за человеком и его жизнью, а с другой — сам человек посредством медиа следит за миром. С помощью медиа действия людей становятся со-бытием, открываются навстречу другим, делая их сопричастными произошедшему. Из всех медийных средств наиболее эффективными являются интернет-издания, особенно социальные сети, имеющие пространство для комментариев, обеспечивающих обратную связь и информативный (общественный) резонанс.

Информативный (общественный) резонанс нацелен на искусственное привлечение внимания к различным социальным явлениям, при этом события, действительно достойные информационного внимания, остаются «за кадром». Таким образом, информируя общество о тех или иных событиях, СМИ создают социокультурный контекст. Можно сказать, что, создавая информативный резонанс, авторы статей и постов реализуют следующие функции [Андреев 2018: 59]:

- манипулятивную. Общественный резонанс — эффективный инструмент манипуляции общественным мнением, способ его моделирования необходимым образом. А также эффективный способ воздействия на властные институты с целью получения обратной реакции и побуждения их к ожидаемым активным действиям;

- контролирующую. Придание событию общественного резонанса, вовлечение аудитории в его обсуждение и оценку позволяет ЛОМам и представителям власти осуществлять контроль за мнением и поведением общества;

- функцию реагирования, которая предполагает своевременную и соответствующую реакцию СМИ на совершающиеся акты вандализма и информирование о них общественности;

- гармонизирующую. Обеспечение взаимодействия между различными социальными группами, между гражданами и социальными институтами.

В рамках исследования нами были проанализированы популярные среди жителей

региональные информационные порталы г. Екатеринбурга — *e1.ru*, г. Челябинска — *74.ru* и г. Новосибирска — *ngs.ru*. Выборка основана на среднем количестве посетителей портала в месяц, составляющем соответственно более 5000, 4500 и около 3000 человек. Частота сообщений с тегами «вандализм» и «вандалы» на них не высока. В среднем «вандалские события» упоминаются 2—3 раза в месяц. Речь преимущественно идет о вандальных действиях регионального характера, происходящих на территории упомянутых городов и областей, центрами которых они являются, и имеющих значение именно для данных регионов. Это не означает, что уральские и сибирские города — территория, свободная от вандалов, а говорит о том, что интерес у журналистов и читателей к такого плана новостям крайне невысок — чаще всего в новостную ленту попадают резонансные события.

Проведенный анализ также показал, что с тегом *#вандализм* в новостную сетку попадают преимущественно негативно окрашенные вандальные действия, например, разрушение спортивной площадки в г. Екатеринбурге [Чулюкина 2019], осквернение Вечного огня в Нижнем Тагиле [Шутько 2020], осквернение памятника Курчатову в г. Челябинске [Дубровских 2020], нанесение надписей на религиозные сооружения в г. Новосибирске [Хмелевская 2019] и т. д. Текст подобных новостей изначально имеет осуждающую направленность, которая подхватывается комментаторами.

При этом многие комментарии сами носят вандальный характер и содержат оскорбления, призывы к физическому и моральному насилию над правонарушителями. Нередко возникают конфликты между участниками полилога, имеющими разное мнение на освещаемые СМИ события.

Комментарии под новостями, освещающими вандальные события, можно разделить на 4 группы (орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены).

1. Комментарии, выражающие сожаление:

- И смысл, что то делать в городе. Как жили в помойке, так и будем жить. И всех вокруг обвинять. (*Афанасий, портал e1*)
- Плохо объясняют детям что символизирует собой Вечный огонь. Для них просто костер. Потушили — прикольно. (*Айк, портал e1*)
- Возможно, памятник Курчатову, с эстетической точки зрения, на чей то взгляд не пригляден, но это памятник великому ученому, учите своих детей проявлять уважение к истории, личности, да и го-

родскому имуществу. (*Гость портала 74.ru*)

- Исторических зданий в городе почти нет, последние пытаются уничтожать А вот это действие? Ну, это вообще не лезет ни в какие ворота <...>

И меня морально это убивает (*Анна, портал ngs.ru*)

2. Резко осуждающие комментарии, содержащие оскорбления и элементы вандализма:

- Там обычно сидит местная быдлота. Культуры ноль. Понимания жизни ноль. Будущие зэки (*Гость портала e1*)
- нелюди (*саня рублёв, портал e1*)
- Поганая молодёжь. (*Гость портала 74.ru*)
- Уроды, что сказать ещё. (*Шинша, портал ngs.ru*)

3. Комментарии, обвиняющие власть:

- Вот вам и центр города... Полиция, наверное, окраины в это время патрулировала (*Гость портала ngs.ru*)
- Какое отношение правительства к Народу, такое отношение Народа, к тому, что делает правительство. (*гость портала e1*)
- Какой мэр-такой и памятник (*гость портала 74.ru*)
- Скажите путину спасибо (*Гость портала e1*)

4. Комментарии, обесценивающие значение разрушенного/испорченного объекта:

- Какая вообще ценность у этого уродского памятника? (*Гость портала 74.ru*)
- Не такой уж он и вечный оказался)) (*Алекс, портал e1*)
- приколы) (*суперЪёж, портал ngs.ru*)

Следует отметить, что некоторые вандальные проявления комментаторы связывают с политическими настроениями в обществе и объясняют действия вандалов «нестабильными» отношениями между государственной властью и населением. При этом нельзя не отметить саркастический характер некоторых комментариев, например:

- Наверное опять Вова с Димой виноваты, больше некому)) (*Рулон-Обоев, портал e1*)
- Клятые пендосы, опять напакостили нам из за бугра и зависти. Ууухх... 🤔🤔🤔 \*кипит возмущенный разум\* (*Жук Джентельмен, портал e1*)
- На заборах то же самое малюют. Почему не вандалы? Что за двойные стандарты? Ах, РПЦ обидели! (*учите географию, портал ngs.ru*)

Количество комментариев под вандальными событиями не очень велико, их число редко доходит до 200—300, что может свидетельствовать об однозначно отрицательном в обществе отношении к подобного рода

действиям, которое вследствие очевидности не нуждается в озвучивании, либо о неактуальности данной информации для жителей. Справедливости ради нужно отметить, что встречаются сообщения о противоположном отношении к подобным действиям. Уличный екатеринбургский художник Слава PTRK, назвав город столицей стрит-арта, предложил считать перформансом нанесение граффити на трамвайные вагоны [Черных 2016]. Правда, данному инциденту уже 4 года, он произошел в 2016 г. и является единственным подобным за последние 5 лет. В 2020 г. в Екатеринбурге прошел очередной фестиваль уличного искусства «Стенограффия», в рамках которого на трамвайный маршрут Екатеринбурга вышел расписанный граффити «Каллиграфия» трамвай, и никто уже не говорит о вандализме. Свидетельствует ли это о том, что границы понятия «вандализм» стали шире?

Кроме анализа новостных порталов, был проведен анализ пабликов в социальной сети «ВКонтакте». Данная социальная сеть была выбрана, поскольку является самой массовой из популярных и сосредотачивает на своих просторах представителей различных социальных страт, и именно данный ресурс больше других нацелен на обсуждение размещаемых сообщений. Во «ВКонтакте» нами были проанализированы районные паблики г. Екатеринбурга, такие как «Мой Пионерский», «наш Уралмаш» и др., посвященные жизни конкретных районов города, целевой аудиторией которых являются жители указанных территорий. Анализ показал, что в подобных пабликах частота упоминания о совершенных актах вандализма выше, чем на информационном портале e1. Более высокая частота объясняется тем, что авторами большинства постов о вандализме являются подписчики пабликов, размещающие информацию, которая волнует их больше всего. Также нужно отметить, что сообщения об актах вандализма практически невозможно найти по соответствующим тегам, ведь, как правило, в них представлена констатация факта: изрисовали, сломали, разрушили, испортили и т. п.

Условно все сообщения о вандализме можно разделить на две группы: негативные и позитивные. Негативные, а их подавляющее большинство, уже в тексте содержат отрицательную оценку происходящего. Этот настрой подхватывается в обсуждении. Основная идея обсуждения в данном случае сводится к осуждению подобного поведения и призывам к окружающим не совершать подобных поступков. Создаваемое таким образом информационное поле и резонанс

выполняют воспитательную и превентивную функции.

Позитивно окрашенные посты о вандализме — это в основном сообщения о нанесении граффити на фасады домов или иные объекты инфраструктуры района. Практически никогда подобные поступки ни авторы, ни комментаторы сообщений не относят к вандализму, а рассматривают как способ сделать город более ярким и позитивным. Сюжет и выполнение граффити воспринимаются как имеющие художественную ценность, утверждается, что это делает район и город в целом более ухоженным и жизнерадостным. Исключением по неизвестной причине стал уличный художник Покрас Лампас, чьи работы воспринимаются как вандальные и с которыми ведется не менее вандазная борьба: работы закрашиваются, высмеиваются, их значение нивелируется.

В сети «ВКонтакте» можно найти группы, непосредственно посвященные вандализму, например, «Концептуальный вандализм» [Концептуальный вандализм www] или «Граффити, вандалы» [Граффити, вандалы www] и пр. В данных группах транслируются основные вандальные тренды, а сам вандализм не рассматривается как нечто асоциальное и противоправное. В группах состоят так называемые «свои», в комментариях обсуждается в первую очередь эстетическая и художественная ценность вандальных произведений.

Таким образом, можно говорить, что создаваемое вокруг вандализма информационное поле носит неоднородный характер, а это позволяет говорить о различных качественных характеристиках вандализма и разном к нему отношении со стороны обывателей.

Проведенный анализ позволил выделить некоторые критерии создания информационных сообщений о вандализме, которые привлекли бы внимание интернет-пользователей к обсуждению данного феномена и могли бы изменить одностороннее восприятие вандализма и отношение к нему как исключительно негативному явлению. Критерии можно разделить на две группы, обязательные и второстепенные.

К обязательным критериям мы отнесли:

– актуальность, т. е. значимость сообщения для конкретной аудитории. Сообщения об актах вандализма вряд ли интересны всем без исключения, поэтому нужно четко понимать значимость сообщения для определенной аудитории, дабы оно возымело необходимое действие, вызвало обратную реакцию;

– близость к аудитории. Близость может быть географической: для человека акту-

альнее то, что происходит там, где он живет, в его городе, районе, на его улице, — и эмоциональной: сообщения о разрушении детской площадки найдут больший отклик у родителей маленьких детей, а об осквернении религиозного сооружения — у адептов конкретной религии. Чем больший эмоциональный отклик находит в сознании людей описываемый акт вандализма, тем лучший эффект будет достигнут;

– наличие бэкграунда, т. е. информации, позволяющей глубже понять происходящее и способствующей привлечению интереса большего количества пользователей и повышению обсуждаемости феномена вандализма. В качестве бэкграунда могут использоваться статистические данные, аналогия с другими населенными пунктами, странами или историческими периодами;

– со-причастность. Для формирования определенного отношения к вандализму у читателя должно возникнуть чувство принадлежности к происходящему, идентификация с ним;

– иллюстративность. Фото или видео акта вандализма или его последствий способствует большему отклику читателей, нежели просто словесное описание.

Ко второстепенным критериям мы отнесли:

– необычность — акт вандализма может оказаться несвойственным данной местности или аудитории, возможно, при его совершении произошло что-то необычное, курьезное, иными словами, те события, которые не оставят произошедшее без внимания;

– конфликтность — возникновение вокруг события конфликта интересов обеспечивает ему общественный резонанс;

– лаконичность — краткий, четко структурированный текст более понятен читателю и легче воспринимается, что позволит привлечь к посту большую аудиторию.

В целом следует отметить, что феномен вандализма воспринимается обществом как нечто асоциальное и негативное, как правило, вызывающее отрицательные эмоциональные реакции. Средства массовой информации, освещая акты вандализма, как раз стремятся к общественному резонансу, активно проявляемому через комментарии. На основании анализа комментариев новостных лент, посвященных вандализму, можно сделать выводы о существовании нескольких вариантов реакций на освещаемые акты вандализма.

• **Резко отрицательные.** К таким следует относить те комментарии, которые направлены на оскорбление вандалов, содержат призывы к расправе над ними. Зачастую в таких комментариях явно прослеживается политическое мнение комментатора, стрем-

ление к оценке деятельности правительства РФ и региона через активность вандалистов. Такие комментаторы склонны к созданию конфликтных диалогов, как правило, вместо нейтрализации назревающего с другими участниками конфликта, напротив, еще в большей степени разжигают его, оскорбляя оппонента.

• **Нейтральные (саркастичные, юмористические).** Такие комментаторы всегда стремятся нивелировать назревающий в связи с затронутой темой конфликт. Обычно их тексты содержат призывы к тому, чтобы смириться с проявлениями вандализма или не обращать на него внимание. Часто комментарии выражены в саркастической или юмористической форме.

• **Позитивные.** Как было отмечено, тема вандализма может быть единственной, объединяющей в сообщества в социальных сетях (например, «ВКонтакте»). Как правило, участники таких групп — те, кто интересуется графическим вандализмом, иными словами, представители субкультуры граффити: в рамках виртуальных сообществ они обсуждают технику нанесения граффити, оценивают работы друг друга, в целом одобряют феномен графического вандализма.

В качестве заключения можно сказать о недостаточной развитости информационного поля вандализма, что не позволяет обнаружить многомерности данного феномена, обрекая вандализм на сохранение статуса исключительно негативного противоправного явления.

#### ИСТОЧНИКИ

1. Граффити, вандалы // ВКонтакте. — URL: <https://vk.com/public92638413>. — Текст. Изображение : электронные.
2. Дубровских, Д. «Малолетние вандалы совсем оборзели»: в Челябинске фломастерами разукрасили памятник Курчатову / Д. Дубровских. — Текст : электронный // Челябинск онлайн. — 2020. — 3 сент. — URL: [https://74.ru/text/gorod/69455037/?from=sitebar\\_old&frompanel=1](https://74.ru/text/gorod/69455037/?from=sitebar_old&frompanel=1) (дата обращения: 02.11.2020, 15:45).
3. Концептуальный вандализм // ВКонтакте. — URL: [https://vk.com/conceptual\\_vandalism](https://vk.com/conceptual_vandalism). — Текст. Изображение : электронные.
4. Хмелевская, О. Вандалы разрисовали часовню святого Николая Чудотворца на Красном проспекте / О. Хмелевская. — Текст : электронный // Новосибирск онлайн. — 2019. — 16 сент. — URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2019/09/16/66235378/> (дата обращения: 26.10.2020, 10:45).
5. Черных, М. «Относитесь к этому как к перформансу»: Слава PTRK заступился за вандалов, разрисовавших краской трамвай / М. Черных. — Текст : электронный // Екатеринбург онлайн. — 2016. — 17 окт. — URL: [https://www.e1.ru/news/spool/news\\_id-454036.html](https://www.e1.ru/news/spool/news_id-454036.html).
6. Чулюкина, В. «Не простояли и полгода»: на Пехотинцев вандалы разгромили новые корт, стадион и площадку / В. Чулюкина. — Текст : электронный // Екатеринбург онлайн. — 2019. — 16 дек. — URL: [https://www.e1.ru/news/spool/news\\_id-66400975.html](https://www.e1.ru/news/spool/news_id-66400975.html) (дата обращения: 02.11.2020, 14:20).
7. Шутько, И. В Нижнем Тагиле подростки залили водой Вечный огонь: видео / И. Шутько. — Текст : электронный // Екатеринбург онлайн. — 2020. — 30 мая. — URL: [https://www.e1.ru/news/spool/news\\_id-69288697.html](https://www.e1.ru/news/spool/news_id-69288697.html).

## ЛИТЕРАТУРА

8. Андреев, А. В. Политические резонансы в системе коммуникации: предыстория концепта и становление методологии исследования / А. В. Андреев. — Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2018. — № 43. — С. 58—69.

9. Маклюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. — Москва : КАНОН-пресс-Ц ; Жуковский : Кучково поле, 2003. — 464 с. — URL: yanko.lib.ru/books/media/mcluhan...media.pdf. — Текст : электронный.

10. Россия в цифрах : официальное издание / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). — Москва, 2018. — 522 с. — URL: [https://rosstat.gov.ru/free\\_doc/doc\\_2018/rusfig/rus18.pdf](https://rosstat.gov.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf). — Текст : электронный.

11. Савчук, В. В. Философия эпохи новых медиа / В. В. Савчук. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 2012. — № 10. — С. 33—42.

12. Kruzhkova, O. V. Functions of Vandalism in Youth Behaviour: From Personality to Society / O. V. Kruzhkova, I. V. Vorobyeva, R. Yu. Porozov, B. Zarbova. — Text : electronic // The Education and Science Journal. — 2018. — No 20 (10). — P. 95—120. — URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-10-95-120>. — (In Rus.)

## O. A. Blinova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia  
ORCID ID: 0000-0002-3051-4251 

## M. R. Babikova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia  
ORCID ID: 0000-0003-0814-5936 

 E-mail: olesyablinova79@yandex.ru; marina-anvarova@yandex.ru.

## Information Field of Vandalism: Media Representation and Public Response

**ABSTRACT.** *This article is a result of the study of the information field of the phenomenon of vandalism based on the analysis of the city portals of Ekaterinburg, Chelyabinsk and Novosibirsk (selection criterion – website traffic) and public messages in VK service.*

*In the course of the study, the authors singled out two groups of criteria for creating news texts about acts of vandalism: primary (urgency; proximity to audience; presence of background; co-participation; illustrativeness) and secondary (unusualness; conflict nature; brevity). They also provide a classification of the comments in the discussion of news about vandalism. The city portals contain comments expressing regret; sharply criticizing; accusing the authorities; devaluating the importance of the broken/ruined object. It is noted that many comments are vandal themselves and contain insults and physical or moral violence towards law offenders, and there often arise conflicts between the polylogue participants who have different views on the events covered by mass media. All texts about vandalism in the public messages in VK service can be conventionally subdivided into two groups: negative and positive. Positively tinged posts about vandalism are mostly news about placing graffiti on house facades and other objects of the district infrastructure, which is considered a way to make the city look more attractive and positive.*

*As a result of their study, the authors have come to the conclusion that news texts about vandalism are not frequent in the news line with the exception of resonant cases of all-Russian or global vandalism; preference on both city portals and in the networking service VK is given to highlighting local vandalism. Thus, the information field of vandalism in mass media has been hardly formed, which tells negatively on the understanding of the versatility of the phenomenon of vandalism by the Russian people.*

**KEYWORDS:** *Internet; Internet space; Internet discourse; Internet texts; Internet communication; social networks; Internet messages; journalism; media linguistics; media texts; mass media; language means; vandalism; youth; information fields; information resonance; social resonance; phenomenon of vandalism; graffiti; destructive behavior.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Blinova Olesya Aleksandrovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor of Department of Psychology of Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Babikova Marina Rashitovna, Candidate of Philology, Assistant Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

**FOR CITATION:** *Blinova, O. A. Information Field of Vandalism: Media Representation and Public Response / O. A. Blinova, M. R. Babikova // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 26-32. — DOI 10.26170/pl20-06-03.*

**ACKNOWLEDGMENTS.** *Research is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation within scientific project № 17-18-01278.*

## MATERIALS

1. Graffiti, Vandals // VKontakte. [Graffiti, vandaly // VKontakte]. — URL: <https://vk.com/public92638413>. — Text. Image : electronic. — (In Rus.)

2. Dubrovskikh, D. “The juvenile Vandals are Completely Morose”: in Chelyabinsk, the Monument to Kurchatov was Decorated with Felt-tip Pens / D. Dubrovskikh. — Text : electronic // Chelyabinsk online. — 2020. — 3 Sept. [«Maloletnie vandaly sovsem oborzeli»: v Chelyabinske flomasterami razukra-

sili pamyatnik Kurchatovu / D. Dubrovskikh. — Текст : электронный // Челябинск онлайн. — 2020. — 3 сент.]. — URL: [https://74.ru/text/gorod/69455037/?from=sitebar\\_old&frompanel=1](https://74.ru/text/gorod/69455037/?from=sitebar_old&frompanel=1) (date of access: 02.11.2020, 15:45). — (In Rus.)

3. Conceptual Vandalism // VKontakte. [Konseptual'nyy vandalizm // VKontakte]. — URL: [https://vk.com/conceptual\\_vandalism](https://vk.com/conceptual_vandalism). — Text. Image : electronic. — (In Rus.)

4. Khmelevskaya, O. Vandals Painted the Chapel of St. Nicholas the Wonderworker on Red Avenue / O. Khmelevskaya. —

Text : electronic // Novosibirsk online. — 2019. — 16 Sept. [Vandaly razrisovali chasovnyu svyatogo Nikolaya Chudotvortsna na Krasnom prospekte / O. Khmelevskaya. — Tekst : elektronnyy // Novosibirsk onlayn. — 2019. — 16 sent.]. — URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2019/09/16/66235378/> (date of access: 26.10.2020, 10:45).

5. Chernykh, M. “Treat it as a Performance”: Glory PTRK Stood up for the Vandals who Painted the Trams / M. Chernykh. — Text : electronic // Yekaterinburg online. — 2016. — 17 Oct. [«Otnosites' k etomu kak k performansu»: Slava PTRK zastupilsya za vandalov, razrisovavshikh kraskoy tramvai / M. Chernykh. — Tekst : elektronnyy // Ekaterinburg onlayn. — 2016. — 17 okt.]. — URL: [https://www.e1.ru/news/spool/news\\_id-454036.html](https://www.e1.ru/news/spool/news_id-454036.html). — (In Rus.)

6. Chulyukina, V. “They didn’t Stand Even for Half a Year”: Vandals Destroyed a New Court, Stadium and Playground for the Infantrymen / V. Chulyukina. — Text : electronic // Yekaterinburg online. — 2019. — Dec 16. [«Ne prostoyali i polgodu»: na Pekhotintsev vandaly razgromili novye kort, stadion i ploshchadku / V. Chulyukina. — Tekst : elektronnyy // Ekaterinburg onlayn. — 2019. — 16 dek.]. — URL: [https://www.e1.ru/news/spool/news\\_id-66400975.html](https://www.e1.ru/news/spool/news_id-66400975.html) (date of access: 02.11.2020, 14:20). — (In Rus.)

7. Shut'ko, I. In Nizhny Tagil, Teenagers Flooded the Eternal Flame with Water: Video / I. Shut'ko. — Text : electronic // Yekaterinburg online. — 2020. — May 30. [V Nizhnem Tagile podrostki zalili vodoy Vechnyy ogon': video / I. Shut'ko. — Tekst : elektronnyy // Ekaterinburg onlayn. — 2020. — 30 maya]. — URL: [https://www.e1.ru/news/spool/news\\_id-69288697.html](https://www.e1.ru/news/spool/news_id-69288697.html). — (In Rus.)

#### REFERENCES

8. Andreev, A. V. Political Resonances in the Communication System: Prehistory of the Concept and the Formation of Research Methodology / A. V. Andreev. — Text : unmediated // Bulletin of

the Kemerovo State University of Culture and Arts. — 2018. — No. 43. — P. 58—69. [Politicheskie rezonansy v sisteme kommunikatsii: predystoriya kontsepta i stanovlenie metodologii issledovaniya / A. V. Andreev. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. — 2018. — № 43. — S. 58—69]. — (In Rus.)

9. Maklyuen, G. M. Understanding Media: External Extensions of a Person / G. M. McLuhan ; transl. from English by V. Nikolaev ; final article of M. Vavilov. — Moscow : CANON-press-C ; Zhukovskiy : Kuchkovo field, 2003. — 464 p. [Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka / G. M. Maklyuen ; per. s angl. V. Nikolaeva ; zakl. st. M. Vavilova. — Moskva : KANON-press-Ts ; Zhukovskiy : Kuchkovo pole, 2003. — 464 s.]. — URL: [yanko.lib.ru/books/media/mcluhan...media.pdf](http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan...media.pdf). — Text : electronic. — (In Rus.)

10. Russia in Numbers: Official Publication / Federal State Statistics Service (Rosstat). — Moscow, 2018. — 522 p. [Rossiya v tsifrakh : ofitsial'noe izdanie / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat). — Moskva, 2018. — 522 s.]. — URL: [https://rosstat.gov.ru/free\\_doc/doc\\_2018/rusfig/rus18.pdf](https://rosstat.gov.ru/free_doc/doc_2018/rusfig/rus18.pdf). — Text : electronic. — (In Rus.)

11. Savchuk, V. V. Philosophy of the Era of New Media / V. V. Savchuk. — Text : unmediated // Issues of Philosophy. — 2012. — No. 10. — P. 33—42. [Filosofiya epokhi novykh media / V. V. Savchuk. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy filosofii. — 2012. — № 10. — S. 33—42]. — (In Rus.)

12. Kruzhkova, O. V. Functions of Vandalism in Youth Behaviour: From Personality to Society / O. V. Kruzhkova, I. V. Vorobyeva, R. Yu. Porozov, B. Zarbova. — Text : electronic // The Education and Science Journal. — 2018. — No 20 (10). — P. 95—120. — URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-10-95-120>. — (In Rus.)

**Е. В. Журавлева**Московский городской педагогический университет (МГПУ), Москва, Россия  
ORCID ID: 0000-0002-4412-0843  **E-mail:** [Ekawit745@gmail.com](mailto:Ekawit745@gmail.com).

## Специфика невербальной составляющей в политической коммуникации (на примере российских телепередач)

**АННОТАЦИЯ.** В статье исследуется невербальная составляющая общественно-политического публичного общения на материале политической телевизионной коммуникации. Автор рассматривает ряд вопросов, связанных с особенностями влияния на слушателя невербальной составляющей в политической среде в контексте медиадискурса. В частности, вычлняются элементы невербальных способов общения, они классифицируются как с точки зрения типов невербалики (кинесика, окулесика, мимика и т. п.), так и с точки зрения их значения в данном контексте. Последнее сопоставляется со значением, отмеченным в словарях жестов, невербалики. В качестве материала исследования были выбраны видеофрагменты современной русской телевизионной коммуникации, а именно интервью политических лидеров и телеведущих. Методологически автор опирается на достижения и категории лингвистической семантики, прагматики, теории речевых жанров, теории текста. Целью текущего исследования является выявление мотивации использования говорящим тех или иных невербальных единиц, их влияния на адресата, а также сравнение восприятия жестов, демонстрируемых участниками политической дискуссии, вне политического дискурса. Анализ результатов показал, что политики демонстрируют целый набор жестов и мимических реакций, который отличается от повседневной бытовой коммуникации. В рамках политического дискурса прагматический, социальный и эмоциональный компонент формируют профиль коммуниканта, что позволяет говорить о его персональном идиостиле. Таким образом, образ, который закладывает коммуникант, влияет непосредственно на собеседника, сознательно манипулирует им. Это позволяет говорить об эффективной коммуникации, которой способствуют невербальные знаки в их совокупности. Воздействуя прагматически, данные составляющие формируют имидж политика, который он использует в прагматических целях в контексте политического дискурса.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** журналистика; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; языковые средства; политический дискурс; политическая лингвистика; политическая коммуникация; невербальная коммуникация; российское телевидение; телевизионная коммуникация; публичное общение; политические деятели; телеведущие; лингвистическая семантика; интервью; политическая риторика; речевые жанры; речевая деятельность.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Журавлева Екатерина Витальевна, аспирант, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет (МГПУ); 105064, Россия, Москва, Малый Казенный пер., 5Б; e-mail: [Ekawit745@gmail.com](mailto:Ekawit745@gmail.com).

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Журавлева, Е. В. Специфика невербальной составляющей в политической коммуникации (на примере российских телепередач) / Е. В. Журавлева // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 33-41. — DOI 10.26170/pl20-06-04.

1. Еще во времена Античности люди обратили внимание на то, как слово способно влиять на человека и даже подчинять своей воле. Соответственно, основной целью ораторов было овладение искусством красноречия. Риторика зародилась в Древней Греции, демократия которой была ориентирована на активное участие всех граждан в социально-политической жизни страны. С помощью живого слова человек мог убедить в своей правоте и противостоять оппоненту, защитить свою честь и доказать вину другого, способствовать успешному решению и выиграть дело, повести войска за собой и т. д. Для целей настоящей статьи важно отметить, что уже в античных пособиях по риторике было наглядно показано, что успех оратора обеспечивают жесты, мимика, осанка, телодвижения, дыхание, голос в совокупности (Аристотель). Таким образом, появив-

шаяся более 25 веков назад риторика стала проводником к ораторскому мастерству и не утратила своей актуальности и в наши дни.

В фокус исследований 90-х г. XX в. попал интерес к изучению политической коммуникации. Исследователи того времени создали ряд работ, посвященных политическому дискурсу, которые и стали основой для новой, антропологической лингвистической парадигмы. Политическая лингвистика возникла на пересечении лингвистики и политологии, очертила круг своих интересов, а также наметила перспективу дальнейшего развития. Современная политическая лингвистика охватывает все приоритетные векторы современного языкознания, поскольку тесно связана с такими лингвистическими направлениями, как социолингвистика, функциональная стилистика, исследования публицистического стиля, классическая и

© Журавлева Е. В., 2020

современная риторика, когнитивная лингвистика и лингвистика текста.

Современное состояние изучения политических текстов позволяет говорить о сложившемся направлении в современной лингвистике, которую называют «политическая лингвистика» и которая занимается рассмотрением различных особенностей — языковых, перлокутивных, композиционных и т. п. — текстов, создаваемых в рамках политической коммуникации (заявления, манифесты, речи политиков и государственных деятелей, аналитические статьи, политическая публицистика). Предметом исследования политической лингвистики является политическая коммуникация, т. е. «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2006: 8].

Результаты, полученные в лингвистических исследованиях, позволяют получать знание о состоянии общества и его политических сил, которые могут быть полезными в практическом политическом анализе и в политологических обобщениях, что позволяет говорить о возникающей на стыке наук дисциплине — «лингвополитологии» [Борисова 2015: 29]. Согласно А. П. Чудинову, предметом исследования политической лингвистики является политическая коммуникация, т. е. «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2012: 7]. Современная политическая лингвистика исследует общие проблемы коммуникации (отличия от коммуникации иных сфер), изучает жанровую проблематику, а также невербальную составляющую коммуникации. Одним из приоритетных направлений политической лингвистики является освоение отдельных политических концептов с точки зрения конкретного языка и его национальной культуры, сопоставительный анализ политической коммуникации различных стран. Дело в том, что любая вербальная и невербальная составляющая рассматривается в контексте данной ситуации с учетом целевых установок, политических взглядов, специфики восприятия данного сообщения зрителем и др. Именно это и позволяет реали-

зовать дискурсивный подход. В. И. Карасик определяет дискурс как «лично-культурно и ситуативно детерминированную коммуникативную практику» [Карасик 2015: 125]. В политических науках понятие *дискурс* рассматривают как коммуникативное воздействие политических субъектов, которое направлено на согласование их позиций и создание совместных целей. Политический дискурс иллюстрирует общественное мнение и выражение политической воли общества [Павлова 2012: 7]. О. Ф. Русакова определяет политический дискурс как «динамичную когнитивную решетку, выполняющую функции теоретического структурирования, моделирования, интерпретации и оценки феноменов политической жизни». Исследователь утверждает, что для полноты представления о политическом дискурсе важно принять во внимание интеллектуальный резонанс, который вызывает данный дискурс в определенной среде [Русакова 2012: 90]. Как социальное явление, управляющее основными сферами жизни человека, политику характеризует стремление создать устойчивые конструкции государственно-гражданских отношений. Политический дискурс обеспечивает систематизацию, функционирование и передачу политической информации. Политический язык служит для формирования политических и социальных идеалов, норм и ценностей, фиксирования практики власти и политических идей, а также связи между властью и гражданами. Существование политического языка отражается в двух формах, а именно в вербальной (как разновидность обычного языкового общения) и в символической (язык условных знаков и сигналов) [Грищева 2012: 55]. Еще один источник для важной политологической (и лингвополитологической) информации связан с дискурсивными исследованиями. Политическая лексика вербального политического дискурса терминологична, специфична и его грамматические и стилистические средства, в то время как невербальный политический дискурс отличается экспрессией, мимическим и жестовым поведением манипулятивного характера, в которых отражаются стереотипы социальных, гендерных, эмоционально-психологических сфер. Средства массовой информации несомненно являются более распространенными и влиятельными, судя по такому критерию власти, как количество реципиентов. Визуальный дискурс играет важную роль в публичной коммуникации. По мнению Тёна А. ван Дейка, его знаки лучше запоминаются и имеют убеждающий характер, а значит и власть [Ван Дейк 2013: 76].

Таким образом, основываясь на контекстной специфике ситуации, собственно языковые и экстралингвальные факторы воздействуют на знаковые вербальные и невербальные системы, проявляя модификацию прагматических значений и функций. Относительно семиотического пространства политического дискурса можно отметить неоднородность задействованных в нем языков. Помимо вербальных знаков, политической символики, эмблематики, семиотики зданий и пространства существенное значение приобретает паралингвистика [Шейгал 2004: 13]. Ключевые области применения дискурсивного подхода в политической лингвистике связывают с обнаружением специфики политического мышления коммуникантов, анализируя их вербальные и невербальные данные в политическом медиaprостранстве. Медиадискурс — это «связный вербальный или невербальный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина 2014: 5].

2. Целью предлагаемой вниманию читателей статьи является выявление мотивации использования говорящим тех или иных невербальных единиц, их влияния на адресата, а также сравнение восприятия жестов, демонстрируемых участниками политической дискуссии, с их использованием и восприятием вне политического дискурса. В наши дни имеется немало работ, посвященных описанию русской невербалики, а также невербалике других языков. Так, В. А. Лабунская детально рассматривает функции невербального общения. Поскольку данный процесс многофункционален в межличностном взаимодействии, исследователь отметила наиболее релевантные функции. По ее мнению, невербальная коммуникация формирует образ собеседника, регулирует пространственные и временные особенности процесса общения, является показателем статусных и ролевых отношений, указывает на внутреннее состояние коммуниканта, заменяет вербальное высказывание, дополняет или уточняет его и усиливает эмоциональную насыщенность сообщения [Лабунская 1986: 34]. Обозначение социального статуса коммуникантов также позволяет сформировать образы друг друга; определение социального статуса реализуется путем вербальных и невербальных механизмов коммуникативного поведения. Невер-

бальные средства предстают в виде статусных актов, регулирующих поведение коммуникатора, и являются совокупностью феноменов «официального и творческого я» [Могилевич 2007: 52].

Самая большая группа среди невербальных знаков — это значимые движения тела, которые подразделяют на следующие разряды. *Номинативные* — их функция состоит в замене или дополнении вербальных средств, дополнении или дублировании их. Употребляются автономно или одновременно с вербальными средствами. К номинативным относится разнообразие изобразительных жестов — их специфика в том, что они передают сенситивный образ предмета, действия. Часто изобразительный образ является базисом определенного фразеологизма или описательного оборота. *Эмоционально-оценочные* — дают оценку чего-либо (собеседника, его действий, слов, окружающих предметов, событий, иных лиц) в ходе коммуникации. *Указательные жесты* фокусируются на предмете, ориентируют собеседника в пространстве. *Риторические жесты* — жесты, которые имеют усилительный характер, подчеркивают выражаемое содержание, акцентируют или усиливают отдельные части высказывания, текста в целом. Эти жесты способны подчеркивать ритмический рисунок высказывания, коммуникативно значимое членение речи. *Игровые* — шуточные жесты, которые предназначены для игры, развлечения. *Вспомогательные* — жесты, применяемые в основном в качестве физической помощи себе или собеседнику в конкретной ситуации. *Магические* — жесты, используемые в суеверных, обрядовых целях [Стернин 2001: 14].

3. Исследователи политического дискурса разработали особые методики, в частности критический, когнитивный, дескриптивный (описательный) и количественный (контент-анализ) методы. В нашей работе мы использовали два основных метода: дескриптивный и количественный анализ. Цель данной работы — проанализировать видеоролики, учитывая особенности политической коммуникации. При анализе невербального компонента были учтены следующие факторы:

- 1) содержательный аспект;
- 2) цель выступления;
- 3) эмоциональный настрой собеседников;
- 4) общая атмосфера в аудитории.

При исследовании нами были зафиксированы жесты из следующих категорий:

- 1) экспрессивно-выразительные движения (мимика, поза тела, жесты руками, походка);

- 2) тактильные движения (рукопожатия, прикосновения, похлопывание по плечу, поцелуи);
- 3) взгляд (направление, длительность, частота зрительного контакта);
- 4) движение в пространстве (ориентация, дистанция, направление, размещение за столом).

Для анализа невербального компонента был использован видеоматериал из различных российских телепередач. Данные передачи представляют собой беседу телеведущего и приглашенного политического лидера для обсуждения актуальных вопросов в России и мире. Преимущественно беседа ведется в форме диалога. Камеры в студии сфокусированы на столе переговоров, а также на каждом собеседнике в отдельности. Данные ракурсы значительно упрощают наблюдение и фиксирование невербальных приемов. В нашей работе будет анализироваться невербальное сообщение как телеведущего, так и его гостя. Это позволит сделать сравнительный анализ и выяснить, влияет ли экспрессивное поведение одного собеседника на другого и каким образом. Интерпретация жестов русскоязычной коммуникации осуществляется при помощи «Словаря языка русских жестов» [Крейдлин 2001], в котором учитывается фактор национальной специфики. Также в ходе эксперимента мы учитываем мнения опрошенных, кому было предложено прокомментировать тот или иной жест, однако без контекста, в котором он был продемонстрирован. Целью данного эксперимента является сравнение использования жестов в контексте политического дискурса и интерпретация этого же жеста в бытовой ситуации. Мы склонны полагать, что употребления жестов будут опираться на конкретный дискурс, а значит, могут различаться среди представителей власти и обывателей. Примечательно, что компетентность в области невербального общения

является неотъемлемой частью российской деловой этики, которой неизменно должен владеть телеведущий. Г. Е. Крейдлин в своей статье разделяет жесты на два типа — это жесты, несущие информацию, которую жестикулирующий в диалоге намеренно передает адресату (так называемые **коммуникативные эмблемы**), а также жесты, которые спонтанно выражают чувства или отношения (**симптоматические эмблемы**). Среди коммуникативных эмблем выделяется три подкласса. Самый большой по объему подкласс образуют коммуникативно нейтральные, или **общекоммуникативные жесты**.

4. Для анализа невербальных знаков нами было просмотрено несколько видеороликов. Данные диалоги послужили полем для сбора невербальных единиц, которые были распределены по вышеуказанным типам. Также нами был проведен опрос 10 респондентов, перед которыми ставилась задача предположить вне контекста, что означает тот или иной жест в бытовой ситуации.

Рассмотрим данный класс на примерах **жестов политика и телеведущего**: «Кому **выгодно** это все?», «Не было той конкретики, как помочь **выжить** простому человеку» — резкий кивок головой назад. Явное ощущение недовольства, осуждения. Данный жест нечасто встречается в бытовой ситуации и был рассмотрен опрашиваемыми аналогично как отрицательный. Некоторые опрашиваемые пояснили, что резкость для них свидетельствует о пренебрежении.

«**Первое**, я так скажу, это **США** (пауза), это **Россия** (пауза), это **Китай**», «мы говорим **о конституции**, **о новых пунктах**, которые мы хотим внести». Выпад корпуса вперед с интенцией подчеркнуть релевантную информацию. Однако, как заявили многие опрошенные, данный жест может рассматриваться как признак агрессии, желание припугнуть собеседника.



Рис. 1



Рис. 2



Рис. 3

«А у нас в России? **Отъедьте от Красноярска на 50 км** — нету медицины». Резкий кивок головой в сторону как указание дальности. Данный жест практически совпадает с ожиданиями респондентов, но есть сомнения, что это движение указало бы на обратный путь, движение назад, регресс, указание на другого человека (возможно, низшего социального статуса). «**Они очень болезненно один вопрос подняли**», «Что мы можем? Мы ничего не можем — мы **не хотим. Мы сознательно не хотим этого**, я к этому пришел выводу», «Ведь **я тогда говорил!**» Кисть руки зажата в кулак, выбрасывается указательный палец. Данный жест демонстрируется в непосредственной близости к корпусу говорящего, что подчеркивает его личную причастность к обсуждаемой ситуации, в частности его авторитетное резюмирующее мнение.



Рис. 4

«...Если вы видите **это** интервью...» — левая кисть руки, ранее слегка собранная в кулак, раскрывается, при этом кончики пальцев однократно касаются листа (с заготовленными политическими вопросами). Кинема уточняющего характера с физическим контактом. Опрошенные подтвердили значение данной кинемы, дали уточняющее значение доверия в отношении к собеседнику (очевидно, этому поспособствовала раскрытая ладонь).

Жест «троекратное постукивание кулаком» по столу является реакцией на слова политика: «Сегодня не все такие устойчивые, например, как ты, Дмитрий». Отклик славянской мифологии (примета — не навлечь на себя беду) можно проследить в реакции ведущего на информацию, что коронавирусная инфекция его не коснулась. Все респонденты указали на эту же примету.



Рис. 5



Рис. 6



Рис. 7



Рис. 8

«...В тысячу раз меньше. Вот оно могущество наше **державное российское** на фоне той же Америки», — говорящий резко выбрасывает обе руки вверх, при этом кисти плотно сжаты в кулак. Данный жест в текущем контексте обозначает народное единение, силу. Согласно ситуации, этот жест ироничен и противопоставляется содержанию реплики. По мнению опрошенных, данный жест является крайне агрессивным, выражает открытую угрозу, возможно, физическую расправу. Руки наверху говорят о демонстрации авторитета, силы перед противником.

«**Не надо ему делать комплимент**», «...это люди, **которые не переобуваются в воздухе и не лицемерят**», — горизонтальное движение головой из стороны в сторону в значении отрицания. Глаза двигаются в сторону поворота головы. Жест отрицания, несогласия, неприятия обсуждаемой информации. Данный жест совпадает с представлением опрашиваемых. Некоторые коммуникативные эмблемы содержат в своей семантике указание на участников актуальной ситуации общения, на объект и его параметры, на место и время, релевантные для этой ситуации. Например, для невербального выражения смысла «я» европейцы и русские часто показывают указательным пальцем или рукой на область сердца или груди. «**Ты же знаешь, я всегда...**» — правая рука до локтя поднимается, ладонь делает указывающий жест в сторону журналиста. Данный жест, помимо указательной функции, говорит о намерении подчеркнуть доверительные отношения среди говорящих. Опрашиваемые подтвердили указательную функцию жеста, однако пояснили, что, с точ-

ки зрения этики, он уместен только в личной беседе или вовсе нежелателен для указания на человека. Неспроста детей просят не указывать пальцем на объект, а называть его.

«**Я лично — историк** и изучал **ГУЛАГ** и всё остальное...», «например, что бы **я** сделал...» — рука может быть сжата в кулак или же раскрыта ладонью к себе и прижимается к груди говорящего. Жест-аргумент — в данном случае говорящий обращает внимание на свой личный опыт и считает его весомым доводом. Большинство респондентов отметило, что данный жест призывает к доверию к словам говорящего. Были мнения, что кулаком (ладонью или пальцем) человек просто может указывать на себя.

Были замечены следующие мимические реакции.

При прослушивании вопросов интервьюера взгляд политического лидера направлен прямо на собеседника, замечается появление межбровных мимических морщин. «Все то, **что они пытаются перекрывать...**» Так говорящий выражает свое негативное отношение — прищуривание выражает эмоцию подозрительности. Большинство респондентов отметило данную реакцию как стремление разглядеть что-то (т.е. преодоление физического барьера, слабое зрение), далее как стремление поддеть человека (в совокупности с улыбкой), выражение открытого недоверия.

«**А почему?** А потому что Россия кормит Запад». Глаза широко распахнуты, брови высоко подняты. Эмоция удивления. Политик обращается с вопросом к телеведущему, однако очевидно, что в данном контексте вопрос был поставлен риторически.



Рис. 9



Рис. 10



Рис. 11



Рис. 12

«*Ты* же знаешь, я всегда...» — взгляд резко направляется вверх, отмечается наморщивание лба (стремление вверх), что делает взгляд более открытым, стремление подчеркнуть доверительные отношения с интервьюером, убедить его в своей честности. Данный жест показался респондентам знаком удивления от позитивного или негативного триггера. Элемент манипулирования в данной мимической реакции никто не отметил.

«...Меня трудно *как-то чем-то* расстроить или...» — взгляд дублирует наклоны головы из стороны в сторону, показывая диапазон сфер возможных негативных ситуаций. По мнению опрошенных, данный жест выражает сомнение, неуверенность, отрицание, горе, бессилие.

«*Первое*, я так скажу, это *США* (пауза), это *Россия* (пауза), это *Китай*». Наблюдается усиленное моргание, которое свидетельствует о возбужденной реакции говорящего (в контексте недовольства, делается сопоставление и перечисление недостатков каждой стороны); беглый взгляд, на ключевых словах спикер делает паузу, при этом закрывает глаза, а затем фокусируется на журналисте, как бы зывая к его реакции, комментарию. Еще одна неоднозначная реакция, вызвавшая разнообразные мнения у опрошенных. Моргание глаз, по словам участников опроса, свойственно лжецам, также может служить знаком трепетания, страха. Отмечена и реакция презрения.

«*У нас тоже есть и либералы, и демократы, которые активно участвуют в другой стороне*». Наблюдается незначительный статический поворот головы, взгляд сфокусирован на собеседнике, моргания исключены, устойчивое прищуривание, которое свидетельствует о недоверчивом отношении к информации, возможно и выражение презрения. Данный жест был рассмотрен как вызов, обращенный к собеседнику, ожидание его комментария; напористый взгляд рассматривают как элемент давления на собеседника.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На данных примерах очевидно, как политики перед камерой используют арсенал невербалики, отличный от обычного сопровождения речи. Мимические выражения, взгляд и жесты вышеупомянутых политических лидеров образуют индивидуальный невербальный профиль. Все составляющие такого профиля имеют прагматический, социальный и эмоциональный компонент и восходят к персональному идиостиллю коммуниканта. Говоря об эффективности общения, стоит подчеркнуть, что совокупность

невербальных знаков объединяется в поведенческий паттерн, который помогает политике произвести желаемое прагматическое воздействие. При помощи невербальных знаков коммуникант показывает свое отношение к собеседнику, к ситуации, к окружающей обстановке. Информация, передаваемая через различные невербальные каналы, способна оказывать влияние на собеседника и формировать у него тот или иной образ, закладываемый коммуникантом. Принципиальным условием является правильное распознавание и интерпретация невербальных посланий. Управляя своим неречевым поведением, человек способен овладеть эффективным средством вступления в контакт с другим коммуникантом и влиять на него в процессе общения. Все вышеупомянутые составляющие формируют имидж политика, который он использует в прагматических целях в контексте политического дискурса.

### ИСТОЧНИКИ

1. Видеоматериал № 1. «Зачем власти разжигают панику из-за коронавируса?» // YouTube : сайт. — 2020. — Длительность: 36 мин. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bC9-nlvUp2U> (дата обращения: 19.10.2020). — Изображение (движущееся ; двухмерное) : электронное.
2. Видеоматериал № 2. Грудинин: «Сталин наш лучший лидер за 100 лет» // YouTube : сайт. — 2020. — Длительность: 71 мин. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IPXiNiXUFI> (дата обращения: 19.10.2020). — Изображение (движущееся ; двухмерное) : электронное.
3. Видеоматериал № 3. «О стабильности и зastoе в экономике (интервью ТАСС)» // Президент России : сайт. — 2020. — Длительность: 7 мин. 15 с. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62931> (дата обращения: 19.10.2020). — Изображение (движущееся ; двухмерное) : электронное.
4. Видеоматериал № 4. Интервью с Сергеем Собяниным о фестивале «Московское лето» // YouTube : сайт. — 2015. — Длительность: 12 мин. 18 с. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E0GcPE-yQMq> (дата обращения: 19.10.2020). — Изображение (движущееся ; двухмерное) : электронное.
5. Видеоматериал № 5. Борис Немцов: «Чего боится Путин?» // YouTube : сайт. — 2014. — Длительность: 54 мин. 54 с. — URL: <https://youtu.be/u15XaoJ8LpA> (дата обращения: 19.10.2020). — Изображение (движущееся ; двухмерное) : электронное.

### ЛИТЕРАТУРА

6. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. — Санкт-Петербург : Азбука, 2014. — 320 с. — Текст : непосредственный.
7. Борисова, Е. Г. Политическая лингвистика или лингвополитология? / Е. Г. Борисова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика: проблематика, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015) / гл. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2015. — 248 с.
8. Грищева, Е. С. Современный политический дискурс в контексте коммуникативной и языковой прагматики : монография и системный словарь-справочник «Язык политика» / Е. С. Грищева, Е. В. Кобец, И. В. Пекарская, Е. А. Шпомер ; под ред. И. В. Пекарской. — Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2012. — 284 с. — Текст : непосредственный.
9. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — 311 с. — Текст : непосредственный.

10. Желтухина, М. Р. Воздействие медиадискурса на адресата : учеб. пособие / М. Р. Желтухина. — Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. — 91 с. — Текст : непосредственный.

11. Карасик, В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2015. — 384 с. — Текст : непосредственный.

12. Крейдлин, Г. Е. Словарь русских жестов / Г. Е. Крейдлин. — Москва : Языки русской культуры ; Вена : Венский славистический альманах, 2001. — 256 с. — Текст : непосредственный.

13. Крейдлин, Г. Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге: II Б. Дейктические жесты и речевые акты / Г. Е. Крейдлин. — Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Междунар. конф. «Диалог-2008» (Бекасово, 4—8 июня 2008 г.). — Москва, 2008. — Вып. 7 (14). — С. 248—253.

14. Лабунская, В. А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход) / В. А. Лабунская. — Изд-во Ростовского ун-та, 1986. — 136 с. — Текст : непосредственный.

15. Могилевич, Б. Р. Социально-политический дискурс в контексте межкультурной коммуникации / Б. Р. Могилевич. — Саратов : Научная книга, 2007. — 161 с. — Текст : непосредственный.

16. Павлова, Е. К. Проблемы взаимопонимания в глобальном политическом дискурсе : моногр. / Е. К. Павлова. — Москва : МАКС Пресс, 2012. — 386 с. — Текст : непосредственный.

17. Русакова, О. Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс / О. Ф. Русакова. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2012. — 400 с. — Текст : непосредственный.

18. Стернин, И. А. Модель русского невербального коммуникативного поведения / И. А. Стернин. — Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. — 159 с. — Текст : непосредственный.

19. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 254 с. — Текст : непосредственный.

20. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.

**E. V. Zhuravleva**

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4412-0843 

 **E-mail:** [Ekawit745@gmail.com](mailto:Ekawit745@gmail.com).

## Specific Features of the Non-Verbal Component of Political Communication (On the Example of Russian TV Shows)

**ABSTRACT.** *The article explores the non-verbal component on the material of political television communication. The author focuses on a number of issues related to the peculiarities of the influence upon the listener of the non-verbal component in the political environment in the context of media discourse. Specifically, the author singles out elements of non-verbal kinds of communication. They are classified both from the point of view of types of non-verbal means of communication (kinetics, oculosiks, gestures, etc.) and from the point of view of their meaning in the given context. The latter if compared with the meaning registered in the dictionaries of gestures and other non-verbal signs. Video fragments of modern Russian television communication, namely interviews of political leaders and TV presenters, were chosen as the material of the study. Methodologically, the author relies on the achievements and categories of linguistic semantics, pragmatics, theory of speech genres, and text theory. The aim of the current study is to reveal the motivation to use certain non-verbal units by speakers, to identify their influence on the addressee, and to compare the perception of the gestures, demonstrated by the participants in political debate, outside political discourse. The study shows that politicians demonstrate a whole set of gestures and facial expressions, which differs from everyday communication. Within the framework of political discourse, the pragmatic, social and emotional components form the profile of the communicant, which allows speaking about their personal idiosyncrasy. Thus, the image that the communicant lays down has a direct influence on the interlocutor, deliberately manipulating them. This makes it possible to speak about effective communication, which is facilitated by the whole complex of the non-verbal signs. By acting pragmatically, these components form the image of a politician, which they use for pragmatic purposes in the context of political discourse.*

**KEYWORDS:** *journalism; media linguistics; media texts; mass media; language means; political discourse; political linguistics; political communication; non-verbal communication; Russian television; TV communication; public communication; politicians; TV presenters; linguistic semantics; interview; political rhetoric; speech genres; speech.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Zhuravleva Ekaterina Vital'evna, Post-Graduate Student, Institute of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.*

**FOR CITATION:** *Zhuravleva, E. V. Specific Features of the Non-Verbal Component of Political Communication (On the Example of Russian TV Shows) / E. V. Zhuravleva // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 33-41. — DOI 10.26170/pl20-06-04.*

### MATERIALS

1. Video No 1. “Why are the authorities stirring up panic over the coronavirus?” // YouTube: site. — 2020. — Duration: 36 min. [Videomaterial № 1. «Zachem vlasti razzhigayut paniku iz-za koronavirusa?» // YouTube : sayt. — 2020. — Dlitel'nost': 36 min.]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bC9-nlvUp2U> (date of access: 19.10.2020). — Image (moving ; 2D) : electronic. — (In Rus.)

2. Video No. 2. Grudinin: “Stalin is our best leader in 100 years” // YouTube: website. — 2020. — Duration: 71 min. [Videomaterial № 2. Grudinin: «Stalin nash luchshiy lider za 100 let» // YouTube : sayt. — 2020. — Dlitel'nost': 71 min.]. — URL:

[https://www.youtube.com/watch?v=\\_IPXiNIXuFI](https://www.youtube.com/watch?v=_IPXiNIXuFI) (date of access: 19.10.2020). — Image (moving ; 2D) : electronic. — (In Rus.)

3. Video No. 3. “On stability and stagnation in the economy (interview to TASS)” // President of Russia: website. — 2020. — Duration: 7 min. 15 s. [Videomaterial № 3. «O stabil'nosti i zastoe v ekonomike (interv'y u TASS)» // Prezident Rossii : sayt. — 2020. — Dlitel'nost': 7 min. 15 s.]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62931> (date of access: 19.10.2020). — Image (moving ; 2D) : electronic. — (In Rus.)

4. Video No. 4. Interview with Sergei Sobyanin about the Moscow Summer festival // YouTube: website. — 2015. — Dura-

tion: 12 min. 18 s. [Videomaterial № 4. Interv'y u Sergeem Sobyanim o festivale «Moskovskoe leto» // YouTube : sayt. — 2015. — Dlitel'nost': 12 min. 18 s.]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E0GcPE-yQMQ> (date of access: 19.10.2020). — Image (moving ; 2D) : electronic. — (In Rus.).

5. Video No 5. Boris Nemtsov: "What is Putin afraid of?" // YouTube: site. — 2014. — Duration: 54 min. 54 s. [Videomaterial № 5. Boris Nemtsov: «Chego boitsya Putin?» // YouTube : sayt. — 2014. — Dlitel'nost': 54 min. 54 s.]. — URL: <https://youtu.be/u15XaoJ8LpA> (date of access: 19.10.2020). — Image (moving ; 2D) : electronic. — (In Rus.).

#### REFERENCES

6. Aristotle. Poetics. Rhetoric / Aristotle. — St. Petersburg : Azbuka, 2014. — 320 p. — Text : unmediated. [Poetika. Ritorika / Aristotel'. — Sankt-Peterburg : Azbuka, 2014. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Borisova, E. G. Political Linguistics or Linguistic Political Science? / E. G. Borisova. — Text : unmediated // Political Linguistics: problems, aspects of research and prospects for the development of a scientific direction : materials of the Intern. scientific conf. (Ekaterinburg, 27.11.2015) / ed.-in-chief A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2015. — 248 p. [Politicheskaya lingvistika ili lingvopolitologiya? / E. G. Borisova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika: problematika, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 27.11.2015) / gl. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2015. — 248 s.]. — (In Rus.)

8. Grishcheva, E. S. Modern Political Discourse in the Context of Communicative and Linguistic Pragmatics : monograph and system dictionary-reference book "Language of Politics" / E. S. Grishcheva, E. V. Kobets, I. V. Pekarskaya, E. A. Shpomer ; ed. I. V. Pekarskaya. — Abakan : Publishing house of the Khakassiya State Univ. n. a. N. F. Katanov, 2012. — 284 p. — Text : unmediated. [Sovremennyy politicheskyy diskurs v kontekste kommunikativnoy i yazykovoy pragmatiki : monografiya i sistemnyy slovar'-spravochnik «Yazyk politika» / E. S. Grishcheva, E. V. Kobets, I. V. Pekarskaya, E. A. Shpomer ; pod.red. I. V. Pekarskoy. — Abakan : Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2012. — 284 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Dyck, T. A. van. Language. Cognition. Communication / T. A. van Dyck. — Moscow : Progress, 1989. — 311 p. — Text : unmediated. [Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya / T. A. van Deyk. — Moskva : Progress, 1989. — 311 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Zheltukhina, M. R. Impact of Media Discourse on the Addressee : teaching aid / M. R. Zheltukhina. — Volgograd : Publishing house of VGSPU "Change", 2014. — 91 p. — Text : unmediated. [Vozdeystvie mediadiskursa na adresata : ucheb. posobie / M. R. Zheltukhina. — Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2014. — 91 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Karasik, V. I. Linguistic Manifestation of Personality / V. I. Karasik. — Moscow : Gnosis, 2015. — 384 p. — Text : unmediated. [Yazykovoe proyavlenie lichnosti / V. I. Karasik. — Moskva : Gnozis, 2015. — 384 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Kreydlin, G. E. Dictionary of Russian Gestures / G. E. Kreydlin. — Moscow : Languages of Russian Culture ; Vienna : Vienna

Slavic Almanac, 2001. — 256 p. — Text : unmediated. [Slovar' russkikh zhestov / G. E. Kreydlin. — Moskva : Yazyki russkoy kul'tury ; Vena : Venskiy slavisticheskiy al'manakh, 2001. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Kreydlin, G. E. Mechanisms of Interaction of Non-verbal and Verbal Units in Dialogue: II B. Deictic Gestures and Speech Acts / G. E. Kreydlin. — Text : unmediated // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: proceedings of the Intern. conf. "Dialogue-2008" (Bekasovo, 4—8 June 2008). — Moscow, 2008. — Iss. 7 (14). — P. 248—253. [Mekhanizmy vzaimodeystviya neverbal'nykh i verbal'nykh edinit v dialoge: II B. Deykticheskie zhesty i rechevye akty / G. E. Kreydlin. — Tekst : neposredstvennyy // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : trudy Mezhdunar. konf. «Dialog-2008» (Bekasovo, 4—8 iyunya 2008 g.). — Moskva, 2008. — Vyp. 7 (14). — S. 248—253]. — (In Rus.)

14. Labunskaya, V. A. Nonverbal Behavior (social-perceptual approach) / V. A. Labunskaya. — Publishing house of Rostov University, 1986. — 136 p. — Text : unmediated. [Neverbal'noe povedenie (sotsial'no-pertseptivnyy podkhod) / V. A. Labunskaya. — Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1986. — 136 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Mogilevich, B. R. Socio-political Discourse in the Context of Intercultural Communication / B. R. Mogilevich. — Saratov : Scientific Book, 2007. — 161 p. — Text : unmediated. [Sotsial'no-politicheskyy diskurs v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii / B. R. Mogilevich. — Saratov : Nauchnaya kniga, 2007. — 161 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Pavlova, E. K. Problems of Mutual Understanding in Global Political Discourse : monograph / E. K. Pavlova. — Moscow : MAKS Press, 2012. — 386 p. — Text : unmediated. [Problemy vzaimoponimaniya v global'nom politicheskome diskurse : monogr. / E. K. Pavlova. — Moskva : MAKS Press, 2012. — 386 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

17. Rusakova, O. F. Modern Political Philosophy: Subject, Concepts, Discourse / O. F. Rusakova. — Ekaterinburg : Discourse-Pi, 2012. — 400 p. — Text : unmediated. [Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, kontsepty, diskurs / O. F. Rusakova. — Ekaterinburg : Diskurs-Pi, 2012. — 400 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Sternin, I. A. Model of Russian Non-verbal Communicative Behavior / I. A. Sternin. — St. Petersburg : RGPU n. a. A. I. Herzen, 2001. — 159 p. — Text : unmediated. [Model' russkogo neverbal'nogo kommunikativnogo povedeniya / I. A. Sternin. — Sankt-Peterburg : RGPU im. A. I. Gertsena, 2001. — 159 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Chudinov, A. P. Political Linguistics : textbook / A. P. Chudinov. — 4th ed. — Moscow : Flinta : Nauka, 2006. — 254 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / A. P. Chudinov. — 4-e izd. — Moskva : Flinta : Nauka, 2006. — 254 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse / E. I. Sheygal. — Moscow : ITDGK "Gnosis", 2004. — 326 p. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa / E. I. Sheygal. — Moskva : ITDGK «Gnozis», 2004. — 326 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

**Р. И. Зарипов**

Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия  
ORCID ID: 0000-0001-9980-7928 

**Э. В. Будаев**

Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия  
ORCID ID: 0000-0003-2137-1364 

 **E-mail:** lieutenant-en-chef@ya.ru; aedw@mail.ru.

## Метафорические образы настоящего и будущего России во французских СМИ: внешнеполитические аспекты

**АННОТАЦИЯ.** Текущие политические события, находящие отражение в современных СМИ, свидетельствуют о новом витке ухудшения отношений между Россией и странами Запада. На этом фоне представляется актуальной задачей обращение к проблеме выявления особенностей метафорического образа будущего России в мировых СМИ, направленное на поиск специфики восприятия нашей страны за рубежом.

Цель исследования состоит в том, чтобы установить когнитивно-дискурсивные закономерности репрезентации образа настоящего и будущего России во французском дискурсе массмедиа. Для достижения поставленной цели применялась методика анализа метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии. Источником материала для анализа послужил корпус из 120 текстов ведущих вещательных, электронных и печатных СМИ Франции («Le Monde», «L'Express», «Le Point», «RFI», «Libération», «Le Nouvel Observateur» и т. д.).

В ходе исследования выявлены основные метафорические модели образа настоящего и будущего России: «РОССИЯ В БУДУЩЕМ — это ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО / УКРЕПЛЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ОБЪЕКТ»; «ПУТИН — это СТРАТЕГ / НЕЗАВИСИМЫЙ АКТОР / ВЕДУЩИЙ ИГРОК (АРБИТР) / ЛИДЕР ПОЛОЖЕНИЯ / ИЗОЛИРОВАННЫЙ СУБЪЕКТ»; «РОССИЯ И ЗАПАД — это РАЗНЫЕ МИРЫ (РАЗНЫЕ БЕРЕГА)»; «РОССИЯ — это ЧУЖОЙ». Исследование показало, что метафоры, репрезентирующие образ России во французском дискурсе массмедиа, носят амбивалентный характер: с одной стороны, они отражают исторически сформировавшиеся стереотипы о нашей стране, которые носят устойчивый и негативный характер, с другой — сами создают шаблоны концептуализации России и способствуют закреплению формирующихся моделей в сознании французской аудитории.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** журналистика; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; языковые средства; политический дискурс; политическая коммуникация; язык СМИ; французские СМИ; французский язык; политическая метафорология; политические метафоры; метафорическое моделирование; метафорические модели; метафорические образы; образ России; будущее России; внешняя политика; манипуляции сознанием; манипулятивное воздействие; общественное сознание.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, начальник отдела центра (лингвистического МО РФ) Военного университета Министерства обороны РФ; 111033, Россия, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 3/4; e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; e-mail: aedw@mail.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Зарипов, Р. И. Метафорические образы настоящего и будущего России во французских СМИ: внешнеполитические аспекты / Р. И. Зарипов, Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 42-52. — DOI 10.26170/pl20-06-05.

**ИНФОРМАЦИЯ О ФИНАНСИРОВАНИИ.** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31622.

Современная геополитическая обстановка характеризуется глобальной нестабильностью, перманентной напряженностью в межгосударственных отношениях, обостряющейся борьбой за природные ресурсы, структурным кризисом мировой финансово-экономической системы. Указанные процессы являются объектом пристального внимания глобальных и региональных средств массовой информации (далее — СМИ), благодаря которым современное общество

имеет доступ к актуальной и, на первый взгляд, непредвзятой информации. Тем не менее ведущие СМИ, формирующие мировую информационную картину, реализуют интересы крупных политических и экономических субъектов, что ведет к неизбежной манипуляции общественным сознанием. Эта манипуляция может проявляться в дезинформации, мифотворчестве, распространении панических сообщений, использовании метафорических моделей. На этом фоне

представляется актуальной задачей изучение особенностей метафорического образа настоящего и будущего России в СМИ Франции.

Изучению образа современной России во Франции посвящен ряд исследований отечественных специалистов. Одной из таких попыток стал сборник статей ИНИОН РАН [Образ современной России 2012], в котором известные историки, политологи и социологи рассмотрели специфику изображения России во французском информационном пространстве с конца 80-х гг. XX в. Другие научные работы были посвящены анализу образа России во французской прессе в конце XX — начале XXI в. [Богословская 2015; Зуева 2008; Цилюрик 2013] и изучению отдельных метафорических образов как символов нашей страны [Кондакова 2019].

Когнитивные методики лингвистического анализа дискурса массмедиа позволяют выявить общие и специфические закономерности употребления метафорических единиц, репрезентирующих объект исследования, сформировать метафорические модели, отражающие общую семантику информационных сообщений, определить манипулятивные посылы их отправителей. К первым публикациям, посвященным метафорическому образу России во французском информационном пространстве, относятся работы О. А. Шаовой [Шаова 2005; 2006]. В них впервые были описаны доминантные для французского дискурса массмедиа метафорические модели, типичные при образной номинации и характеристике России, а также констатировалось, что большинство рассмотренных концептуальных метафор «капеллируют к отрицательным для французов эмоциям и укрепляют в сознании адресата устойчивый комплекс представлений о „чуждости“ России французскому миру» [Шаова 2005: 7].

По результатам исследования метафорического образа России в современном французском политическом дискурсе [Зарипов 2016], охватывающего период 2010—2015 гг., было установлено, что использование метафорических выражений, обеспечивающих негативное восприятие реципиентом российских реалий, в течение длительного периода представляет собой неотъемлемую черту французского политического дискурса. Во французском медиаполе негативные метафорические образы России значительно преобладают над положительными. Широко представлены образы болезней, которые призваны отражать социальные и политические проблемы нашей страны, а также милитарные, криминальные, спортивные (игровые), ограничительные и монархи-

ческие образы, пронизанные концептуальными векторами опасности, тревожности, агрессивности, непредсказуемости.

В указанной монографии метафорическая репрезентация образа России рассматривалась в контексте таких политических сегментов, как «Дело Навального», «Олимпийские игры в Сочи», «Гражданская война на Украине». Позднее был проанализирован политический сегмент «Война в Сирии» [Зарипов 2017], который подтвердил выводы предыдущих исследований: освещение ведущими французскими СМИ российской операции с самого ее начала проходит в сдержанно-отрицательной манере. Метафорический образ России формируется посредством умеренно негативных оценок: 27,9 % от общего числа составляют отрицательные образы, нейтральные — 66,2 %, положительные — 5,9 %. Метафорическая мозаика образа России в рамках рассмотренного политического сегмента вписывается в общий контекст развернутой на Западе информационной войны против нашей страны, способствует навешиванию негативных ярлыков, мифотворчеству и дезинформации аудитории.

Анализ работ российских лингвистов начала XXI в., посвященных исследованию метафорического образа России в разных языковых сегментах дискурса массмедиа Западной Европы и США, позволяет говорить о том, что формирующиеся в них метафорические модели, как правило, однотипны, стандартны и в большинстве своем копируют друг друга. Так, в настоящее время на Западе распространены следующие модели образа нашей страны:

- **РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ** — это **ВОЙНА / ИГРА (СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ) / ТЕАТР (ЦИРК)**;

- **РОССИЯ** — это **(АБСОЛЮТНАЯ) МОНАРХИЯ / ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО / БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ / УЧАСТНИК ИГРЫ / СССР** и ряд других [Будаев 2006, 2009; Будаев, Чудинов 2006; Зарипов 2016; Иванова 2013; Красильникова 2007; Моисеева 2007; Орлова 2012; Санцевич 2003; Современная политическая лингвистика 2011; Чудинов 2003]. Все эти модели пронизаны отрицательными концептуальными векторами.

Таким образом, метафорическая мозаика образа России в политическом дискурсе стран Запада на данный момент достаточно статична. В этих условиях метафорическая мозаика образа *будущего* России формируется в неделимой связи с образами ее *настоящего*, расширяя и дополняя их метафорические смыслы. Она доструктурирует

ранее выявленные метафорические модели, привнося при этом отдельные элементы новых концептуальных установок.

Одним из аспектов международной повестки дня, вызывающих неподдельный интерес французских СМИ, является внешняя политика Российской Федерации. Особенно актуальной для обсуждения и изучения она стала в контексте внесения поправок в действующую конституцию страны, которые были приняты на всенародном голосовании 1 июля 2020 г. Они стали результатом фундаментального переосмысления национальной политической элитой актуальной геополитической обстановки, положения России в мире и основных направлений ее дальнейшего развития. Таким образом, значительные трансформации во внутривнутриполитической жизни страны могут в перспективе оказать влияние на ее внешнеполитическую линию, и именно это послужило поводом для активизации французской прессы.

Все внешнеполитические ходы Российской Федерации логично связываются французскими СМИ с личностью ее президента. Сильная президентская власть, равно как и вся конфигурация российской политической системы, осмысливается ими сквозь призму лексических единиц сферы-источника «Монархия». Не касаясь внутривнутриполитического аспекта, в рамках которого российский лидер изображается царем с неограниченной властью, отметим, что концептуальные смыслы монархических метафор образа России на внешнеполитическом треке дополняются смежными по сфере-источнику «имперскими» метафорами. Они подчеркивают экспансионистскую направленность ее внешней политики, реализуя отрицательные коннотации. Так, ее действия в контексте украинского и сирийского кризисов называются неоимперскими авантюрами (*aventures néo-impériales*), а президенту приписывают «чрезмерные империалистические амбиции» [Le Figaro, 11.09.20; Le Courrier de Russie, 02.10.20].

Несмотря на это, французские политические элиты признают сильные личные качества президента России. Его односторонние и независимые шаги характеризует частотная метафора: *Moscou souffle le chaud et le froid* [France 24, 05.09.2014]. Указанный фразеологизм в значении «делать погоду, хозяйничать» [Гак 2006: 995] используется субъектами политической коммуникации с целью создать у французской аудитории впечатление о полной свободе действий России в международных вопросах.

Лидерство и дальновидность шагов российского президента на внешнеполитическом

треке отражаются в различных театральных (концертных), военных, игровых (спортивных) и авторитарных метафорах. Его называют задающим темп дирижером оркестра [Le Figaro, 16.03.2016], королем международной шахматной доски [Le Figaro, 23.12.15], великолепным тактиком, стратегом [Le Figaro, 10.02.16], жандармом Ближневосточного региона [France 24, 10.04.17]. Вся политика российского президента в Сирии характеризуется как «геополитическое дзюдо» [Le Figaro, 10.02.2016], в результате которого Россия стала «верховным судьей» (*arbitre suprême*) и «ключевой фигурой» (*acteur incontournable*) в сложившейся ситуации [Le Figaro, 01.05.2016; RFI, 22.01.20]. По мнению французских СМИ, Путин все сделал в одиночку, решив без согласования, когда туда вмешиваться и когда оттуда выходить: *Sur la Syrie, Vladimir Poutine a fait cavalier seul jusqu'au bout, décidant — sans concertation — quand intervenir et quand s'en désengager* [L'Express, 15.03.2016]. Фразеологическая единица *faire cavalier seul* употребляется в переносном значении — «обогнать конкурентов на скачках» [Le Petit Larousse Illustré 2008: 170]. Фактическое значение выражения — «действовать в одиночку» [Гак 2006: 168]. Таким образом, этой метафорой подчеркивается полная самостоятельность России и ее лидерство в решении кризиса. С помощью операции в Сирии президенту России удалось вернуть страну в ряд великих держав, и в этом контексте его сравнивают с Шарлем де Голлем [RFI, 06.03.20].

В метафорическом представлении России фигурируют и образы азартных игр, в частности карт и шахмат. Если первые обычно передают оттенок непредсказуемости, скрытых планов, то вторые используются в контексте сложной и опасной внешнеполитической игры, где нужны взвешенные, продуманные решения и где необходимо продвигаться вперед и занимать новые позиции. Ср.:

1. *Oui, c'est un jeu dangereux parce qu'on ne sait pas avec certitude si Poutine a toutes les cartes en main. Mais le chef de l'État russe part de la constatation que l'Europe est en pleine crise économique, que les États-Unis sont occupés en Syrie et en Irak. Il sait pertinemment que l'Otan n'interviendra jamais. Il se dit qu'il a une carte à jouer. Et qu'il doit la jouer maintenant* [France 24, 28.08.14]. / Да, это опасная игра, потому что мы точно не знаем, есть ли у Путина все карты на руках. Но президент России исходит из того факта, что Европа находится в разгаре экономического кризиса, а США заняты Си-

рией и Ираком. Он прекрасно знает, что НАТО никогда не вмешается. Он понимает, что ему есть с какой карты пойти. И что он должен с нее пойти сейчас же.

2. *Poutine c'est un joueur d'échecs, stratège... il domine le jeu international, il est en train d'avancer ses pions; est-ce qu'il est prêt à pousser immédiatement son cheval pour gagner, c'est pas sûr, mais il avance ses pions pour prendre sa place* [Le Parisien, 03.03.14]. / *Путин — это шахматист, стратег... он лидирует в международной игре, он двигает вперед свои пешки; нельзя точно сказать, готов ли он немедленно сделать ход конем для победы, но он двигает вперед свои пешки, чтобы занять позицию.*

Столкновение геополитических интересов Запада и России преподносится как грандиозная игра, в которой есть игроки: Россия, ЕС и США — и в которой лидирует Владимир Путин. Ему есть «с чего ходить» (*Il se dit qu'il a une carte à jouer*), и он «играет одновременно на двух досках» (*Le président Vladimir Poutine joue "comme à son habitude" sur les deux tableaux: diplomatie et offensive*) [France 24, 28.08.14]. Через концепты игры в карты и шахматы авторы политических текстов показывают превосходство российского президента и доминирующее положение России в украинском и сирийском кризисах.

В контексте возобновления активных боевых действий между Арменией и Азербайджаном Россия также видится ключевым игроком в Кавказском регионе — *maître du jeu*. При этом президент России насквозь видит игру Турции в этом конфликте [Le Courrier de Russie, 28.10.20].

Таким образом, вся совокупность метафорических смыслов образа России и российского президента, воспроизводящихся во французском дискурсе массмедиа во внешнеполитическом контексте, позволяет точно определить основные концептуальные установки СМИ: «РОССИЯ (ПУТИН) — это ЛИДЕР ПОЛОЖЕНИЯ», «РОССИЯ (ПУТИН) — это ВЕДУЩИЙ ИГРОК (АРБИТР)», «РОССИЯ (ПУТИН) — это НЕЗАВИСИМЫЙ АКТОР». Метафорические смыслы указанных моделей контекстуально экстраполируются субъектами массовой коммуникации как минимум на текущий политический период до 2024 г. с учетом обновления Конституции РФ и перспективы продления властных полномочий В. В. Путина в том или ином качестве на более поздний срок.

Тем не менее, признание заслуг и личных качеств российского президента намеренно разбавляется и нивелируется французскими СМИ иронией, а также нейтраль-

ным либо негативным контекстом: *Donc, Poutine est le seul capitaine possible du "vaisseau Russie" dans un monde instable et plein de périls* [Le Figaro, 25.03.20] / *Итак, Путин — единственный возможный капитан корабля „Россия“ в нестабильном мире, полном опасностей.* Субъектами информационного воздействия подбирается предвзятый, полный лжи и стереотипов контекст, который указывает реципиенту на то, что эти качества реализуются в деструктивном для населения России и международной безопасности ключе. Во внешней политике это создание международной напряженности, угроза соседним странам, «интервенция» в САР и т. д.: *Tous souhaitent une amélioration des relations avec Moscou. M. Poutine répond par le blocage sur l'Ukraine, la cyberguerre, les bombardements d'hôpitaux en Syrie, la paralysie du Conseil de sécurité à l'ONU, la réécriture de l'histoire du XXe siècle* [Le Monde, 11.03.20] / *Все хотят улучшения отношений с Москвой. Господин Путин отвечает блокированием Украины, кибервойной, бомбардировками госпиталей в Сирии, парализацией Совета Безопасности ООН, переписыванием истории XX века.* В подобных сообщениях, содержащих стереотипогенные элементы, субъекты массовой коммуникации могут вводить несколько типов метафор одновременно, например, ограничительные и морбиальные.

Как правило, обвинения России во всех бедах выдвигаются французской прессой в безапелляционном, манипулятивном формате, отменяя презумпцию невиновности и преподнося домыслы и предположения как свершившийся факт. Неотъемлемым элементом таких выпадов выступают криминальные метафоры, которые формируют образ преступника и реализуют отрицательные концептуальные смыслы: *Plus largement, pris en flagrant délit de violation des droits de l'homme ou du droit international, ou démasqué après coup, le pouvoir russe ne lésine jamais sur le déni* [Libération, 03.09.20] / *Более того, российская власть никогда не скупится на отрицания после того, как ее разоблачили задним числом или взяли с полным в вопросе нарушения гуманитарного или международного права.* В современном мире многие субъекты международной политики и массовой коммуникации уже не утруждаются приведением конкретных доказательств совершения какого-либо деяния. Теперь важно иное: как можно быстрее отреагировать на событие, завоевать господство в информационном пространстве (которое за пределами русскоязычного сегмента а priori принадлежит западным СМИ), орга-

низовать массивную информационную атаку против оппонента и как можно сильнее его дискредитировать в глазах международной общественности. Для этого следует как можно дольше повторять против него одни и те же обвинения и манипулятивно преподносить их как свершившийся факт. Тогда со временем аудитория примет их как не подлежащие сомнению.

Сложный и неоднозначный образ будущего России репрезентируется комплексом метафор, имеющих в своей основе различные сферы-источники. Например, нередко сочетаются военные и ограничительные метафоры, между которыми существует достаточно тонкая смысловая грань. Так, нерушимая крепость (*forteresse indestructible*), которой изображается Россия в условиях внешней враждебной, «токсичной» среды, представляет собой укрепленный военный объект. Однако если вовремя не остановиться в отмежевании от Запада и самоизоляции, вместо «величественной цитадели» (*noble citadelle*) и «неприступного гарнизона» (*place forte inexpugnable*) можно построить отрезанный от мира бункер (*bunker*) [Le Courrier de Russie, 13.07.20], который также представляет собой укрепленный военный объект, каземат, а именно «укрытие, служащее для защиты от артиллерийского огня, воздушных атак» [Dictionnaire Hachette 2012: 261]. Тем не менее, есть важное отличие: бункер герметичен, отрезан от мира, часто находится глубоко под землей, в него очень сложно попасть, из него затруднительно выйти, а «в его уродстве легко можно пропасть» [Le Courrier de Russie, 13.07.20].

В этой развернутой метафоре, имеющей в своей основе военный компонент, присутствует и оттенок заточения, заключения в бункере как месте лишения свободы: его обитатели «подчинены строгой дисциплине, приближающей их существование к жизни заключенных» [Там же].

Из перечисленных метафорических образов определяются две основные концептуальные установки текста. Во-первых, РОССИЯ в настоящем — это КРЕПОСТЬ, из чего следует, что страна находится в состоянии обороны, внутренней мобилизации. Действительно, режим санкций и атмосфера геополитического противостояния способствуют созданию в массовой коммуникации образа России, находящейся в осаде (*forteresse assiégée*) и борющейся против всех в одиночку [RFI, 24.06.20]. Текст обновленной Конституции, по мнению автора, наводит на мысли о самокопывании (*l'esprit de retranchement*) как фортификационных окопных работах войсками на месте своего располо-

жения и самоизоляции (*l'esprit de repli sur soi*) [Le Courrier de Russie, 13.07.20] как психологическом приеме «ухода в себя», ограждения от внешней среды, что несет в себе ограничительный метафорический смысл [Le Robert illustré 2013: 1623].

Во-вторых, РОССИЯ будущего — это БУНКЕР, т. е. отрезанный от внешнего мира, изолированный объект. Концептуально такой метафорический образ моделирует дальнейшее развитие внешней политики страны, а именно ее отдаление и затем полное обособление от международного сообщества. Уже сейчас Россию называют «одинокой державой» (*puissance solitaire*) [Le Monde, 28.02.20].

Намеренная пейоратизация образов настоящего и будущего России в какой-то мере может объясняться завистью определенных слоев французского общества к ее возрождению и возвращению статуса мировой державы, поскольку это во многом отражает великое прошлое самой Франции, которому нынешняя Пятая республика, к их большому сожалению, не соответствует, как не соответствуют уровню исторических фигур Наполеона, де Голля и Жанны д'Арк современные французские государственные деятели. С другой стороны, установки на дискредитацию и даже демонизацию России французскими и мировыми СМИ обусловлены открытым политическим заказом западных политических элит, которым невыгодно ее возвышение и улучшение ее имиджа в мире [см.: Попова, Зарипов 2017]. При этом французская журналистика применяет двойные стандарты: огромная машина массовой коммуникации, которая господствует в информационном пространстве стран Запада и формирует однообразное видение аспектов его внешней политики в отношении России, пропагандой не называется, однако на российскую интерпретацию происходящих событий навешивается именно этот ярлык.

Несмотря на существование концепции единой Европы «от Лиссабона до Владивостока» и ее неоднократное упоминание французскими властями, в настоящее время во Франции не относят нашу страну к европейской системе координат, пытаются вернуть ее из другой галактики [L'Express, 24.06.20]. Российско-французское взаимодействие все более походит на «диалог глухонемых» (*dialogue de sourds*) [Le Courrier de Russie, 02.10.20], при этом французские политики не воспринимают Россию как надежного партнера из их собственной среды и с аналогичными ценностями (ЧУЖОЙ): *On dit qu'il faut une grande cuillère pour manger avec les Russes. Nous avons une grande cuillère et*

*nous savons l'utiliser quand il faut...* [Le Monde, 07.12.19].

Если вы едите с кем-то из общего котла, но утверждаете, что вам нужна большая ложка, это значит, что вы сомневаетесь в том, что сможете наесться, и значит, не доверяете товарищу или и вовсе считаете его чужим, незнакомым человеком. Если вам нужна в такой ситуации большая ложка, то вы не уверены в нем и думаете, что он будет есть быстро и не оставит вам ничего. Такова общая коннотация этой метафоры. Таким образом, с русскими, по мнению Ж.-И. Ле Дриана, нужно быть начеку, чтобы они тебя не обманули и не остались в выигрыше. Это мышление человека, который не воспринимает другого как своего ближнего, которому можно доверять.

Между Россией и Западом констатируется наличие все более расширяющегося рва (*fossé*) и даже целой пропасти (*gouffre*) непонимания в решении многих международных проблем [Ouest-France, 20.03.14; Le Point, 07.08.14]. Так, в разгар украинского кризиса было констатировано, что мосты между сторонами сожжены (*Cela veut dire concrètement que les ponts seront coupés sur beaucoup de sujets*) [Le Parisien, 03.03.14]. На фоне инцидента с А. Навальным и комментариями российского руководства французская пресса посчитала, что президент России находится «в другом мире» (*dans un autre monde*) [Libération, 23.09.20]. Все эти метафоры являются элементами выстраиваемой метафорической модели «РОССИЯ И ЗАПАД — это РАЗНЫЕ МИРЫ (РАЗНЫЕ БЕРЕГА)», которая реализует метафорические смыслы взаимного размежевания и отдаления ввиду фундаментального различия ценностных взглядов и подходов к внутренней и внешней политике.

В контексте провокации с А. Навальным в статьях французской прессы снова начинают присутствовать ограничительные метафоры, реализующие отрицательные концептуальные векторы. Так, заявляется, что пространство президента России для маневра отныне ограничено (*champ de manœuvre réduit*), при этом он «отключен» от внешнего мира (*déconnecté*) и «изолирован в башне из слоновой кости» (*isolé dans une tour d'ivoire*) [Libération, 23.09.20; RFI, 01.07.20]. Выражение *tour d'ivoire* означает уход человека из общественной жизни с целью себя не скомпрометировать [Le Robert illustré 2013: 1906—1907] и создает образ, вписывающийся в ограничительную метафорическую модель образа России.

Французская пресса спешно посчитала, что этот инцидент чрезвычайно усугубит и

без того подорванные связи России и Запада, и метафорически представила его последней каплей, переполнившей вазу: *L'affaire Navalny empoisonne de façon vraiment sérieuse les relations entre les deux pays. C'est en quelque sorte la goutte d'eau qui fait déborder le vase* [L'Express, 07.09.20]. Однако дело Навального не вызвало необратимых последствий в двусторонних и многосторонних отношениях: плотная международная повестка осени 2020 г. с конфликтом в Нагорном Карабахе, многочисленными терактами на почве религиозного радикализма и продолжением пандемии коронавируса потребовала более тесных контактов и сотрудничества, а не разъединения и конфронтации.

Францию все более беспокоит сближение и взаимовыгодное сотрудничество Пекина и Москвы, которое стало косвенным следствием ее собственных враждебных действий. Французское политическое руководство не может до конца определиться, как вести себя с Россией. С одной стороны, оно осуждает ее действия на международной арене, принимает против нее санкции, вмешивается в ее внутренние дела (как было, например, с тем же А. Навальным); с другой стороны, периодически сближается с ней по ряду вопросов, в том числе в связи с возобновлением горячей фазы конфликта в Нагорном Карабахе. В Париже критикуют своего президента за то, что на фоне волнений в Белоруссии он требует от «диктатора» Лукашенко покинуть свой пост, однако при этом «дружит» с «самодержцем» Путиным: *...certain nombre d'analystes, proches de l'opposition... trouvent le président français peu cohérent dans ses principes — demandant le départ du "dictateur" Loukachenko tout en faisant ami-ami avec l'"autocrate" Poutine* [Le Courrier de Russie, 02.10.20]. Это периодическое «потепление» отношений с Россией обусловлено ее сближением с Китаем и желанием французов не потерять связи с Москвой окончательно. Кроме того, французские и российские политические элиты в какой-то степени объединяет ненависть по отношению к США [Там же], у которых, впрочем, первые находятся если не в подчинении, то в зависимости.

Геополитическое будущее России, по мнению французских СМИ, во многом будет зависеть от степени взаимодействия Москвы и Пекина. Если оно будет создано на основе равноправия, то через 30 лет этот союз сможет доминировать в мире, а Москва будет находиться «в авангарде вопросов обороны и безопасности» (*à l'avant-garde des questions de sécurité et de défense*). В этом

случае сотрудничество с Европой будет развиваться, и к 2050 г. Россия сама «должна будет засыпать ров», о котором говорилось выше [Areion24.news, 16.12.19].

Второй сценарий развития событий — гегемонистский — подразумевает независимую и агрессивную политику России, которая будет укреплять свое господство на территории своей бывшей империи, ближнего зарубежья за счет своих «козырей» (*atouts*), таких как военная сила, углеводородные резервы, контроль северо-восточного морского пути.

Наконец, третий вариант для нее неутешителен: она может стать сырьевым придатком Китая, которому остро будут необходимы ресурсы для противостояния с США. В этом случае Россия видится французам китайской периферией (*périphérie chinoise*) [Russia Beyond, 28.02.17].

По результатам синхронического анализа метафорических образов настоящего и будущего России в контексте ее внешней политики можно констатировать, что французские СМИ реализуют при ее характеристике отрицательные коннотативные смыслы и проводят концептуальные векторы агрессивности, опасности, отчуждения от внешнего мира и др. Информация подается аудитории предвзято, гипертрофированно и содержит значительное количество субъективно-оценочных и эмоционально-экспрессивных единиц. В частности, французская пресса suggestively формирует манипулятивные послылы, в соответствии с которыми Россия изолирует себя от внешнего мира, переходит в глухую оборону против коллективного Запада и уже сточает режим внутри страны.

Положительные маркеры репрезентации России во французских СМИ фигурируют лишь в контексте сильных личных качеств ее президента. Она изображается добившейся во внешней политике определенных успехов и вернувшей статус одной из ведущих мировых держав, но непредсказуемой, опасной и дестабилизирующей международную обстановку. В дальнейшем ее положение будет зависеть от степени взаимодействия с Китаем, в котором ей необходимо нивелировать отставание в экономической составляющей своими передовыми технологическими разработками в области обороны, безопасности, атомной энергетики. Европа, в первую очередь в лице Франции, время от времени пытается сблизиться с Москвой, чтобы окончательно не потерять в ее лице партнера, с которым можно решать различные международные вопросы, однако обеим сторонам в этом мешает фундаментальное различие в понимании равноправного взаимодействия и

деградировавшая система двусторонних отношений.

В ходе исследования выявлены элементы следующих метафорических моделей образа настоящего и будущего России, отражающие основные концептуальные установки (манипулятивные послылы) французского дискурса массмедиа:

- **РОССИЯ В БУДУЩЕМ** — это **ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО / УКРЕПЛЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ОБЪЕКТ**;

- **ПУТИН** — это **СТРАТЕГ / НЕЗАВИСИМЫЙ АКТОР / ВЕДУЩИЙ ИГРОК (АРБИТР) / ЛИДЕР ПОЛОЖЕНИЯ / ИЗОЛИРОВАННЫЙ СУБЪЕКТ**;

- **РОССИЯ И ЗАПАД** — это **РАЗНЫЕ МИРЫ (РАЗНЫЕ БЕРЕГА)**;

- **РОССИЯ** — это **ЧУЖОЙ**.

Исследование показало, что метафоры образа будущего России во французском дискурсе массмедиа носят ярко выраженный амбивалентный характер: с одной стороны, они отражают исторически сформировавшиеся стереотипы о нашей стране, которые носят устойчивый и негативный характер, с другой — сами обладают значительным стереотипогенным потенциалом и способствуют закреплению формирующихся моделей в сознании французской аудитории.

#### ИСТОЧНИКИ

1. Bastié, E. En Russie, l'angoisse autour du coronavirus renforce Poutine // Le Figaro / E. Bastié. — URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/en-russie-l-angoisse-autour-du-coronavirus-renforce-poutine-20200325> (date of access: 21.10.2020). — Text : electronic.

2. Boitiaux, C. Ukraine: le “double jeu dangereux” de Vladimir Poutine / C. Boitiaux // France 24. — URL: <http://www.france24.com/fr/20140828-ukraine-russie-poutine-double-jeu-dangereux-separatistes-donetsk-est-novoazovsk/> (date of access: 09.10.2020). — Text : electronic.

3. Bret, C. La Russie en 2050: le choix d'un monde / C. Bret. — Text : electronic // Areion24.news. — URL: <https://www.areion24.news/2019/12/16/la-russie-en-2050-le-choix-dun-monde/> (date of access: 30.10.2020).

4. Carballet, M. Poutine est obnubilé par la compétition / M. Carballet. — Text : electronic // Le Figaro. — URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/poutine-est-obnubile-par-la-competition-20200911> (date of access: 21.10.2020).

5. Dictionnaire Hachette. — Edition 2012. — Paris : Hachette Livre, 2011. — 1813 p. — Text : unmediated.

6. Dorman, V. Affaire Navalny : pour le Kremlin, une longue tradition de faux-semblants / V. Dorman. — Text : electronic // Libération. — URL: [https://www.liberation.fr/planete/2020/09/03/pour-le-kremlin-une-longue-tradition-de-faux-semblants\\_1798502](https://www.liberation.fr/planete/2020/09/03/pour-le-kremlin-une-longue-tradition-de-faux-semblants_1798502) (date of access: 17.10.2020).

7. Dorman, V. Quand Poutine raconte des craques à Macron, qui ne le croit pas / V. Dorman. — Text : electronic // Libération. — URL: [https://www.liberation.fr/planete/2020/09/23/quand-poutine-raconte-des-cracks-a-macron-qui-ne-le-croit-pas\\_1800342](https://www.liberation.fr/planete/2020/09/23/quand-poutine-raconte-des-cracks-a-macron-qui-ne-le-croit-pas_1800342) (date of access: 17.10.2020).

8. En Videos. Syrie: 5 mois d'intervention de la Russie en 5 moments-clés // L'Express. — URL: [https://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/en-videos-syrie-5-mois-d-intervention-de-la-russie-en-5-moments-cles\\_1773337.html](https://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/en-videos-syrie-5-mois-d-intervention-de-la-russie-en-5-moments-cles_1773337.html). — Text : unmediated.

9. Feertchak, A. Poutine en Syrie: le judoka de la géopolitique / A. Feertchak. — Text : electronic // Le Figaro. — URL: <http://>

[www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/02/10/31002-20160210ARTFIG00338-poutine-en-syrie-le-judoka-de-la-geopolitique.php](http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/02/10/31002-20160210ARTFIG00338-poutine-en-syrie-le-judoka-de-la-geopolitique.php) (date of access: 21.10.2020).

10. Feertchak, A. Poutine et la Syrie: le dessous des cartes / A. Feertchak. — Text : electronic // Le Figaro. — URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/03/16/31002-20160316ARTFIG00186-poutine-et-la-syrie-le-dessous-des-cartes.php> (date of access: 20.10.2020).

11. Frappes américaines en Syrie: Donald Trump, un va-t-en-guerre? (Partie 2) // France 24. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CF8UZ85Bokk> (date of access: 22.10.2020). — Text : electronic.

12. Golts, A. Haut-Karabagh. Le dilemme d'une intervention russe / A. Golts. — Text : electronic // Le Courrier de Russie. — URL: <https://www.lecourrierderussie.com/opinions/2020/10/haut-karabagh-le-dilemme-dune-intervention-russe> (date of access: 30.10.2020).

13. Iouanov, B. Macron-Poutine. Réconciliation au bout du fil / B. Iouanov. — Text : electronic // Le Courrier de Russie. — URL: <https://www.lecourrierderussie.com/international/2020/10/macron-poutine-reconciliation-au-bout-du-fil/> (date of access: 22.10.2020).

14. Kortounov, A. Entre citadelle et bunker / A. Kortounov. — Text : electronic // Le Courrier de Russie. — URL: <https://www.lecourrierderussie.com/international/2020/07/la-russie-entre-citadelle-et-bunker/> (date of access: 14.10.2020).

15. La Russie, un acteur incontournable sur la scène internationale? // RFI. — URL: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200308-russie-acteur-incontournable-scene-internationale> (date of access: 31.10.2020). — Text : electronic.

16. Le fossé se creuse entre la Russie et les Occidentaux // Ouest-France. — URL: <https://www.ouest-france.fr/europe/ukraine/crimee-le-fosse-se-creuse-entre-la-russie-et-les-occidentaux-2021501> (date of access: 15.10.2020). — Text : electronic.

17. Le Petit Larousse Illustré. — Paris : Larousse, 2008. — 1812 p. — Text : unmediated.

18. Le Robert illustré 2014. — Paris : Dictionnaires le Robert — SEJER, 2013. — 2101 p. — Text : unmediated.

19. Malbrunot, G. La Russie, arbitre suprême de la bataille d'Alep / G. Malbrunot. — Text : unmediated // Le Figaro. — URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2016/05/01/01003-20160501ARTFIG00166-la-russie-arbitre-supreme-de-la-bataille-d-al-ep.php> (date of access: 21.10.2020).

20. Mathieu, B. Malgré les cyberattaques russes, Macron tient au dialogue avec Poutine / B. Mathieu, A. Gylden, C. Haquet. — Text : electronic // L'Express. — URL: [https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/malgre-les-cyberattaques-russes-macron-tient-au-dialogue-avec-poutine\\_2129009.html](https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/malgre-les-cyberattaques-russes-macron-tient-au-dialogue-avec-poutine_2129009.html) (date of access: 14.10.2020).

21. Patriotisme et défilé militaire en Russie à la veille du référendum constitutionnel // RFI. — URL: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200624-patriotisme-et-d%C3%A9fil%C3%A9-militaire-en-russie-%C3%A0-la-veille-r%C3%A9f%C3%A9rendum-constitutionnel> (date of access: 15.10.2020). — Text : electronic.

22. Russie: la prochaine réforme de la Constitution divise l'opinion // RFI. — URL: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200701-russie-la-prochaine-r%C3%A9forme-la-constitution-divise-l-opinion> (date of access: 31.10.2020). — Text : electronic.

23. Semo, M. Le retour en force de la Russie / M. Semo. — Text : electronic // Le Monde. — URL: [https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/02/28/le-retour-en-force-de-la-russie\\_6031118\\_3232.html](https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/02/28/le-retour-en-force-de-la-russie_6031118_3232.html) (date of access: 17.10.2020).

24. Sept scénarios pour l'avenir de la Russie // Russia Beyond. — URL: <https://www.russiabeyond.com/fr/20140905-ukraine-pourparlers-cessez-le-feu-minsk-russie-porochenko-obama-hollande-poutine-donetsk-marioupol/> (date of access: 22.10.2020). — Text : electronic.

25. Smolar, P. A Prague, Le Drian veut rassurer les pays d'Europe centrale sur le dialogue avec la Russie / P. Smolar. — Text : electronic // Le Monde. — URL: [https://www.lemonde.fr/international/article/2019/12/07/a-prague-le-drian-veut-rassurer-les-pays-d-europe-centrale-sur-le-dialogue-avec-la-russie\\_6022037\\_3210.html](https://www.lemonde.fr/international/article/2019/12/07/a-prague-le-drian-veut-rassurer-les-pays-d-europe-centrale-sur-le-dialogue-avec-la-russie_6022037_3210.html) (date of access: 29.10.2020).

26. Ukraine: des pourparlers pour un cessez-le-feu s'ouvrent à Minsk // France 24. — URL: <https://www.france24.com/fr/20140905-ukraine-pourparlers-cessez-le-feu-minsk-russie-porochenko-obama-hollande-poutine-donetsk-marioupol/> (date of access: 22.10.2020). — Text : electronic.

27. Ukraine: les craintes d'une intervention russe s'accroissent // Le Point. — URL: [http://www.lepoint.fr/monde/ukraine-les-craintes-d-une-intervention-russe-s-accroissent-07-08-2014-1852023\\_24.php](http://www.lepoint.fr/monde/ukraine-les-craintes-d-une-intervention-russe-s-accroissent-07-08-2014-1852023_24.php) (date of access: 29.10.2020). — Text : electronic.

28. Ukraine: les Européens menacent la Russie de sanctions // Le Parisien. — URL: <http://www.leparisien.fr/flash-actualite-monde/ukraine-les-europeens-privilegient-le-dialogue-pour-faire-reculer-la-russie-03-03-2014-3639425.php> (date of access: 29.06.2014). — Text : electronic.

29. Un intense bras de fer diplomatique // Le Parisien. — URL: <https://www.leparisien.fr/archives/un-intense-bras-de-fer-diplomatique-03-03-2014-3637445.php> (date of access: 22.10.2020). — Text : electronic.

30. Véronique, P. Ultimatum, gazoduc... Les relations entre Moscou et Berlin mises à mal par le cas Navalny / P. Véronique. — Text : electronic // L'Express. — URL: [https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/ultimatum-gazoduc-les-relations-entre-moscou-et-berlin-mises-a-mal-par-le-cas-navalny\\_2134249.html](https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/ultimatum-gazoduc-les-relations-entre-moscou-et-berlin-mises-a-mal-par-le-cas-navalny_2134249.html) (date of access: 30.10.2020).

31. Vladimir Poutine ou le pouvoir sans fin // Le Monde. — URL: [https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/03/11/vladimir-poutine-ou-le-pouvoir-sans-fin\\_6032615\\_3232.html](https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/03/11/vladimir-poutine-ou-le-pouvoir-sans-fin_6032615_3232.html) (date of access: 14.10.2020). — Text : electronic.

32. Vladimir Poutine, Tsar sans limite? // RFI. — URL: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200122-vladimir-poutine-tsar-limite> (date of access: 15.10.2020).

33. Vulpillierès, E. de Colosimo: comment Poutine est devenu roi du grand échiquier international / E. de Vulpillierès. — Text : electronic // Le Figaro. — URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2015/12/23/31002-20151223ARTFIG00090-colosimo-comment-poutine-est-devenu-roi-du-grand-echiquier-international.php> (date of access: 20.10.2020).

#### ЛИТЕРАТУРА

34. Богословская, Г. В. Образ России во Франции в 2000—2012 гг. по материалам французской прессы / Г. В. Богословская. — Текст : непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. — 2015. — № 4-1 (88). — С. 61—65.

35. Будаев, Э. В. Метафорический образ России в современном мире: монография / Э. В. Будаев ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2009. — 276 с. — Текст : непосредственный.

36. Будаев, Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Будаев Э. В. — Екатеринбург, 2006. — Текст : непосредственный.

37. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2006. — 213 с. — Текст : непосредственный.

38. Гак, В. Г. Новый французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. — 11-е изд., стереотип. — Москва : Рус. яз., 2006. — 1160 с. — Текст : непосредственный.

39. Зарипов, Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии / Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 76—85.

40. Зарипов, Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе : моногр. / Р. И. Зарипов. — Москва : Р. Валент, 2016. — 220 с. — Текст : непосредственный.

41. Зуева, К. Образ России: взгляд из Франции / К. Зуева. — Текст : непосредственный // Мировая экономика и международные отношения. — 2008. — № 2. — С. 51—60.

42. Иванова, Е. В. Метафорический образ Родины (на примере монархической и театральной метафор в немецкой прессе) / Е. В. Иванова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 8 (26). — Ч. 2. — С. 73—76.

43. Кондакова, Ю. В. Образ медведя как символ России и его трансформация в современной французской политической прессе / Ю. В. Кондакова. — Текст : непосредственный // Вестник Краснодарского государственного института культуры. — 2019. — № 1 (18). — С. 20—29.

44. Красильникова, Н. А. «Заложники русского медведя»: метафорическое представление современной России в британских и американских СМИ / Н. А. Красильникова. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 1. — С. 42—49.

45. Моисеева, Т. В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ : дис. ... канд. филол. наук / Моисеева Т. В. — Екатеринбург, 2007. — 235 с. — Текст : непосредственный.

46. Образ современной России во Франции: опыт междисциплинарного анализа : сб. ст. / РАН ИНИОН ; отв. ред. Н. Ю. Лапина. — Москва, 2012. — 200 с. — Текст : непосредственный.

47. Орлова, Е. Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ : дис. ... канд. филол. наук / Орлова Е. Л. — Иркутск, 2012. — 190 с. — Текст : непосредственный.

48. Попова, Т. Г. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ / Т. Г. Попова, Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 5 (65). — С. 140—144.

49. Санцевич, Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции) : дис. ... канд. филол. наук / Санцевич Н. А. — Москва, 2003. — 268 с. — Текст : непосредственный.

50. Современная политическая лингвистика : учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Кра-

ильникова ; отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2011. — 252 с. — Текст : непосредственный.

51. Цилюрик, Д. Д. Образ России в современном французском политическом медиадискурсе (по материалам электронных версий ежедневных газет «Монд», «Фигаро» и «Либерасьон» за 2008—2012 гг.) : дис. ... канд. филол. наук / Цилюрик Д. Д. — Москва, 2013. — 289 с. — Текст : непосредственный.

52. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2003. — 248 с. — Текст : непосредственный.

53. Шаова, О. А. Метафорическая модель «Президент России — это монарх» во французском дискурсе массмедиа: источники и причины метафорической экспансии / О. А. Шаова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2006. — № 18. — С. 134—146.

54. Шаова, О. А. Метафорическое моделирование внешней политики России в современной французской прессе / О. А. Шаова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2005. — № 15. — С. 143—162.

### R. I. Zaripov

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9980-7928 

### E. V. Budaev

Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-2137-1364 

 *E-mail*: lieutenant-en-chef@ya.ru; aedw@mail.ru.

## Metaphorical Images of Russia's Present and Future in French Mass Media: Foreign Policy Aspects

**ABSTRACT.** *Current political events reflected in the modern media testify to a new round of deterioration in relations between Russia and Western countries. Against this background, it seems an urgent task to address the problem of identifying the features of the metaphorical image of Russia and its future in the world media, aimed at finding the specific features of the perception of our country abroad.*

*The aim of the study is to reveal the cognitive-discursive specificity of the representation of the image of Russia and its future in the French mass media discourse. To achieve this goal, the method of analyzing metaphors united by the target domain of metaphorical expansion was used. The source of the material for the analysis includes a corpus of 120 texts from the leading broadcast, electronic and print French media (Le Monde, L'Express, Le Point, RFI, Libération, Le Nouvel Observateur, etc.).*

*The study has revealed, that the main metaphorical models of the image of the present and future of Russia are: RUSSIA'S FUTURE IS LIMITED SPACE / FORWARDED MILITARY OBJECT; PUTIN IS STRATEGIC / INDEPENDENT AGENT / LEADING PLAYER (ARBITER) / LEADER OF POSITION / ISOLATED SUBJECT; RUSSIA AND THE WEST ARE DIFFERENT WORLDS (DIFFERENT COASTS); RUSSIA IS ALIEN. The study shows that the metaphors that represent the image of Russia in the French mass media discourse are ambivalent: on the one hand, they reflect historically formed stereotypes about our country, which are stable and negative, on the other hand, they themselves create patterns of conceptualization of Russia and contribute to the consolidation of emerging models in the minds of the French audience.*

**KEYWORDS:** *journalism; media linguistics; media texts; Mass media; language means; political discourse; political communication; mass media language; French mass media; French; political metaphorology; political metaphors; metaphorical modeling; metaphorical models; metaphorical images; image of Russia; Russia's future; foreign policy; conscience manipulations; manipulative impact; social conscience.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Zaripov Ruslan Irikovich, Candidate of Philology, Head of Department of the Center (Linguistic of MD of the Russian Federation) of the Military University; Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages and Russian Philology, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

**FOR CITATION:** *Zaripov, R. I. Metaphorical Images of Russia's Present and Future in French Mass Media: Foreign Policy Aspects / R. I. Zaripov, E. V. Budaev // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 42-52. — DOI 10.26170/pl20-06-05.*

**FUNDING.** *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISI) within scientific project № 20-011-31622.*

## MATERIALS

1. Bastié, E. En Russie, l'angoisse autour du coronavirus renforce Poutine // *Le Figaro* / E. Bastié. — URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/en-russie-l-angoisse-autour-du-coronavirus-re-nforce-poutine-20200325> (date of access: 21.10.2020). — Text : electronic.
2. Boitiaux, C. Ukraine: le "double jeu dangereux" de Vladimir Poutine / C. Boitiaux // *France 24*. — URL: <http://www.france24.com/fr/20140828-ukraine-russie-poutine-double-jeu-dan-gereux-separatistes-donetsk-est-novozovsk/> (date of access: 09.10.2020). — Text : electronic.
3. Bret, C. La Russie en 2050: le choix d'un monde / C. Bret. — Text : electronic // *Areion24.news*. — URL: <https://www.areion24.news/2019/12/16/la-russie-en-2050-le-choix-dun-monde/> (date of access: 30.10.2020).
4. Carballat, M. Poutine est obnubilé par la compétition / M. Carballat. — Text : electronic // *Le Figaro*. — URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/poutine-est-obnubile-par-la-competit-on-20200911> (date of access: 21.10.2020).
5. Dictionnaire Hachette. — Edition 2012. — Paris : Hachette Livre, 2011. — 1813 p. — Text : unmediated.
6. Dorman, V. Affaire Navalny : pour le Kremlin, une longue tradition de faux-semblants / V. Dorman. — Text : electronic // *Libération*. — URL: [https://www.liberation.fr/planete/2020/09/03/pour-le-kremlin-une-longue-tradition-de-faux-semblants\\_1798502](https://www.liberation.fr/planete/2020/09/03/pour-le-kremlin-une-longue-tradition-de-faux-semblants_1798502) (date of access: 17.10.2020).
7. Dorman, V. Quand Poutine raconte des craques à Macron, qui ne le croit pas / V. Dorman. — Text : electronic // *Libération*. — URL: [https://www.liberation.fr/planete/2020/09/23/quand-poutin-e-raconte-des-cracks-a-macron-qui-ne-le-croit-pas\\_1800342](https://www.liberation.fr/planete/2020/09/23/quand-poutin-e-raconte-des-cracks-a-macron-qui-ne-le-croit-pas_1800342) (date of access: 17.10.2020).
8. En Videos. Syrie: 5 mois d'intervention de la Russie en 5 moments-clés // *L'Express*. — URL: [https://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/en-videos-syrie-5-mois-d-interven-tion-de-la-russie-en-5-moments-cles\\_1773337.html](https://www.lexpress.fr/actualite/monde/proche-moyen-orient/en-videos-syrie-5-mois-d-interven-tion-de-la-russie-en-5-moments-cles_1773337.html). — Text : unmediated.
9. Feertchak, A. Poutine en Syrie: le judoka de la géopolitique / A. Feertchak. — Text : electronic // *Le Figaro*. — URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/02/10/31002-20160210ARTFIG00338-poutine-en-syrie-le-judoka-de-la-geopolitique.php> (date of access: 21.10.2020).
10. Feertchak, A. Poutine et la Syrie: le dessous des cartes / A. Feertchak. — Text : electronic // *Le Figaro*. — URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/03/16/31002-20160316ARTFIG00186-poutine-et-la-syrie-le-dessous-des-cartes.php> (date of access: 20.10.2020).
11. Frappes américaines en Syrie: Donald Trump, un va-t-en-guerre? (Partie 2) // *France 24*. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CF8UZ85Bokk> (date of access: 22.10.2020). — Text : electronic.
12. Golts, A. Haut-Karabagh. Le dilemme d'une intervention russe / A. Golts. — Text : electronic // *Le Courrier de Russie*. — URL: <https://www.lecourrierderussie.com/opinions/2020/10/haut-karabagh-le-dilemme-dune-intervention-russe> (date of access: 30.10.2020).
13. Iouanov, B. Macron-Poutine. Réconciliation au bout du fil / B. Iouanov. — Text : electronic // *Le Courrier de Russie*. — URL: <https://www.lecourrierderussie.com/international/2020/10/macron-poutine-reconciliation-au-bout-du-fil/> (date of access: 22.10.2020).
14. Kortounov, A. Entre citadelle et bunker / A. Kortounov. — Text : electronic // *Le Courrier de Russie*. — URL: <https://www.lecourrierderussie.com/international/2020/07/la-russie-entre-citadelle-et-bunker/> (date of access: 14.10.2020).
15. La Russie, un acteur incontournable sur la scène internationale? // RFI. — URL: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200308-russie-acteur-incontournable-scene-internationale> (date of access: 31.10.2020). — Text : electronic.
16. Le fossé se creuse entre la Russie et les Occidentaux // *Ouest-France*. — URL: <https://www.ouest-france.fr/europe/ukraine/crimee-le-fosse-se-creuse-entre-la-russie-et-les-occidentaux-2021501> (date of access: 15.10.2020). — Text : electronic.
17. *Le Petit Larousse Illustré*. — Paris : Larousse, 2008. — 1812 p. — Text : unmediated.
18. *Le Robert illustré 2014*. — Paris : Dictionnaires le Robert — SEJER, 2013. — 2101 p. — Text : unmediated.
19. Malbrunot, G. La Russie, arbitre suprême de la bataille d'Alep / G. Malbrunot. — Text : unmediated // *Le Figaro*. — URL:

- <http://www.lefigaro.fr/international/2016/05/01/01003-20160501ARTFIG00166-la-russie-arbitre-supreme-de-la-bataille-d-alep.php> (date of access: 21.10.2020).
20. Mathieu, B. Malgré les cyberattaques russes, Macron tient au dialogue avec Poutine / B. Mathieu, A. Gylden, C. Haquet. — Text : electronic // *L'Express*. — URL: [https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/malgre-les-cyberattaques-russes-macron-tient-au-dialogue-avec-poutine\\_2129009.html](https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/malgre-les-cyberattaques-russes-macron-tient-au-dialogue-avec-poutine_2129009.html) (date of access: 14.10.2020).
  21. Patriotisme et défilé militaire en Russie à la veille du référendum constitutionnel // RFI. — URL: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200624-patriotisme-et-d%C3%A9fil%C3%A9-militaire-en-russie-%C3%A0-la-veille-r%C3%A9f%C3%A9rendum-constitu-tionnel> (date of access: 15.10.2020). — Text : electronic.
  22. Russie: la prochaine réforme de la Constitution divise l'opinion // RFI. — URL: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200701-russie-la-prochaine-r%C3%A9forme-la-constitution-divise-l-opinion> (date of access: 31.10.2020). — Text : electronic.
  23. Semo, M. Le retour en force de la Russie / M. Semo. — Text : electronic // *Le Monde*. — URL: [https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/02/28/le-retour-en-force-de-la-russie\\_6031118\\_3232.html](https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/02/28/le-retour-en-force-de-la-russie_6031118_3232.html) (date of access: 17.10.2020).
  24. Sept scénarios pour l'avenir de la Russie // *Russia Beyond*. — URL: <https://www.russiabeyond.com/fr/2020/09/30/sept-scenarios-pour-l-avenir-de-la-russie> (date of access: 30.10.2020). — Text : electronic.
  25. Smolar, P. A Prague, Le Drian veut rassurer les pays d'Europe centrale sur le dialogue avec la Russie / P. Smolar. — Text : electronic // *Le Monde*. — URL: [https://www.lemonde.fr/international/article/2019/12/07/a-prague-le-drian-veut-rassurer-les-pays-d-europe-centrale-sur-le-dialogue-avec-la-russie\\_6022037\\_3210.html](https://www.lemonde.fr/international/article/2019/12/07/a-prague-le-drian-veut-rassurer-les-pays-d-europe-centrale-sur-le-dialogue-avec-la-russie_6022037_3210.html) (date of access: 29.10.2020).
  26. Ukraine: des pourparlers pour un cessez-le-feu s'ouvrent à Minsk // *France 24*. — URL: <http://www.france24.com/fr/20140905-ukraine-pourparlers-cessez-le-feu-minsk-russie-porochenko-oba-ma-hollande-poutine-donetsk-marioupol/> (date of access: 22.10.2020). — Text : electronic.
  27. Ukraine: les craintes d'une intervention russe s'accroissent // *Le Point*. — URL: [http://www.lepoint.fr/monde/ukraine-les-craintes-d-une-intervention-russe-s-accroissent-07-08-2014-1852023\\_24.php](http://www.lepoint.fr/monde/ukraine-les-craintes-d-une-intervention-russe-s-accroissent-07-08-2014-1852023_24.php) (date of access: 29.10.2020). — Text : electronic.
  28. Ukraine: les Européens menacent la Russie de sanctions // *Le Parisien*. — URL: <http://www.leparisien.fr/flash-actualite-monde/ukraine-les-europeens-privilegient-le-dialogue-pour-faire-reculer-la-russie-03-03-2014-3639425.php> (date of access: 29.06.2014). — Text : electronic.
  29. Un intense bras de fer diplomatique // *Le Parisien*. — URL: <https://www.leparisien.fr/archives/un-intense-bras-de-fer-diplomatique-03-03-2014-3637445.php> (date of access: 22.10.2020). — Text : electronic.
  30. Véronique, P. Ultimatum, gazoduc... Les relations entre Moscou et Berlin mises à mal par le cas Navalny / P. Véronique. — Text : electronic // *L'Express*. — URL: [https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/ultimatum-gazoduc-les-relations-entre-moscou-et-berlin-mises-a-mal-par-le-cas-navalny\\_2134249.html](https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/ultimatum-gazoduc-les-relations-entre-moscou-et-berlin-mises-a-mal-par-le-cas-navalny_2134249.html) (date of access: 30.10.2020).
  31. Vladimir Poutine ou le pouvoir sans fin // *Le Monde*. — URL: [https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/03/11/vladimir-poutine-ou-le-pouvoir-sans-fin\\_6032615\\_3232.html](https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/03/11/vladimir-poutine-ou-le-pouvoir-sans-fin_6032615_3232.html) (date of access: 14.10.2020). — Text : electronic.
  32. Vladimir Poutine, Tsar sans limite? // RFI. — URL: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200122-vladimir-poutine-tsar-limite> (date of access: 15.10.2020).
  33. Vulpillierès, E. de. Colosimo: comment Poutine est devenu roi du grand échiquier international / E. de Vulpillierès. — Text : electronic // *Le Figaro*. — URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2015/12/23/31002-20151223ARTFIG00090-colosimo-comment-poutine-est-devenu-roi-du-grand-echiquier-international.php> (date of access: 20.10.2020).

## REFERENCES

34. Bogoslovskaya, G. V. The Image of Russia in France in 2000—2012. Based on Materials from the French Press / G. V. Bogoslovskaya. — Text : unmediated // *Bulletin of the Altai State University*. — 2015. — No. 4-1 (88). — P. 61—65. [Образ России во Франции в 2000—2012 гг. по материалам французской прессы / G. V. Bogoslovskaya. — Текст : непосредственный // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. — 2015. — № 4-1 (88). — S. 61—65]. — (In Rus.)

35. Budaev, E. V. *Metaphorical Image of Russia in the Modern World* : monograph / E. V. Budaev ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2009. — 276 p. — Text : unmediated. [Metaforicheskiy obraz Rossii v sovremennom mire: monografiya / E. V. Budaev ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2009. — 276 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
36. Budaev, E. V. *Metaphorical Modeling of Post-Soviet Reality in Russian and British Political Discourse* : thesis ... of Cand. of Philol. sciences / Budaev E. V. — Ekaterinburg, 2006. — Text : unmediated. [Metaforicheskoe modelirovanie postsovetskoy deystvitelnosti v rossiyskom i britanskom politicheskom diskurse : dis. ... kand. filol. nauk / Budaev E. V. — Ekaterinburg, 2006. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
37. Budaev, E. V. *Metaphor in Political Interdiscourse* / E. V. Budaev, A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2006. — 213 p. — Text : unmediated. [Metafora v politicheskom interdiskurse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2006. — 213 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
38. Gak, V. G. *New French-Russian Dictionary* / V. G. Gak, K. A. Ganshina. — 11th ed., Stereotype. — Moscow : Rus. lang., 2006. — 1160 p. — Text : unmediated. [Novyy frantsuzskorusskiy slovar' / V. G. Gak, K. A. Ganshina. — 11-e izd., stereotip. — Moskva : Rus. yaz., 2006. — 1160 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
39. Zaripov, R. I. *Russia's Metaphorical Images in French Political Discourse in the Context of the War in Syria* / R. I. Zaripov. — Text : unmediated // *Political Linguistics*. — 2017. — No. 6 (66). — P. 76—85. [Metaforicheskie obrazy Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse v kontekste voyny v Sirii / R. I. Zaripov. — Tekst : neposredstvennyy // *Politicheskaya lingvistika*. — 2017. — № 6 (66). — S. 76—85]. — (In Rus.)
40. Zaripov, R. I. *Metaphorical Modeling of the Image of Russia in Contemporary French Political Discourse*: monograph / R. I. Zaripov. — Moscow : R. Valent, 2016. — 220 p. — Text : unmediated. [Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom diskurse : monogr. / R. I. Zaripov. — Moskva : R. Valent, 2016. — 220 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
41. Zueva, K. *The Image of Russia: a View from France* / K. Zueva. — Text : unmediated // *World Economy and International Relations*. — 2008. — No. 2. — P. 51—60. [Obraz Rossii: vzglyad iz Frantsii / K. Zueva. — Tekst : neposredstvennyy // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. — 2008. — № 2. — S. 51—60]. — (In Rus.)
42. Ivanova, E. V. *Metaphorical Image of the Motherland (on the Example of Monarchical and Theatrical Metaphors in the German Press)* / E. V. Ivanova. — Text : unmediated // *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*. — 2013. — No. 8 (26). — Part 2. — P. 73—76. [Metaforicheskiy obraz Rodiny (na primere monarkhicheskoy i teatral'noy metafor v nemetskoj presse) / E. V. Ivanova. — Tekst : neposredstvennyy // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. — 2013. — № 8 (26). — Ch. 2. — S. 73—76]. — (In Rus.)
43. Kondakova, Yu. V. *The Image of the Bear as a Symbol of Russia and its Transformation in the Modern French Political Press* / Y. V. Kondakova. — Text : unmediated // *Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture*. — 2019. — No. 1 (18). — P. 20—29. [Obraz medvedya kak simvol Rossii i ego transformatsiya v sovremennoy frantsuzskoy politicheskoy presse / Yu. V. Kondakova. — Tekst : neposredstvennyy // *Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. — 2019. — № 1 (18). — S. 20—29]. — (In Rus.)
44. Krasil'nikova, N. A. "Hostages of the Russian Bear": Metaphorical Representation of Contemporary Russia in British and American Mass Media. / N. A. Krasil'nikova. — Text : unmediated // *Issues of Cognitive Linguistics*. — 2007. — No. 1. — P. 42—49. [«Zalozhniki russkogo medvedya»: metaforicheskoe predstavlenie sovremennoy Rossii v britanskikh i amerikanskikh SMI / N. A. Krasil'nikova. — Tekst : neposredstvennyy // *Voprosy kognitivnoy lingvistiky*. — 2007. — № 1. — S. 42—49]. — (In Rus.)
45. Moiseeva, T. V. *Metaphorical Modeling of the Image of Russia in the American Media and the Image of the United States in the Russian Media* : thesis ... of Cand. of Philol. sciences / Moiseeva T. V. — Ekaterinburg, 2007. — 235 p. — Text : unmediated. [Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v amerikanskikh SMI i obraza SSHA v rossiyskikh SMI : dis. ... kand. filol. nauk / Moiseeva T. V. — Ekaterinburg, 2007. — 235 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
46. *The Image of Modern Russia in France: the Experience of Interdisciplinary Analysis* : collection of articles. / RAS INION ; resp. ed. N. Yu. Lapina. — Moscow, 2012. — 200 p. — Text : unmediated. [Obraz sovremennoy Rossii vo Frantsii: opyt mezhdistsiplinarnogo analiza : sb. st. / RAN INION ; otv. red. N. Yu. Lapina. — Moskva, 2012. — 200 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
47. Orlova, E. L. *Metaphorical Images of Russia, America and Germany in the Political Discourse of German Media* : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Orlova E. L. — Irkutsk, 2012. — 190 p. — Text : unmediated. [Metaforicheskie obrazy Rossii, Ameriki i Germanii v politicheskom diskurse nemetskikh SMI : dis. ... kand. filol. nauk / Orlova E. L. — Irkutsk, 2012. — 190 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
48. Popova, T. G. *Metaphorical Representation of Russia's Image in Western Media* / T. G. Popova, R. I. Zaripov. — Text : unmediated // *Political Linguistics*. — 2017. — No. 5 (65). — P. 140—144. [Osobennosti metaforicheskoy reprezentatsii obraza Rossii v zapadnykh SMI / T. G. Popova, R. I. Zaripov. — Tekst : neposredstvennyy // *Politicheskaya lingvistika*. — 2017. — № 5 (65). — S. 140—144]. — (In Rus.)
49. Santsevich, N. A. *Modeling the Variability of the Linguistic Picture of the World on the Basis of a Bilingual Corpus of Publicistic Texts (Metaphors and Semantic Oppositions)* : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Santsevich N. A. — Moscow, 2003. — 268 p. — Text : unmediated. [Modelirovanie variativnosti yazykovoy kartiny mira na osnove dvuyazychnogo korpusa publitsicheskikh tekstov (metafor i semanticheskie oppozitsii) : dis. ... kand. filol. nauk / Santsevich N. A. — Moskva, 2003. — 268 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
50. *Modern Political Linguistics* : textbook / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasil'nikova ; resp. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2011. — 252 p. — Text : unmediated. [Sovremennaya politicheskaya lingvistika : uchebnoe posobie / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasil'nikova ; otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2011. — 252 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
51. Tsilyurik, D. D. *The Image of Russia in Modern French Political Media Discourse (based on the materials of electronic versions of the daily newspapers Le Monde, Figaro and Liberation for 2008—2012)* : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Tsilyurik D. D. — Moscow, 2013. — 289 p. — Text : unmediated. [Obraz Rossii v sovremennoy frantsuzskom politicheskom mediadiskurse (po materialam elektronnykh versiy ezhdnevnykh gazet «Mond», «Figaro» i «Liberason» za 2008—2012 gg.) : dis. ... kand. filol. nauk / Tsilyurik D. D. — Moskva, 2013. — 289 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
52. Chudinov, A. P. *Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication* / A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2003. — 248 p. — Text : unmediated. [Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii / A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2003. — 248 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
53. Shaova, O. A. *Metaphorical Model "The President of Russia is a Monarch" in the French Discourse of Mass Media: Sources and Reasons for Metaphorical Expansion* / O. A. Shaova. — Text : unmediated // *Political Linguistics*. — 2006. — No. 18. — P. 134—146. [Metaforicheskaya model' «Prezident Rossii — eto monarkh» vo frantsuzskom diskurse massmedia: istochniki i prichiny metaforicheskoy ekspansii / O. A. Shaova. — Tekst : neposredstvennyy // *Politicheskaya lingvistika*. — 2006. — № 18. — S. 134—146]. — (In Rus.)
54. Shaova, O. A. *Metaphorical Modeling of Russian Foreign Policy in the Modern French Press* / O. A. Shaova. — Text : unmediated // *Political Linguistics*. — 2005. — No. 15. — P. 143—162. [Metaforicheskoe modelirovanie vneshney politiki Rossii v sovremennoy frantsuzskoy presse / O. A. Shaova. — Tekst : neposredstvennyy // *Politicheskaya lingvistika*. — 2005. — № 15. — S. 143—162]. — (In Rus.)

**А. В. Корниенко**Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия  
ORCID ID: 0000-0002-0532-3760  **E-mail:** av.kornienko@mail.ru.**Особенности директивного дискурса петербургской власти, вызванного коронавирусом**

**АННОТАЦИЯ.** В статье представлены результаты социолингвистического исследования директивного дискурса петербургской власти, адресованного жителям города в первые месяцы эпидемии коронавируса. Анализу подлежали постановления петербургского правительства, распоряжения его профильных комитетов, законодательные акты, относящиеся к периоду март — май 2020 г., вызванные к жизни эпидемической ситуацией. Проведенный анализ выявил характерные особенности анализируемого дискурса. Ими являются неопределенность, неясность, невнятность используемых в нем понятий; нечитабельность самих документов, препятствующая их пониманию; их структурная неполнота; рассогласованность исходящих от власти рекомендаций и требований; выдвигание заведомо неисполнимых директив и, наконец, общая установка власти на непрямую коммуникацию и имплицитность высказываний, недопустимые для директивного дискурса и порождающие неоднозначность его интерпретации. Полученные результаты свидетельствуют о том, что и в условиях эпидемии местную власть мало заботил вопрос восприятия и адекватного, т. е. отвечающего замыслу создателей, понимания исходящих от нее директив теми, кому они предназначены. В самое трудное время начала эпидемии полноценного разговора с петербуржцами, как показало исследование, у власти не получилось.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** директивный дискурс; региональные органы власти; политический дискурс; нормативно-правовые акты; законодательные акты; эпидемии; коронавирус; перформативные глаголы; модальность высказываний; усложнение синтаксиса; петербуржцы; жители городов.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Корниенко Алла Владимировна, научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, сектор социологии власти и гражданского общества, Санкт-Петербург, Россия; 190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; e-mail: av.kornienko@mail.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Корниенко, А. В. Особенности директивного дискурса петербургской власти, вызванного коронавирусом / А. В. Корниенко // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 53-66. — DOI 10.26170/pl20-06-06.

В декабре 2019 г. в Ухане была впервые зафиксирована вспышка пневмонии COVID-19, вызванной коронавирусом нового типа. 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила, что ситуацию с заболеваемостью можно охарактеризовать как пандемию. 13 марта вышло в свет постановление петербургского правительства «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Так начался разговор петербургской Администрации, усмотревшей необходимость ввести дополнительное регулирование в жизнедеятельность города, с его жителями. Позже директивные акты последовали один за другим, вводя все новые и новые социальные ограничения. Мы не станем обсуждать их юридическую правомерность: это дело юристов. Наша цель — проанализировать адресованный горожанам дискурс петербургской исполнительной власти первых месяцев эпидемии с социолингвистической точки зрения, выявив его особенности.

**НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ  
ФОРМУЛИРУЕМЫХ В ДИРЕКТИВАХ  
РЕКОМЕНДАЦИЙ И ТРЕБОВАНИЙ**

Названное выше постановление, явившееся исходным документом, на который позже опирались регулярно вступающие в силу прочие директивы городского правительства, апеллировало к различным органам исполнительной власти местного и федерального уровня. Им предписывалось «оказывать в пределах компетенции содействие гражданам в выполнении требований и рекомендаций, указанных в постановлении» [Постановление от 13 марта 2020 г. № 121]. Однако никаких адресованных жителям Петербурга требований постановление не содержало. Оно обращалось к горожанам и лицам, временно находящимся в Петербурге, не с жесткими требованиями, а с рекомендациями воздержаться от поездок за пределы страны и от посещения театрально-зрелищных, культурно-просветительских, развлекательных, спортивных и прочих массовых мероприятий. Одновременно петербуржцам, прибывшим из европейских и ази-

© Корниенко А. В., 2020

атских стран, уже захваченных новой инфекцией, рекомендовалось обеспечить самоизоляцию на дому в течение двух недель со дня возвращения из зарубежных поездок. То были дни, когда в реальную опасность широкомасштабной эпидемии, тем более пандемии, еще повсеместно не верилось и многие эксперты, в том числе заслуженные и известные всей стране врачи, высказывались в пользу того, что появившийся вирус принесет заболеваемость, сравнимую с ежегодной эпидемической вспышкой гриппа. В таких условиях городское правительство сочло возможным ограничиться рекомендациями, т. е. тем, что сродни совету, пожеланию, предложению [Большой толковый словарь русского языка 1998: 1115] и, строго говоря, ни к чему не обязывает, чем не преминули воспользоваться руководители городских предприятий и организаций. Они просто проигнорировали пункт о самоизоляции вернувшихся из-за границы сотрудников по причине того, что рекомендация не несет в себе категоричности и отнюдь не обязательна к исполнению. В отсутствие каких-либо распоряжений начальства относительно самоизоляции, прибывшие незамедлительно вышли на работу, вступив в непосредственный контакт со своими коллегами.

По заключению врачей-инфекционистов, каждый носитель коронавируса способен заразить от трех до десяти человек. Так выбор слабого перформативного глагола *рекомендовать*, переводящего высказывание в разряд совета или предложения [Апресян 1986: 214] и придающего этому высказыванию модальность возможного (описывающуюся словосочетанием «может быть») вместо надлежащей модальности необходимого (описывающейся как «не может не быть») [Эпштейн 2001: 292—293], создал реальную дополнительную угрозу здоровью горожан. Употребление же языковых средств выражения долженствования, будь то модальные предикаты типа *надо*, *нужно*, *следует* либо сильные перформативные глаголы, такие как *воспрещать*, *запрещать*, *требовать*, понизило бы потенциальные риски. Все вышеозначенное — пример того, как, казалось бы, сугубо лингвистическая проблематика использования сильных и слабых модальностей в публичном дискурсе приобрела острое социальное звучание.

С течением времени дискурс официальных распоряжений городской власти, иными словами, ее постановлений, по понятным причинам стал ужесточаться, в нем отчетливо зазвучали категоричные ноты. Последовательно вносимые в исходный документ от 13 марта изменения все больше тяготели к

категории долженствования. В форме императива правительство требовало соблюдать дистанцию не менее полутора метров от других лиц во всех общественных местах, за исключением транспорта. Волевым решением оно приостанавливало прием граждан в организациях санаторно-курортного профиля. Настоятельно оно обязывало граждан в возрасте старше 65 лет, находящихся на территории Санкт-Петербурга, соблюдать режим самоизоляции и не покидать места проживания или пребывания, за исключением немногих разрешенных случаев [Постановление от 30 марта 2020 г. № 167]. Однако требование исполнения директивных предписаний, направленных населению города, порой странно уживалось в одном и том же документе с мягкостью предложения субъектам власти обеспечить со своей стороны их соблюдение. Так, в упомянутом постановлении № 167 органам власти, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, в обеспечение полуметровой дистанции между гражданами, рекомендовалось произвести специальную разметку и установить особый режим допуска в помещения. Аналогичная удивляющая непоследовательность действий власти обнаруживалась и в постановлении от 29 апреля 2020 г., адресованном государственным и частным учреждениям дошкольного образования. Строгий императив «организовать» воспитанников в группы численностью не более 12 детей, обращенный к сотрудникам госучреждений, странным образом соседствовал здесь с нестрогой рекомендацией персоналу родственных частных служб поступать сходным образом [Постановление от 29 апреля 2020 г. № 269].

#### НЕЧИТАБЕЛЬНОСТЬ ДИРЕКТИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Увидевшие свет директивы петербургского правительства от 26, 30 марта, 3, 10, 13, 29 апреля имели типовое название «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121» и действительно отталкивались от исходного источника, дополняя, изменяя, удаляя ряд его положений. Вступившие в силу после их опубликования на официальном сайте Администрации города, эти документы продемонстрировали свою полную нечитабельность. В доказательство сказанного приведем фрагмент директив от 29 апреля 2020 г., наглядно представляющий избранную городской властью общую стратегию текстообразования.

«Правительство Санкт-Петербурга **постановляет:**

1. Внести в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121 „О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)“ следующие изменения:

1.1. В пунктах 2.1, 2.1.14, 2-6, 2-8, 2-9, 3.3, 13, 16-2.2 и 16-4.2 постановления и названии приложения к постановлению слова „по 30.04.2020“ заменить словами „до 12.05.2020“.

1.2. Пункт 2.1.1 постановления исключить.

1.4. Пункт 2.1.9 постановления после слов „табачной продукцией“ дополнить словами „объектов розничной торговли семенами и удобрениями“.

1.5. В пунктах 2.1.13 и 18-5 постановления слова „пунктом 16-8“ заменить словами „пунктами 2-12, 2-13 и 16-8“» [Постановление от 29 апреля 2020 г. № 269].

Возможно, подобное предъявление директивных актов и допустимо для каких-либо юридических проверок, отчетных форм, но оно абсолютно непригодно для обращений власти к жителям Петербурга.

Позволим себе еще одну пространную цитату, чтобы показать: даже в тех случаях, когда власти оперируют не бесконечными пунктами и подпунктами, а предоставляют читателям связный текст, он часто неудобоварим. В постановлении от 30 марта находим такую директиву, слитую в единое предложение:

«3.3.2. Не покидать места проживания (пребывания), за исключением случаев обращения за экстренной (неотложной) медицинской помощью и случаев иной прямой угрозы жизни и здоровью, случаев следования к месту (от места) осуществления деятельности (в том числе работы), которая не приостановлена в соответствии с постановлением, осуществления деятельности, связанной с передвижением по территории Санкт-Петербурга, в случае, если такое передвижение непосредственно связано с осуществлением деятельности, которая не приостановлена в соответствии с постановлением (в том числе оказанием транспортных услуг и услуг доставки), а также следования к ближайшему месту приобретения товаров, работ, услуг, реализация которых не ограничена в соответствии с постановлением, выгула домашних животных на расстоянии, не превышающем 100 метров от места проживания (пребывания), выноса отходов до ближайшего места накопления отходов» [Постановление от 30 марта 2020 г. № 167].

Архисложная синтаксическая конструкция вместо простого четкого и структуриро-

ванного перечня разрешенных для горожан выходов на улицу. Почти полное отсутствие предикатов, выраженных глаголами, что всегда затрудняет восприятие сообщения. Ужасающий канцелярит вроде *осуществления деятельности, связанной с передвижением*. Навязчивые повторы слов, словосочетаний и громоздких фраз. Придаточные предложения вкупе с причастными оборотами, утяжеляющие конструкцию высказывания. Сверхдлинные зависимые связи между словами. Однообразная пунктуация, сводящаяся к монотонной последовательности запятых. Наконец, невообразимая длина целого предложения. Все это затуманивает смысл читаемого, делая его малодоступным пониманию.

Группа исследователей НИУ ВШЭ (Н. Л. Григорьева, А. В. Кнутов, С. М. Плаксин, Р. Х. Синятуллин, А. М. Успенская, А. В. Чаплинский) в текущем году опубликовала результаты проведенного ими методами компьютерной лингвистики анализа массива Законодательных актов РФ на предмет их удобочитаемости [Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа 2020]. В фокусе внимания исследователей оказался синтаксис федеральных законов, который оценивался с помощью специально разработанного интегрального индекса синтаксической сложности нормативно-правовых актов. Он строился на базе целого комплекса негативных лингвистических практик, признанных усложняющими понимание законов. Аналитики выявили активное применение этих практик в течение всего контролируемого ими периода 1991—2018 гг., причем в нарастающих масштабах. Выводы исследователей малоутешительны: в то время как изучаемый ими опыт Австралии, Великобритании, Ирландии, Новой Зеландии, США говорит о продвижении простого английского языка в подготовке официальных юридических документов в целом и законодательных актов в частности, отечественный опыт свидетельствует об обратном. Вопреки общемировому тренду упрощения языка, используемого органами государственной власти, язык российских законов год от года становится все сложнее, что затрудняет их понимание даже со стороны юристов, не говоря уже о непрофессионалах [Там же]. Выдвигаемый исследователями тезис о понятности и доступности любых адресованных гражданам официальных документов и правовых актов мы разделяем безоговорочно.

### НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПОНЯТИЙ

Возвращаясь к эпидемической ситуации в Петербурге, отметим также неопределен-

ность и невнятность принципиально важных для понимания директив петербургской власти понятий. Вышедшее 2 апреля 2020 г. Постановление федерального правительства № 417 имело название «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации». Название важного юридического документа содержало понятие *режим повышенной готовности*, которое затем перекочевало в принятый 8 апреля петербургским Законодательным собранием правовой акт, вносящий изменения в закон Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге». В означенном правовом акте, в свою очередь, речь шла о мерах, «направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности» на территории города [Закон Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 г.]. Не уточнялось только, готовности к чему, хотя по нормам русского языка такое уточнение необходимо [Большой толковый словарь русского языка 1998: 223]. Пользователи социальных сетей недоуменно гадали: готовность к противодействию коронавирусу, к самоизоляции, к введению чрезвычайной ситуации. Не прописывалось в упомянутых юридических документах и отличие режима повышенной готовности от режима чрезвычайной ситуации. Видимо, власти посчитали это лишним, поскольку, на их взгляд, складывавшееся в Петербурге в связи с эпидемией положение дел «не тянуло» на чрезвычайную ситуацию. Разговоры о ней власти постепенно свели на нет.

Изначально не было конкретизировано и понятие режима самоизоляции. За неимением разъяснений журналисты ставили его в один ряд с понятием карантина [Носков 2020], действующее определение которого было введено ранее в ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Термин *карантин* фигурировал и в принятой 31 марта 2020 г. поправке в российский Кодекс об административных правонарушениях. Последняя устанавливала административную ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в том числе «в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина)» [Кодекс об Административных правонарушениях РФ. Статья 6.3. 2020]. Однако карантин ни федеральное, ни местное руководство официально не объявляли. О режиме самоизоляции петербургские власти в полный голос заговорили лишь после

того, как столичный мэр признал, что в Москве выявлено наибольшее число заболевших коронавирусом, и своим указом ввел действовавшие с 28 марта ограничения на передвижения граждан. Указ содержал перечень тех случаев, когда пожилым людям разрешалось выходить на улицу; он-то и был воспроизведен петербургским правительством как описательное толкование понятия *режим самоизоляции*. С заметным опозданием 30 марта была внесена необходимая для горожан ясность, хотя перечень упустил одну, на наш взгляд, обязательную и крайне важную для пенсионеров позицию: посещение банков для обналичивания денежных средств.

Внезапное расширение перечня разрешенных перемещений настигло старшее поколение в тот момент, когда своим распоряжением Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга утвердил порядок предоставления единовременной денежной выплаты гражданам старше 65 лет, соблюдающим режим самоизоляции. Порядок предусматривал обязанность для определенных категорий неработающих граждан пожилого возраста направить в администрацию района по месту проживания уведомление о соблюдении режима самоизоляции. Образец уведомления прилагался к распоряжению; его надлежало заполнить и направить в администрацию района обычным почтовым либо электронным письмом или через специально установленный ящик [Распоряжение Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга от 13 мая 2020 г. № 260-р]. Поразившее всех своей несообразностью послабление по части передвижений, введенное в период нарастания эпидемии, по счастью, позже было отменено.

Показательная лингвистическая история, обернувшаяся самыми печальными социальными последствиями, произошла в связи с решением петербургского правительства предоставить дополнительные выплаты медикам, оказавшимся на передовой в борьбе с инфекцией. Решению этому предшествовало обещание федеральных властей всемерно поддерживать врачей в период эпидемии, во исполнение которого 20 апреля 2020 г. было выпущено постановление Смольного № 221 о дополнительных мерах социальной поддержки медицинских работников государственных учреждений здравоохранения Санкт-Петербурга. В вышедшей директиве речь шла о единовременных выплатах, назначенных медикам, состоящим на госслужбе и пострадавшим из-за оказания ими помощи пациентам с COVID-19, в следующих случаях: если медработник

заражался коронавирусной инфекцией, если ему по причине такого заражения устанавливалась инвалидность и если его постигла смерть. В последнем случае выплата полагалась членам его семьи [Постановление от 20 апреля 2020 г. № 221]. С интервалом в неделю последовало новое постановление Смольного, в приложении к которому прописывались правила предоставления назначенных выплат. В перечне документов, требуемых для получения денежного пособия, значился и такой: «документ о признании медицинского работника пострадавшим вследствие оказания помощи пациентам, заболевшим коронавирусной инфекцией, определенный в соответствии с порядком признания медицинского работника пострадавшим вследствие оказания помощи пациентам, заболевшим коронавирусной инфекцией, утвержденным Комитетом по здравоохранению» [Постановление от 28 апреля 2020 г. № 247]. Так, заявив правила и условия предоставления выплат, городское правительство обязало Комитет по здравоохранению разработать порядок признания медработника пострадавшим. Тут же своим особым распоряжением Комитет переложил это дело на плечи специальной комиссии, которую следовало создавать каждый раз надлежному соответствующими полномочиями работодателю медработника. В состав комиссии надлежало включать непосредственного руководителя медработника, специалиста по охране труда, представителя профсоюза, а также других должностных лиц, привлеченных по решению работодателя. Возглавлять комиссию должен был один из заместителей руководителя медицинского учреждения [Распоряжение Комитета по здравоохранению от 27 апреля 2020 г. № 269-р].

В переводе на язык лингвистики сказанное означает, что Комитету по здравоохранению — правительственному агенту — вменялось в обязанность определить объем и содержание понятия *медицинский работник, пострадавший вследствие оказания помощи пациентам, заболевшим коронавирусной инфекцией* и путем согласования первого и второго прийти к идентификации используемого понятия, зафиксировав ее в виде текстовой формулы [Колесов 2004: 209]. Устранившись от столь необходимой процедуры, Комитет отдал ее на откуп заинтересованным комиссиям на местах. Последние сделали все возможное для минимизации числа пострадавших, что отвечало их корпоративным интересам. Иначе пришлось бы признавать ту данность, что в их медицинских учреждениях имели место заражения персонала из-за нарушений сани-

тарно-эпидемического режима, условий труда, выхода из строя систем вентиляции легких, отсутствия или нехватки средств индивидуальной защиты [Нестеркин 2020].

Повсеместно заработавшие комиссии начали выяснять, при каких обстоятельствах заразился их коллега и нет ли здесь вины самого сотрудника, которую пытались оценить в процентах. Произошло ли заражение именно при исполнении служебных обязанностей или в другое время? Не явилось ли заражение следствием обострения или осложнения у пострадавшего иных, хронических заболеваний? Подобное расследование допускало ситуации, когда комиссия в своем локальном акте признания/непризнания медработника пострадавшим его самого и называла виновником заражения. Еще трагичнее обстояло дело со смертельными исходами. По распоряжению комиссии, в справке о смерти ее причиной обязательно должна была быть указана новая коронавирусная инфекция. Никакой другой диагноз основанием для выплаты родным умершего не являлся. Так из списка пострадавших автоматически исключались те, кому ставился диагноз «пневмония», и те, у кого, несмотря на подтвержденную у них коронавирусную инфекцию, в свидетельстве о смерти фигурировало любое другое заболевание. В ходу тут же оказались две новые различительные формулировки: «смерть от коронавируса» и «смерть с коронавирусом», что сильно сократило количество претендентов на выплаты [Ермаков 2020]. Из их числа в результате также выпали не только работники негосударственных медучреждений, но и те, кто оказывал помощь заболевшим в не признанных профильными в борьбе с COVID-19 государственных медицинских службах.

Похожая история произошла и с анонсированными федеральными властями в начале апреля дополнительными трехмесячными выплатами специалистам, мобилизованным на лечение коронавирусной инфекции. На деле многие из них, даже среди столичных медиков, обещанных доплат так и не получили [Видеообращение медсестры из больницы в Коммунарке]. В обоих случаях мы сталкиваемся с одной и той же ситуацией: неопределенностью используемых в постановлениях и распоряжениях властей понятий. Отсутствие их своевременной и четкой идентификации, т. е. первоначальная неясность их объема и содержания, в дальнейшем делали возможными любые манипуляции с семантикой вводимых в директивные документы понятий, предельно сужавшие их означаемые. Что и было совершенно специально созданными на местах комис-

сиями. Ибо для них, в сложившихся обстоятельствах, констатация причин заражения медработника при исполнении им служебных обязанностей, указывавшаяся в подписываемом комиссией акте признания медработника пострадавшим, часто была бы сродни «иллокутивному самоубийству». Ведь тогда должностным лицам пришлось бы расписаться, к примеру, в фактической нехватке в их медицинских учреждениях масок, перчаток, респираторов и других средств индивидуальной защиты персонала, что и стало бы, по З. Вендлеру, «подрывным фактором коммуникации» [Вендлер 1985: 233]. Практика показала: на самом деле необходимо было вносить ясность во все три понятия, задействованные в упомянутом распоряжении Комитета по здравоохранению, а именно: понятие медицинского работника государственных учреждений здравоохранения Санкт-Петербурга, понятие пациента, заболевшего коронавирусной инфекцией, и понятие пострадавшего вследствие оказания ему помощи медика. Тогда меньше было бы постыдных разбирательств, зафиксированных журналистами и пользователями социальных сетей [В Петербурге перед выплатой компенсаций... 2020; Внебольничный врач... 2020]. И тогда декларированная властью благодарность всем тем, кто во время нагрянувшей опасности самоотверженно встал на защиту жизни и здоровья людей, обрела бы реальное подтверждение, а не откликнулась бы дополнительной болью в сердцах тех, кому довелось в мирное время побывать на войне.

### СТРУКТУРНАЯ НЕПОЛНОТА ДИРЕКТИВ

8 апреля 2020 г. петербургским Законодательным собранием был принят региональный закон № 207-44, вносивший изменения в действовавший с 12 мая 2010 закон «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге». Внесенные изменения касались региональных штрафов за «неисполнение гражданами требований нормативных правовых актов Правительства Санкт-Петербурга, направленных на введение и обеспечение режима повышенной готовности на территории Санкт-Петербурга, в том числе необеспечение режима самоизоляции» [Закон Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 г. № 207-44]. Родившийся на волне борьбы с коронавирусом, который между тем ни разу не упоминался в тексте нового юридического предписания, закон не разъяснял ни понятия режима повышенной готовности, ни понятия режима самоизоляции. Не являясь в лингвистическом смысле полноценным связным и цельным текстом, за-

кон содержал в себе перечисление тех пунктов и подпунктов исходного законодательного акта 2010 г., содержание которых изменялось. Изменения частично вносились в представленном ниже виде:

«В пункте 2 статьи 51:

в подпункте 3 слова „предусмотренных в статье 12“ заменить словами „предусмотренных в статьях 86-1 и 12“;

в подпункте 51 слова „предусмотренных статьей 39“ заменить словами „предусмотренных в статьях 86-1 и 39“;

в подпунктах 6, 8 и 9 слова „предусмотренных статьей 444“ заменить словами „предусмотренных в статьях 86-1 и 444“» [Там же], что делало невозможным не только понимание данного юридического документа, но даже его прочтение.

Вводя административные штрафы для горожан и определяя их размеры, закон в самом общем виде формулировал основание для их взимания. Оно, повторим, состояло в нарушении (неисполнении) гражданами требований нормативных правовых актов городского правительства по введению и обеспечению режима повышенной готовности на территории Санкт-Петербурга. Никаких конкретизирующих пояснений закон не содержал, что неизбежно вызвало мощный шквал его критики. Юристы сразу же актуализировали тезис о правовом неравенстве — отсутствии единообразия понимания и толкования юридической нормы, порождающего противоречивую правоприменительную практику [Корбат 2020]. Политики резонно заметили: если законом вводятся наказания за невыполнение общественных правил, то сами правила нужно тоже закреплять законом [Там же]. Горожане, опасаясь того, что принятый документ, оставляющий без ответа много насущных вопросов, потенциально дает целому ряду государственных органов широкие полномочия по наложению штрафов, тут же заговорили о монетизации коронавируса властью.

Уязвимость закона подтверждает и лингвистический его анализ, осуществленный нами в двух направлениях. Первое из них опирается на теорию речевых актов (Дж. Остин), наделяющую законы статусом категоричных директив — речевых актов воздействия, характеризующихся максимальной степенью психологического давления адресанта на адресат, выражающей волю субъекта речи [Карасик 2004: 59]. Категоричные директивы, в отличие от некатегоричных (рекомендаций, советов, пожеланий), не принимают во внимание позицию адресата. Являясь «общепринятыми, обязательными, непреложными правилами обще-

ственного поведения» [Большой толковый словарь русского языка 1998: 327], законы реализуют прямую коммуникацию власти с обществом, а значит, они обязаны исключать любую имплицитность, свойственную жанрам не прямой коммуникации. Понимание последней сопряжено с извлечением смыслов, не содержащихся в самом высказывании, что требует дополнительных интерпретативных усилий адресата [Дементьев 2000: 4]. Понимание же законов, напротив, должно сводиться к простому узнаванию (идентификации) языковых знаков.

Понятийная точность, смысловая ясность есть системообразующие признаки юридического дискурса в целом в силу его целевого назначения утверждать правовые нормы и регулировать правоотношения между гражданами и государством. Закон о штрафах, однако же, неоднократно нарушает предписанные ему каноны текстообразования. Он, как уже было сказано, не раскрывает содержание двух основных фигурирующих в нем понятий: режима повышенной готовности и режима самоизоляции. В нем не воспроизведены те конкретные правила поведения, неисполнение которых приравнивалось властью к административным правонарушениям, караемым штрафами. Запущенная в ход петербургскими депутатами, в связи с критикой закона, ссылка на Постановление Смольного № 121, в котором публиковался регулярно изменявшийся перечень того, что гражданам можно и что нельзя, мало что проясняла. К моменту принятия закона о штрафах целый ряд распоряжений правительства, как то: соблюдать в общественных местах полутораметровую дистанцию, не покидать без особой надобности место проживания (пребывания), обеспечить по возвращении в Петербург свою двухнедельную изоляцию на дому, — носил рекомендательный, а не принудительный характер [Полный текст Постановления № 121 от 10 апреля 2020 г.]. Наконец, в законе не назывались те государственные органы власти, представители которых наделялись полномочиями налагать административные штрафы на граждан. Означенные изъяны закона, вызванные отходом от понятийной точности и ее заменой на смысловую неопределенность, придали тексту закона ненужную эзотеричность и сделали его труднодоступным для понимания. А это, в свою очередь, всегда усиливает манипулятивность установленной законодательным актом правовой нормы.

Второе направление нашего анализа закона о штрафах разворачивалось в русле фреймовых моделей языковой коммуника-

ции, жанровых фреймов и механизмов их реализации в различных актах официально-деловой речи. За основу анализа были взяты соответствующие разработки по части таких жанров юридического дискурса, как постановление и закон, которые держат в фокусе внимания каноны репрезентации типичных для указанных жанров правовых ситуаций [Сологуб 2008; Зайцева 2011; Палашевская 2012; Карасик 2004]. Анализируемый закон вводил штрафы за нарушение не сформулированных в нем конкретных требований к гражданам, которые должны были восприниматься как ряд запретов на их поведение. Применительно к жанрам постановления и закона в коммуникативной ситуации запрета, т. е. лишения права совершать какие-либо действия, лингвисты выделяют следующие обязательные элементы: субъект, обладающий правом налагать запрет; его формулировка (запретное потенциальное действие); адресат запрета; санкция за его нарушение; причина запрета; срок и место его действия [Карасик 2004: 65]. Перечисленные элементы и есть компоненты фрейма (семантической формулы) лексемы *запрет*, репрезентирующего типичную для данной языковой единицы ситуацию. Таким образом, апелляция власти к запретам требовала от нее неременной констатации запрещаемых действий, что не было сделано в тексте закона. Одновременно в нем не указывался и срок действия принятого законодательного акта. Все вместе говорит о его непродуманности и непроработанности, структурной неполноценности и смысловой неопределенности, а следовательно, трудности восприятия и понимания со стороны тех, кому он адресован. Поспешность же ввода в жизнь этого юридического документа, который не разграничивал то, что являлось рекомендацией властей, от того, за что предусматривалась ответственность, вызвала большую настороженность горожан по поводу возможной произвольной практики его применения.

### НЕИСПОЛНЯЕМОСТЬ ДИРЕКТИВ

Позже, в связи с ухудшением эпидемической обстановки и продолжающимся ростом числа заболевших, последовало Постановление Смольного от 9 мая 2020 г. № 276, предписывавшее неременное повсеместное использование в черте города средств индивидуальной защиты (СИЗ). Их ношение в общественных местах, включая магазины, транспорт и даже такси, с 12 мая вменялось в обязанность всем петербуржцам. Причем применительно к гражданам не уточнялось, о каких именно средствах индивидуальной

защиты идет речь. Вместе с тем в тех фрагментах документа, которые относились к организациям и индивидуальным предпринимателям, говорилось о необходимости соблюдения полуметровой дистанции и использовании персоналом и посетителями СИЗ органов дыхания и рук: масок и одноразовых перчаток [Постановление от 9 мая 2020 г. № 276]. Видимо, полагаясь на аналогию, петербургское правительство сочло излишним еще раз перечислять то, что ранее квалифицировалось им как рекомендательные меры индивидуальной защиты граждан, а настоящим постановлением переводилось в разряд обязательных. Однако диалогическая связь «приказ — исполнение» имеет одно неустранимое неудобство: чтобы требовать соблюдения приказа, надо прежде создать условия для его исполнения. Чего сделано не было.

Опрос врачей, проведенный в конце апреля компаниями «Доктор на работе» и «RNC Pharma» в 133 городах России, зафиксировал нехватку СИЗ у медиков, работающих в эпидемиологических условиях. Более трети респондентов заявили, что персонал в их медучреждениях вынужден самостоятельно решать проблему обеспечения себя средствами защиты [Нестеркин 2020]. Нехватку масок, перчаток, респираторов констатировали врачи разных регионов страны, включая столичные. Несмотря на заверения федеральной власти, что регионы обладают необходимым потенциалом для устранения дефицита защитных средств [Пресс-секретарь президента советует врачам... 2020], справиться с ним не удавалось из-за массовых отказов поставщиков от своих обязательств по ранее заключенным госконтрактам с их минимальными ценами на СИЗ, установленными еще до начала эпидемии [Погонцева 2020]. Не остался в стороне от проявившихся трудностей и Петербург.

Когда незащищенными оказываются те, кто призван бороться с массовой заболеваемостью, снабжение горожан защитными средствами невольно отступает на второй план. Поэтому в ответ на назойливо повторяемый вопрос о наличии в аптеках города масок и перчаток фармацевты только устало разводили руками. Что можно тут сказать о постоянно звучавших призывах власти соблюдать масочно-перчаточный режим и о ее готовности взимать штрафы за его нарушение? Может быть, стоит вспомнить Люка Болтански, разграничившего понятия *мир* и *реальность* применительно к теории конструирования социальной реальности. Первое понятие, охватывающее, по определению исследователя, все, что случается, и второе,

означающее официальную реальность, вербально конструируемую усилиями институтов, обладающих правом ее провозглашать. Люди ежедневно сталкиваются с так называемой *реальностью* в том виде, в каком ее поддерживают институты, но погружены-то они в *мир*. И «в большей своей части, — утверждает Л. Болтански, — опыт людей опирается на моменты, прожитые в ускользании от той сконструированной *реальности* и пережитые в *мире*» [«Задача политики... выразить словами... 2020]. Если же, добавим мы, институционально порожденная *реальность* противоречит реальности *мира*, в котором отсутствуют маски и перчатки, но живо требуют их носить, то данная ситуация, к сожалению, еще раз подтверждает вывод о неприменимости к сфере политики разработанных Г. П. Грайсом классических для речевого общения принципов кооперации и релевантности [Грайс 1985].

Практика показала: проблема обеспеченности петербуржцев средствами индивидуальной защиты решалась городской властью куда медленней, чем ввод ею жестких директив, обязывавших их использовать. Подобная непоследовательность действий местного правительства только подрывала доверие к нему и расхолаживала горожан. А проявленная властью оперативность в установке запретов и наказаний никак не отменяла необходимости систематического правдивого информирования граждан о сложившейся в городе эпидемиологической обстановке. Оно не только имело бы убеждающий эффект, но и помогло бы в борьбе с вирусным распространением фальшивых сведений через СМИ и соцсети, тут же получившим название инфодемии. Последняя сокрушает способность человеческого организма сопротивляться инфекции, ослабляет его иммунитет, вызывает психологические проблемы у субъекта. К тому же слухи обладают поразительным умением распространяться в социальной среде куда быстрее вируса. Правда — испытанное орудие в противодействии и коронафобии с ее парализующим страхом инфицирования, и бездумной беспечности, путающей объявленные руководством страны «нерабочие дни» с каникулами, дарующими неограниченную свободу передвижений.

По утверждению Р. Бумагина, опыт европейских опросных центров, запустивших с марта 2020 г. специальные тематические мониторинговые опросы населения по проблематике коронавируса, показал, что в большинстве захваченных эпидемией стран популярность политических лидеров выросла [Бумагин]. И это несмотря на жесткий тон

их речей. Ставшие важнейшей частью медийного ландшафта, выступления глав Англии, Германии, Франции вызвали доверие граждан, что зафиксировали опросы. «Пронзительно откровенная», как ее назвали, речь британского премьер-министра, удостоверившего всю серьезность происходящего, проведенные немецким канцлером аналогии с войной в обрисовке реальной картины заболеваемости, апелляции к военным метафорам в словах французского президента в результате никоим образом не навредили политикам, а только существенно повысили их рейтинг у населения [Там же]. Аналогичный факт имел место и в калифорнийском Foster City, где с начала эпидемии ежедневно в полдень по ряду телеканалов выступал губернатор Gavin Newsom с анализом эпидемической ситуации, опирающимся на достоверную статистику заболевших, вылечившихся и умерших, и с информацией о текущих действиях администрации. По мнению очевидца, жители небольшого американского городка интересовались выступлениями губернатора больше, чем предстоящим президентским марафоном: они помогали людям ориентироваться в текущей обстановке [Докторов 2020]. Как видим, четкие, внятные, непротиворечивые и полные сведения, исходящие от власти — надежное условие роста доверия к ним. В нашем же родном Петербурге противоречивость, сомнительность, невнятность распространявшейся руководством информации о положении дел в городе серьезно препятствовали доверительному отношению к высказываниям местной власти. Не случайно во время эпидемии в социальных сетях замелькало слово *правдивость*, но не в качестве деривата от прилагательного *правдивый* в его исконном значении «содержащий в себе правду, основанный на правде» [Большой толковый словарь русского языка 1998: 952], а напротив, для обозначения чего-то, не относящегося к реальным событиям, но имеющего видимость правды и предлагаемого для массового потребления.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги. Осуществленный нами анализ обращенного к жителям нашего города дискурса петербургской власти за период с марта по май 2020 г. подводит к однозначному выводу о том, что полноценного разговора с петербуржцами в самое трудное время начала эпидемии у местной исполнительной власти не получилось. Любая модель языковой коммуникации, будь то модель Р. Якобсона, Ю. Лотмана, У. Эко [Почепцов 2001] и многие другие, непременно

включает двух ее участников: коммуникатора и реципиента, взаимно влияющих друг на друга. М. М. Бахтин констатировал диалогичность даже монологической речи, имея в виду, что высказывание коммуникатора строится с непременным учетом прагматических характеристик реципиента, и, следовательно, последний подспудно влияет на процесс порождения монолога. Этими лингвистическими канонами речетворчества, как показал наш анализ, городская власть явно пренебрегла. Ей ближе позиция забвения реципиента. Отсюда вытекают выявленные исследованием многократно повторяющиеся характерологические особенности ее директивного дискурса: неопределяемость, неясность, невнятность используемых ею понятий; абсолютная нечитабельность юридических документов, придающая им явную эзотеричность; их структурная неполнота; несогласованность исходящих от власти рекомендаций и требований; выдвигание заведомо не исполнимых директив и, наконец, общая установка на непрямую коммуникацию и имплицитность дискурса, затрудняющие его понимание и чреватые неоднозначностью его интерпретаций. Весь представленный ряд говорит о том, что и в условиях эпидемии власть мало заботил вопрос доступности восприятия и адекватного, т. е. соответствующего замыслу создателей, понимания директивного дискурса теми, кому он предназначен. Исследуя на протяжении ряда лет общественные дебаты по вопросам градостроительной политики в Санкт-Петербурге, Б. С. Гладарев ввел понятие «публичной немоты», обозначив упомянутой метафорой широко распространенное среди дебатующих — участников общественных движений, членов инициативных групп и гражданских коалиций — неумение публично и рационально обсуждать социально значимые вопросы. По заключению исследователя, у многих гражданских активистов сегодня отсутствуют навыки ведения конструктивных переговоров, где надо уметь ясно, четко и в ограниченное время представить свою позицию и уважительно принять к сведению существующие альтернативные точки зрения на обсуждаемые проблемы. В феномене «публичной немоты» исследователем усматривается один из важнейших барьеров, препятствующих в настоящий момент росту общественных ассоциаций и гражданского активизма в России [Гладарев 2015]. Используя введенную в оборот метафору, олицетворяющую неразвитость гражданского языка, тормозящую укрепление гражданского общества, добавим от себя, что «публичная немота» характерна и для петербургской

исполнительной власти. Дискурс ее директив, указывающий на неразработанность регистра надлежащего официального языка, к сожалению, свидетельствует о том, что в нужный момент местная власть не справилась с лингвистическими проблемами общения с петербуржцами. Для успешного управления городом ей необходимы правила эффективного официально-речевого поведения и желание сделать их руководством к действию, что поможет ей наладить коммуникацию с горожанами и, в конечном счете, лучше справляться со своими управленческими функциями. Ведь лингвистика отнюдь не чужда ни общественным, ни государственным делам. Напротив, она, как справедливо замечено, лежит в основании и тех, и других [Эпштейн 2020].

В общем смысле покончить с феноменом «публичной немоты» поспособствуют воплощенные в жизнь иные модели языковой коммуникации. Как бы они ни именовались в науке о языке — культурные скрипты (Вежбицкая) или речеповеденческие практики (Верещагин, Костомаров), — они призваны актуализировать в сознании коммуникатора второго участника коммуникации — реципиента — и побудить увидеть в нем полноправного партнера по общению. Они неразрывно сопряжены с непреложной установкой отправителя сообщения воспринимать его получателя как субъекта, имеющего собственные цели, интересы, интенции, знания, языковые навыки и множество других прагматических характеристик, значимых для коммуникатора и успешности самой коммуникации. Это крайне важно и для общественных дебатов, и для налаживания такого необходимого, но отсутствующего до сих пор полноценного двустороннего диалога власти и общества, обеспечивающего обратную связь. Без него дискурс власти легко превращается в формальный ритуал, который затем переходит в «клинический монологизм» [Вовк 1995].

И последнее. Язык не только основное средство коммуникации и объективации мышления. Будучи сам важнейшей составляющей культуры, он еще и наиболее совершенный инструмент закрепления, сохранения и передачи во владение, наверное, самого ценного ее пласта — человеческого опыта. И очень надо, чтобы передаваемый сквозь время опыт был сугубо положительным.

#### ИСТОЧНИКИ

1. Закон Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 года № 207-44 «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга „Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге“». — URL: <https://rg.ru/2020/04/08/spb-zakon205-43-reg-dok.html> (дата обращения: 29.04.2020). — Текст : электронный.

2. Кодекс об Административных правонарушениях РФ. — 2020. — Статья 6.3. — URL: <http://www.kodap.ru/razdel-2/glava-6/st-6-3-koap-rf> (дата обращения: 11.04.2020). — Текст : электронный.

3. Полный текст постановления № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (с изменениями на 10 апреля 2020 года). — URL: [https://mayaksbor.ru/news/society/polnyy\\_tekst\\_postanovleniya\\_n\\_121\\_o\\_merakh\\_po\\_protivodeystviyu\\_rasprostraneniyu\\_v\\_sankt\\_peterburge\\_n/](https://mayaksbor.ru/news/society/polnyy_tekst_postanovleniya_n_121_o_merakh_po_protivodeystviyu_rasprostraneniyu_v_sankt_peterburge_n/) (дата обращения: 17.05.2020). — Текст : электронный.

4. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13 марта 2020 г. № 121 «О мерах по противодействию распространению в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». — URL: <http://nosov.spb.ru/pravitelstvo-sankt-peterburga-postanovlenie-ot-13-marta-2020-g-n-121/> (дата обращения: 03.04.2020). — Текст : электронный.

5. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 30 марта 2020 г. № 167 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121». — URL: <https://rg.ru/2020/03/30/spb-post167-reg-dok.html> (дата обращения: 03.04.2020). — Текст : электронный.

6. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 20.04.2020 г. № 221 «Об установлении выплат медицинским работникам государственных учреждений здравоохранения Санкт-Петербурга, пострадавшим вследствие оказания помощи пациентам, заболевшим новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), а также членам семей указанных работников». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7800202004210002> (дата обращения: 18.05.2020). — Текст : электронный.

7. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28.04.2020 г. № 247 «О Порядке и условиях предоставления одновременных выплат медицинским работникам государственных учреждений здравоохранения Санкт-Петербурга, пострадавшим вследствие оказания помощи пациентам, заболевшим новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), а также членам семей указанных работников». — URL: <https://rg.ru/2020/04/28/spb-post247-reg-dok.html> (дата обращения: 18.05.2020). — Текст : электронный.

8. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 29 апреля 2020 г. № 269 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121». — URL: <https://rg.ru/2020/04/29/spb-post269-reg-dok.html> (дата обращения: 16.05.2020). — Текст : электронный.

9. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 9 мая 2020 года № 276 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020 № 121». — URL: <https://rg.ru/2020/05/10/spb-post276-reg-dok.html> (дата обращения: 13.05.2020). — Текст : электронный.

10. Распоряжение Комитета по здравоохранению Правительства Санкт-Петербурга от 27 апреля 2020 года № 269-р «О порядке признания медицинского работника пострадавшим вследствие оказания помощи пациентам, заболевшим коронавирусной инфекцией COVID-19». — URL: <http://docs.cntd.ru/document/564811856> (дата обращения: 22.05.2020). — Текст : электронный.

11. Распоряжение Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга от 13 мая 2020 г. № 260-р «Порядок предоставления единовременной денежной выплаты гражданам старше 65 лет, соблюдающим режим самоизоляции, в связи с введением в Санкт-Петербурге мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». — URL: [https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg\\_kolpino/news/188790/](https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_kolpino/news/188790/) (дата обращения: 23.05.2020). — Текст : электронный.

#### ЛИТЕРАТУРА

12. Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре / Ю. Д. Апресян. — Текст : непосредственный // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — 1986. — Т. 45. — № 3. — С. 208—223.

13. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — Текст : непосредственный.

14. Бумагин, Р. Коронаметрический интернационал / Р. Бумагин. — URL: [https://pole.fom.ru/post/koronametriceskij-internacional?fbclid=IwAR2avjq6BaqIS4IdQ\\_X3OwUeuAxmtoz](https://pole.fom.ru/post/koronametriceskij-internacional?fbclid=IwAR2avjq6BaqIS4IdQ_X3OwUeuAxmtoz)

8-ei0\_CPwKLR2ZfHbL1rmIttkxz0 (дата обращения: 27.06.2020). — Текст : электронный.

15. Вендлер, З. Иллокутивное самоубийство / З. Вендлер. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. — С. 228—240.

16. Видеообращение медсестры из больницы в Коммунарке. — URL: [https://openmedia.io/om\\_tv/obrashhenie-medsestry-iz-bolnicy-v-kommunarke/](https://openmedia.io/om_tv/obrashhenie-medsestry-iz-bolnicy-v-kommunarke/) (дата обращения: 23.05.2020). — Видео : электронный.

17. Внебольничный врач. Реаниматолог из Покровской — о том, как стал лицом сопротивления чиновникам здравоохранения. — 23.04.2020. — URL: <https://www.fontanka.ru/2020/04/23/69109492/> (дата обращения: 27.04.2020). — Текст : электронный.

18. Вовк, В. Монологизм сознания и язык политики / В. Вовк. — Текст : непосредственный // Политическая мысль. — 1995. — № 2/3. — С. 21—26.

19. В Петербурге перед выплатой компенсаций медикам чиновники оценят в процентах степень их вины в заражении коронавирусом. — 01.05.2020. — URL: <https://www.newsru.com/russia/01may2020/compenspb.html> (дата обращения: 02.05.2020). — Текст : электронный.

20. Гладарев, Б. С. О синдроме «публичной немочь» / Б. С. Гладарев. — 08.09.2015. — URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/boris-gladarev-o-sindrome-publichnoi-nemoty> (дата обращения: 19.05.2020). — Текст : электронный.

21. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. — С. 217—227.

22. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. — Текст : непосредственный.

23. Докторов, Б. З. Уже вспоминается мирное время... / Б. З. Докторов. — 17.04.2020. — URL: <http://liberal.ru/cases/uje-vspominaem-mirnoe-vremya> (дата обращения: 28.04.2020). — Текст : электронный.

24. Ермаков, А. Презумпция вины. Медиков Петербурга предупредили, что умирать от коронавируса нужно правильно / А. Ермаков. — 01.05.2020. — URL: <https://www.fontanka.ru/2020/05/01/69237637/> (дата обращения: 05.05.2020). — Текст : электронный.

25. «Задача политики... выразить словами то, что в жизненном опыте ускользнуло от сконструированной реальности». Интервью с Люком Болтански // Социологическое обозрение. — 2020. — Т. 19. — № 1. — С. 74—84. — Текст : непосредственный.

26. Зайцева, И. Д. Дискурсивные признаки жанра постановления (на материале русских текстов правового дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зайцева И. Д. — Барнаул : Алтайский гос. ун-т, 2011. — URL: <http://cheloveknauka.com/diskursivnye-priznaki-zhanra-postanovleniya> (дата обращения: 19.06.2020). — Текст : электронный.

27. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2004. — Текст : непосредственный.

28. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2004. — Текст : непосредственный.

29. Корбат, И. «Наконец-то придумали, как монетизировать коронавирус». ЗакС утвердил антивирусные штрафы, а за что — придумает Смольный. — 08.04.2020. — URL: <https://www.fontanka.ru/2020/04/08/69079747/> (дата обращения: 10.04.2020). — Текст : электронный.

30. Нестеркин, М. Более 70% врачей заявили о нехватке масок, перчаток и других средств защиты / М. Нестеркин. — 30.04.2020. — URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Tolkko-8-vrachei-dovolny-urovнем-obespecheniya-SIZ-v-bolnicah.html> (дата обращения: 06.05.2020). — Текст : электронный.

31. Носков, А. Какие предусмотрены штрафы за несоблюдение режима самоизоляции? / А. Носков. — 31.03.2020. — URL: [https://yandex.ru/question/transport/kakie\\_shtrafy\\_za\\_nesobliudenie\\_rezhima\\_78154132/](https://yandex.ru/question/transport/kakie_shtrafy_za_nesobliudenie_rezhima_78154132/) (дата обращения: 04.06.2020). — Текст : электронный.

32. Палашевская, И. В. Жанровая организация юридического дискурса: социолитингвистический подход / И. В. Палашевская. — Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. История и филология. — 2012. — Вып. 2. — С. 146—151.

33. Погонцева, Е. Поставщики СИЗ игнорируют объявленные медорганизациями аукционы из-за низких цен / Е. Погонцева. — 15.04.2020. — URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Postavshiki-SIZ-ignoriruyut-obyavlennye-medorganizaciony-iz-za-nizkih-cen.html> (дата обращения: 26.04.2020). — Текст : электронный.

34. Почепцов, Г. Г. Семиотические модели коммуникации / Г. Г. Почепцов. — 2001. — URL: [http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/pochepcov\\_teorija/01.aspx](http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/pochepcov_teorija/01.aspx) (дата обращения: 14.05.2020). — Текст : электронный.

35. Пресс-секретарь президента советует врачам без истерик жаловаться на нехватку СИЗ в минздрава. — 22.04.2020. — URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Press-sekretar-prezidenta-sovetuet-vracham-bez-isterik-jalovatsya-na-nehvatku-SIZ-v-minzdravy.html> (дата обращения: 05.05.2020). — Текст : электронный.

36. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А. В. Кнутов, С. М. Плаксин [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — Текст : непосредственный.

37. Сологуб, О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте / О. П. Сологуб ; под ред. Н. Д. Голева. — Новосибирск : Изд-во Новосибир. гос. техн. ун-та, 2008. — Текст : непосредственный.

38. Эпштейн, М. Н. Философия возможного / М. Н. Эпштейн. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. — Текст : непосредственный.

39. Эпштейн, М. Н. Человечность — превыше всего / М. Н. Эпштейн. — 22.04.2020. — URL: [http://www.ng.ru/ng\\_exlibris/2020-04-22/10\\_1027\\_interview.html?fbclid=IwARIvGmUW-LVlnXDJmZR4x61S1aaaPEoWNM0keYYjWk2hSeDN8DHI1TFiNv8](http://www.ng.ru/ng_exlibris/2020-04-22/10_1027_interview.html?fbclid=IwARIvGmUW-LVlnXDJmZR4x61S1aaaPEoWNM0keYYjWk2hSeDN8DHI1TFiNv8) (дата обращения: 28.05.2020). — Текст : электронный.

#### A. V. Kornienko

Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-0532-3760

E-mail: [av.kornienko@mail.ru](mailto:av.kornienko@mail.ru).

## Key Features of the Coronavirus Directive Discourse of St Petersburg Authorities

**ABSTRACT.** *This article presents the results of a sociolinguistic study of the directive discourse of the St Petersburg authorities which was addressed to the city's residents in the first months of the coronavirus epidemic. The analysis embraced the decisions taken by the St Petersburg government, the directives issued by its special committees, and the acts of legislation over the period from March to May 2020 brought to life by the situation of the epidemic. This analysis has revealed the specific features of the discourse under study, i.e. the uncertainty, vagueness, and indistinctness of the concepts*

*used within it; the unintelligibility of the documents themselves, which impeded their comprehension; their structural incompleteness; the inconsistency of the recommendations and requirements coming from the authorities; the initiation of intentionally unfulfillable directives, and finally the general orientation of the authorities towards indirect communication and implicit statements, which are unacceptable for directive discourse and generate ambiguity in their interpretation. The results obtained indicate that, even in the circumstances of an epidemic, the local authorities were not overly concerned about the issue of perception or an adequate (that is, meeting the intention of its creators) understanding of the directives by those for whom they were intended. In the most difficult period at the beginning of the epidemic, as the study showed, the authorities failed to conduct a really feasible conversation with the people of St Petersburg.*

**KEYWORDS:** *directive discourse; regional authorities; political discourse; normative-legal acts; legislative acts; epidemics; coronavirus; performative verbs; utterance modality; complication of syntax; people of St. Petersburg; city dwellers.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Kornienko Alla Vladimirovna, Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Department on Sociology of Power and Civilian Society, Saint Petersburg, Russia.*

**FOR CITATION:** *Kornienko, A. V. Key Features of the Coronavirus Directive Discourse of St Petersburg Authorities / A. V. Kornienko // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 53-66. — DOI 10.26170/pl20-06-06.*

#### MATERIALS

1. Law of St. Petersburg dated April 8, 2020 No. 207-44 “On Amendments to the Law of St. Petersburg ‘On Administrative Offenses in St. Petersburg’”. [Zakon Sankt-Peterburga ot 8 aprelya 2020 goda № 207-44 «O vnesenii izmeneniy v Zakon Sankt-Peterburga „Ob administrativnykh pravonarusheniyaх v Sankt-Peterburge“»]. — URL: <https://rg.ru/2020/04/08/spb-zakon205-43-reg-dok.html> (date of access: 29.04.2020). — Text : electronic.

2. Codex of Administrative Offenses of the Russian Federation. — 2020. — Article 6.3. [Kodeks ob Administrativnykh pravonarusheniyaх RF. — 2020. — Stat'ya 6.3]. — URL: <http://www.kodap.ru/razdel-2/glava-6/st-6-3-koap-rf> (date of access: 11.04.2020). — Text : electronic.

3. Full Text of Resolution No. 121 “On Measures to Counter the Spread of New Coronavirus Infection (COVID-19) in St. Petersburg” (as amended on April 10, 2020). [Polnyy tekst postanovleniya № 121 «O merakh po protivodeystviyu rasprostraneniyu v Sankt-Peterburge novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)» (s izmeneniyami na 10 aprelya 2020 goda)]. — URL: [https://mayak.sbor.ru/news/society/polnyy\\_tekst\\_postanovleniya\\_n\\_121\\_o\\_merakh\\_po\\_protivodeystviyu\\_rasprostraneniyu\\_v\\_sankt\\_peterburge\\_n/](https://mayak.sbor.ru/news/society/polnyy_tekst_postanovleniya_n_121_o_merakh_po_protivodeystviyu_rasprostraneniyu_v_sankt_peterburge_n/) (date of access: 17.05.2020). — Text : electronic.

4. Resolution of the Government of St. Petersburg dated March 13, 2020 No. 121 “On measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in St. Petersburg.” [Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 13 marta 2020 g. № 121 «O merakh po protivodeystviyu rasprostraneniyu v Sankt-Peterburge novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)»]. — URL: <http://nosov.spb.ru/pravitelstvo-sankt-peterburga-postanovlenie-ot-13-marta-2020-g-n-121/> (date of access: 03.04.2020). — Text : electronic.

5. Resolution of the Government of St. Petersburg dated March 30, 2020 No. 167 “On amendments to the Resolution of the Government of St. Petersburg dated March 13, 2020 No. 121”. [Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 30 marta 2020 g. № 167 «O vnesenii izmeneniy v postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 13.03.2020 № 121»]. — URL: <https://rg.ru/2020/03/30/spb-post167-reg-dok.html> (date of access: 03.04.2020). — Text : electronic.

6. Decree of the Government of St. Petersburg dated 20.04.2020 No. 221 “On the Establishment of Payments to Medical Workers of State Healthcare Institutions of St. Petersburg Affected by the Provision of Assistance to Patients with a New Coronavirus Infection (COVID-19), as Well as Family Members of these Workers.” [Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 20.04.2020 g. № 221 «Ob ustanovlenii vyplat meditsinskim rabotnikam gosudarstvennykh uchrezhdeniy zdravookhraneniya Sankt-Peterburga, postradavshim vsledstvie okazaniya pomoshchi patsientam, zabollevshim novoy koronavirusnoy infektsiyey (COVID-19), a takzhe chlenam semey ukazannykh rabotnikov»]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7800202004210002> (date of access: 18.05.2020). — Text : electronic.

7. Resolution of the Government of St. Petersburg dated April 28, 2020 No. 247 “On the Procedure and Conditions for Provision

of Lump-sum Payments to Medical Workers of State Healthcare Institutions of St. Petersburg Affected by Assisting Patients with New Coronavirus Infection (COVID-19), as well as Family Members the specified workers”. [Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 28.04.2020 g. № 247 «O Poryadke i usloviyakh predostavleniya edinovremennykh vyplat meditsinskim rabotnikam gosudarstvennykh uchrezhdeniy zdravookhraneniya Sankt-Peterburga, postradavshim vsledstvie okazaniya pomoshchi patsientam, zabollevshim novoy koronavirusnoy infektsiyey (COVID-19), a takzhe chlenam semey ukazannykh rabotnikov»]. — URL: <https://rg.ru/2020/04/28/spb-post247-reg-dok.html> (date of access: 18.05.2020). — Text : electronic.

8. Resolution of the Government of St. Petersburg dated April 29, 2020 No. 269 “On amendments to the Resolution of the Government of St. Petersburg dated 13.03.2020 No. 121”. [Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 29 aprelya 2020 g. № 269 «O vnesenii izmeneniy v postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 13.03.2020 № 121»]. — URL: <https://rg.ru/2020/04/29/spb-post269-reg-dok.html> (date of access: 16.05.2020). — Text : electronic.

9. Resolution of the Government of St. Petersburg dated May 9, 2020 No. 276 “On Amending the Resolution of the Government of St. Petersburg No. 121 dated March 13, 2020”. [Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 9 maya 2020 goda № 276 «O vnesenii izmeneniy v postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 13.03.2020 № 121»]. — URL: <https://rg.ru/2020/05/10/spb-post276-reg-dok.html> (date of access: 13.05.2020). — Text : electronic.

10. Order of the Healthcare Committee of the Government of St. Petersburg dated April 27, 2020 No. 269-r “On the procedure for recognizing a medical worker as injured as a result of providing assistance to patients with coronavirus infection COVID-19.” [Rasporyazhenie Komiteta po zdravookhraneniyu Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 27 aprelya 2020 goda № 269-r «O poryadke priznaniya meditsinskogo rabotnika postradavshim vsledstvie okazaniya pomoshchi patsientam, zabollevshim koronavirusnoy infektsiyey COVID-19»]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/564811856> (date of access: 22.05.2020). — Tekst : electronic.

11. Order of the Committee on Social Policy of St. Petersburg dated May 13, 2020 No. 260-r “The Procedure for Providing a One-time Cash Payment to Citizens over 65 Years Old Who Observe the Self-isolation Regime in Connection with the Introduction in St. Petersburg of Measures to Counter the Spread of a New Coronavirus Infection (COVID -19)” [Rasporyazhenie Komiteta po sotsial'noy politike Sankt-Peterburga ot 13 maya 2020 g. № 260-r «Poryadok predostavleniya edinovremennoy denezhnoy vyplaty grazhdanam starshe 65 let, soblyudayushchim rezhim samoizolyatsii, v svyazi s vvedeniem v Sankt-Peterburge mer po protivodeystviyu rasprostraneniyu novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)»]. — URL: [https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg\\_kolpino/news/188790/](https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_kolpino/news/188790/) (date of access: 23.05.2020). — Text : electronic.

#### REFERENCES

12. Apresyan, Yu. D. Performatives in Grammar and Dictionary / Y. D. Apresyan. — Text : unmediated // News of the USSR Acad-

- emy of Sciences. Literature and Language Series. — 1986. — Vol. 45. — No. 3. — P. 208—223. [Performativny v grammatike i slovare / Yu. D. Apresyan. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literaturny i yazyka. — 1986. — T. 45. — № 3. — S. 208—223]. — (In Rus.)
13. Big Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and ch. ed. by S. A. Kuznetsov. — St. Petersburg : Norint, 1998. — Text : unmediated. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — Sankt-Peterburg : Norint, 1998. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Bumagin, R. Coronametric International / R. Bumagin. [Koronametriceskij internacional' / R. Bumagin]. — URL: [https://pole.fom.ru/post/koronametriceskij-international?fbclid=IwAR2avj q6BaqIS4ldQ\\_X3OwUeuAxmotz8-ei0\\_CPwKLR2ZiHBL1mltkxz0](https://pole.fom.ru/post/koronametriceskij-international?fbclid=IwAR2avj q6BaqIS4ldQ_X3OwUeuAxmotz8-ei0_CPwKLR2ZiHBL1mltkxz0) (date of access: 27.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
15. Vendler, Z. Illocutionary Suicide / Z. Vendler. — Text : unmediated // *New in Foreign Linguistics*. — Moscow : Progress, 1985. — Iss. 16: Linguistic Pragmatics. — P. 228—240. [Illokutivnoe samoubiystvo / Z. Vendler. — Tekst : neposredstvennyy // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. — Moskva : Progress, 1985. — Vyp. 16 : Lingvisticheskaya pragmatika. — S. 228—240]. — (In Rus.)
16. Video Message from a Nurse from a Hospital in Kommunarka. [Videobrashchenie medsestry iz bol'nitsy v Kommunarke]. — URL: [https://openmedia.io/om\\_tv/obrashhenie-medsestry-iz-bolnitsy-v-kommunarke/](https://openmedia.io/om_tv/obrashhenie-medsestry-iz-bolnitsy-v-kommunarke/) (date of access: 23.05.2020). — Video : electronic. — (In Rus.)
17. Out-of-hospital Doctor. A Resuscitator from Pokrovskaya — about how he Became the Face of Resistance to Health Officials. [Vnebol'nichnyy vrach. Reanimatolog iz Pokrovskoy — o tom, kak stal litsom soprotivleniya chinovnikam zdravookhraneniya]. — 23.04.2020. — URL: <https://www.fontanka.ru/2020/04/23/69109492/> (date of access: 27.04.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
18. Vovk, V. Monologism of Consciousness and the Language of Politics / V. Vovk. — Text : unmediated // *Political Thought*. — 1995. — No. 2/3. — S. 21—26. [Monologizm soznaniya i yazyk politiki / V. Vovk. — Tekst : neposredstvennyy // *Politicheskaya mysl'*. — 1995. — № 2/3. — S. 21—26]. — (In Rus.)
19. In St. Petersburg, before Paying Compensation to Doctors, Officials will Assess in Percentage the Degree of their Guilt in Contracting Coronavirus. [V Peterburge perez vyplaty kompensatsiy medikam chinovniki otsenyat v protsentakh stepen' ikh viny v zarazhenii koronavirusom]. — 01.05.2020. — URL: <https://www.newsru.com/russia/01may2020/compenspb.html> (date of access: 02.05.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
20. Gladarev, B. S. About the Syndrome of "Public Dumbness" / B. S. Gladarev. [O sindrome «publichnoy nemoty» / B. S. Gladarev]. — 08.09.2015. — URL: <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/boris-gladarev-o-sindrome-publichnoi-nemoty> (date of access: 19.05.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
21. Grice, G. P. Logic and Speech Communication / G. P. Grice. — Text : unmediated // *New in Foreign Linguistics*. — Moscow : Progress, 1985. — Issue 16: Linguistic Pragmatics. — P. 217—227. [Logika i rechevoe obshchenie / G. P. Grays. — Tekst : neposredstvennyy // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. — Moskva : Progress, 1985. — Vyp. 16 : Lingvisticheskaya pragmatika. — S. 217—227]. — (In Rus.)
22. Dement'ev, V. V. Indirect Communication and its Genres / V. V. Dement'ev. — Saratov : Publishing House of Saratov Univ., 2000. — Text : unmediated. [Nepriyamaya kommunikatsiya i ee zhanry / V. V. Dement'ev. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
23. Doktorov, B. Z. Peacetime is Already Being Recalled ... / B. Z. Doktorov. [Uzhe vspominaetsya mirmoe vremya... / B. Z. Doktorov]. — 17.04.2020. — URL: <http://liberal.ru/cases/ujevspominaem-mirmoe-vremya> (date of access: 28.04.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
24. Ermakov, A. The Presumption of Guilt. The Doctors of St. Petersburg were Warned that it is Necessary to Die from the Coronavirus Correctly / A. Ermakov. [Prezumpciya viny. Medikov Peterburga predupredili, chto umirat' ot koronavirusa nuzhno pravil'no / A. Ermakov]. — 01.05.2020. — URL: <https://www.fontanka.ru/2020/05/01/69237637/> (date of access: 05.05.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
25. "The Task of Politics... is to Express in Words what in Life Experience has Escaped the Constructed Reality." Interview with Luke Boltanski // *Sociological Review*. — 2020. — Vol. 19. — No. 1. — P. 74—84. — Text : unmediated. [«Zadacha politiki... vyrazit' slovmi to, chto v zhiznennom opyte uskol'znuo ot skonstruirovannoy real'nosti». Interv'y u Lyukom Boltanski // *Sotsiologicheskoe obozrenie*. — 2020. — T. 19. — № 1. — S. 74—84. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
26. Zaytseva, I. D. Discursive Signs of the Genre of the Decision (on the Material of Russian Texts of Legal Discourse) : synopsis of thesis... of Cand. of Philol. Sciences / Zaitseva I. D. — Barnaul : Altai State Univ., 2011. [Diskursivnye priznaki zhanra postanovleniya (na materiale russkikh tekstov pravovogo diskursa) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Zaytseva I. D. — Barnaul : Altayskiy gos. un-t, 2011]. — URL: <http://cheloveknauka.com/diskursivnye-priznaki-zhanra-postanovleniya> (date of access: 19.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
27. Karasik, V. I. Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse / V. I. Karasik. — Moscow : Gnosis, 2004. — Text : unmediated. [Yazykovyy krug: lichnost', kontsepty, diskurs / V. I. Karasik. — Moskva : Gnozis, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
28. Kolesov, V. V. Language and Mentality / V. V. Kolesov. — St. Petersburg : Petersburg Oriental Studies, 2004. — Text : unmediated. [Yazyk i mental'nost' / V. V. Kolesov. — Sankt-Peterburg : Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
29. Korbat, I. "Finally Figured out How to Monetize the Coronavirus." Legislative Assembly has Approved Antivirus Fines, and for What Smolny will Come up With. [«Nakonets-to pridumali, kak monetizirovat' koronavirus». ZakS utverdil antivirusnyye shtrafy, a za chto — pridumaet Smol'nyy]. — 08.04.2020. — URL: <https://www.fontanka.ru/2020/04/08/69079747/> (date of access: 10.04.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
30. Nesterkin, M. More Than 70% of Doctors Reported a Shortage of Masks, Gloves and Other Protective Equipment / M. Nesterkin. [Bolee 70% vrachey zayavili o nekhvatke masok, perchatok i drugikh sredstv zashchity / M. Nesterkin]. — 30.04.2020. — URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Tolkov-8-vrachei-dovolny-urovнем-obespecheniya-SIZ-v-bolnicah.html> (date of access: 06.05.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
31. Noskov, A. What are the Penalties for Non-compliance with the Self-isolation Regime? / A. Noskov. [Kakie predusmotreny shtrafy za nesoblyudenie rezhima samoizolyatsii? / A. Noskov]. — 31.03.2020. — URL: [https://yandex.ru/question/transport/kakie-shtrafy\\_za\\_nesoblyudenie\\_rezhima\\_78154132/](https://yandex.ru/question/transport/kakie-shtrafy_za_nesoblyudenie_rezhima_78154132/) (date of access: 04.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
32. Palashevskaya, I. V. Genre Organization of Legal Discourse: Sociolinguistic Approach / I. V. Palashevskaya. — Text : unmediated // *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology*. — 2012. — Issue. 2. — P. 146—151. [Zhanrovaya organizatsiya yuridicheskogo diskursa: sotsiolingvisticheskij podkhod / I. V. Palashevskaya. — Tekst : neposredstvennyy // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya*. — 2012. — Vyp. 2. — S. 146—151]. — (In Rus.)
33. Pogontseva, E. PPE Suppliers Ignore Auctions Announced by Medical Organizations due to Low Prices / E. Pogontseva. [Postavshchiki SIZ ignoriruyut ob'yavlenyye medorganizatsiyami auktsiony iz-za nizkikh tsen / E. Pogontseva]. — 15.04.2020. — URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Postavshchiki-SIZ-ignoriruyut-obyavlenyye-medorganizatsiyami-auktsiony-iz-za-nizkikh-cen.html> (date of access: 26.04.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
34. Pocheptsov, G. G. Semiotic Models of Communication / G. G. Pocheptsov. — 2001. [Semioticheskie modeli kommunikatsii / G. G. Pocheptsov. — 2001]. — URL: <http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/pocheptsov-teorija/01.aspx> (date of access: 14.05.2020). — Text : electronic.
35. The Presidential Press Secretary Advises Doctors to Complain without Hysterics about the Lack of PPE to the Ministry of Health. [Press-sekretar' prezidenta sovetuet vracham bez isterik zhalovatsya na nekhvatku SIZ v minzdravy]. — 22.04.2020. — URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Press-sekretar-prezidenta-sovetuet-vracham-bez-isterik-jalovatsya-na-nekhvatku-SIZ-v-minzdravy.html> (date of access: 05.05.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

36. The Complexity of Russian Laws. Experience of Syntactic Analysis / A. V. Knutov, S. M. Plaksin [and others] ; Nat. Investigative University "Higher School of Economics". — Moscow : Publishing house of the Higher School of Economics, 2020. — Text : unmediated. [Slozhnost' rossiyskikh zakonov. Opyt sintak-sicheskogo analiza / A. V. Knutov, S. M. Plaksin [i dr.] ; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». — Moskva : Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2020. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

37. Sologub, O. P. Russian Business Text in the Functional and Genetic Aspect / O. P. Sologub ; ed. N. D. Goleva. — Novosibirsk : Publishing House of Novosibirsk State Tech. Univ., 2008. — Text : unmediated. [Russkiy delovoy tekst v funk-

sional'no-geneticheskom aspekte / O. P. Sologub ; pod red. N. D. Goleva. — Novosibirsk : Izd-vo Novosib. gos. tekhn. un-ta, 2008. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

38. Epstein, M. N. Philosophy of the Possible / M. N. Epstein. — St. Petersburg : Aleteya, 2001. — Text : unmediated. [Filosofiya vozmoznogo / M. N. Epstein. — Sankt-Peterburg : Aleteyya, 2001. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

39. Epstein, M. N. Humanness is Above All / M. N. Epstein. [Che-lovechnost' — prevyshe vsego / M. N. Epstein]. — 22.04. 2020. — URL: [http://www.ng.ru/ng\\_exlibris/2020-04-22/10\\_1027\\_interview.html?fbclid=IwAR1VgMUW-LVlnXDJmZR4x61SlaaaPEoWNM0keYYjWK2hSeDN8DHI1TFiNv8](http://www.ng.ru/ng_exlibris/2020-04-22/10_1027_interview.html?fbclid=IwAR1VgMUW-LVlnXDJmZR4x61SlaaaPEoWNM0keYYjWK2hSeDN8DHI1TFiNv8) (date of access: 28.05.2020). — Text : electronic.

**S. O. Makeeva**

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia  
ORCID ID: 0000-0002-8122-2398 

**V. E. Nesterova**

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia  
ORCID ID: — 

 **E-mail:** vip.soutrider@mail.ru; karaelan@mail.ru.

## Modeling the Mass Media Portrayal/Image of the Police (Retrospective Analysis of Domestic and Foreign Studies)

**ABSTRACT.** *The article analyzes Russian and foreign studies devoted to the modeling of the Police media image and reviews methods of image modeling by linguistic and non-linguistic means. The main focus is on the modeling of the Police Officer's image. The urgency of the article is stipulated by the necessity to expand and deepen theoretical foundations of modeling the image of a police officer by verbal means and to identify the most valid methodology of image modeling by means of the media. In "Introduction", the authors consider the approaches of Russian and foreign scholars to the correlation of such terms as "portrayal", "image" and "stereotype" and define the media portrayal/image of a police officer. In "Methodology", the authors describe the main criteria under which the sources for analysis were selected (the content of theoretical material on the stated topic and the titles), consider some linguistic methods that can be the basis for modeling of the Police mass media portrayal/image. In "Results and Discussion", the authors conduct a critical evaluation of the works devoted to the study of methods and means (linguistic, psychological, sociological and others) of portrayal/image modeling by media. In "Conclusions", the conclusions are drawn, limitations and perspectives of further study are described.*

**KEYWORDS:** *journalism; media linguistics; media texts; mass media; language means; political discourse; political communication; mass media language; mass media images; police; law enforcement organs; image formation; content analysis.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Makeeva Svetlana Olegovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology and Methods of Teaching English, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Nesterova Valeriya Evgen'evna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.*

**FOR CITATION:** *Makeeva, S. O. Modeling the Mass Media Portrayal/Image of the Police (Retrospective Analysis of Domestic and Foreign Studies) / S. O. Makeeva, V. E. Nesterova // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 67-77. — DOI 10.26170/pl20-06-07.*

### 1. INTRODUCTION

The processes of globalization and the active development of modern information technologies have led to the emergence of a new information society, where public opinion has largely been formed under the influence of the Media. The mass media discourse becomes one of the key instruments of public power implementation, organization of political and social institutions activity, and image modeling. Therefore, it can be stated that there is a certain dependence of political and social processes on the linguistic features of media messages [Kalinin 2017].

The activity of law enforcement agencies has always been focus of society interest all over the world. This interest is accompanied by shifts of attitude towards police officers and their activity in various historical periods and in different social contexts. The Police in Russia and other countries, especially the United States, have recently been criticized by the people, that being due to domestic and global political events and the reaction of society to

these events and the Police actions. The image of the 'law and order defender' changed from positive to neutral or even markedly negative and vice versa.

The Police themselves often strive to reach a new level of interaction with citizens in order to improve the image developed over a certain period of time and formed directly through interaction with population and law enforcement agencies and as a result of Media influence on public consciousness. Therefore, it is the media image of a law enforcement officer that determines the perception of the Internal Affairs Agencies and affects public opinion.

The purpose of this article is to overview Russian and foreign research in Philology, Psychology, Sociology, Political science, Law and Education, devoted to modeling the Police image by the Media.

In accordance with the purpose of this study, the authors aim at the following agenda:

1. To define the concepts "portrayal", "image" and "stereotype";

2. To analyze and systematize previous studies devoted to modeling the Mass Media image of the Police;

3. To give a descriptive characteristic of the theoretical background and research methodology.

Speaking about the linguistic modeling of any image, it is reasonable to draw a demarcation line between such concepts as “portrayal”, “image” and “stereotype” which are not fully analogous. The media portrayal (image) of a law enforcement officer is an emotionally colored public image of a law enforcement officer created by the Mass Media [Kadantseva 2013].

Traditionally the image is defined through such categories as “portrayal”, “representation”, “perception”. The problem of distinguishing between these terms is primarily related to the literal translation of the word “image” borrowed from English into Russian as “portrayal”. Therefore in English **these two terms are fully analogous and not differentiated**. The term “portrayal” in Russian has developed secondary meanings. In the Russian language Lexicon, one can find the following meanings of the word “portrayal”: 1) appearance, shape; 2) a vivid visual representation of someone, something that occurs in someone’s imagination, thoughts; 3) the form of perception by consciousness of the phenomena of objective reality; imprint, reproduction by consciousness of objects and phenomena of the external world [Explanatory Dictionary of the Russian Language www].

According to V.Y. Belobragin in the English context the term “image” is defined as “an emotionally colored stereotypical portrayal, an idealized model of society elements, the objective world, ideal structures, purposefully formed by subjects of public practice in individual, group and public consciousness to achieve political, economic, social results, knowledge, personal career and self-expression” (translation by V. Nesterova) [Belobragin 2004 www].

The term “stereotype” was first used in the book “Public opinion” (1922) by the American journalist Walter Lippman. He designated this concept as the method by which society tries to categorize people [Lippmann 1922]. We can say that the image is essentially an “artificial formation” that has the function of endowing an object with additional characteristics, distinguishing it from a number of similar objects [Rozhkov, Kismereshkin 2005]. In the Large Encyclopedic dictionary, one can find the following definition of the term “stereotype”: “a social stereotype is a schematic, standardized portrayal or representation of a social phenomenon or object, usually emotionally colored and highly stable. It expresses the habitual atti-

tude of a person to a phenomenon developed under the influence of social conditions and previous experience; an integral part of the orientation. It is often synonymous for outdated and preconceived ideas associated with prejudice” (translation by V. Nesterova) [Big Encyclopedic Dictionary www]. A stereotype, unlike an image, is not able to endow an object with additional characteristics.

In contrast to the English term “image”, the Russian categories “portrayal” and “stereotype” exclude such characteristics as publicity. According to E. B. Perelygina image is “a kind of portrayal that arises as a result of social cognition” (translation by V. Nesterova) [Perelygina 2002].

Thus, in Russian research, IMAGE is a type of portrayal that has a socio-psychological nature, which is characterized by publicity, dynamism and activity. PORTRAYAL is a more stable concept, which is not characterized by frequent modifications under changes in the portrayal carrier or group/mass consciousness [Semenov, Maslova 2006]. The stereotype is also characterized by its stability, but in fact it is the elementary generalized ideas that arise in the mass consciousness spontaneously [Rozhkov, Kismereshkin 2006].

The portrayal, like image, has a set of features of the perceived object and reflects objective reality; however, the difference between the portrayal and image is that the features of the image carrier can exist objectively or be optional.

As an integral concept of socio-psychological nature, the term “image” is a kind of cognitive portrayal of a social object that has the following characteristics: emotional coloring; stereotyping in individual, group and mass consciousness; publicity aimed at achieving the desired political, economic and social results.

We have outlined the concepts of “portrayal”, “image” and “stereotype” in Russian and foreign studies within rather a limited scope the article allows for; we shall proceed with the analysis of research methods and means devoted to the representation of the image, portrayal and stereotypical perception of the Police in the Media.

## 2. METHODOLOGY

In accordance with the purpose of the study the authors give a critical evaluation of works devoted to the study of methods and means (linguistic, psychological, sociological, and others), along with the main provisions on modeling the Police image by the Media.

The choice of sources for analysis is determined by two main criteria: relevance to the stated topic and the semantics of article titles. The authors have reviewed publications in Russian and English, including dissertations, con-

ference abstracts, monographs, textbooks, and review articles published in peer-reviewed journals within the period from 2001 to 2020. The sample includes works containing information on such aspects as: metaphorical modeling of the Police image, linguistic modeling of the image, mechanisms of public opinion formation of the Police, means of image formation, manipulative use of information in the Media, formation of a positive image of law enforcement agencies in the Media, and some others. In total there have been analyzed 23 sources in Russian and English including publications in Philology, Sociology, Political science, Psychology, Education, and Law.

Semantic analysis of the titles of the selected studies in the field of portrayal/image formation revealed a significant difference in the approach to the material by Russian and foreign authors. Russian scientists, especially philologists, consider Mass Media and Media Discourse as an **instrument** for the image formation. This observation is supported by the following examples: *“Manipulation of consciousness through metaphorical representation of Russia in foreign English-language Media”*, *“Speech means of Russia’s image formation in the Russian oppositional press”*, *“Language means and speech techniques of information manipulation in the Media (based on Russian Newspapers)”*, *“Formation of the power structures’ positive image in the Media: techniques and feedback”*, *“Emotional and evaluative component of the concept “police officer” in modern Media discourse”*, etc. The paradigm of media instrumentality can also be traced in the titles of British and American studies: *“Identifying Strategies to Market Police Image in the Media”*, *“The Media Representations of Police Image: Research Notes on the Hong Kong’s Occupy Movement”*, *“The Influence of Police Related Media, Victimization, and Satisfaction on African American College Students’ Perceptions of Police”*, *“Why Social Media Plays an Important Role in Law Enforcement”*. However, in English publications, the Media is mainly considered as a **source of material**: *“Media Power & Information Control: a Study of Police Organizations & Media Relations”*, *“Media Coverage of Law Enforcement and Effects of the Image Created”*, *“Media: Effects on Attitudes towards Police and Fear of Criminal Victimization”*. Thus, the title itself is the key to understanding the author's position: whether the emphasis is on the informative or pragmatic function of the Media.

Speaking of methodological foundations, the modeling of the portrayal/image can be based on studies conducted by such philologists as T. G. Dobrosklonskaya [Dobrosklon-

skaya 2014], O.I. Kalinin [Kalinin 2017], M. V. Katynskaya [Katynskaya 2012], T. A. Koroleva [Koroleva 2016], O. V. Morozova [Morozova 2015], L. G. Navasartyan [Navasartyan 2017], D. A. Shchitova [Ashcroft, Daniels, Hart 1997]. In their works the authors deal with the linguopragmatic characteristics of the image political Media text [Kalinin 2017; Dobrosklonskaya 2014], communicative and pragmatic parameters of image modeling [Katynskaya 2012], speech means and speech techniques used to form the image in the press [Morozova 2015] and to influence the addressee [Navasartyan 2017], mechanisms of a politician image formation based on a certain concept [Shchitova 2014] and metaphorical images [Koroleva 2016] as well.

The key methods of image modeling in these works are cognitive research, modeling and statistical techniques [Katynskaya 2012], syntagmatic analysis and stylistic analysis [Kalinin 2017] as well. For interpretation of the research results the traditional method of scientific description [Shchitova 2014], generalization, comparative method [Katynskaya 2012; Navasartyan 2017], quantitative and qualitative methods of empirical data processing (scaling, sorting, percentage calculating) [Kalinin 2017; Navasartyan 2017; Shchitova 2014] are often used. In their research philologists often use such general scientific methods as: studying and analyzing domestic and foreign publications [Dobrosklonskaya 2014], methods of theoretical analysis and synthesis [Koroleva 2016], descriptive-comparative [Katynskaya 2012; Navasartyan 2017] and definitional analysis [Shchitova 2014]. Among empirical methods, the most popular are content analysis, discourse analysis [Navasartyan 2017], and intent analysis [Kalinin 2017]. In addition, along with the linguistic methods, philologists also use sociological methods: survey of respondents, survey of an expert group [Kalinin 2017]. The research material in philological studies is news texts [Kalinin 2017], online texts of Internet Media, government websites and websites of the Ministry of education [Katynskaya 2012], articles from Russian oppositional newspapers [Morozova 2015], mass communication texts [Navasartyan 2017], and interviews with political figures of Russia, the United States, and Germany [Shchitova 2014].

It is worth noting that M. V. Katynskaya is the only of the analyzed authors who considers linguistic modeling of the image of a *public institution* [Katynskaya 2012]. This approach is of particular importance in the Police image modeling since the law enforcement is one of the key social institutions of modern society, performing a number of unique social functions,

contributing to the stability and progressive development of society, and maintaining social order.

The selected and systematized works have been grouped into three main sections: 1. Typology of the research; 2. Framework; 3. Methods of portrayal/image modeling. The section "Typology of the research" includes data on the date and place of publication, the type of research, the field of application (Philology, Psychology, Sociology, Political science, Law), and the research topic. The results of theoretical and empirical research in the sphere of the Mass Media image formation are discussed and analyzed in the section "Main provisions". The section "Methods of portrayal/image modeling" is aimed primarily at analyzing methods, means, tactics and strategies of portrayal/image formation by the Media.

### 3. RESULTS AND DISCUSSION

#### 3.1. Typology of the research

The analyzed sources are published between 2001 and 2020. A noticeable increase in amount of publications devoted to the Media image research is observed since 2012, and the largest number of works is published in 2014 and 2019. Geographical location (Russia, the USA, UK, Romania, Hong Kong) of the ongoing studies on the Media image and the variety of scientific journals ("Philological Sciences. Theory and practice", "Way of science", "Sign: problem field of Media formation", "Media Linguistics", "Frontiers in Sociology", "Criminal Justice Matter", "Sage Open", "Public Safety", "Research Gate") where the results of the research on this topic are published, emphasize the importance of and international interest to the issue of portrayal/image formation in the Media.

The analyzed research include 6 articles, 7 conference abstracts, 2 dissertations, 4 reports, 1 review, 1 textbook and 1 scientific report. The study "Factors That Influence Public Opinion of the Police" conducted by J. Ashcroft, D. J. Daniels, S.V. Hart cannot be attributed to any particular type of publication, since the authors themselves position it as Research for Practice.

The research analysis testifies that the issue of Media portrayal/image is of interest to various scientific fields. Thus, among the selected publications that address the Police image directly 2 papers are related to Political science, 3 to Philology, 2 to Psychology, 5 to Sociology, and 11 to Law. The stated topic is most widely covered by philologists and lawyers. Moreover, it can be noticed that among Russian scientists the issue of a Mass Media portrayal/image modeling is mostly covered by philolo-

gists, whereas in the United States this topic is particularly popular among lawyers, including police officers themselves. The sheer number of police reports proves that law enforcement officers themselves are concerned about their image created by the Media, as well as citizens' attitude and trust level towards the Police.

All analyzed publications can be divided into 6 thematic subgroups:

1. **Issues on formation of a Police officer's Media image** are raised in the textbook by A.L. Sitkovskgo, D.G. Perednya, O.V. Filimonov, Y.V. Latov, E.V. Chervonnykh, L.V. Vazhenina [Sitkovsky, Perednya, Filimonov, Latov, Chervonnykh, Vazhenina 2019], in the studies by J. Schultz [Schultz 2019], W.L. Wayne [Wayne 2015 www] and A. Ciabuca [Ciabuca 2014].

2. **Formation of the positive image of law enforcement agencies** is reflected in the works of T.V. Agapova [Agapova 2011], V.K. Paukov [Paukov 2012], S. S. Smoleva [Smoleva 2013] and R.C. Mawby [Mawby 2001 www].

3. **Formation of public opinion about the Police** is considered by such scientists as S.V. Kapralova [Kapralova 2013], S.A. Musatova [Musatova 2014], J. Ashcroft, D.J. Daniels, S.V. Hart [Shchitova 2014], B. Edwards [Edwards 2006 www], A.S. Franklin, R.K. Perkins, M.D. Kirby, K.P. Richmond [Franklin, Perkins, Kirby, Richmond 2019 www], C. Gallagher, E.R. Maguire, S.D. Mastrofski, M.D. Reisig [Gallagher, Maguire, Mastrofski, Reisig www], C. Maxson, K. Hennigan, D.C. Sloane [Maxson, Hennigan, Sloane 2003], J. Mullis [Mullis 2009], R.J. Richard [Richard 2015 www], J. Sadulski [Sadulski www].

4. **The mechanisms of public consciousness manipulation by the Media** are described in the work of J.S. Lovell [Lovell www].

5. **Criticism of law enforcement in the Media** is presented in the study of E.V. Namrueva [Namrueva 2016].

6. **Language modeling means of the portrayal/image and the Media discourse** are studied by such authors as A.I. Zolotayko [Zolotayko 2019], N.S. Skripichnikova [Skripichnikova 2011], S.I. Oks [Oks 2011].

#### 3.2. Framework

##### 3.2.1. *Philological studies of the Police portrayal/the image modeling*

3 out of 23 analyzed works in the field of the Police portrayal/image modeling are related to philological research, the main purpose of which is to identify, systematize, and conduct a cognitive and linguoculturological analysis of language models that represent the portrayal/image of modern Police in Russia and abroad. First of all, it should be noted that the philological studies under review belong to

Russian scientists, foreign authors mainly analyze the mechanisms, strategies and tactics of formation of the law enforcement agencies' image throughout the Media not touching upon the language and speech techniques. Thus, philologists study metaphorical models and images [Zolotayko 2019], the emotional and evaluative component of the concept "police officer" [Skripichnikova 2011] and analyze the mechanisms of formation and potential of the power structures image, information and communication technologies of its positive transformation [Oks 2011].

In our opinion **A.I. Zolotayko's** study is most noteworthy; the author investigates metaphorical modeling of the USA law enforcement agencies image, taking into account situational, contextual and linguoculturological aspects. In this research, the author concludes that the metaphor has a high evaluative potential in the public opinion discourse and implements pragmatic functions, having an emotional effect on the recipient, forming certain links and attitudes toward the phenomena under consideration, transforming a person's world perception [Zolotayko 2019].

A significant contribution to the study devoted to improving the efficiency of law enforcement agencies responsible for image formation is the work of **S.I. Oks**. In this research the author draws the conclusion that the concept of law enforcement agencies image should be based on the principle of compliance, i.e. the image of the authority should correspond to the development strategy based on catering for certain needs of society; the level (stage) of industrial development; the external image should correspond to the internal image; finally, the image of the authority should correspond to the current stage of society development. Currently there is a certain contradiction between the active Media promotion of the positive image of power structures and the image of these structures as a reflection of their practical activities in the social communication process [Oks 2011].

Emotionally-evaluative component of the concept "police officer" discussed in the article by **N.S. Skripichnikova** is an important aspect for establishing the relationship between linguistic means of the Police Media image representation and formation of the public opinion about the professional activity and personal qualities of law enforcement officers. Thus, the analysis of modern Media texts shows that there is a predominance of verbalizers of the concept "police officer" with a negative emotional connotation. Epithets with negative connotations are widely used in Media titles, forms with the semantics of destruction predominate among verbs describing the professional activi-

ty of a law enforcement officer on television, printed Media, and the Internet. Lexemes associated with the emotion of fear are often used in materials covering the activity of law enforcement agencies [Skripichnikova 2011].

### **3.2.2. Non-linguistic research on the Police portrayal/image modeling**

20 out of 23 studies in the field of Police portrayal/image modeling research belong to Law, Sociology, Political science, and Psychology. The main aspects that interest both Russian and foreign authors relate to such issues as:

- Media component of the Police portrayal/image formed in the process of Media activity [Sitkovsky, Perednya, Filimonov, Latov, Chervonnykh, Vazhenina 2019; Mullis 2009; Schultz www];
- the positive image formation of Russian law enforcement agencies [Agapova 2011; Ciabuca 2014];
- formation of a comprehensive representation of the genesis process and development of public opinion about the modern Russian Police [Kapralova 2013]; improvement of the existing public image [Gallagher, Maguire, Mastrofski, Reisig www; Lovell www; Maxson, Hennigan, Sloane 2003];
- identification of socio-psychological features of the Police officer's image in the social representations of megalopolis residents [Musatova 2014];
- development of an organizational and managerial mechanism of responding to critical materials about the activities of the Internal Affairs agencies in the Media [Namrueva 2016];
- presenting essential characteristics of public opinion as an instrument of forming the law enforcement officers' image and optimizing their activities [Paukov 2012; Sadulski 2018];
- the political analysis of the content, main directions and trends in activities of public relations services for formation and maintenance of the law enforcement agencies' positive image [Smoleva 2013];
- factors of public opinion formation as concerns the Police activity throughout the perception of a crime and disorder rate by city residents [Ashcroft, Daniels, Hart 1997; Wayne 2015];
- Media influence on attitude toward the Police [Edwards 2006 www], including the African-American population [Franklin, Perkins, Kirby, Richmond 2019 www];
- the ability of law enforcement agencies to manage their public portrayal/image throughout the Media [Mawby 2001 www];
- factors affecting the overall satisfaction of citizens with the Police work [Sadulski 2018]

www] and the role of social Media in law enforcement [Sadulski 2018 www].

In terms of theoretical coverage the most significant in this group are the studies of A.L. Sitkovsky, D.G. Perednya, O.V. Filimonov, Y.V. Latov, E.V. Chervonnykh, L.V. Vazhenina [Sitkovsky, Perednya, Filimonov, Latov, Chervonnykh, Vazhenina 2019], T.V. Agapova [Agapova 2011], V.K. Paukov [Paukov 2012] C. Gallagher, E.R. Maguire, S.D. Mastrofski, M. Reisig [Gallagher, Maguire, Mastrofski, Reisig 2001 www].

The textbook "The Media image formation of the Internal Affairs agencies of the Russian Federation" developed by a team of authors (A.L. Sitkovsky, D.G. Perednya, O.V. Filimonov, Y.V. Latov, E.V. Chervonnykh, L.V. Vazhenina) reveals the concept "Media image" as one of the most important kinds of image formation in general and the technologies of its formation in particular, raises issues related to the transparency of the law enforcement agencies as well. A special emphasis is made on interaction methods and forms with the Media. In addition, the authors give practical recommendations on the Police and the Media interaction and on the Media image formation to directors of the Internal Affairs agencies at the regional level [Sitkovsky, Perednya, Filimonov, Latov, Chervonnykh, Vazhenina 2019].

In her study T.V. Agapova conducts a detailed literature analysis devoted to research on the law enforcement functioning, formation of the Police Media image and its reflection in the consciousness of both society and individuals. According to the author the mechanism of image formation is accompanied by a purposeful creation of a stable perception of the existing legal regime and state power and the image of law enforcement agencies is a dialectical union of an organization image as a whole and an individual officer's image in particular [Agapova 2011].

V.K. Paukov's dissertation summarizes scientific ideas about the theoretical and methodological foundations of public opinion research related to the image of law enforcement officers; reveals the functions and mechanisms of public opinion influence on the police officers' image; identifies the content and features of law enforcement officers, professionalism, personal qualities that affect their image; identifies the most significant factors of citizens' trust and distrust to law enforcement agencies that affect their image; develops directions for optimizing public opinion regarding the image of police officers [Paukov 2012].

Of particular importance for understanding the relationship between the Media and public opinion about police activities is the work com-

pleted by a team of authors (C. Gallagher, E.R. Maguire, S.D. Mastrofski, M.D. Reisig) which reviews published research aimed at studying the Police public image and methods for improving the law enforcement agencies image. The authors consider several theoretical approaches to explain the Media influence on public attitudes toward such institutions as the Police (the "hypodermic needle" theory, the "limited effects" theory, the "soft/minimal effects" theory) [Lippmann 1922 www].

The authors present practical recommendations which would enhance the positive image formation of police officers.

We should also highlight the works of A. Ciabuca [Ciabuca 2014] and W.L. Chan Wayne [Wayne 2015 www]. In their study, the authors apply content analysis method, to news reports materials about law enforcement activities.

Thus, **A. Ciabuca** focuses on the necessity to develop an adequate strategy for promoting the Police image. The author selects a six-step model with five main issues for analysis: 1. Police activities and actions; 2. Criminality; 3. Assessment of the results and professional behavior of police officers; 4. Legal changes; 5. Organizational and structural issues. According to the author the Media use rather a limited and superficial approach to Police activity covering and most of the information takes the form of news or factual reports with the predominance of criminal news [Ciabuca 2014].

The study by **W.L. Chan Wayne** is aimed at investigating the Hong Kong Police image. The author conducts a content analysis of news reports published in three newspapers (Oriental Daily, Apple Daily, Ming Pao). As a result it was found out that in general the Media demonstrate a negative image of the Police in maintaining public order while the image of the Police as a crime fighter remains positive [Wayne 2015 www].

### **3.3. Methods of the portrayal/image modeling**

#### **3.3.1. *Philological methods of the Police portrayal/image modeling***

The analysis of available sources allows us to state that the most popular methods of portrayal/image modeling are contextual analysis involving linguistic, general philological and linguoculturological data [Zolotayko 2019] and stylistic analysis [Skripichnikova 2011]. While interpreting research results, the traditional method of scientific description, comparative method, typological method, and analogy method are often used [Oks 2011]. In addition, along with linguistic methods, philologists also use sociological methods, such as mass survey and expert interviews [Oks 2011] and general

scientific methods of abstraction and concretization, generalization, deductive and inductive methods [Oks 2011].

The research material in philological studies is publicistic and creolized texts devoted to activity of law enforcement agencies published on forums, in videos (in the form of comments) and electronic publications [Zolotayko 2019], reports on the work of the press services of law enforcement agencies [Oks 2011], media texts in printed publications [Skripichnikova 2011].

### **3.3.2. Non-Philological methods of studying the Police portrayal/image modeling**

The most popular methods of studying portrayal/image modeling in Sociology, Political science, Psychology, and Law are theoretical methods: research analysis of domestic and foreign authors [Paukov 2012; Lovell 2002 www; Mawby 2001 www; Richard 2015 www], archive data [Gallagher, Maguire, Mastrofski, Reisig 2001 www; Schultz 2019 www] current legislation in the information and related fields [Sitkovsky, Perednya, Filimonov, Latov, Chervonnykh, Vazhenina 2019] and reports of police officers [Mullis 2009]; materials of international and home scientific conferences and round tables, regular contacts with Russian law enforcement officers, Mass Media representatives, professors and tutors of educational and scientific institutions [Agapova 2011], historical method, comparative method, induction and deduction, generalization and analogy, content analysis [Agapova 2011; Namrueva 2016; Smoleva 2013; Ciabuca 2014; Wayne 2015 www], theoretical interpretation of concepts [Musatova 2014], logical analysis, comparative analysis [Paukov 2012].

Among empirical methods, the most popular are quantitative and qualitative methods of empirical sociological analysis [Kapralova 2013], a survey [Ashcroft, Daniels, Hart 1997], and questionnaire for citizens [Kapralova 2013; Paukov 2012; Franklin, Perkins, Kirby, Richmond 2019 www; Richard 2015 www; Schultz 2019 www], police officers [Lovell 2002 www; Mawby 2001 www] and experts [Namrueva 2016], participant observation method [Paukov 2012]; Media monitoring [Agapova 2011], interviewing [Namrueva 2016; Lovell 2002 www], including in-depth interviews [Kapralova 2013] and telephone interviews [Ashcroft, Daniels, Hart 1997], psychological testing and factor analysis [Musatova 2014].

Materials for content analysis in the analyzed studies are information from the periodical press [Smoleva 2013; Ashcroft, Daniels, Hart 1997; Wayne 2015 www], articles published in web newspapers reflecting activities of the Police and concrete officers [Ciabuca 2014].

## **CONCLUSIONS**

Mass media have a speech impact on a large and socio-demographically undifferentiated audience characterized by national, social and political diversity, in the absence of a strict social dependence between a communicator and an addressee and direct contact and feedback. The Mass Media language is a specific functional and stylistic formation which has the ability to model the national language shaping ideology, cultural values, beliefs and worldview of a particular national entity. Thus, it can be stated that mass media are characterized by national and cultural specifics.

The results of overiewing 23 research papers devoted to the study of the Police portrayal/image demonstrate that scientists all over the world are engaged in modeling the Media image of law enforcement agencies, however, this research aspect is mostly relevant for Russia and the United States. The stated topic is most widely covered by philologists and lawyers who study such aspects as the Police officer's Media image modeling, formation of a positive image of law enforcement agencies, formation of public opinion about Police activities, mechanisms for manipulating public consciousness via the Media, criticism of law enforcement activities in the Media, language means of portrayal/image modeling and Media discourse.

We can further conclude that the concept of portrayal/image as a socio-psychological unity has a direct connection with the category of perception considered by modern science as a specific form of cognitive-informational interaction between an individual and the world. In this regard it is relevant to study the process of constructing the portrayal/ image in the mass audience consciousness, the integral part of which will be its modeling in Media texts. Modeling is generally recognized as the most effective method that allows to carry out comprehensive approach to the description of any object of reality, to reveal its structure, substance and function in their relationship and interdependence.

The majority of Russian researchers consider the Police image modeling in Media texts as a manipulative tool which is actively used to infuse the positive image of a Police officer into the mass consciousness of the target audience. The effective speech influence and formation of an adequate image of law enforcement agencies is carried out through appropriate choice of verbal means of the image representation in Media reports taking into account the addressees' value orientations. The study of the mechanisms of speech influence throughout the Mass Media language, functioning of the Mass Media discourse in the network space, and expansion of the theoretical foundations of image

modeling by verbal means are the most relevant issues in philological works. The most common empirical methods are the content analysis, discourse analysis and intent analysis. To interpret language material in order to model the police officer's image philologists often use interpretive approach to the language material, methods of linguistic modeling in combination with the traditional descriptive method, methods of Pragmalinguistic, argumentative, definitional, contextual and stylistic analysis.

The main goal of researches in the sphere of Law, Psychology, Sociology and Political science is to identify the socio-psychological background of the public attitude toward the Police, to determine the conceptual foundations of information policy and its place in the system of measures forming the positive image of law enforcement agencies as well. In their research scientists come to the conclusion that the image of law enforcement agencies is a dialectical unity of the organization and individual images. The main instruments of the information policy aimed at formation of the positive image of law enforcement agencies are: increasing public confidence in the Police including active PR activity; establishing and strengthening "feedback channels"; systematic informing of the public about service results, successfully solved crimes; Media reporting about citizens' assistance in solving offenses; immediate response in case of critical publications addressed to the Internal Affairs agencies; active cooperation with the Media; improving the individual ethics and etiquette of each police officer.

The main research methods in non-philological studies are analysis of domestic and foreign reseach, archival data and current legislation, historical method, induction and deduction, generalization and analogy, content analysis, comparative analysis. Surveys, questionnaires, participant observation method, interviewing, and psychological testing are most popular among empirical methods.

In our opinion the most valid methods for the Police portrayal/image modeling are content analysis, discourse analysis, intent analysis, stylistic analysis of Media texts and the interpretive approach to the analysis of language material, since using these methods it is possible to identify the interaction of elements of image Media texts, their structure and functions, language processes occurring within speech communication as well. Non-linguistic methods include empirical sociological analysis allowing to study the methodological and methodical problems of empirical research on public opinion about the Police.

Finally, generalization of the obtained results allows us to conclude that the modeling

method is fruitful and promising in relation to the study of the Mass Media portrayal /image of law enforcement agencies.

In this article the authors do not analyze attitudes, social and value orientations of the communicators. There is no address to quantitative structure of the text content elements and their semantic features or statistical information processing, which is yet another limitation of this survey.

The perspectives of further study in this field are juxtaposing mechanisms of the Police portrayal/image modeling in pro-government and opposition Media, alongside with a more regular parallel analysis of linguocultural specificity of police image modeling in Russian and American media.

#### REFERENCES

1. Agapova, T. V. Information Policy in the System of Measures to Form a Positive Image of the Law Enforcement Agencies of the Russian Federation: on the Materials of the Transport Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Central Federal District : thesis ... of Cand. of Polit. Sciences / Agapova T. V. — Moscow, 2011. — 177 p. — Text : unmediated. [Informatsionnaya politika v sisteme meropriyatiy po formirovaniyu pozitivnogo imidzha pravookhranitel'nykh organov RF: na materialakh Upravleniya na transporte MVD Rossii po Tsentral'nomu federal'nomu okrugu : dis. ... kand. polit. nauk / Agapova T. V. — Moskva, 2011. — 177 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Belobragin, V. Ya. Some Issues of the Formation of Imageology as a Science / V. Ya. Belobragin, V. V. Belobragin. — 2004. [Nekotorye voprosy formirovaniya imidzheologii kak nauki / V. Ya. Belobragin, V. V. Belobragin. — 2004]. — URL: <http://www.koism.rags.ru/publ/misc/belobragin.doc> (date of access: 16.08.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
3. Big Encyclopedic Dictionary. — 2002. [Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. — 2002]. — URL: <http://www.b-e-s.ru> (date of access: 17.08.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
4. Zolotayko, A. I. Metaphorical Modeling of the Image of the Police in the Discourse of Public Opinion in the United States: a scientific report on the main results of the prepared scientific qualification work (thesis). — Ekaterinburg, 2019. — 29 p. — Text : unmediated. [Metaforicheskoe modelirovanie obraza polit-sii v diskurse obshchestvennogo mneniya SShA : nauchnyy dok-lad ob osnovnykh rezul'tatakh podgotovlennoy nauchnoy kvalifi-katsionnoy raboty (dissertatsii). — Ekaterinburg, 2019. — 29 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Kadantseva, N. P. Formation of the Image of an Employee of Internal Affairs Organs in the Process of Vocational Education in the Universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia : thesis ... of Cand. of Ped. Sciences / Kadantseva N. P. — St. Petersburg, 2013. — 190 p. — Text : unmediated. [Formirovanie imidzha sotrudnika organov vnutrennikh del v protsesse professional'nogo obrazovaniya v vuzakh MVD Rossii : dis. ... kand. ped. nauk / Kadantseva N. P. — Sankt-Peterburg, 2013. — 190 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Kalinin, O. I. Lingvo-pragmatic Characteristics of the Image Political Media Text (on the material of the Chinese media) : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Kalinin O. I. — Moscow, 2017. — 177 p. — Text : unmediated. [Lingvopragmaticheskie kharakteristiki imidzhevoogo politicheskogo mediateksta (na materiale kitayskikh SMI) : dis. ... kand. filol. nauk / Kalinin O. I. — Moskva, 2017. — 177 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Kapralova, S. V. Mechanisms of the Formation of Public Opinion about Police Activity in Modern Russia: thesis ... of Cand. of Sociol. Sciences / Kapralova S. V. — Krasnodar, 2013. — 168 p. — Text : unmediated. [Mekhanizmy formirovaniya obshchestvennogo mneniya o deyatel'nosti polit-sii v sovremennoy Rossii : dis. ... kand. sotsiol. nauk / Kapralova S. V. —

- Krasnodar, 2013. — 168 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Katynskaya, M. V. Linguistic Modeling of the Image : monograph / M. V. Katynskaya. — Blagoveshchensk : AmSU Publishing House, 2012. — 168 p. — Text : unmediated. [Lingvisticheskoe modelirovanie imidzha : monogr. / M. V. Katynskaya. — Blagoveshchensk : Izd-vo AmGU, 2012. — 168 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Koroleva, T. A. Manipulation of Consciousness by Means of Metaphorical Representation of Russia in Foreign English-language Media / T. A. Koroleva. — Text : unmediated // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2016. — No. 7 (61). — Part 2. — P. 112—115. [Manipulyatsiya soznaniem posredstvom metaforicheskogo predstavleniya Rossii v zarubezhnykh angloyazychnykh SMI / T. A. Koroleva. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2016. — № 7 (61). — Ch. 2. — S. 112—115]. — (In Rus.)
10. Morozova, O. V. Speech Means of Forming the Image of Russia in the Russian Opposition Press / O. V. Morozova. — Text : unmediated // Path of Science. — Volgograd, 2015. — P. 82—84. [Rechevye sredstva formirovaniya obraza Rossii v rossiyskoy oppozitsionnoy presse / O. V. Morozova. — Tekst : neposredstvennyy // Put' nauki. — Volgograd, 2015. — S. 82—84]. — (In Rus.)
11. Musatova, S. A. Phenomenon of the Image of a Policeman in the Social Perceptions of Residents of a Megapolis : thesis ... Cand. of Psych. Sciences / Musatova S. A. — Moscow, 2014. — 151 p. — Text : unmediated. [Fenomen obraza politseyskogo v sotsial'nykh predstavleniyakh zhitel'ey megapolisa : dis. ... kand. psikh. nauk / Musatova S. A. — Moskva, 2014. — 151 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Navasartyan, L. G. Linguistic Means and Speech Methods of Information Manipulation in the Media (based on the material of Russian newspapers) : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Navasartyan L. G. — Saratov, 2017. — 172 p. — Text : unmediated. [Yazykovye sredstva i rechevye priemy manipulyatsii informatsiy v SMI (na materiale rossiyskikh gazet) : dis. ... kand. filol. nauk / Navasartyan L. G. — Saratov, 2017. — 172 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Namrueva, E. V. Management of Internal Affairs Organs Taking into Account the Criticism of Their Activities in the Media : thesis ... of Cand. of Sociol. Sciences / Namrueva E. V. — Moscow, 2016. — 192 p. — Text : unmediated. [Upravlenie organami vnutrennikh del s uchetom kritiki ikh deyatelnosti v sredstvakh massovoy informatsii : dis. ... kand. sotsiol. nauk / Namrueva E. V. — Moskva, 2016. — 192 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Oks, S. I. Formation of a Positive Image of Power Structures in the Media: Technologies and Feedback : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Oks S. I. — Voronezh, 2011. — 28 p. — Text : unmediated. [Formirovanie polozhitel'nogo imidzha silovykh struktur v SMI: tekhnologii i obratnaya svyaz' : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Oks S. I. — Voronezh, 2011. — 28 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Paukov, V. K. Public Opinion in the Formation of a Positive Image of Law Enforcement Agencies : thesis ... of Cand. of Psych. Sciences / Paukov V. K. — Moscow, 2012. — 141 p. — Text : unmediated. [Obshchestvennoe mnenie v formirovanii pozitivnogo imidzha pravookhranitel'nykh organov : dis. ... kand. psikh. nauk / Paukov V. K. — Moskva, 2012. — 141 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
16. Perelygina, E. B. Psychology of the Image : textbook / E. B. Perelygina. — Moscow : Aspect Press, 2002. — 223 p. — Text : unmediated. [Psikhologiya imidzha : ucheb. posobie / E. B. Perelygina. — Moskva : Aspekt Press, 2002. — 223 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
17. Rozhkov, I. Ya. Brands and Images / I. Ya. Rozhkov, V. G. Kismereshkin. — Moscow : RIP-holding, 2006. — 256 p. — Text : unmediated. [Brendy i imidzhy / I. Ya. Rozhkov, V. G. Kismereshkin. — Moskva : RIP-kholding, 2006. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Semenov, A. K. Psychology and Ethics of Management and Business : textbook / A. K. Semenov, E. L. Maslova. — Ed. 4th, rev. and add. — Moscow : Dashkov and Co, 2006. — 276 p. — Text : unmediated. [Psikhologiya i etika menedzhmenta i biznesa : ucheb. posobie / A. K. Semenov, E. L. Maslova. — Izd. 4-e, ispr. i dop. — Moskva : Dashkov i K, 2006. — 276 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
19. Sitkovskiy, A. L. Formation of the “Media Image” of an Employee of the Internal Affairs Organs of the Russian Federation : teaching aid / A. L. Sitkovskiy, D. G. Perednya, O. V. Filimonov, Yu. V. Latov, E. V. Chervonnykh, L. V. Vazhenina ; ed. A. L. Sitkovskiy. — Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. — 72 p. — Text : unmediated. [Formirovanie «mediynogo obraza» sotrudnika organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii : ucheb. posobie / A. L. Sitkovskiy, D. G. Perednya, O. V. Filimonov, Yu. V. Latov, E. V. Chervonnykh, L. V. Vazhenina ; pod red. A. L. Sitkovskogo. — Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2019. — 72 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
20. Skripichnikova, N. S. Emotional and Evaluative Component of the Concept “Policeman” in Modern Media Discourse / N. S. Skripichnikova. — Text : unmediated // Sign: problematic field of media education. — Chelyabinsk, 2011. — No. 8. — P. 71—73. [Emotsional'no-otsenochnyy komponent kontsepta «Politseyskiy» v sovremennom mediadiskurse / N. S. Skripichnikova. — Tekst : neposredstvennyy // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. — Chelyabinsk, 2011. — № 8. — S. 71—73]. — (In Rus.)
21. Smoleva, S. S. Formation of a Positive Image of the Internal Affairs Organs in the Activities of Public Relations Services: Political Theory and Practice: doctoral thesis ... of Dr of Political Sciences / S. S. Smoleva. — Moscow, 2013. — 345 p. — Text : unmediated. [Formirovanie pozitivnogo imidzha organov vnutrennikh del v deyatelnosti sluzhb po svyazyam s obshchestvennost'yu: politicheskaya teoriya i praktika : dis. ... d-ra polit. nauk / Smoleva S. S. — Moskva, 2013. — 345 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
22. Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. T. F. Efremova. — 2006. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. T. F. Efremova. — 2006]. — URL: <http://efremova-online.ru/> (date of access: 17.08.2020). — Text : electronic.
23. Shchitova, D. A. Linguistic Modeling of the Image in Political Discourse (based on the concept of *Armed Struggle*) : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Shchitova D. A. — Tomsk, 2014. — 185 p. — Text : unmediated. [Lingvisticheskoe modelirovanie imidzha v politicheskom diskurse (na materiale kontsepta Vooruzhennaya bor'ba) : dis. ... kand. filol. nauk / Shchitova D. A. — Tomsk, 2014. — 185 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
24. Ashcroft, J. Factors That Influence Public Opinion of the Police / J. Ashcroft, D. J. Daniels, S. V. Hart. — Chicago : Style ; New York : Free Press, 1997. — 13 p. — Text : unmediated.
25. Ciabuca, A. Identifying Strategies to Market Police Image in the Media / A. Ciabuca. — Text : unmediated // Ovidius University Annals Economic Sciences Series. — Vol. 14. — 2014. — P. 291—296.
26. Dobrosklonskaya, T. G. Media Linguistics: Theory and Methods of Studying Language in the Media / T. G. Dobrosklonskaya. — Text : unmediated // Medialingvistika. — 2014. — № 2 (5). — P. 7—15.
27. Edwards, B. Media: Effects on Attitudes toward Police and Fear of Criminal Victimization / B. Edwards. — Text : electronic // Electronic Theses and Dissertations / School of Graduate Studies, East Tennessee State Univ. — 2006. — Iss. 5. — 105 pp. — URL: <https://dc.etsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3409&context=etd>.
28. Franklin, A. S. The Influence of Police Related Media, Victimization, and Satisfaction on African American College Students' Perceptions of Police / A. S. Franklin, R. K. Perkins, M. D. Kirby, K. P. Richmond. — Text : electronic // Frontiers in Sociology. — № 4. — 2019. — URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2019.00065/ful1> (date of access: 30.07.2020).
29. Gallagher, C. The Public Image of the Police : Final Report to The International Association of Chiefs of Police by the Administration of Justice Program / C. Gallagher, E. R. Maguire, S. D. Mastrofski, M. D. Reisig ; George Mason University. — 2001. — URL: <https://www.theiacp.org/resources/the-public-image-of-police> (date of access: 30.07.2020). — Text : electronic.
30. Lippmann, W. Public opinion / W. Lippmann. — Harcourt, Brace and Company, 1922. — 427 p. — URL: <http://www.archive.org/stream/publicopinion00lippgoog#page/n6/mode/2up> (date of access: 06.08.2020). — Text : electronic.
31. Lovell, J. S. Media Power & Information Control: a Study of Police Organizations & Media Relations / J. S. Lovell. —

Text : electronic // National Criminal Justice Reference Service. — 2002. — URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/197060.pdf> (date of access: 03.09.2020).

32. Mawby, R. C. Promoting the Police? The Rise of Police Image Work / R. C. Mawby. — Text : electronic // Criminal Justice Matter. — London, 2001. — № 43. — URL: <https://www.crimandjustice.org.uk/sites/crimandjustice.org.uk/files/09627250108552970.pdf> (date of access: 03.09.2020).

33. Maxson, C. Factors That Influence Public Opinion of the Police / C. Maxson, K. Hennigan, D. C. Sloane. — Text : unmediated // National Institute of Justice. — Washington DC, 2003. — 17 p.

34. Mullis, J. The Impact of the Media on Public Opinion of the Police / J. Mullis. — Text : unmediated // Department of Criminal Justice California State University. — California, 2009. — 75 p.

35. Richard, R. J. What Influences Overall Citizen Satisfaction with the Police / R. J. Richard. — 2015. — URL: [https://www.irmi.com/articles/legal\\_update/2015\\_johnson\\_citizensatisfaction/](https://www.irmi.com/articles/legal_update/2015_johnson_citizensatisfaction/) (date of access: 03.09.2020).

36. Sadulski, J. Why Social Media Plays an Important Role in Law Enforcement / J. Sadulski. — Text : electronic // In Public Safety. — 2018. — URL: <https://inpublicsafety.com/2018/03/why-social-media-plays-an-important-role-in-law-enforcement/> (date of access: 31.07.2020).

37. Schultz, J. Media Coverage of Law Enforcement and Effects of the Image Created / J. Schultz. — Text : electronic // Dominican University of California. — 2019. — URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/215555071.pdf> (date of access: 03.09.2020).

38. Wayne, W. L. The Media Representations of Police Image: Research Notes on the Hong Kong's Occupy Movement / W. L. Wayne. — Text : electronic // Sage Open Journal. — 2015. — Vol. 5, 3. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015607935> (date of access: 03.09.2020).

#### С. О. Макеева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия  
ORCID ID: 0000-0002-8122-2398 

#### В. Е. Нестерова

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия  
ORCID ID: — 

 **E-mail:** [vip.soutrider@mail.ru](mailto:vip.soutrider@mail.ru); [karaelan@mail.ru](mailto:karaelan@mail.ru).

## Моделирование массмедийного образа/имиджа полиции (ретроспективный анализ отечественных и зарубежных исследований)

**АННОТАЦИЯ.** В статье проводится анализ российских и зарубежных исследований, посвященных формированию массмедийного образа полиции в СМИ, и изучаются методы моделирования образа языковыми и неязыковыми средствами. Основной упор делается на моделирование образа сотрудника полиции. Актуальность статьи обусловлена необходимостью расширения и углубления теоретических основ моделирования образа сотрудника полиции вербальными средствами, а также выявления наиболее валидной методологии моделирования образа средствами СМИ. Во введении авторы рассматривают подходы российских и зарубежных ученых к корреляции таких терминов, как «образ», «имидж» и «стереотип», и дают определение медийному образу/имиджу сотрудника ОВД. В части, посвященной методологии исследования, авторы описывают основные критерии, согласно которым были отобраны источники для анализа (содержание теоретического материала по заявленной теме и название заголовков); также рассматриваются некоторые лингвистические методы, которые могут лечь в основу моделирования массмедийного образа/имиджа полиции. В разделе «Результаты и обсуждение» авторами проводится критическая оценка работ, посвященных изучению методов и средств (лингвистических, психологических, социологических и других) моделирования образа/имиджа средствами СМИ. В заключении делаются выводы, описываются ограничения и перспективы дальнейшего исследования.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** журналистика; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; языковые средства; политический дискурс; политическая коммуникация; язык СМИ; медийные образы; полиция; правоохранительные органы; формирование образа; контент-анализ.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Макеева Светлана Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: [vip.soutrider@mail.ru](mailto:vip.soutrider@mail.ru).

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Нестерова Валерия Евгеньевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; 620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: [karaelan@mail.ru](mailto:karaelan@mail.ru).

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Макеева, С. О. Моделирование массмедийного образа/имиджа полиции (ретроспективный анализ отечественных и зарубежных исследований) / С. О. Макеева, В. Е. Нестерова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 67-77. — DOI 10.26170/pl20-06-07.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова, Т. В. Информационная политика в системе мероприятий по формированию позитивного имиджа правоохранительных органов РФ: на материалах Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу : дис. ... канд. полит. наук / Агапова Т. В. — Москва, 2011. — 177 с. — Текст : непосредственный.

2. Белобрагин, В. Я. Некоторые вопросы формирования имиджологии как науки / В. Я. Белобрагин, В. В. Белобрагин. — 2004. — URL: <http://www.koism.rags.ru/publ/misc/belobragin.doc> (дата обращения: 16.08.2020). — Текст : электронный.

3. Большой энциклопедический словарь. — 2002. — URL: <http://www.b-e-s.ru> (дата обращения: 17.08.2020). — Текст : электронный.

4. Золотайко, А. И. Метафорическое моделирование образа полиции в дискурсе общественного мнения США : научный доклад об основных результатах подготовленной научной квалификационной работы (диссертации). — Екатеринбург, 2019. — 29 с. — Текст : непосредственный.

5. Каданцева, Н. П. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел в процессе профессионального образования в вузах МВД России : дис. ... канд. пед. наук / Кадан-

© Makeeva S. O., Nesterova V. E., 2020

- цева Н. П. — Санкт-Петербург, 2013. — 190 с. — Текст : непосредственный.
6. Калинин, О. И. Лингвопрагматические характеристики имиджевого политического медиатекста (на материале китайских СМИ) : дис. ... канд. филол. наук / Калинин О. И. — Москва, 2017. — 177 с. — Текст : непосредственный.
7. Капралова, С. В. Механизмы формирования общественного мнения о деятельности полиции в современной России : дис. ... канд. социол. наук / Капралова С. В. — Краснодар, 2013. — 168 с. — Текст : непосредственный.
8. Катинская, М. В. Лингвистическое моделирование имиджа : моногр. / М. В. Катинская. — Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2012. — 168 с. — Текст : непосредственный.
9. Королева, Т. А. Манипуляция сознанием посредством метафорического представления России в зарубежных англоязычных СМИ / Т. А. Королева. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2016. — № 7 (61). — Ч. 2. — С. 112—115.
10. Морозова, О. В. Речевые средства формирования образа России в российской оппозиционной прессе / О. В. Морозова. — Текст : непосредственный // Путь науки. — Волгоград, 2015. — С. 82—84.
11. Мусатова, С. А. Феномен образа полицейского в социальных представлениях жителей мегаполиса : дис. ... канд. псих. наук / Мусатова С. А. — Москва, 2014. — 151 с. — Текст : непосредственный.
12. Навасартян, Л. Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет) : дис. ... канд. филол. наук / Навасартян Л. Г. — Саратов, 2017. — 172 с. — Текст : непосредственный.
13. Намруева, Е. В. Управление органами внутренних дел с учетом критики их деятельности в средствах массовой информации : дис. ... канд. социол. наук / Намруева Е. В. — Москва, 2016. — 192 с. — Текст : непосредственный.
14. Окс, С. И. Формирование положительного имиджа силовых структур в СМИ: технологии и обратная связь : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Окс С. И. — Воронеж, 2011. — 28 с. — Текст : непосредственный.
15. Пауков, В. К. Общественное мнение в формировании позитивного имиджа правоохранительных органов : дис. ... канд. псих. наук / Пауков В. К. — Москва, 2012. — 141 с. — Текст : непосредственный.
16. Перельгина, Е. Б. Психология имиджа : учеб. пособие / Е. Б. Перельгина. — Москва : Аспект Пресс, 2002. — 223 с. — Текст : непосредственный.
17. Рожков, И. Я. Бренды и имиджы / И. Я. Рожков, В. Г. Кисмерешкин. — Москва : РИП-холдинг, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.
18. Семенов, А. К. Психология и этика менеджмента и бизнеса : учеб. пособие / А. К. Семенов, Е. Л. Маслова. — Изд. 4-е, испр. и доп. — Москва : Дашков и К, 2006. — 276 с. — Текст : непосредственный.
19. Ситковский, А. Л. Формирование «медийного образа» сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : учеб. пособие / А. Л. Ситковский, Д. Г. Передня, О. В. Филимонов, Ю. В. Латов, Е. В. Червонных, Л. В. Важенина ; под ред. А. Л. Ситковского. — Москва : Академия управления МВД России, 2019. — 72 с. — Текст : непосредственный.
20. Скрипичникова, Н. С. Эмоционально-оценочный компонент концепта «Полицейский» в современном медиасреде : дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Скрипичникова. — Текст : непосредственный // Знак: проблемное поле медиаобразования. — Челябинск, 2011. — № 8. — С. 71—73.
21. Смолева, С. С. Формирование позитивного имиджа органов внутренних дел в деятельности служб по связям с общественностью: политическая теория и практика : дис. ... д-ра полит. наук / Смолева С. С. — Москва, 2013. — 345 с. — Текст : непосредственный.
22. Толковый словарь русского языка / сост. Т. Ф. Ефремова. — 2006. — URL: <http://efremova-online.ru/> (дата обращения: 17.08.2020). — Текст : электронный.
23. Щитова, Д. А. Лингвистическое моделирование имиджа в политическом дискурсе (на материале концепта Вооруженная борьба) : дис. ... канд. филол. наук / Щитова Д. А. — Томск, 2014. — 185 с. — Текст : непосредственный.
24. Ashcroft, J. Factors That Influence Public Opinion of the Police / J. Ashcroft, D. J. Daniels, S. V. Hart. — Chicago : Style ; New York : Free Press, 1997. — 13 p. — Text : unmediated.
25. Ciabuca, A. Identifying Strategies to Market Police Image in the Media / A. Ciabuca. — Text : unmediated // Ovidius University Annals Economic Sciences Series. — Vol. 14. — 2014. — P. 291—296.
26. Dobrosklonskaya, T. G. Media Linguistics: Theory and Methods of Studying Language in the Media / T. G. Dobrosklonskaya. — Text : unmediated // Medialinguistika. — 2014. — № 2 (5). — P. 7—15.
27. Edwards, B. Media: Effects on Attitudes toward Police and Fear of Criminal Victimization / B. Edwards. — Text : electronic // Electronic Theses and Dissertations / School of Graduate Studies, East Tennessee State Univ. — 2006. — Iss. 5. — 105 pp. — URL: <https://dc.etsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3409&context=etd>.
28. Franklin, A. S. The Influence of Police Related Media, Victimization, and Satisfaction on African American College Students' Perceptions of Police / A. S. Franklin, R. K. Perkins, M. D. Kirby, K. P. Richmond. — Text : electronic // Frontiers in Sociology. — № 4. — 2019. — URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2019.00065/ful1> (date of access: 30.07.2020).
29. Gallagher, C. The Public Image of the Police : Final Report to The International Association of Chiefs of Police by the Administration of Justice Program / C. Gallagher, E. R. Maguire, S. D. Mastrofski, M. D. Reisig ; George Mason University. — 2001. — URL: <https://www.theiacp.org/resources/the-public-image-of-police> (date of access: 30.07.2020). — Text : electronic.
30. Lippmann, W. Public opinion / W. Lippmann. — Harcourt, Brace and Company, 1922. — 427 p. — URL: <http://www.archive.org/stream/publicopinion00lippgoog/page/n6/mode/2up> (date of access: 06.08.2020). — Text : electronic.
31. Lovell, J. S. Media Power & Information Control: a Study of Police Organizations & Media Relations / J. S. Lovell. — Text : electronic // National Criminal Justice Reference Service. — 2002. — URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/197060.pdf> (date of access: 03.09.2020).
32. Mawby, R. C. Promoting the Police? The Rise of Police Image Work / R. C. Mawby. — Text : electronic // Criminal Justice Matter. — London, 2001. — № 43. — URL: <https://www.crimeandjustice.org.uk/sites/crimeandjustice.org.uk/files/09627250108552970.pdf> (date of access: 03.09.2020).
33. Maxson, C. Factors That Influence Public Opinion of the Police / C. Maxson, K. Hennigan, D. C. Sloane. — Text : unmediated // National Institute of Justice. — Washington DC, 2003. — 17 p.
34. Mullis, J. The Impact of the Media on Public Opinion of the Police / J. Mullis. — Text : unmediated // Department of Criminal Justice California State University. — California, 2009. — 75 p.
35. Richard, R. J. What Influences Overall Citizen Satisfaction with the Police / R. J. Richard. — 2015. — URL: [https://www.llrmi.com/articles/legal\\_update/2015\\_johnson\\_citizensatisfaction/](https://www.llrmi.com/articles/legal_update/2015_johnson_citizensatisfaction/) (date of access: 03.09.2020). — Text : electronic.
36. Sadulski, J. Why Social Media Plays an Important Role in Law Enforcement / J. Sadulski. — Text : electronic // In Public Safety. — 2018. — URL: <https://inpublicsafety.com/2018/03/why-social-media-plays-an-important-role-in-law-enforcement/> (date of access: 31.07.2020).
37. Schultz, J. Media Coverage of Law Enforcement and Effects of the Image Created / J. Schultz. — Text : electronic // Dominican University of California. — 2019. — URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/215555071.pdf> (date of access: 03.09.2020).
38. Wayne, W. L. The Media Representations of Police Image: Research Notes on the Hong Kong's Occupy Movement / W. L. Wayne. — Text : electronic // Sage Open Journal. — 2015. — Vol. 5, 3. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015607935> (date of access: 03.09.2020).

**О. С. Овсянникова**

Санкт-Петербургский гос. технологический ун-т (технологический институт), Санкт-Петербург, Россия  
ORCID ID: 0000-0002-5734-6884 

 **E-mail:** [heihe86@mail.ru](mailto:heihe86@mail.ru).

## Репрезентация образа Дональда Трампа в современной документальной прозе

**АННОТАЦИЯ.** *Статья посвящена репрезентации образа Дональда Трампа в современной документальной прозе на примере произведения Г. Миллера «Кандидат: Трамп, Россия и подрыв американской демократии» (2018). Данное издание представляет собой компиляцию интервью, публикаций и выступлений в СМИ, свидетельств очевидцев, непосредственных участников событий, и охватывает большой период времени буквально с рождения Д. Трампа, раскрывая становление Трампа-бизнесмена, факты, относящиеся к предвыборной кампании Д. Трампа и первой трети его президентского срока. Популярность документалистики характерна для литературы XX в. Отличительной чертой документальной литературы является публицистическая оценка автора, данный жанр представляет собой анализ документальных материалов. Целью данной статьи является выявление оценочных суждений автора, приводятся примеры лингвистических средств и коммуникативных стратегий, которые направлены на описание многогранного образа американского президента. В ходе анализа текста данного произведения мы приходим к выводу, что автор формирует у читателя крайне негативный образ президента США. На основе анализируемой книги выделяются следующие составляющие образа «Дональд Трамп»: чужой (вписывается в оппозицию «свой — чужой», базовую для политического дискурса), пророссийский кандидат, шоумен, политик, личность. Описание личностных качеств Д. Трампа представлено наиболее стереотипными языковыми единицами с ярко выраженной пейоративной семантикой. Наиболее частотны единицы со значениями «лжец», «нарцисс», «агрессор». Несмотря на то, что главный герой книги является лидером ведущей мировой державы, автор подчеркивает неправомерные, незаконные действия президента.*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** документальная проза; документальная литература; документальные тексты; политический дискурс; документальный дискурс; публицистика; публицистический стиль; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; образ политика; политические образы; политические деятели; американские президенты; языковые средства.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** *Овсянникова Ольга Сергеевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный технологический университет (технологический институт); 190013, Россия, г. Санкт-Петербург, Загородный пр-т., 49; e-mail: heihe86@mail.ru.*

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** *Овсянникова, О. С. Репрезентация образа Дональда Трампа в современной документальной прозе / О. С. Овсянникова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 78-85. — DOI 10.26170/pl20-06-08.*

В настоящее время одной из наиболее обсуждаемых личностей в мире является 45 президент США Дональд Трамп. Его действия, высказывания, поведение обсуждают не только в СМИ и на различных интернет-площадках, популярной становится также публикация мемуаров, досье, расследований близких и не очень к окружению Трампа соратников-республиканцев, оппонентов-демократов, родственников, корреспондентов. В настоящей статье мы рассмотрим репрезентацию образа Дональда Трампа в книге Г. Миллера «Кандидат: Трамп, Россия и подрыв американской демократии» (2018). Данное издание представляет собой компиляцию интервью, публикаций и выступлений в СМИ, свидетельств очевидцев, непосредственных участников событий, охватывающую большой период времени — буквально с рождения Д. Трампа через становление Трампа-бизнесмена до предвыборной кам-

пании Д. Трампа и первой трети его президентского срока. Дважды лауреат Пулитцеровской премии Грег Миллер, специальный корреспондент газеты *Washington Post*, издал свою книгу-расследование в 2018 г., и в большей степени она сконцентрирована на доказательной базе вмешательства России в предвыборную гонку 2016 г. в США.

Документалистика характерна для авторских текстов XX в. Согласно определению Большого энциклопедического словаря, документальная литература (non-fiction) представляет собой очерки, а также произведения других жанров, описывающие реальные и характерные явления, события и лица. Отличительной чертой документальной литературы является публицистическая оценка автора [Прохоров 2004: 448]. Для российского литературоведа В. С. Муравьев данный жанр представляет собой анализ документальных материалов: «...художест-

венная проза исследует исторические события или явления общественной жизни путем анализа документальных материалов, воспроизводимых целиком, частично или в изложении» [Муравьев 2001: 234]. Сюжет документального произведения может быть основан на воспоминаниях, показаниях как очевидцев, так и самого автора; документах, отчетах, расследованиях. Документальная проза отличается от репортажа или очерка, основных форм журналистики, охватом большего периода времени, количества описываемых событий, а также большим объемом произведения [Тесля 2012: 17]. От научно-исторических исследований документальная проза отличается воссозданием яркой, живой картины событий, психологического облика людей. Точка зрения автора влияет на структурирование материала, его субъективную оценку, даваемую событиям и действующим лицам. В документальной прозе чаще используется публицистический стиль.

Современные российские исследователи О. Н. Григорьева, Т. С. Дроняева, Н. И. Клушина, Г. Я. Солганик сходятся во мнении о том, что публицистический стиль «обслуживает политико-идеологические, общественно-экономические и культурные отношения» [Клушина 2003: 270]. Данный стиль обладает специфическим словарем, соотносимым с наиболее популярными в определенный период времени темами СМИ. Например, формируются идеологемы — эмоционально окрашенный политический термин, значение которого меняется в соответствии с политической прагматикой. Идеологема — это эффективный инструмент управления массовым сознанием [Фельдман 2015: 225]. Оценочность публицистического стиля определяется автором, который может выражать свое мнение как имплицитно, так и эксплицитно. Для современной публицистической речи характерна «установка средств массовой информации на творчество, а не стереотип...» [Клушина 2003: 288—289]. М. П. Брандес также утверждает, что «созданные человеком словесные произведения — это не посмертные останки, а реальная жизнь человеческой субъективности, ее объективированный в языке момент» [Брандес 1990: 25]. При написании документального произведения автор должен учитывать множество характеристик реципиента. Например, систему ценностей, идеалов и принципов, соответствующих компетенций адресата. Автор, как правило, имеет определенные намерения (авторская интенция) [Ленкова 2010: 96], использует конкретные языковые и неязыковые средства, характерные для публицисти-

ческого стиля, для эффективного воздействия на адресата. Под неязыковыми средствами мы понимаем экстралингвистическую сторону документального текста, содержащую креолизованные тексты, а именно документальные плакаты, рукописи и т. д. Для автора-документалиста необходимо создание эффекта присутствия, в противном случае его ждет коммуникативный провал.

Таким образом, одной из важнейших жанровых характеристик документалистики является одновременное проявление объективности и субъективности. По мнению О. Н. Григорьевой, «никакая информация в публицистике не может передаваться беспристрастно, объективно <...> Все языковые средства направлены на то, чтобы воздействовать на аудиторию. Регулятивная, воздействующая функция, являясь ведущей в публицистическом стиле, проявляется в речи: эмоциональной, образной, экспрессивной до эпатажа, шока» [Григорьева 2003: 167—180].

В настоящее время политическая документальная проза становится все более популярной как среди читателей печатных изданий, так и пользователей интернет-ресурсов. Как отмечает Е. И. Шейгал, «многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [Шейгал 2000: 27], т. е. политическая деятельность обладает языковой природой. В свою очередь, авторы политических заметок, очерков, монографий используют многообразные языковые средства манипуляции для выражения определенной оценки с позиции конкретной социальной группы. Как отмечает Д. Грейбер, политический язык включает в себя не только специфический тезаурус и грамматические формы, обороты речи, но и обстоятельства (социальный контекст), в которых распространяется информация [Graber 1981: 27]. Хотя многие лингвисты рассматривают язык политики как профессиональную лексическую систему, мы вслед за Е. И. Шейгал придерживаемся точки зрения, согласно которой язык политического дискурса включает и вербальные, и невербальные знаки.

Для формирования определенного мнения в обществе в текстах политической документалистики чаще используются речевые стратегии и тактики, которые представляют собой не что иное, как «выбор языкового способа представления реального положения дел» [Граудина 1998: 73]. Под коммуникативными стратегиями подразумеваются как структурные особенности текста, так и применение различные лексических средств и стилистических приемов. Для создания

определенного образа в текстах политической направленности используются не только маркеры, но и идеализация или демонизация образа, коннотация терминов, высказываний, а также негативная или позитивная лексика.

На материале анализа книги Г. Миллера «Кандидат: Трамп, Россия и подрыв американской демократии» (2018) мы выделили следующие составляющие образа «Дональд Трамп»: *чужой, пророссийский кандидат, шоумен, политик, личность*. Остановимся подробнее на языковых особенностях репрезентации образа президента США Дональда Трампа.

Семиотическая оппозиция «свой — чужой» является отличительной чертой политического дискурса, другие социокультурные ценности выступают как вторичные [Понамарева 2017: 144]. Следовательно, противопоставление «мы — они» лежит в основе политического сознания, разделяющего общество на «своих» и «чужих». Поляризованная модель политического дискурса особенно характерна для США в связи с двухпартийностью политического строя. Коммуникативная стратегия противопоставления выражается как в действиях президента Д. Трампа, так и в субъективно-оценочных суждениях автора. Тем самым формируется одна из черт образа Д. Трампа — **«чужой»**. Прочитаем наиболее яркий пример: *The president's attorneys saw peril in allowing Trump to sit down with either the ex-KGB agent he saw as an ally or the former FBI chief he treated as an enemy* [Miller 2018: 351]. / *Адвокаты президента видели опасность, позволив Трампу вести переговоры с бывшим агентом КГБ, которого он считал союзником, но при этом экс-главу ФБР он рассматривал как врага*. Автор проводит противопоставление действий американского президента политике государства, указывая на бездействие по отношению к «стране-агрессору»: *Trump had never used the words "attack on our country" in reference to Russia, or spoken of "what we all stand for" in relation to that intrusion on American democracy, but he employed those phrases now in his furious indignation with the special counsel* [Miller 2018: 377]. / *Трамп никогда не использовал слова „напасть на нашу страну“ применительно к России и не говорил о том, что „мы все отстаиваем“ связанное с вторжением в американскую демократию, но теперь он использовал эти фразы в своем яростном негодовании на спецпрокурора США*. За счет применения сравнительной конструкции политика Д. Трампа противопоставляется политическому курсу государства: *And*

*Russia had not giving up on Trump, viewing him as caged by his own establishment, but a leader who could break out* [Miller 2018: 347] / *Россия не разочаровывалась в Трампе, рассматривая его как узника собственного госаппарата, лидера, который еще может освободиться*.

Образ 45 президента США представлен как полная противоположность его предшественников на высшем государственном посту: *Unlike other presidents, who tended to take a seat near the fireplace and gather advisors around, Trump stayed park behind his imposing desk* [Miller 2018: 262]. / *В отличие от других президентов, которые обычно садились у камина в окружении советников, Трамп оставался за своим величественным столом*. Стратегия противопоставления имплицитруется автором для дискредитации действий президента и подчеркивания полной его несостоятельности как главы государства: *Trump was the opposite, an agent of disorder whose preferred climate for conflict was a sandstorm of falsehood* [Miller 2018: 269]. / *Трамп был противоположностью, агентом беспорядка, для которого была предпочтительна конфликтная обстановка, сотканная из урагана лжи*. Упомянув Д. Трампа при описании второстепенных событий и лиц, Г. Миллер подчеркивает противопоставление «свой — чужой»; наиболее яркое сравнение представлено в следующем примере: *Devin Nunes might as well have come from a different planet than Donald Trump* [Miller 2018: 269]. / *Дейвин Нанс, возможно, также с другой планеты, в отличие от Дональда Трампа*.

В соответствии с названием своей книги «Кандидат: Трамп, Россия и подрыв американской демократии», на протяжении всего повествования автор делает особый акцент на лояльности избранного в 2016 г. президента другому политическому лидеру, что, по нашему мнению, также является чертой Д. Трампа — **«пророссийский кандидат»**. Приведем наиболее распространенные характеристики, указывающие на данную черту образа Д. Трампа: *a puppet as president of the United States* [Miller 2018: 170] / *марионетка в роли президента США*; *Putin's favorite candidate* [Miller 2018: 181] / *любимый кандидат Путина*; *Trump's constant praise of Putin...* [Miller 2018: 208] / *Постоянное восхваление Путина Трампом*; *His praise for Putin, his penchant for reciting Moscow's talking points, his dismissive attitude about Kremlin brutality toward dissidents...* [Miller 2018: 234] / *Его восхваление Путина, его склонность к повторению московских разговоров, пренебрежительное отношение к жестокости*

*Кремля по отношению к диссидентам...; a man he regarded as a model: Vladimir Putin [Miller 2018: 262] / человек, которого он считал кумиром: Владимир Путин; his aspiration for kingship with Putin [Miller 2018: 324] / его желание величия с Путиным; Trump's attempts to act on his pro-Kremlin impulses [Miller 2018: 324] / попытки Трампа действовать на его прокремлевских порывах; Trump still looked like a major disappointment in his investors in the Kremlin [Miller 2018: 336] / Трамп все еще выглядел как самое большое разочарование для своих спонсоров в Кремле. Невербальная коммуникация, являясь конкретно-чувственной формой выражения эмоций и мотивов человека, выполняет эмоционально-экспрессивную функцию в общении, сопровождая речь и добавляя выступлению смысловых нюансов. Для дополнения образа Д. Трампа как «пророссийского кандидата» автор использует описание неязыковых средств коммуникации: *Trump expanding his hand to Putin with the palm facing straight up as if balancing an object [Miller 2018: 322]. / Трамп протягивает руку Путину ладонью вверх, как будто балансируя предметом; Trump was livid after learning earlier that day that Putin had called... and Flynn had failed to tell him [Miller 2018: 244]. / Трамп был в ярости, узнав ранее в тот день, что Путин звонил... Флинн не сообщил ему.**

Образ дополняется лингвокультурологической маркированностью; так, автор использует лингвокультурную лакуну «царь». Хотя лакуна свидетельствует о несовпадении языковых реалий и культур [Никифорова 2011: 66], в данном случае она используется для сравнения своего с чужим, подчеркивая национально-специфическую принадлежность «пророссийского кандидата»: *...the location that most appealed to a president who, like the Tsar, also collected extravagant properties and built his brand on gold-plated opulence [Miller 2018: 378] / ...место, которое больше всего понравилось президенту, который, подобно царю, также собирал экстравагантные объекты и строил свой бренд на позолоченных богатствах.*

Коррелирует с названием книги «Кандидат: Трамп, Россия и подрыв американской демократии» сделанный автором на последних страницах издания прямой вывод: *Trump was Putin's apprentice, summoning a side of America that sapped its claims to moral authority [Miller 2018: 389]. / Трамп был кандидатом Путина, взывая к той части Америки, которая подорвала свой моральный авторитет.* Стоит отметить, что в начале своего повествования автор тоже напоминает о названии книги, указывая на его связь с про-

шлым Д. Трампа, а именно с его ролью ведущего популярного телевизионного шоу «Кандидат» («Apprentice», 2003—2016, NBC): *Now he was the one who was unexperienced, utterly unprepared, in dire need of a steadying hand. Now he was the apprentice [Miller 2018: 12]. / Теперь он был неопытным, совершенно неподготовленным, остро нуждающимся в твердой хватке. Теперь он был кандидатом.*

Д. Трамп стал медийной личностью еще до вступления в должность президента США, поэтому неотъемлемой чертой его образа является компонент **«Трамп — шоумен»**: *a reality television star [Miller 2018: 57] / звезда ТВ-шоу; the master of trolling [Miller 2018: 165] / мастер троллинга.* Г. Миллер сравнивает политическую деятельность Трампа с предыдущей в роли шоумена: *Trump who had turned even mundane bill-signing ceremonies into spectacles [Miller 2018: 324]. / Трамп, который превратил обычные церемонии подписания в зрелища.* Положительные черты Трампа-шоумена саркастически противопоставляются проявившимся при его вступлении на политическое поприще: *Trump's true forte, the one that television producers had built an entire show around, was hiring and firing, making instinctual choices about personnel [Miller 2018: 201]. / Поистине сильной чертой Трампа, которую телевизионные продюсеры создали вокруг всего шоу, являлся наем и увольнение рабочей силы, при которых делается инстинктивный выбор в отношении персонала.* Телевизионная карьера принесла Трампу славу, которую он использовал в формировании своего бренда: *Trump was obsessed with fame and building his brand from time he set out in business [Miller 2018: 269]. / Трамп был одержим славой и созданием своего бренда с тех самых пор, как он занялся бизнесом.* Антропонимический бренд, построенный на ассоциации с непосредственной личностью, привлекает потенциального покупателя в коммуникацию, тем самым подталкивая потребителя к покупке [Давыденко 2012: 186]. Использование составных прилагательных для персонификации бренда Д. Трампа: *Trump-branded projects [Miller 2018: 101] / проекты под брендом Трамп; Trump-branded properties [Miller 2018: 101] / объекты недвижимости под маркой Трамп; Trump-branded beach-front tower in South Florida... [Miller 2018: 102] / высотка на береговой линии под маркой Трамп в южной части Флориды; Trump-branded business cards [Miller 2018: 103] / визитки с брендом Трамп — указывает на его бизнес-деятельность как основополагающую на протяжении всей жизни.*

Следующая черта образа Дональда Трампа — «**бизнесмен**». Автор анализируемого нами источника на протяжении всего повествования буквально аттестует Д. Трампа как бизнесмена, несмотря на то что описывается его политическая карьера: *when a billionaire businessman...* [Miller 2018: 63] / *когда миллиардер-бизнесмен*; *The king of debt* [Miller 2018: 100] / *король долгов*; *Trump still saw himself as a real estate tycoon* [Miller 2018: 101] / *Трампа все еще считал себя магнатом на рынке недвижимости*; *the New York real estate magnate* [Miller 2018: 321] / *ню-йоркский магнат на рынке недвижимости*.

Кроме того, при помощи эпитетов передается эмоционально-экспрессивная оценка умений Трампа-бизнесмена: ... *Trump was depicted as a business titan with peerless instincts — a consummate negotiator, a fearless dealmaker, and an unflinching evaluator of talent who forgot nothing* [Miller 2018: 11]. / *Трампа был изображен как деловой титан с бесподобными инстинктами — непревзойденный переговорщик, бесстрашный организатор сделок и непоколебимый оценщик таланта, который никогда ничего не забывал*.

При описании политических функций Д. Трампа автор, используя сравнения, проецирует в новую для описываемого лица область деятельности представления бизнес-сферы: ...*putting him in charge of building the administration, a task that in theory more closely resembled running a corporation, the government equivalent of launching a start-up with a wide-open opportunity to assemble a peerless staff* [Miller 2018: 201]. / *...возложить на него ответственность за создание администрации — задача, которая теоретически больше напоминала управление корпорацией, правительство является эквивалентом запуска стартапа с огромной возможностью собрать блестящий штат сотрудников*. Сравнение поведения Трампа-политика и Трампа-бизнесмена часто носит негативный характер: *a clunky attempt to pressure Comey into bidding for the job as if it were an overpriced oceanfront condo* [Miller 2018: 245]. / *неуклюжая попытка заставить Коми предложить цену за работу, как если бы это была неоправданно дорогая квартира на берегу океана*; *presenting himself as a populist wrecking ball* [Miller 2018: 265] / *представляя себя как популистский шар-таран (для сноса зданий)*. Саркастичные замечания автора подчеркивают несостоятельность Трампа-политика, так как бизнес-стратегии невозможно использовать в политических кругах, его неспособность отделить политику от бизнеса: *Not all lethal conflicts can be resolved as real*

*estate deal might. There is no recourse to bankruptcy court in international affairs* [Miller 2018: 58]. / *Не все смертельные конфликты могут быть разрешены как сделки с недвижимостью. В международных делах нет возможности обратиться в суд по делам о банкротстве*.

Безусловно, в книге Г. Миллера описывается такая вариация образа, как «**Трампа — политик**». Для воплощения политического вектора в образе Д. Трампа используются окказиональные слова, задача которых — отразить в одной форме все характерные черты персонажа. Так, автор описывает масштаб радости Трампа, одержавшего победу в предвыборной гонке: *Inauguration day had brought a burst of Trumpomania* [Miller 2018: 335]. / *День инаугурации принес взрыв Трампомании*. Приводится пример из речи Д. Трампа, где окказионализм обозначает агрессивную политику главного конкурента политика — Х. Клинтон: *Killary* [Miller 2018: 181] / *Убиллари*. Другие прозвища, которые Д. Трамп раздает политикам, по мнению автора, выдают его «подростковость», несостоятельность как политического деятеля: *His adolescent habit of assigning nicknames — “Little Marco”, “Lyn’ Ted”, “Cheatin’ Hillary” — was part of a relentless baiting of his enemies with taunts and insults...* [Miller 2018: 312—313]. / *Его подростковая привычка присваивать прозвища — „маленький Марко“, „лжец Тед“, „обманщица Хиллари“ — была частью постоянной травли его врагов с помощью насмешек и оскорблений*.

Некомпетентность президента упоминается в описании его действий на посту: *to avoid upsetting the president than to inform him* [Miller 2018: 334] / *чтобы не расстроить президента, вместо того чтобы сообщать ему информацию*; ...*he grew so visibly bored during briefings...* [Miller 2018: 12] / *...ему было так очевидно скучно во время брифингов*; *the president got tired of people who say no to him* [Miller 2018: 373] / *президент устал от людей, которые говорят ему нет*. Автор также использует пример намеренного сгущения красок путем использования эпитетов, отражающих «незрелость» Трампа-политика: *to enrage the thin-skinned president...* [Miller 2018: 224] / *разозлить тонкокожего президента*; *The conversation with Trump was jumbled, skipping across seemingly unrelated subjects...* [Miller 2018: 244] / *Разговор с Трампом был беспорядочным, пропускались по-видимому несвязанные темы*. Действия современных политиков все чаще напоминают соревнования, в которых участникам приходится преодолевать непростой путь. Приведем не-

сколько примеров использования политических метафор: *...but their verbal wrestling was only beginning* [Miller 2018: 246] / но их словесная борьба только начиналась; *Donald Trump, politician and hardball dealer...* [Miller 2018: 227 baseball] / Дональд Трамп — политик и жесткий игрок (термин из бейсбола).

Создавая образ Д. Трампа в книге «Кандидат: Трамп, Россия и подрыв американской демократии», автор сделал акцент на ряде личностных характеристик избранного президента, в связи с чем мы выделяем следующую черту образа — «Трамп-личность». Описание личностных качеств Д. Трампа осуществляется максимально стереотипными языковыми единицами с ярко выраженной пейоративной семантикой. Наиболее частотны единицы со следующими значениями:

(1) «лжец»: *telling a lie so cosmetic that people believed that some kernel of it had to be real* [Miller 2018: 96]. / говорящий ложь так правдоподобно, что люди верили в суть; *an unremitting Trump barrage saturated with falsehood* [Miller 2018: 313]. / неумолимый багаж Трампа, пропитанный ложью; *He made false or misleading statements...* [Miller 2018: 349] / Он делал ложные или вводящие в заблуждения заявления; *the number of falsehoods issued each day by the president soared more than threefold* [Miller 2018: 390]. / количество лжи, выдаваемой каждый день президентом, выросло более чем в три раза;

(2) «нарцисс»: *Absorbed in self-adulation and grievances...* [Miller 2018: 11] / Погруженный в самоудовлетворение и собственные обиды...; *...his insecurity and narcissism* [Miller 2018: 11]. / ...его уязвимость и нарциссизм; *...by virtue of his fragile ego...* [Miller 2018: 13] / ...в силу своего хрупкого эго...; *describing "Donald Trump" with a cascade of superlatives and fabrications* [Miller 2018: 94] / описывая „Дональда Трампа“ каскадом гипербол и вымыслов; *pushed by Trump and his phony alter ego* [Miller 2018: 96] / подтолкнул Трампа и его фальшивое альтер эго;

(3) «агрессор»: *egoistical and a bully* [Miller 2018: 94] / эгоистичный и задиристый; *...press conference continued along that combative, convoluted path* [Miller 2018: 257]. / Пресс-конференция продолжилась по боевому, запутанному пути; *Trump went ballistic, screaming obscenities that rattled the walls of the White House* [Miller 2018: 288]. / Трамп был взбешен, кричал матом, сотрясая стены Белого дома; *the combative president* [Miller 2018: 312] / агрессивный президент; *leaving Trump looking like an aggressor in this confrontation* [Miller 2018: 343] / делая

Трампа похожим на агрессора в этом противостоянии.

Несмотря на то, что главный герой книги является лидером ведущей мировой державы, автор подчеркивает неправовые, незаконные действия президента: *The law was something he had almost used to his advantage in life, and he seemed oblivious to the risk of acting as if he were above it as president* [Miller 2018: 265]. / Закон был тем, чем он пользовался в своих интересах в жизни, и он, казалось, не обращал внимания на риск вести себя так, как будто он был выше его как президент; *The attempt put Trump in the Nixon-like position of facing investigation that expanded from alleged campaign crimes to obstruction of justice* [Miller 2018: 264]. / Попытка поставить Трампа в положение, подобное никсоновскому, вынуждающая готовиться к расследованию уголовных дел от предполагаемых предвыборных преступлений до препятствия правосудию; *...and the mysterious massive overpayments for Trump condos by Russian oligarchs* [Miller 2018: 257]. / ...и таинственные крупные переплаты русских олигархов за квартиры Трампа.

Итак, Д. Трамп как личность характеризуется лживостью, самолюбованием, агрессивностью, пренебрежением законами, что, в свою очередь, заставляет автора поставить под сомнение легитимность его президентства.

Анализ произведения Г. Миллера «Кандидат: Трамп, Россия и подрыв американской демократии» позволяет сделать следующие выводы. Через призму документального очерка, обобщающего интервью, рецензии, отзывы, материалы СМИ, официальные заявления, на основании языковых и неязыковых средств мы можем представить многосторонний образ 45 президента США Дональда Трампа. Избранный вопреки ожиданиям, новый президент обладал образами «чужака», «пророссийского кандидата», в чем проявлялось своеобразное неприятие Д. Трампа, поскольку многие видели в нем шоумена и бизнесмена, а не политика. Его «подrostковое» политическое амплуа выражается в агрессии, самолюбование, лжи. Автор, используя коммуникативные стратегии диффамации и/или дискредитации, аргументации, а также как прямую, так и непрямую (метафоры, метонимии, сравнения) авторскую оценку, формирует крайне негативный образ Дональда Трампа.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. — Москва : Высшая школа, 1990. — 320 с. — Текст : непосредственный.
2. Граудина, Л. К. Культура русской речи : учебник для вузов / Л. К. Граудина ; под ред. проф. Л. К. Граудиной и

проф. Е. Н. Ширяева. — Москва : Норма — Инфра-М, 1998. — 560 с. — Текст : непосредственный.

3. Григорьева, О. Н. Публицистический стиль в системе функциональных разновидностей языка / О. Н. Григорьева. — Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. — Москва : Изд-во МГУ, 2003. — С. 167—180.

4. Давыденко, Е. А. К вопросу о сущности антропонимических брендов / Е. А. Давыденко, А. Ф. Ковтунов. — Текст : непосредственный // Проблемы современной экономики. — Санкт-Петербург, 2012. — № 3 (43). — С. 185—188.

5. Клушина, Н. И. Общие особенности публицистического стиля / Н. И. Клушина. — Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. — Москва : Изд-во МГУ, 2003. — С. 269—289.

6. Ленкова, Т. А. К проблеме публицистического стиля и письменного дискурса СМИ / Т. А. Ленкова. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 13 (194). — С. 94—98.

7. Муравьев, В. С. Литературная энциклопедия терминов и понятий / В. С. Муравьев ; под ред. А. Н. Николюкина. — Москва : НПК Интелвак, 2001. — 1117 с. — Текст : непосредственный.

8. Никифорова, А. С. Феномен лингвокультурной лакунарности в политическом медиа-дискурсе / А. С. Никифорова, Л. А. Курьлева. — Текст : непосредственный // Язык и культура. — Томск, 2011. — № 2 (14). — С. 65—74.

9. Пономарева, Е. В. Репрезентация образа Дональда Трампа в британских медиатекстах политической направленности / Е. В. Пономарева. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2017. — № 10 (76). — Ч. 2. — С. 143—147.

10. Прохоров, А. М. Большой Энциклопедический словарь / А. М. Прохоров. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норинт, 2004. — 1456 с. — Текст : непосредственный.

11. Тесля, А. А. Документальная проза: проблема и история жанров / А. А. Тесля. — Текст : электронный // Учёные заметки Тихоокеанского государственного университета : электронное научное издание. — Хабаровск : ТОГУ, 2012. — Т. 3, № 1. — С. 7—17. — URL: [http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles/2012/TGU\\_3\\_02.pdf](http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles/2012/TGU_3_02.pdf).

12. Фельдман, Д. М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте / Д. М. Фельдман. — Москва : Форум, 2015. — 480 с. — Текст : непосредственный.

13. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Е. И. — Волгоград, 2000. — 394 с. — Текст : непосредственный.

14. Graber, D. Political Languages / D. Graber. — Text : unmediated // Handbook of Political Communication. Beverly Hills. — London : Sage Publications, 1981. — P. 195—224.

15. Miller, G. The Apprentice: Trump, Russia and the Subversion of American Democracy / G. Miller. — USA : Custom House, 2018. — 464 p. — Text : unmediated.

O. S. Ovsyannikova

St. Petersburg State Technological University (Technological Institute), St. Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-5734-6884 

 E-mail: [heihe86@mail.ru](mailto:heihe86@mail.ru).

## Linguistic Representation of Donald Trump's Image in Modern Non-Fiction Literature

**ABSTRACT.** *The article deals with representation of Donald Trump's image in the modern documentary prose on the example of the work by G. Miller «The Apprentice: Trump, Russia and the Subversion of American Democracy» (2018). This publication is a compilation of interviews, articles and appeals in mass media, and testimonies of witnesses and direct participants of events and covers a long stretch of time – literally from the birth of D. Trump, depicting the development of Trump as a businessman and the facts related to Trump's election campaign and the first third of his presidency. The popularity of documentary prose is a typical feature the 20th century literature. The documentary literature is characterized by the publicistic evaluation of the author. Its typical feature is analysis of documentary materials. The aim of the article is to reveal the evaluative statements of the author. It provides examples of linguistic means and communicative strategies which are targeted at description of the multifaceted image of the American President. In the course of analysis of the text of the work, the author arrives at the conclusion that the author forms in his readers an utterly negative image of the US President. The following constituents of the image of Donald Trump have been singled out in the study: an alien (as a part of the opposition “alien – own”, basic for political discourse) pro-Russian candidate, showman, politician and personality. The personal traits of D. Trump are described with the help of rather stereotypical linguistic units with saliently pejorative semantics. The units with the meanings of “liar”, “narcissus” and “aggressor” are the most frequent ones. In spite of the fact that the protagonist of the book is President of the leading world power, the author stresses his illegitimate and unlawful actions.*

**KEYWORDS:** *documentary prose; documentary literature; documentary texts; political discourse; documentary discourse; political journalism; political journalism style; communicative strategies; communicative tactics; image of a politician; political images; politicians; American presidents; language means.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Ovsyannikova Ol'ga Sergeevna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, St. Petersburg State Technological University (Technological Institute), St. Petersburg, Russia.*

**FOR CITATION:** *Ovsyannikova, O. S. Linguistic Representation of Donald Trump's Image in Modern Non-Fiction Literature / O. S. Ovsyannikova // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 78-85. — DOI 10.26170/pl20-06-08.*

### REFERENCES

1. Brandes, M. P. Stylistics of the German language / M. P. Brandes. — Moscow : Higher school, 1990. — 320 p. — Text : unmediated. [Stilistika nemetskogo yazyka / M. P. Brandes. — Moskva : Vysshaya shkola, 1990. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

2. Graudina, L. K. Culture of Russian Speech : textbook for universities / L. K. Graudina ; ed. prof. L. K. Graudina and prof. E. N. Shiryayeva. — Moscow : Norma — Infra-M, 1998. —

560 p. — Text : unmediated. [Kul'tura russkoy rechi : uchebnik dlya vuzov / L. K. Graudina ; pod red. prof. L. K. Graudinoy i prof. E. N. Shiryayeva. — Moskva : Norma — Infra-M, 1998. — 560 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Grigor'eva, O. N. Publicistic Style in the System of Functional Varieties of Language / O. N. Grigor'eva. — Text : unmediated // Language of the Media as an Object of Interdisciplinary Research / resp. ed. M. N. Volodina. — Moscow : Moscow State University Publishing House, 2003. — P. 167—

180. [Publitsisticheskiy stil' v sisteme funktsional'nykh raznovidnostey yazyka / O. N. Grigor'eva. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya / otv. red. M. N. Volodina. — Moskva : Izd-vo MGU, 2003. — S. 167—180]. — (In Rus.)
4. Davydenko, E. A. To the Issue of the Essence of Anthropomorphic Brands / E. A. Davydenko, A. F. Kovtunov. — Text : unmediated // Problems of Modern Economy. — St. Petersburg, 2012. — No. 3 (43). — P. 185—188. [K voprosu o sushchnosti antroponimicheskikh brendov / E. A. Davydenko, A. F. Kovtunov. — Tekst : neposredstvennyy // Problemy sovremennoy ekonomiki. — Sankt-Peterburg, 2012. — № 3 (43). — S. 185—188]. — (In Rus.)
5. Klushina, N. I. General Features of Publicistic Style / N. I. Klushina. — Text : unmediated // Language of the Media as an Object of Interdisciplinary Research / resp. ed. M. N. Volodina. — Moscow : Moscow State University Publishing House, 2003. — P. 269—289. [Obshchie osobennosti publitsisticheskogo stilya / N. I. Klushina. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya / otv. red. M. N. Volodina. — Moskva : Izd-vo MGU, 2003. — S. 269—289]. — (In Rus.)
6. Lenkova, T. A. To the Problem of Journalistic Style and Written Media Discourse / T. A. Lenkova. — Text : unmediated // Bulletin of the Chelyabinsk State University. — 2010. — No. 13 (194). — P. 94—98. [K probleme publitsisticheskogo stilya i pis'mennogo diskursa SMI / T. A. Lenkova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 13 (194). — S. 94—98]. — (In Rus.)
7. Murav'ev, V. S. Literary Encyclopedia of Terms and Concepts / V. S. Muravyov ; ed. A. N. Nikolyukina. — Moscow : NRK Intelvak, 2001. — 1117 p. — Text : unmediated. [Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy / V. S. Murav'ev ; pod red. A. N. Nikolyukina. — Moskva : NRK Intelvak, 2001. — 1117 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Nikiforova, A. S. The Phenomenon of Linguocultural Lacunarity in Political Media Discourse / A. S. Nikiforova, L. A. Kuryleva. — Text : unmediated // Language and Culture. — Tomsk, 2011. — No. 2 (14). — P. 65—74. [Fenomen lingvokul'turnoy lakunarnosti v politicheskom media-diskurse / A. S. Nikiforova, L. A. Kuryleva. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk i kul'tura. — Tomsk, 2011. — № 2 (14). — S. 65—74]. — (In Rus.)
9. Ponomareva, E. V. Representation of the Image of Donald Trump in British Media Texts of a Political Orientation / E. V. Ponomareva. — Text : unmediated // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2017. — No. 10 (76). — Part 2. — P. 143—147. [Reprezentatsiya obraza Donald'a Trampa v britanskikh mediatekstakh politicheskoy napravlenosti / E. V. Ponomareva. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2017. — № 10 (76). — Ch. 2. — S. 143—147]. — (In Rus.)
10. Prokhorov, A. M. Big Encyclopedic Dictionary / A. M. Prokhorov. — 2nd ed., rev. and supplemented. — Moscow : Norint, 2004. — 1456 p. — Text : unmediated. [Bol'shoy Entsiklopedicheskiy slovar' / A. M. Prokhorov. — 2-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Norint, 2004. — 1456 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Teslya, A. A. Documentary Prose: the Problem and History of Genres / A. A. Teslya. — Text : electronic // Scientific Notes of the Pacific State University : electronic scientific publication. — Khabarovsk : PNU, 2012. — Vol. 3, No. 1. [Dokumentalnaya proza: problema i istoriya zhanrov / A. A. Teslya. — Tekst : elektronnyy // Uchenye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta : elektronnoe nauchnoe izdanie. — Khabarovsk : TOGU, 2012. — T. 3, № 1. — S. 7—17]. — URL: [http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles/2012/TGU\\_3\\_02.pdf](http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles/2012/TGU_3_02.pdf). — (In Rus.)
12. Fel'dman, D. M. Terminology of Power. Soviet Political Terms in a Historical and Cultural Context / D. M. Feldman. — Moscow : Forum, 2015. — 480 p. — Text : unmediated. [Terminologiya vlasti. Sovetskie politicheskie terminy v istorikokul'turnom kontekste / D. M. Fel'dman. — Moskva : Forum, 2015. — 480 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse : doctoral thesis ... of Dr. of Philol. Sciences / Sheygal E. I. — Volgograd, 2000. — 394 p. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk / Sheygal E. I. — Volgograd, 2000. — 394 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Graber, D. Political Languages / D. Graber. — Text : unmediated // Handbook of Political Communication. Beverly Hills. — London : Sage Publications, 1981. — P. 195—224.
15. Miller, G. The Apprentice: Trump, Russia and the Subversion of American Democracy / G. Miller. — USA : Custom House, 2018. — 464 p. — Text : unmediated.

**Т. Г. Попова**

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия  
ORCID ID: 0000-0003-4365-6723

**К. А. Кокорина**

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия  
ORCID ID: —

**E-mail:** tatyana\_27@mail.ru; october23@mail.ru.

## Языковая личность политика как фактор информационно-психологической войны

**АННОТАЦИЯ.** Статья представляет собой исследование языковой личности политика, которая реализует тактики и стратегии в рамках информационно-психологической войны. Материалом исследования послужили публичные выступления российских и зарубежных политических деятелей (глав государств: Терезы Мэй, Дональда Трампа, Александра Лукашенко, В. В. Путина) и СМИ. Работа основана на исследованиях в области лингвистики информационной войны, лингвополитологии и лингвистической персонологии. Материал для анализа был отобран и исследован в соответствии с методами контекстуального, семантического и компонентного анализов. В работе авторами рассматриваются основные особенности информационной и информационно-психологической войны, разграничиваются их основные определения, делается анализ лингвопрагматических приемов, использующихся политической языковой личностью при продуцировании актов информационно-психологической войны. В работе подчеркивается, что тактики и стратегии, используемые политиками в информационно-психологической войне, могут варьироваться и зависеть от лингвокультуры (например, монокультурным является образ США как борца за фундаментальные ценности и свободы во всем мире). Чаще всего политики применяют стандартный для информационно-психологической войны набор тактик и стратегий. В статье характеризуются стратегия устрашения, или запугивания; поляризации (в рамках противопоставления «мы — они»); дискредитации оппонента; дезинформации; положительной самопрезентации; тактика создания образа врага, гиперболизации, введения аудитории в заблуждение. Образ языковой личности политика также зависит от СМИ, которые являются важным манипулятивным инструментом в руках политического деятеля.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** журналистика; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; языковые средства; политический дискурс; политическая коммуникация; язык СМИ; политические деятели; языковая личность; лингвоперсонология; информационно-психологические войны; лингвистика информационной войны; политическая риторика; политические речи; публичные речи; публичные выступления; речевая деятельность; речевые стратегии; речевые тактики.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Попова Татьяна Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка, факультет иностранных языков, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; 123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: tatyana\_27@mail.ru.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Кокорина Ксения Александровна, адъюнкт, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации; 123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: october23@mail.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Попова, Т. Г. Языковая личность политика как фактор информационно-психологической войны / Т. Г. Попова, К. А. Кокорина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 86-95. — DOI 10.26170/pl20-06-09.

### ВВЕДЕНИЕ

Наша статья посвящена исследованию лингвопрагматических особенностей, тактик и стратегий, используемых политическими деятелями и средствами массовой информации. На основе данного анализа мы составили собирательный портрет языковой личности политического деятеля, совершающего коммуникативные действия, которые являются актами информационно-психологической войны. Материалом для статьи послужили публичные выступления российских и зарубежных политических деятелей.

Современное состояние глобальной общественной системы, текущий миропорядок и единое информационное пространство, детерминированное интенсивным развитием технологий, приводят к тому, что классические вооруженные столкновения, конфликты и войны, которые мы привыкли понимать как акты вооруженного насилия, отходят на второй план, уступая место гибридным войнам, а на сегодняшний день и информационным войнам. В связи с этим данный феномен становится объектом для изучения целого ряда наук и приобретает статус междисциплинарный.

линарного, поскольку вопросы информационно-психологической войны исследуются учеными, работающими в самых различных парадигмах знаний: политологии, социологии, социальной философии, психологии, лингвистике и др.

Среди ученых, занимающихся изучением информационной войны, можно выделить следующих исследователей: С. Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2004], И. В. Озюменко [Озюменко 2018], А. П. Сквородников, Г. А. Копнина [Сквородников, Копнина 2016], М. Г. Цуциева [Цуциева 2012] и др.

При определении дефиниции понятия «информационная война» специалисты неизбежно сталкиваются с высокой вариативностью трактовок данного термина. В первую очередь это связано с междисциплинарностью исследований самого феномена, который изучается в научных дисциплинах широкого спектра. Вслед за А. П. Сквородниковым и Г. А. Копниной мы трактуем информационную войну как «противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной информационной безопасности» [Сквородников, Копнина 2016: 42].

Обладая высокой степенью универсальности и утилитарностью, информационная война может вестись во всех сферах социальной жизни, затрагивая такие области, как политика, экономика, культура, духовная сфера и многие другие области жизнедеятельности человека и общества. Примечательна и определенная самодостаточность данного типа войн, что обусловлено тем, что информационная война может обходиться без того набора сил и средств, который мы привыкли наблюдать в традиционных войнах. Кроме того, сама информационная война может быть интегрирована в войну классического типа и, соответственно, стать одной из ее составляющих.

С. Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2004] отмечает, что в современном мире существует тенденция к созданию такого миропорядка, в котором манипулирование сознанием может являться основной формой господства. Так, уже сегодня в мировой политике манипулирование общественным сознанием является совершенно обычным делом. В информационной войне манипулирование массовым сознанием реализуется в стратегии идеологического подчинения, в которой доминирующие социальные страты и политические

элиты стремятся навязать свои взгляды, точки зрения, определенные идеи с целью получить одобрение со стороны масс и реализовать те или иные цели. В связи с этим можно говорить о том, что на данный момент происходит формирование новой функции языка — «функции управления поведением огромных массивов и коллективов людей, функции манипулирования их сознанием, распространения определенной идеологии той частью общества, в руках которой СМИ находятся» [Озюменко 2018: 29].

С точки зрения общей классификации выделяют два типа информационной войны: информационно-техническую и информационно-психологическую войны [Сквородников, Копнина 2016: 42]. Если информационно-техническая война направлена на деструктивные действия по отношению к системам связи различного рода, телерадиокоммуникационным системам, то целью информационно-психологической войны является воздействие на психику индивида или общества и, таким образом, влияние на общественное сознание. Именно данный тип — информационно-психологическая война — и является актуальным объектом для исследований в ряде гуманитарных дисциплин, включая лингвистику.

Информационно-психологическая война понимается нами как «намеренное информационное воздействие на какой-либо объект (сознание народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения с целью извлечения выгоды субъектом этого воздействия, осуществляемого с привлечением определенных речевых стратегий, тактик и языковых средств» [Сквородников, Королькова 2015: 161]. Так, субъект, будучи одним из основных атрибутов информационно-психологической войны, может выступать как инициатор, актер, а также исполнитель действий информационно-психологической направленности. Кроме того, сам субъект может как совмещать в себе эти роли, так и исполнять только некоторые из них, так как, к примеру, актер и инициатор могут не совпадать в субъекте в силу тех или иных функций, возложенных на сам субъект коммуникации.

Как правило, объект информационно-психологической войны характеризуется своей массовостью, поэтому зачастую им является сознание целого народа или целевой группы. Сознание индивида в качестве объекта информационно-психологической войны выступает намного реже. На сегодняшний день глобализационные процессы приводят к тому, что объектом может выступить

пать даже не сознание целевой группы, не народа, а сознание всего человечества или его части [Сковородников, Королькова 2015: 161].

Принимая во внимание, что «информационная война — это прежде всего вербальная война» [Синельникова 2014: 96], следует считать основным средством для ее осуществления речевое воздействие. Что касается самой информационной войны, то она представляет собой определенное противоборство конфликтующих сторон, которое актуализируется в связи с наличием тех или иных разногласий в интересах и реализуется посредством преднамеренного и направленного воздействия на сознание идеологического противника, которым может являться как индивид, так и определенная социальная группа или народ.

Такое воздействие осуществляется с целью когнитивного подчинения или подавления противоборствующей стороны, а также защиты от ответных мер, которыми может воспользоваться противник. Таким образом, ученые (см.: [Сковородников, Копнина 2016: 43]) выделяют отдельное направление в языкознании, определяемое ими как «лингвистика информационно-психологической войны», предметом которой принято считать речевые технологии, объективирующиеся посредством стратегий, тактик, а также тех или иных приемов и, соответственно, мотивированные поставленными целями и задачами.

Манипулятивная способность языка обусловлена его психофизиологической природой — возможностью кодировать и декодировать информацию, которая способствует репрезентации мыслей в выгодной для актора коммуникации форме, выдавая одно за другое, а также интерпретацией определенных событий. Эти события чаще всего носят политический характер. Отметим также то немаловажное обстоятельство, что языковое манипулирование обусловлено крайне имплицитным воздействием на реципиента, где использование языковых особенностей, тактик и стратегий происходит завуалированно. Несмотря на подобную имплицитность, происходит максимально эффективное воздействие на сознание адресата и, соответственно, у реципиента вызываются необходимые для манипулятора эмоциональные реакции, действия или намерения совершить те или иные действия, заданные актором манипуляции.

Таким образом, можно говорить о том, что манипуляция, в частности языковая манипуляция, является одним из основных методов информационно-психологической войны.

Метод манипуляции часто используется в политическом дискурсе. Методологической базой для исследования манипулятивной функции в политическом дискурсе являются фундаментальные труды А. П. Чудинова [Чудинов 2006: 8; 2014: 269—270; 2019: 40—49], где подчеркивается, что манипуляция в политическом дискурсе обусловлена самой целью данного вида дискурса, который направлен на пропаганду определенных идей и целей говорящего, на эмоциональное воздействие на адресата с целью принятия последним необходимого решения [Чудинов 2006: 8]. Коммуникация в данном виде дискурса выполняет коллективно-регулятивную функцию. Говоря иными словами, речь идет об осуществлении того или иного воздействия сразу на массовую аудиторию, которая является целевой, и, следовательно, в сознании масс порождается выгодное для продуцента дискурса отношение.

Таким образом, можно говорить о том, что политический дискурс представляет собой основной плацдарм для ведения информационных войн, как напрямую, так и опосредованно, через средства массовой информации. Что касается самих политиков, то они, будучи основными продуцентами политически направленных высказываний, являются основными акторами речевых действий манипулятивной направленности.

На наш взгляд, представляется особо актуальным проанализировать языковую личность политических деятелей в рамках реализации ими действий, которые можно отнести к информационно-психологической войне. Характерные черты политической коммуникации, которые отличают ее от остальных видов дискурса, позволяют исследовать языковую личность политика как «динамичный синкретический феномен» [Цуциева 2012: 105]. Подчеркнем, что задачей деятельности политика как когнитивно-речевого субъекта является реализация основной цели политической коммуникации — борьбы за власть посредством применения различного рода побудительных и персуазивных тактик и стратегий.

Как правило, когнитивно-речевой субъект политического дискурса стремится наделить свою коммуникацию высокой степенью эмоциональности и манипулятивности с целью оказания влияния на целевую аудиторию. Данная цель достигается «путем системного воздействия на реципиента: как на языковом и визуальном, так и на эмоциональном и рациональном уровнях» [Попова, Зарипов 2017: 125].

Задачей же языковой личности политической коммуникации в рамках информационной войны можно считать создание у це-

левой аудитории, чаще всего массовой, ощущения определенного политического хаоса в другой стране, экономической нестабильности, бездуховности и безнравственности ее народа или определенных социальных групп. В подобном глобальном масштабе успех реализации информационно-психологической войны зависит от таких составляющих, как контроль информационного пространства интересующей стороны, защита своего информационного пространства и, таким образом, проведение грамотного и своевременного продуцирования самих действий с использованием методов информационно-психологической войны.

Говоря о субъекте политической коммуникации, которым чаще всего выступает сам политический деятель, можно отметить тот факт, что он зачастую пренебрегает информативностью своего высказывания в пользу придания дискурсу оценочности и персуазивности. Следовательно, продуцируя тексты информационно-психологической войны, политики ориентируются больше на элементы вербального и невербального (мимика, жесты) воздействия, нежели предоставляют адресату достоверную информацию. Различная степень информативности политического текста детерминирована степенью побудительности дискурса и того, нацелен ли текст на оказание влияния на адресата. В любом случае, политическая языковая личность всегда прибегает к фактору эмотивности, без которого политический дискурс и сама информационно-психологическая война просто немыслимы.

Отметим, что эмотивность реализуется политиком посредством целого ряда составляющих, в том числе и вербальной агрессии, при которой эмоции играют роль определенного мотивирующего импульса. Подчеркнем, что такое проявление агрессии реализуется посредством агональной функции [Шейгал 2000: 66] политического дискурса.

Таким образом, посредством эмоций акторы информационно-психологической войны могут мобилизовывать и побуждать целевую аудиторию к действиям самого различного рода. Следовательно, можно говорить о том, что эмоции при продуцировании текстов той или иной специфической направленности могут быть инструментом для мотивации или инспирации.

В нашей работе мы используем термин «стратегия», под которым вслед за А. П. Сквородниковым [Бернацкая 2017: 66] понимаем «общий мыслительный план, или общую психологическую линию речевого поведения, определяемую интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего

на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации».

В свою очередь, речевая тактика понимается нами как «речевое действие, соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа». Тактика реализуется в дискурсе посредством специфических приемов, или коммуникативных ходов. Представляется целесообразным подчеркнуть тот факт, что если стратегия выбирается субъектом коммуникации намеренно в соответствии с той или иной коммуникативной целью, то актуализация тактик иногда может происходить интуитивно в процессе порождения речевого высказывания.

Языковая личность в информационно-психологической войне рассматривается с коммуникативно-прагматической позиции, что соответствует прагматическому уровню языковой личности трехуровневой структуры языковой личности Ю. Н. Караулова [Караулов 1987].

## ИССЛЕДОВАНИЕ

Прежде всего представляется целесообразным остановиться на стратегии устрашения, или запугивания, которая активно используется в информационно-психологической войне с целью нагнетания устрашающей обстановки и введения общественных масс в определенного рода психологическое состояние. Эта стратегия активно используется как СМИ, так и политическими деятелями. В политическом дискурсе данная стратегия может быть реализована при помощи различного рода тактик, основными из которых являются тактика угрозы, тактика апелляции к авторитету и тактика создания образа врага. Приведем пример, когда бывший премьер-министр Великобритании Тереза Мэй использует стратегию запугивания, произнося речь о «деле Скрипалей»:

*This was a sickening and despicable act in which a devastatingly toxic nerve agent — known as Novichok — was used to attack our country. It left four people fighting for their lives and one innocent woman dead [PM statement on the Salisbury investigation]. — Это был отвратительный и омерзительный акт, в ходе которого для нападения на нашу страну было использовано разрушительное токсичное нервно-паралитическое вещество, известное как „Новичок“. В результате четыре человека боролись за свои жизни, а одна невинная женщина погибла.*

Стратегия запугивания в данном примере осуществляется при помощи тактики создания образа врага. Для успешной реализации данной тактики политик прибегает к такому лингвистическому приему, как использование экспрессивно-выразительной лексики, в данном случае эпитетов. Умышленное использование эпитетов с крайне высоким экспрессивно-выразительным наполнением создает у целевой аудитории ощущение страха и опасности нахождения в собственной стране в связи с присутствием агрессора. Эпитеты *sickening and despicable* служат для создания ощущения того, что потенциальный враг, который уже действует на территории страны, не остановится ни перед чем в достижении своих целей.

Кроме того, реализуя стратегию запугивания, Тереза Мэй также пользуется стратегией противопоставления «мы — они». Данная стратегия известна под названием «стратегия поляризации» [Озюменко 2018: 31], когда *мы* позиционируется как нечто, следующее букве закона, отвечающее всем нормам морали, нравственности, придерживающееся фундаментальных принципов демократии. В то время как *они* трактуются говорящим как нечто отрицательное, варварское. Данная стратегия, как правило, основывается на принципе двойных стандартов.

В качестве примера приведем следующие высказывания бывшего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй:

*I also said that — while we all share a sense of impatience to bring those responsible to justice — as a nation that believes in the rule of law we would give the police the space and time to carry out their investigation properly. Mr Speaker, we repeatedly asked Russia to account for what happened in Salisbury in March, and they have replied with obfuscation and lies [PM statement on the Salisbury investigation]. — Я также сказала, что, хотя все мы разделяем чувство нетерпения привлечь виновных к ответственности — как нация, которая верит в верховенство закона, мы дадим полиции пространство и время для надлежащего проведения расследования. Г-н Спикер, мы неоднократно просили Россию объяснить то, что произошло в Солсбери в марте, и они ответили обманом и ложью.*

Приводимый нами пример демонстрирует стратегию поляризации, где Великобритания (*мы*) представлена как страна, следующая нормам права и демократии, основным человеческим ценностям. В свою очередь, Россия (*они*) описывается политиком как вероломное государство, которое пытается скрыть те или иные факты. Таким обра-

зом, с точки зрения Терезы Мэй, Россия выглядит как страна, которая пытается помешать расследованию. Следовательно, высказывание бывшего премьер-министра Великобритании вызывает у целевой аудитории чувство отвращения и страха перед дискредитируемой ею страной.

Тактика создания образа врага в стратегии устрашения может быть реализована и при помощи такого приема, как использование определенных наборов клише и шаблонов. Подобного рода лексические конструкции с высокой степенью репрезентации, повторяемые политиками (а потом и СМИ), откладываются в сознании масс, создавая изначально негативное отношение к предмету коммуникации. Одним из таких примеров может являться клише «*Russian aggression*», частотное в политическом дискурсе.

Тереза Мэй в своих выступлениях также использует данное клише, что является средством репрезентации тактики создания образа врага, которая реализуется в выражении *a growing danger to* с целью усиления воздействия на адресата: ***Russia's continued aggression represents a growing danger to Estonia as well as Latvia, Lithuania and Poland'*** [Russian embassy calls Theresa May's claims about Russian threat unacceptable]. — ***Продолжающаяся агрессия России представляет растущую опасность для Эстонии, а также для Латвии, Литвы и Польши.***

Прием подобного рода, использованный в приведенном примере, заведомо настраивает целевую аудиторию против России, характеризуя страну как агрессора, который представляет угрозу для большинства стран Евросоюза, включая бывшие страны СССР. Активно подхватывают это шаблонное выражение и СМИ, при описании различных событий, связанных с политиком, часто употребляющие данное клише, чем целевой аудитории и массам навязывается необходимая политикам оценка происходящего:

*Theresa May has condemned an attack by Russian warships on Ukrainian military vessels in the Black Sea as an act of aggression, as Kremlin officials accused Kiev of conspiring with the West to secure backing for further economic sanctions against Moscow [Theresa May condemns Russian aggression over seizure of Ukrainian ships]. — Тереза Мэй осудила нападение российских военных кораблей на украинские военные корабли в Черном море как акт агрессии, поскольку официальные представители Кремля обвинили Киев в сговоре с Западом, чтобы заручиться поддержкой для дальнейших экономических санкций против Москвы.*

Приведем еще один пример: *Theresa May has asked Donald Trump to raise the issue of Russian aggression against the west, including the Salisbury nerve agent attack, when he meets Vladimir Putin for high-stakes talks next week* [Theresa May urges Trump to raise nerve agent attack with Putin]. — Тереза Мэй попросила Дональда Трампа поднять вопрос о **российской агрессии** против Запада, включая атаку с применением нервно-паралитического вещества в Солсбери, когда он встретится с Владимиром Путиным для ответственных переговоров на следующей неделе.

Постоянно повторяющиеся в политическом дискурсе и часто репрезентируемые негативно окрашенные клише и штампы, имеющие отрицательную коннотацию, задают необходимую политикам атмосферу утраченного и негативного настроения по отношению к идеологическому противнику, которым в данном случае выступает Россия. Используя данный прием, политики заставляют целевую аудиторию верить в то, что та или иная страна действительно представляет угрозу глобальному миропорядку. Таким образом, реализуется тактика создания образа врага и происходит изменение отношения к предмету дискурса на резко негативное, как к чему-то устрашающему, соответственно, осуществляется стратегия запугивания.

Многие политические деятели используют различные комбинации тактик и приемов при продуцировании политических высказываний. Так, к примеру, Дональд Трамп в одном из интервью использует классическую для политического дискурса стратегию дискредитации оппонента (в данном случае бывшего Президента США Б. Обамы). Стратегия дискредитации в данном случае реализуется посредством тактики обвинения предыдущего президента:

*Q Something that happened that got them kicked out of the G8 was the **invasion and annexation of Crimea**. Do you think that Crimea should be recognized as Russian (inaudible)?*

*THE PRESIDENT: Well, you know, you have to ask President Obama, because he was the one that let Crimea get away. That was during his administration. And he was the one that let Russia go and spend a lot of money on Crimea, because they've spent a lot of money on rebuilding it. I guess they have their submarine port there and such* [Press Conference by President Trump After G7 Summit]. — **Что-то, что их изгнало из G8 — это вторжение и аннексия Крыма. Считаете ли вы, что Крым следует признать российским?**

*ПРЕЗИДЕНТ: Ну, вы знаете, вы должны спросить президента Обаму, потому что*

*именно он позволил Крыму уйти. Это было во время его правления. И именно он попустительствовал тому, что Россия вошла в Крым и направила много денег на полуостров и на его восстановление. Я думаю, у них там есть подводный порт и все такое.*

Кроме того, в приведенном выше примере мы видим использование политиком не только стратегии дискредитации, но и стратегии дезинформации, которая реализуется посредством применения тактики введения аудитории в заблуждение. Оперирование такими ложными понятиями, как *invasion and annexation of Crimea* (вторжение и аннексия Крыма), является одним из языковых приемов реализации данной тактики. К стратегии дезинформации в данном примере можно также отнести предложение *I guess they have their submarine port there and such*, которое демонстрирует тактику приведения данных без опоры на достоверные источники. Мы видим, что, используя вводную фразу *I guess*, которая является языковым приемом выражения субъективности, политик «додумывает», а возможно, и искажает данные, так как не знает их достоверность наверняка. Тем самым аудитория вводится в заблуждение относительно тех или иных фактов действительности.

Подобные комбинации используются в дискурсе информационно-психологической войны для создания текстов с большей выразительностью, эмоциональностью и высокой степенью манипулятивности.

Кроме стратегии дискредитации, Дональд Трамп активно использует стратегию положительной самопрезентации, попутно дискредитируя предыдущего президента и, соответственно, пытаясь выставить Россию в неблагоприятном свете:

*I sent [Ukraine] a massive number of anti-tank busters. I sent them military equipment and Obama sent them nothing. That's against Russia. I made us the number one oil-producing country in the world. It wasn't even close. I made us number one — that's bad for Russia* [Trump confirms, in an interview, a U.S. cyberattack on Russia]. — Я послал [в Украину] огромное количество противотанковых средств. Я послал им военную технику, а Обама ничего не послал. Это против России. Я сделал нас нефтянодобывающей страной номер один в мире. А того даже близко не было. Я сделал нас номером один — это плохо для России.

Говоря о США как о стране номер один, политик реализует в дискурсе такую тактику, как гиперболизация, которая в данном случае является составляющей стратегии создания положительного имиджа. Президент

Соединенных Штатов Америки намеренно преувеличивает значение страны на мировой арене. В примере это реализуется посредством гиперболизированного выражения *number one* — и таким образом принижается статус страны-соперника: *bad for Russia*. В текстах манипулятивной направленности использование таких ярких по своей эмоциональной окрашенности тропов, как гипербола или литота, представляется довольно частым приемом, который служит созданию выгодной для автора послания негативной или крайне положительной оценочности текста.

Следующий пример также демонстрирует стратегию положительной самопрезентации, которая применяется политиками для создания не только собственного положительного имиджа, но и образа страны в целом. Так, в политическом дискурсе США данная стратегия реализуется ставшей уже традиционной в текстах информационной войны тактикой представления Соединенных Штатов Америки как борца за фундаментальные ценности и свободы, «борца за мир во всем мире» и освобождения его от «российской агрессии»: *Germany is paying billions of dollars, billions to Russia. And we're supposed to protect Germany from Russia How does that work? I rebuilt our military. We now have the newest military we've ever had. That's not good for Russia either. You understand?* [Trump confirms, in an interview, a U.S. cyberattack on Russia] — *Германия платит России миллиарды долларов, миллиарды долларов. И мы должны защищать Германию от России. Как это работает? Я восстановил нашу армию. Теперь у нас есть новейшие вооруженные силы, которые у нас когда-либо были. Для России это тоже нехорошо. Ты понимаешь?*

При продуцировании дискурса тактика гиперболизации, преувеличения каких-либо свойств или качеств используется также и российскими политиками: *„Мы вообще ничего не боимся — страна с такой территорией, с такой системой обороны, с таким населением, готовым отстаивать свою независимость, свой суверенитет, — продолжил он. — Далеко не везде, не во всех странах есть такая предрасположенность граждан жизнь свою отдать за отечество — у нас есть“* [«Что В. В. Путин рассказал на «Валдае»].

В данном примере Президент России В. В. Путин, используя тактику гиперболизации, посредством гиперболы *вообще ничего не боимся* стремится создать у целевой аудитории — жителей страны — не только крайне положительный образ бесстрашного

русского народа — «мы», но и ощущение безопасности и в то же время самоотречения — способности отдать жизнь за страну в случае необходимости.

Активно применяется политиком и стратегия устрашения. Одной из показательных цитат можно считать следующее принадлежащее В. В. Путину высказывание, в котором данная стратегия реализуется при помощи тактики имплицитной угрозы: *Агрессор должен знать: возмездие неизбежно, все равно он будет уничтожен. А мы, как жертва агрессии, мы как мученики попадем в рай* [Что Путин рассказал на «Валдае»]. Президент в своем дискурсе также использует сочетание стратегий — стратегию устрашения он комбинирует со стратегией поляризации, употребляя противопоставление «мы — они».

Белорусский Президент Александр Лукашенко в связи с нестабильной ситуацией в стране в своих интервью также прибегает к запугиванию аудитории неким внешним агрессором, называя его «они», но не идентифицируя его. Это четко прослеживается в следующем примере: *Вы видите, что они уже тащат сюда „альтернативного президента“, делают это всерьез, поскольку сыплются заявления западных государств о финансировании, поддержке. Военная поддержка налицо — передвижение войск НАТО к границам. Они все двигают к тому, чтобы затащить сюда якобы нового президента. Он обращается к западным государствам, в данном случае НАТО, с целью защиты населения. Они вводят войска — и на Беларуси можно поставить крест* [«Лукашенко: как мы и предполагали, все идет по плану цветных революций, но с использованием внешнего фактора»].

В дискурсе президента звучит размытое «они», которое не имеет четкого определения. На подсознательном уровне целевая аудитория позиционирует их как тех, кто пытается дестабилизировать ситуацию в стране. Однако политик, прибегая к подобной абстрактности, уходит от их конкретной идентификации. То же самое относится и к выражению *заявления западных государств*, которое вследствие смысловой неопределенности не дает никакой конкретики относительно того, какие из стран и их представителей могли сделать заявления.

Таким образом, у аудитории от воспринятого текста остается крайне тревожное общее впечатление. Впитывая подобное сильное, но неопределенное заявление, реципиент имплицитно заражается атмосферой тревожности или страха, вследствие чего становится восприимчив к манипуляции.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав некоторые стратегии, тактики и приемы, реализуемые в политическом дискурсе, мы можем говорить о том, что стратегии и тактики манипуляции сознанием реализуются посредством определенных языковых приемов. Политические деятели являются активными акторами и продуцентами текстов информационно-психологической войны в политическом дискурсе. Каждый из них, будучи языковой личностью, реализует акты информационно-психологической войны на прагматическом уровне посредством тех или иных стратегий, тактик и приемов. Однако если коммуникативные стратегии являются общими для политических деятелей разных культур, то определенные тактики могут иметь сугубо монокультурную принадлежность (например, образ США как борца за фундаментальные ценности и свободы во всем мире). Образ языковой личности политика также зависит от СМИ, которые являются важным манипулятивным инструментом в руках политического деятеля.

## ИСТОЧНИКИ

1. Theresa May condemns Russian aggression over seizure of Ukrainian ships // *The Times*: site. — URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/may-condemns-russian-aggression-over-seizure-of-ukrainian-ships-p7rcl6888> (date of access: 08.08.2020). — Text : electronic.
2. Theresa May urges Trump to raise nerve agent attack with Putin // *The Guardian*: site. — URL: <https://www.theguardian.com/politics/2018/jul/11/theresa-may-urges-trump-to-raise-nerve-agent-attack-with-putin> (date of access: 08.08.2020). — Text : electronic.
3. Press Conference by President Trump After G7 Summit // *White House*: site. — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/press-conference-president-trump-g7-summit/> (date of access: 08.08.2020). — Text : electronic.
4. Trump confirms, in an interview, a U.S. cyberattack on Russia // *Washington Post*: site. — URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/07/10/trump-confirms-an-interview-us-cyberattack-russia/> (date of access: 08.08.2020). — Text : electronic.
5. «Мы попадем в рай, а они — просто сдохнут». Что Путин рассказал на «Валдае» // *RIA*: site. — URL: <https://ria.ru/20181018/1530999011.html> (дата обращения: 08.08.2020). — Текст : электронный.
6. Лукашенко: как мы и предполагали, все идет по плану цветных революций, но с использованием внешнего фактора // *belta.by*: site. — URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-kak-my-i-predpolagali-vse-idet-po-planu-tsvetnyh-revoljutsij-no-s-ispolzovaniem-vneshnego-403755-2020/> (дата обращения: 24.08.2020). — Текст : электронный.
7. PM statement on the Salisbury investigation: 5 September 2018 // *gov.uk*: site. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-the-salisbury-investigation-5-september-2018> (дата обращения: 08.08.2020). — Text : electronic.

speeches/pm-statement-on-the-salisbury-investigation-5-september-2018 (дата обращения: 08.08.2020). — Text : electronic.

8. Russian embassy calls Theresa May's claims about Russian threat unacceptable // *TASS.com*: site. — URL: <https://tass.com/politics/968224> (дата обращения: 08.08.2020). — Text : electronic.

## ЛИТЕРАТУРА

9. Бернацкая, А. А. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. : в 2-х кн. / А. А. Бернацкая, И. В. Евсеева, А. В. Колмогорова [и др.] ; под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2017. — Кн. 1. — 340 с. — Текст : непосредственный.
10. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Алгоритм, 2004. — 526 с. — Текст : непосредственный.
11. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 257 с. — Текст : непосредственный.
12. Озюменко, И. В. Манипуляция общественным сознанием в средствах массовой информации как угроза национальной безопасности / И. В. Озюменко. — Текст : непосредственный // *Язык, культура и «мягкая сила» : сборник научных трудов / Ин-т европ. языков и культуры Гуандун. ун-та иностр. яз. и междунар. торговли ; Урал. гос. пед. ун-т. — Гуанчжоу, Китай : [б. и.]*, 2018. — С. 28—34.
13. Попова, Т. Г. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ / Т. Г. Попова, Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // *Политическая лингвистика*. — 2017. — Вып. 5 (65). — С. 125—129.
14. Синельникова, Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор / Л. Н. Синельникова. — Текст : непосредственный // *Политическая лингвистика*. — 2014. — № 2 (48). — С. 95—101.
15. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А. П. Сковородников, Г. А. Колпина. — Текст : непосредственный // *Политическая лингвистика*. — 2016. — № 1 (55). — С. 42—50.
16. Сковородников, А. П. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») / А. П. Сковородников, Э. А. Королькова. — Текст : непосредственный // *Политическая лингвистика*. — 2015. — № 3 (53). — С. 160—172.
17. Цуциева, М. Г. Языковая личность как субъект политического дискурса / М. Г. Цуциева. — Текст : непосредственный // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. — 2012. — № 2. — С. 104—107.
18. Чудинов, А. П. *Политическая лингвистика : учеб. пособие* / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 254 с. — Текст : непосредственный.
19. Чудинов, А. П. Понятийно-терминологический аппарат политической лингвистики / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // *Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. / Урал. гос. пед. ун-т (Екатеринбург)*. — Екатеринбург : [б. и.] , 2014. — С. 269—270.
20. Чудинов, А. П. Индивидуальный стиль политика сквозь призму комического / А. П. Чудинов, М. В. Никифорова. — Текст : непосредственный // *Филологический класс*. — 2019. — № 2 (56). — С. 40—49.
21. Шейгал, Е. И. Семантика политического дискурса : моногр. / Е. И. Шейгал ; Рос. акад. наук., Ин-т языкознания ; Волгогр. гос. пед. ун-т. — Москва ; Волгоград : Перемена, 2000. — 367 с. — Текст : непосредственный.

T. G. Popova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia  
ORCID ID: 0000-0003-4365-6723 

K. A. Kokorina

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia  
ORCID ID: — 

 E-mail: tatyana\_27@mail.ru; october23@mail.ru.

## Linguistic Personality of a Politician as a Factor of Information-Psychological Warfare

**ABSTRACT.** *The article explores linguistic personality of a politician which realizes the tactics and strategies within the frames of information-psychological warfare. The research material includes public speeches of Russian and foreign politicians (state leaders: Theresa May, Donald Trump, Aleksandr Lukashenko, V. V. Putin) and mass media publications. The study is based on research in the field of information warfare linguistics, linguopolitology and linguistic personality. The research material was selected and studied using the methods of contextual, semantic and component analyses. The authors dwell on the main peculiarities of information and information-psychological warfare, delimitate their basic definitions and carry out an analysis of the linguopragmatic techniques used by a political linguistic personality while producing acts of information-psychological warfare. The article stresses that the tactics and strategies used by politicians in information-psychological warfare may be subject to variation and depend on the linguoculture (e.g. the image of the USA as a fighter for fundamental values and freedoms across the world is monocultural). More often than not, politicians use the set of tactics and strategies standard for information-psychological warfare. The article characterizes the strategies of intimidation or harassment; polarization (within the opposition "we – they"); discreditation of the opponent; disinformation; positive self-presentation; tactics of enemy creation, hyperbolization and misleading the audience. The image of the linguistic personality also depends on mass media which are an important manipulation tool in the hands of a politician.*

**KEYWORDS:** *journalism; media linguistics; media texts; mass media; language means; political discourse; political communication; mass media language; politicians; linguistic personality; linguopersonology; information-psychological warfare; linguistics of information warfare; political rhetoric; political speeches; public speeches; public addresses; speech; speech strategies; speech tactics.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Popova Tat'yana Georgievna, Doctor of Philology, Professor of English Department of the Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Kokorina Kseniya Aleksandrovna, Adjunct, English Department of the Faculty of Foreign Languages, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.*

**FOR CITATION:** *Popova, T. G. Linguistic Personality of a Politician as a Factor of Information-Psychological Warfare / T. G. Popova, K. A. Kokorina // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 86-95. — DOI 10.26170/pl20-06-09.*

### MATERIALS

1. Theresa May condemns Russian aggression over seizure of Ukrainian ships // The Times: site — <https://www.thetimes.co.uk/article/may-condemns-russian-aggression-over-seizure-of-ukrainian-ships-p7rcl6888> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

2. Theresa May urges Trump to raise nerve agent attack with Putin // The Guardian: site — <https://www.theguardian.com/politics/2018/jul/11/theresa-may-urges-trump-to-raise-nerve-agent-attack-with-putin> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

3. Press Conference by President Trump After G7 Summit // White House: site. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/press-conference-president-trump-g7-summit/> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

4. Trump confirms, in an interview, a U.S. cyberattack on Russia // Washington Post: site. — URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/07/10/trump-confirms-an-interview-us-cyberattack-russia/> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

5. "My popadem v raj, a oni — prosto sdohnut". Chto Putin rasskazal na "Valdae" ["We will go to heaven, and they will simply die." What Putin said at Valdai] // RIA: site. — URL: <https://ria.ru/20181018/1530999011.html> (date of access: 08.08.2020). — Text : electronic.

6. Lukashenko: kak my i predpolagali, vse idet po planu cvetnyh revoljucij, no s ispol'zovaniem vneshnego faktora [Lukashenko: as we expected, everything is going according to the plan of color revolutions, however with the usage of an external factor] // belta.by: site. URL: <https://www.belta.by/president/>

[view/lukashenko-kak-my-i-predpolagali-vse-idet-po-planu-tsvetnyh-revoljucij-no-s-ispolzovaniem-vneshnego-403755-2020/](http://view/lukashenko-kak-my-i-predpolagali-vse-idet-po-planu-tsvetnyh-revoljucij-no-s-ispolzovaniem-vneshnego-403755-2020/) (date of access: 24/08.2020). — Text : electronic.

7. PM statement on the Salisbury investigation: 5 September 2018 // gov.uk: site. — URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-the-salisbury-investigation-5-september-2018> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

8. Russian embassy calls Theresa May's claims about Russian threat unacceptable // TASS.com: site. — URL: <https://tass.com/politics/968224> (date of access: 08/08.2020). — Text : electronic.

### REFERENCES

9. Bernackaja A. A., Evseeva I. V., Kolmogorova A. V. i dr. Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografija: v 2-h kn. [Linguistics of information-psychological warfare: monograph: in 2 books] / pod red. A. P. Skovorodnikova. Krasnojarsk: Sibirskij federal'nyj un-t, 2017. Kn. 1. 340 s.

10. Kara-Murza S. G. Manipuljacija soznaniem [Manipulation of consciousness]. — M.: Algoritm, 2004. — 526 s.

11. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and language personality] / Ju. N. Karaulov. — M.: Nauka, 1987. — 257 s.

12. Ozjumenko I. V. Manipuljacija obshhestvennym soznaniem v sredstvakh massovoj informacii kak ugroza nacional'noj bezopasnosti [Manipulation of public consciousness in the media as a threat to national security] // Jazyk, kul'tura i «mjagkaja sila». Sbornik nauchnyh trudov. / In-t evrop. jaz. i kul'tur Guandun. un-ta inostr. jaz. i mezhdunar. trgovli ; Ural. gos. ped. un-t — Guanchzhou [b.i.], Kitaj [b.i.]. 2018. S. 28-34.

13. Popova T.G., Zaripov R.I. Osobennosti metaficheskoj reprezentacii obraza Rossii v zapadnyh SMI [Features of meta-

phorical representation of the image of Russia in the Western media] // Politicheskaja lingvistika / gl. red. A.P. Chudinov, FGBOU VO «Ural.gos.ped. un-t». — Ekaterinburg, 2017. — Vyp. 5 (65). — S. 125-129.

14. Sinel'nikova L. N. Informacionnaja vojna ad infinitum: ukrainij vektor [Information war ad infinitum: Ukrainian vector] // Politicheskaja lingvistika. 2014. № 2 (48). S. 95—101.

15. Skovorodnikov A. P., Koptina G. A. Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: k obosnovaniju i opredeleniju ponjatija // Politicheskaja lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42— 50.

16. Skovorodnikov A. P., Korol'kova Je. A. Rechevyje taktiki i jazykovye sredstva politicheskoy informacionno-psihologicheskoy vojny v Rossii: jetiko-pragmaticeskij aspekt (na materiale «Novoj gazety») [Speech tactics and linguistic means of political information and psychological warfare in Russia: ethical and pragmatic aspect (based on the material of 'Novaya Gazeta')] // Politicheskaja lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 160—172.

17. Cucieva M.G. Jazykovaja lichnost' kak sub#ekt politicheskogo diskursa [Linguistic personality as a subject of political

discourse] // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Filologija, pedagogika, psihologija. 2012. № 2. S. 104-107.

18. Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika: Ucheb. posobie [Political linguistics: Textbook] / Moskva. Izd-vo «Flinta», «Nauka». 2006. — 254 s.

19. Chudinov A.P. Ponjatijno-terminologicheskij apparat politicheskoy lingvistiki [Conceptual and terminological apparatus of political linguistics] // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskaja komunikacija: perspektivy razvitija nauchnogo napravlenija». Ur. gos. ped. un-t (Ekaterinburg). 2014. — 269-270 S.

20. Chudinov A.P., Nikiforova M.V. Individual'nyj stil' politika skvoz' prizmu komicheskogo [The individual style of a politician through the prism of the comic] // Filologicheskij klass № 2 (56). Ur. gos. ped. un-t (Ekaterinburg). 2019. — 40-49 S.

21. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa : Monografija [Semiotics of Political Discourse: Monograph] / E. I. Shejgal; Ros. akad. nauk. In-t jazykoznanija, Volgogr. gos. ped. un-t. — M. ; Volgograd : Peremena, 2000. — 367 s.

**О. А. Солопова**

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия  
ORCID ID: 0000-0003-4170-7267 

**Э. В. Будаев**

Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия  
ORCID ID: 0000-0003-2137-1364 

**А. В. Бойко**

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия  
ORCID ID: 0000-0001-5703-1287 

 **E-mail:** o-solopova@bk.ru; aedw@rambler.ru; alenaboiko93@mail.ru.

## Метафорический образ будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР

**АННОТАЦИЯ.** В статье исследуется метафорический образ будущего России в контексте антироссийских санкций. Изучение образа будущего проводится на материале неинституционального политического интернет-дискурса КНР, который определяется как гибридный формат медийного и политического дискурсов, транслирующий аксиологические установки агентов электронно опосредованной коммуникации и предусматривающий их статусное равенство. В качестве источника материала используется веб-сервис обмена мнениями 知乎 (Zhihu). Цель работы состоит в анализе смыслов политических метафор, транслируемых при моделировании образов будущего России, и прогнозируемых отношений страны с другими державами. Объектом исследования выступают метафорические модели, задействованные в моделировании образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР. Анализ материала проводится в рамках методологии лингвополитической прогнозистики. В статье представлен анализ системы метафорических моделей, которая зафиксирована в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР о будущем России. Изучение специфики метафорических моделей проводится с привлечением методов метафорического моделирования, лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного анализа. Анализ системы метафорических моделей включает количественную и содержательную обработку. Авторами выявлены и проанализированы доминантные метафорические модели, а также факторы, влияющие на активизацию метафор в политическом интернет-дискурсе КНР. К доминантным моделям относятся метафоры неживой природы, родственных отношений, преступности, спорта, игры, животного мира, монархии. Анализ системы метафорических моделей доказывает, что настоящее отношений России с США и Европой определяет их «мрачное» будущее, в связи с чем преобладают метафорические единицы с негативной оценочностью. Положительно окрашенные метафорические единицы моделируют «светлое» будущее российско-китайских отношений, что обуславливается существующими взаимоотношениями России и Китая.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Интернет; интернет-пространство; интернет-дискурс; интернет-тексты; интернет-коммуникация; социальные сети; интернет-сообщения; политическая метафорология; политические метафоры; метафорическое моделирование; метафорические модели; метафорические образы; манипуляция сознанием; манипулятивное воздействие; общественное сознание; образ России; будущее России; лингвополитическая прогнозистика; неинституциональный дискурс; антироссийские санкции.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингвистика и перевод», Южно-Уральский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76; e-mail: o-solopova@bk.ru.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и русской филологии, Российский государственный профессионально-педагогический университет; 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; e-mail: aedw@rambler.ru.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Бойко Алена Викторовна, аспирант кафедры «Лингвистика и перевод», Южно-Уральский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76; e-mail: alenaboiko93@mail.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Солопова, О. А. Метафорический образ будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР / О. А. Солопова, Э. В. Будаев, А. В. Бойко // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 96-107. — DOI 10.26170/pl20-06-10.

**БЛАГОДАРНОСТИ.** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31622.

## ВВЕДЕНИЕ

Проблематика статьи связана с изучением моделирования образа России в неинституциональном дискурсе КНР. Актуальность проводимого исследования обусловлена рядом экстралингвистических и интралингвистических факторов. Во-первых, работа выполнена в русле актуального направления политической лингвистики — лингвополитической прогностики, которая позволяет соединить языковую и социально-политическую реальность в изучении моделей будущего. Во-вторых, актуальность работы обеспечивается использованием современной методологии — когнитивно-дискурсивной парадигмы. В-третьих, современная геополитическая ситуация характеризуется ростом напряженности и недостатком взаимопонимания на международной арене. В этом контексте особую значимость приобретают идеи лингвокультурологии, направленной на поиск культурной специфики в анализируемых единицах и способствующей преодолению межкультурных конфликтов. В-четвертых, актуальность работы связана с выбором материала для исследования — интернет-дискурсом. Практика свидетельствует о том, что в настоящее время электронно опосредованная коммуникация выходит на первый план, что говорит о необходимости изучения особенностей и принципов ее функционирования.

Объектом исследования выступают метафорические словоупотребления со сферой-мишенью «будущее России» в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР. Предметную область составляет специфика метафорического моделирования образа будущего России в обозначенном дискурсе.

### НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

С точки зрения субъективного подхода к дифференциации разновидностей дискурса [Карасик 2002, 2018; Dijk 2008], медийный дискурс политической направленности или политический дискурс в СМИ является статусно ориентированным и институциональным по своей сути, представляя собой коммуникативное взаимодействие, порождаемое деятельностью общественных институтов.

СМИ выступают посредниками между аудиторией и социальными институтами. Освещая информацию, актуальную для принятия политических решений, важных для широкой общественности, массмедиа не только информируют граждан о взглядах

политиков и последствиях их действий, о результатах политики, проводимой государством, и о ситуации на международной арене, но и целенаправленно устанавливают тематику новостей, определяя, какие темы освещать, а какие игнорировать, занимают определенную позицию по вопросам внутренней и внешней политики, влияют на политический процесс на всех его этапах, на репутацию и образы как отдельных политиков, так и целых государств. По сути, дискурс массмедиа — это вторичный дискурс, поскольку информация, доводимая до потребителя, перерабатывается в соответствии с идеологическими и аксиологическими установками журналистов. Как отмечают специалисты, «технологичность политической коммуникации в СМИ реализуется по нескольким линиям: осуществление воздействия, манипулирование сознанием адресата, субъективизация подачи фактов» [Иванова, Чанышева 2014: 39].

В век бурного развития информационных и коммуникационных технологий интернет-дискурс стал новым каналом коммуникации, который активно используется для взаимодействия политических институтов и аудитории и является альтернативой традиционным медиа. Соответственно, возрастает внимание отечественных и зарубежных исследователей к особенностям электронных СМИ и политического интернет-дискурса, определяемого как совокупность текстов (политической проблематики), продуцируемых в виртуальной коммуникативной среде, предполагающей дистанцированное общение коммуникантов с помощью компьютерных технологий [Галичкина 2001]. Также исследователи указывают на такие специфические характеристики политического интернет-дискурса, как синкретичность и большая объективность (по сравнению с официальными СМИ) [Тагильцева 2006]; динамичность и эзотеричность [Сиркия 2018]; неофициальность, стихийность и многоголосие [Блинова 2019]; фантомность и фидеистичность [Бабитова 2017]; реконтекстуализация [Schäffner, Bassnett 2010]; коллоквиализм и неография [Lehti, Laippala 2014].

Кратко охарактеризуем указанные черты. Под виртуальностью понимается возможность общаться с условным незнакомым собеседником. Синкретичность трактуется как слияние двух дискурсов — политического и интернет-дискурса. Неофициальность, стихийность и многоголосие позволяют сетевому дискурсу объединить подвижные, быстро возникающие и угасающие тренды, существующие в конкретном речевом сообществе. Фантомность — это ирреальность политиче-

ских явлений. Фидеистичностью называют опору на подсознание, тогда как реконтекстуализация означает процесс преобразования сообщений о политических событиях, высказываний политиков в соответствии с лингвистическими преобразованиями, такими как адаптация цитаты для ее включения в синтаксическую структуру предложения и др. Коллоквиализм и неография относятся к лексической социостилистической вариативности, включающей в себя разговорные выражения в неформальных коммуникативных ситуациях, а также такие приемы, как аббревиатуры, фонетическая орфография, подавление гласных, логограммы и др.

Институциональный тип политического дискурса, как правило, противопоставлен неинституциональному, который «складывается в рамках бытового личностного общения как реакция на проекцию институционального (политического) дискурса на медийный» [Красильникова 2012: 131].

Таким образом, неинституциональный политический интернет-дискурс может быть определен как гибридный формат медийного и политического дискурсов, транслирующий аксиологические установки агентов электронно опосредованной коммуникации и предусматривающий их статусное равенство. Это дискурс реагирования, представленный гипержанрами сайта, блога, социальной сети, веб-сервиса, электронной библиотеки и др.

На наш взгляд, проблематика исследования образов будущего России, транслируемых в неинституциональном политическом интернет-дискурсе, является одним из перспективных направлений в развитии лингвополитической прогностики. Поскольку отсутствие и/или меньшая представленность ограничений и социальных характеристик авторов, переход обсуждаемой проблемы на уровень обыденного сознания, тенденциозная подача только положительных или только отрицательных фактов, замалчивание противоположных доводов, эмоциональность и экспрессивность сообщений, часто анонимных, будут способствовать еще большему проявлению когнитивных приемов редукции и конструированию черно-белых моделей будущего в упрощенном, заостренном, часто огрубленном виде по сравнению с прогностическими текстами традиционных СМИ.

## МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование образа России проводится на материале китайского неинституционального политического интернет-дискурса. Выбор китайского дискурса обусловлен тем, что Китай, с одной стороны, является одним из основных геополитических и экономиче-

ских партнеров России, с другой — выступает ведущим конкурентом мировых держав за лидерство. История и особенности двусторонних отношений государств в прошлом и настоящем, стратегическое взаимодействие и координация в решении геополитических проблем и в вопросах сопряжения стратегий национального развития, укрепление дружественных связей между народами России и Китая — все это составляет те экстралингвистические факторы, которые влияют на моделирование образа России в дискурсе КНР и обуславливают повышенное внимание китайских средств массовой информации к проблематике будущего России.

В сфере массмедиа Китая является одним из самых строгих регуляторов в мире. СМИ Китая в абсолютном большинстве случаев монополизированы правящей партией КПК, что предполагает контроль над радио, печатными изданиями и телевизионными каналами, а также цензуру в сфере массовой информации. Сложная и эффективная система цензуры введена и для сети Интернет, которая также находится под надзором правительства Китая. Тем не менее интернет-дискурс Китая можно охарактеризовать как более открытую, менее ангажированную по сравнению с традиционными СМИ форму коммуникации.

В качестве источника материала для исследования авторами выбран популярный веб-сервис обмена мнениями 知乎 (Zhihu). Веб-сервис представляет собой информационный ресурс, на котором граждане обсуждают горячие события и темы, в том числе международную политику.

知乎 (Zhihu), сетевое сообщество вопросов и ответов, объединяющее пользователей из всех слоев общества, было презентовано в 2011 г. в Пекине. Пользователи обмениваются друг с другом знаниями, опытом и идеями, размещая в сети Интернет разнобразную информацию на китайском языке. 知乎 (Zhihu), интернет-энциклопедия, «энциклопедия знаний» или «университет знаний», включает многочисленные вопросы и ответы пользователей. В июле 2018 г. объем финансирования этого ресурса составил около 300 млн долларов США. В июне 2018 г. аудитория «университета знаний» 知乎 (Zhihu) достигла 6 млн пользователей, которые получают доступ к ресурсу на коммерческой основе. Каждый день сайт собирает более миллиона человек.

На странице вопросов пользователь может получить ответ на интересующий вопрос и ответить на вопросы других пользователей. В этом разделе существует опция редактирования, которая позволяет вносить

изменения и дополнения в вопросы и ответы, комментировать их, сообщать администратору, какая тематика интересна или, наоборот, неуместна. Пользователь может сортировать ответы по релевантности. В результате в профиле каждого пользователя вопросы отсортированы автоматически в соответствии с его интересами и приоритетами [百度百科 — китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»].

Сайт оснащен автоматическим поисковым менеджером. Отбор материала осуществлялся по ключевым иероглифам: 俄罗斯 (Россия), 制裁 (санкции). Результаты выборки, включающие статьи отдельных пользователей и комментарии к ним, были выведены на главную страницу ресурса и отсортированы по релевантности. Тематической доминантой собранного массива материала являются антироссийские санкции — «ограничительные меры, запланированные или введенные страной-санкционером против страны-оппонента и направленные на воспрепятствование развитию страны-оппонента или на изменение ее внешней и/или внутренней политики в выгодном для инициатора санкций направлении» [Бойко 2020: 13].

Используя систему параметров, предложенную Т. Г. Добросклонской, для описания интернет-медиатекстов, которые составили массив материала для исследования, можно охарактеризовать каждое вхождение в картушку с точки зрения «особенностей его производства, канала распространения и лингвоформатных признаков» [Добросклонская 2014: 183]. Применим этот набор параметров к нашему предмету: способ производства текста — авторский; форма создания и воспроизведения — письменная; канал распространения — средство массовой информации, носитель — Интернет; функционально-жанровый тип текста — комментарий; принадлежность к устойчивому медиатипу — антироссийские санкции.

Из собранного массива с помощью ручной выборки были извлечены неметафорические и метафорические средства выражения будущего. Для анализа фактического материала привлечены методы лингвополитической прогностики, интегрирующей идеи и положения когнитивной лингвистики, прогностики, политологии, лингвополитологии и метафорологии [Солопова 2017, 2019, 2020; Solopova, Chudinov 2019; Chudinov, Solopova 2015].

Каждая модель будущего в лингвопрогностическом исследовании изучается на трех уровнях: матричного анализа, синтезирующего методологию когнитивно-матричного анализа и стратегической матрицы, используемой в политическом прогнозировании; системы метафорических моделей, на котором методика метафорического моделирования дополнена междискурсивным и внутрдискурсивным сопоставлением в диахроническом аспекте; сценарного представления будущего с условным разветвлением на две предельных альтернативы вероятного развития государства — «светлое» будущее и «мрачное» будущее.

В статье представлен фрагмент исследования модели будущего — анализ системы метафорических моделей, которая зафиксирована в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР о будущем России. Изучение специфики метафорических моделей, представляющих образ будущего, проводится в русле методики, разработанной А. П. Чудиновым [Чудинов 2012: 88—89] и развиваемой в рамках Уральской школы политической лингвистики его последователями и учениками [Будаев 2010; Будаев, Чудинов 2012; Ворошилова 2007; Дзюба 2017; Красильникова 2012; Нахимова 2006; Чудинов, Будаев, Солопова 2020; Шустрова 2014; Solopova, Ilyushkina 2017]. На данном уровне происходит анализ системы метафорических моделей, включающий количественную и содержательную обработку: фиксацию метафор, создание системы метафорических моделей, определение частотности их употребления, распределение метафор на шкале частотности, выявление доминантных метафорических моделей, структурирование каждой метафорической модели, определение наиболее частотных фреймов и слотов, установление прагматического потенциала метафоры. Применение когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического методов позволяет выявить факторы, влияющие на активизацию метафор в политическом интернет-дискурсе.

## РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Из массива материала, попавшего в выборку и составившего 300 контекстов, были отобраны 60 контекстов, имеющих метафорическую составляющую. В таблице метафорические модели ранжированы по шкале частотности, за 100 % берется выборка из 60 метафорических контекстов.

Таблица 1

Метафорические модели со сферой-мишенью «Будущее России»

	Будущее России — это...	Доля, %
1	Мир неживой природы	27,8
2	Родственные отношения	23,3
3	Организм	20,0
4	Спорт	8,3
5	Игра	6,7
6	Мир животных	6,7
7	Монархия	3,3
	Другие варианты	4,8

Самой частотной метафорической моделью выступает метафора неживой природы (фрейм «вода», слот «лёд»):

打破美俄关系的“坚冰”，不是那么容易的事情，更不是一朝一夕、一蹴而就的事情。 / *Сломать „лёд“ российско-американских отношений не так-то просто, и уж тем более не в одночасье.*

Метафора «льда» используется как для моделирования российско-американских отношений в настоящем, так и для прогнозов развития этих отношений в будущем. Лед — это замерзшая, перешедшая от низкой температуры в твердое состояние вода. Также в переносном смысле он является символом холодности, неприязни, сомнений [在线汉语词典 — онлайн-словарь китайского языка]. Иероглиф 冰 (лед) в данном контексте употребляется с прилагательным 坚 (толстый), в связи с этим метафорическое словосочетание «толстый лед» несет в себе смысл сильной конфронтации между Россией и Америкой. Кризисы в отношениях США и России, особенно после воссоединения с последней Крыма, часто сравнивают с холодной войной. Специалисты уточняют, что российско-американские отношения в контексте украинского кризиса достигли худшей точки за всю историю и что восстановление отношений и восполнение ущерба после проводимой санкционной политики займет десятки лет [Войтоловский 2014: 80; Бубнова 2015: 83]. Во время украинского кризиса США и Евросоюз различными антироссийскими законопроектами и санкциями пытались «изолировать» Россию. Ограничительные меры коснулись целых отраслей российской экономики, поскольку Европа была главным торговым партнером России: «Европа — главный торговый партнер России (41% торговли страны до введения санкций) и 75% прямых инвестиций в Россию до 2014 г. поступало из Европы» [Бубнова 2015: 85]. Так, вся сложность отношений России и Америки репрезентируется метафорой, лингвистическим и экстралингвистическим контекстами.

Метафорическое словосочетание 晴天 (солнечный день; фрейм «климат», слот «погода») также востребовано при репрезентации будущего российско-американских отношений:

俄罗斯专家指出，俄美关系短期内难见晴天。 / *Российские эксперты отмечают, что в краткосрочной перспективе российско-американские отношения вряд ли будут солнечными* (досл. — увидеть *солнечную погоду* (прим. авторов)).

Иероглифы 晴天 (солнечный день) транслируют смыслы чистого неба, хорошего дня [在线汉语词典 — онлайн-словарь китайского языка]. В лингвистическом окружении метафора 晴天 (солнечный день) реализует противоположные коннотативные смыслы (пасмурное небо), поскольку автор комментария не прогнозирует улучшение и нормализацию российско-американских отношений. Сложившееся в настоящем состоянии двусторонних отношений определяет их «мрачное» будущее, что коррелирует с предыдущей метафорической проекцией 坚冰 (толстый лед).

На втором по частотности месте находится метафорическая модель родственных отношений (фрейм «взаимозависимость», слот «межличностные отношения»):

中俄背靠背的关系应该是不会动摇，战略上相互支持的态势也不会改变。 / *Отношения „спина к спине“ между Китаем и Россией должны сохраниться, тогда не изменится ситуация стратегической поддержки друг друга.*

В рамках данной метафоры образ будущего России актуализируется через ее взаимоотношения с Китаем, через раскрытие потенциала двусторонних отношений и формирование задела для их будущего развития. Метафорическое выражение 背靠背 (спина к спине), состоящее из двух иероглифов: 背 (спина) и 靠 (доверять, зависеть от, опираться и др.) [在线汉语词典 — онлайн-словарь китайского языка], — означает доверие, взаимозависимость. Китай —

один из главных политических и экономических партнеров России. За время украинского кризиса отношения между странами стали еще крепче как экономически, так и политически. Метафорическое словоупотребление профилирует смысл того, что, несмотря на давление Запада, страны должны держаться вместе, чтобы противостоять ему.

Данная метафора регулярно используется в неинституциональном политическом дискурсе при моделировании будущего России и ее отношений с КНР и пересекается с источниковой сферой «физиология»:

中俄关系牢固了, 两国就能背靠背, 不带包袱地与其他大国握手。 / *Отношения между Китаем и Россией настолько прочные, что обе страны могут без проблем спина к спине пожать руки другим великим державам.*

В данном примере метафорическое словоупотребление *背靠背* (спина к спине) несет смысл полного доверия между двумя странами, поскольку у обеих стран за спиной нет никакого бремени (*包袱* означает «бремя», «ноша» [在线汉语词典 — онлайн-словарь китайского языка]), они открыты друг перед другом. Таким образом, метафоры продуцируют образ крепких отношений России и Китая, которые построены на взаимном доверии и открытости, что создает перспективы для их развития и дальнейшего сотрудничества.

Не难想象一个领土面积世界第一, 横跨欧亚大陆, 人口众多 (相对欧洲各国) 祖上曾经辉煌无比甚至在死了以后吃了二十多年老本仍然可以继续吃的国家, 一旦放开制裁, 重新崛起就是分分钟的事, 况且崛起之后的老毛子第一个要对付的恐怕就是落井下石的欧洲 (特别是东欧) 各国, 你是欧美你敢放松制裁吗? / *Нетрудно представить себе страну, которая занимает первое место в мире по площади и протягивается на всю Евразию, с большим населением (по сравнению с европейскими странами), страну, которая когда-то блистала и даже после своей смерти более двадцати лет все еще пожинала (досл. — ела (прим. авторов)) былые успехи и по-прежнему почивает на лаврах (ест — досл. (прим. авторов)). Как только санкции закончатся, ее возрождение является вопросом минут, даже секунд. Кроме того, первое, что будет делать волосатик после своего восхождения на вершину, — это, вероятно, „добивать“ («бросать камни на упавшего в колодец» — досл. (прим. авторов)) европейские (особенно восточноевропейские) страны. Европа и Америка, и вы осмеливаетесь ослабить санкции?*

В представленном контексте также задействована метафора *老毛子* (волосатик) — грубое прозвище русских [Большой китай-

ско-русский словарь bkrs.info; 在线汉语词典 — онлайн-словарь китайского языка]. Уничижительное прозвище возникло в последние годы правления династии Цин, когда Российская империя захватила часть китайских территорий и некоторые из русских обосновались в северо-восточном регионе. Согласно данным «Байду байкэ», варварский характер иноземцев и их внешний вид способствовали тому, что простой люд дал русским презрительное прозвище [百度百科 — китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»].

Метафорическая единица «волосатик» относится к сфере-источнику «Организм» (по сравнению с монголоидами европеиды имеют более развитый волосяной покров). Однако в ней исторически закреплены негативные смыслы агрессивного поведения, которые переносятся на концептуализацию поведения России-волосатика в будущем. Идиоматическое выражение *落井下石* (бросать камни на упавшего в колодец — в значении «добивать») умножает негативную оценочность, транслируемую первой метафорой: не помочь в беде, добавить неприятностей [百度百科 — китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. Данная метафора репрезентирует безжалостность России-волосатика к оппонентам в будущем.

Следующей метафорической моделью является метафора спорта (фрейм «борьба», слот «поединок»):

双方的较量仅限于借助军演“秀肌肉”, 任何一方都不会希望真的发生冲突。 / *„Поединок“ между двумя сторонами ограничен „игрой мускулами“ — использованием военных учений, но ни одна из сторон не хочет, чтобы конфликт действительно произошел.*

Метафорический оборот *秀肌肉* (играть мускулами) активно используется в интернет-дискурсе КНР об антироссийских санкциях, профилируя прогностические смыслы о вероятном будущем отношении России с Америкой и странами НАТО:

要真正遏制俄方, 北约要付出的太多, “秀肌肉”对双方都将造成损失。 / *Чтобы по-настоящему сдержать Россию, НАТО нужно слишком много заплатить, а „игра мускулами“ нанесет ущерб обеим сторонам.*

В данном примере метафорическое словоупотребление «игра мускулами» прогнозирует вероятные потери в проводимой политике как для стран НАТО, так и для России, что акцентирует необходимость поиска мирных путей для решения противоречий.

Словоупотребление *秀肌肉* (играть мускулами / мышцами) имеет переносное значе-

ние демонстрации силы [Большой китайско-русский словарь bkrs.info]. В проанализированном материале оно означает демонстрацию военной мощи, военного превосходства. Так, метафорический оборот транслирует смысл того, что только сильные страны могут позволить себе подобное противостояние: среди них — страны НАТО и Россия.

Менее частотной метафорической моделью выступает метафора игры (фрейм «азартные игры», слот «карточная игра»):

...乌克兰危机使得欧俄关系跌入了冷战结束以来的最低谷, 俄罗斯对克里米亚的兼并行为威胁到了欧洲的安全, 使其不得不做出制裁回应, 即便欧盟手中可用的“牌”十分有限, 甚至制裁会伤害到欧洲自身的经济。 / ...во время украинского кризиса отношения между Европой и Россией достигли самой низкой точки со времен окончания холодной войны. Присоединение Россией Крыма подвергло Европу опасности и заставило ее наложить санкции на Россию, несмотря на то, что „карты“ у ЕС ограничены и что санкции могут нанести ущерб собственной экономике Европы.

Метафора репрезентирует взаимодействия геополитических акторов как игру в карты, прогнозируя возможный исход: игра в карты подразумевает одного победителя, при раздаче по воле случая у одного игрока на руках оказываются хорошие карты, у другого — плохие. Так, в приведенном примере метафорическая единица прогнозирует проигрыш Европы, поскольку у ЕС не самый лучший набор карт. «Ограниченный выбор карт» подразумевает, что экономика ЕС во многих секторах зависит от России: до введения санкций «84 % российской нефти и 76 % российского газа поставлялись в европейские страны, причем Болгария, Румыния, Венгрия получали 100 % своего газа из России» [Бубнова 2015: 86], в связи с этим у Европы не так много возможностей, чтобы с помощью санкций повлиять на действия своего оппонента. Данный прогноз подтверждается в следующем контексте:

不过俄罗斯最让欧盟忌惮的, 还要数能源供应这张“王牌”。 / Больше всего Россия заставляет бояться Евросоюз, поскольку ЕС помнит о российском „козыре“ энергоснабжения.

В приведенном примере метафорическая единица 王牌 (козырь) указывает на господство России над Европой в нефтегазовой отрасли, в связи с чем Европа, проводя санкционную политику, опасается ответных действий России.

Следующей метафорической моделью, зафиксированной в неинституциональном

политическом дискурсе КНР, выступает метафора животного мира (фрейм «дикие животные», слот «медведь»):

更让欧盟担心的是, 制裁的枷锁会让俄罗斯这头“北极熊”愤而回击, 造成更严重的后果。 / ЕС еще больше беспокоится о том, что кандалы санкций могут рассердить „белого медведя“ и заставить его дать отпор, что приведет к еще более серьезным последствиям.

Метафора «медведя» частотна при моделировании образа России в сложившейся ситуации и ее будущего на мировой арене в дискурсах различных стран [Котеленец, Затоловская, Лаврентьева 2018; Махмутова, Ушакова 2012; Де Лазари, Рябов, Жаковска 2013]. Интересно, что в китайском интернет-дискурсе при метафорическом представлении образа России и ее будущего востребованы словоупотребления с положительным прагматическим потенциалом «пушистый медведь», «белый медведь». Вероятнее всего, это объясняется следующим. С одной стороны, 北极熊 (белый медведь) — популярный талисман зимней Олимпиады 2014 года в Сочи, китайцы называют его «мишка». С другой — белый медведь символизирует Россию и, соответственно, мощную силу, которой она обладает [百度百科 — китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. Употребление положительно окрашенных единиц обусловлено тем, что Китай принимает российскую сторону, поддерживает и понимает «пушистого медведя». В метафорическом контексте транслируется смысл опасности проводимой политики для Европы, а не для России: белый пушистый мишка может в одночасье превратиться в свирепого медведя и ответить на санкции. Используя метафору, автор комментария указывает на то, что и в условиях санкций Россия может влиять на развитие ситуации в будущем.

К зооморфным метафорам, моделирующим образ России в китайском неинституциональном интернет-дискурсе, относятся также следующие специфические образы:

有个很形象的比喻: 中俄就像两只刺猬抱团。一方面面对西方的压力, 两国不得不抱成一团来对抗。另一方面, 双方由于地缘关系, 互相都警惕和防范着对方。 / Есть очень образная метафора: Китай и Россия словно два ежа. С одной стороны, столкнувшись с давлением Запада, обе страны должны объединиться, чтобы противостоять ему. С другой — обе стороны настороженно относятся друг к другу и остерегаются друга из-за геополитических вопросов.

В приведенном контексте метафорическое словосочетание моделирует не только образ

российско-китайских отношений в настоящем, но также несет прогностический смысл об их вероятном развитии. 刺猬 (еж) — общий термин для класса млекопитающих, принадлежащих к подсемейству ежей. Еж охотится в ночное время суток, очень пуглив, во время опасности сворачивается в клубок и выставляет свои иглы наружу. Ежи-самцы агрессивны по отношению друг к другу, ревностно охраняют свои участки. В новых условиях могут жить в общем гнезде [百度百科 — китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»]. Так, метафорический оборот 中俄就像两只刺猬抱团 (Китай и Россия словно два ежа) репрезентирует Россию и Китай как ревностных защитников собственной территории, которые живут недалеко друг от друга, но достаточно обособленно. Прогностические смыслы связаны с тем, что при попытке Запада повлиять на политику России и Китая страны будут противостоять Западу вместе, но при сильном сближении могут начать колоть друг друга.

Менее востребованной метафорической моделью является метафора монархии (фрейм «государственное устройство», слот «империя»):

俄罗斯要是想沦为二流强国也就罢了, 如果想再次崛起, 不一定要达到苏联的状态, 如果达到沙皇俄国的状态, 吞并克里米亚以及乌克兰都是必须的, 而克里米亚的优先级远高于乌克兰。 / *Если Россия хочет стать второсортной державой, то дело уже сделано. Если она хочет снова подняться, необязательно до статуса Советского Союза, но хотя бы до статуса царской России, ей необходимо присоединение Крыма и Украины, при этом Крым в большем приоритете.*

Наибольшую активность при моделировании будущего России монархические метафоры проявляют во время украинского кризиса:

短期看俄国要想重回沙俄时代成为列强之一就必须整合白俄罗斯和乌克兰。 / *В краткосрочной перспективе Россия должна будет интегрировать Белоруссию и Украину, чтобы вернуть статус царской России как одна из великих держав.*

Монархические метафоры моделируют вероятные действия России и пути ее развития, которые соответствуют намеченной цели — вернуть статус сверхдержавы, что авторы комментариев связывают с имперскими амбициями государства. Территория Российской империи была огромна, она включала ряд самостоятельных ныне стран. Тем не менее, поскольку официально Китай является страной победившего социализма, которой правит коммунистическая партия,

возвращение статуса Советского Союза как одна из альтернатив развития России в глазах китайцев является приоритетной, но недостижимой в современных условиях целью. В лучшем случае страна сможет вернуть себе положение, равноценное тому, которое занимала Российская империя на геополитической арене, но это на шкале приоритетов лишь второе место.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методология лингвополитической прогностики может успешно применяться при анализе неинституционального политического интернет-дискурса, который понимается как гибридный формат медийного и политического дискурсов, продуцируемый в искусственно созданной коммуникативной среде и транслирующий аксиологические установки агентов данного дискурса реагирования в социальной сети, комментариях к политическим статьям, политическим дискуссиям на форумах и др.

Анализ системы метафорических моделей, зафиксированных в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР, показал, что к частотным относятся следующие: «организм», «мир неживой природы», «родственные отношения», «спорт», «игра», «мир животных», «монархия». Полученные данные свидетельствуют о том, что в дискурсе КНР преобладают метафорические единицы мира неживой природы, прогнозирующие «мрачное» будущее российско-американских отношений. В контексте экономических санкций противостояние стран Запада с Россией, в котором, по мнению пользователей сайта 知乎 (Zhihu), последняя занимает выигрышную позицию, концептуализируется в рамках метафорических моделей игры и спорта. Положительно окрашенные метафорические единицы родства и животного мира особенно активны при моделировании будущего российско-китайских отношений, что обусловлено экономическим и политическим сближением России и Китая. Физиологические и монархические метафоры прогнозируют усиление влияния России в мире, вместе с тем динамика этого усиления представляется умеренной по сравнению с перспективами самого Китая.

Содержательный анализ доминантных метафорических моделей с учетом сферисточников и сферы-мишени метафорической экспансии, оценка их прагматического потенциала и аксиологических характеристик свидетельствует о том, что активизация метафор в неинституциональном политическом интернет-дискурсе КНР зависит как от

меняющихся политических событий, так и от культурно обусловленной картины мира носителей китайского языка.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бабитова, Л. В. Языковые средства репрезентации американского политического блог-дискурса : 10.02.04: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Бабитова Лариса Вячеславовна. — Пятигорск : Пятигорский государственный университет, 2017. — 28 с. — Текст : непосредственный.
2. Блинова, О. А. Мульти-modalность в сетевом политическом дискурсе: интернет-мемы о независимости Шотландии / О. А. Блинова. — DOI 10.24224/2227-1295-2019-10-79-93. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 79—93.
3. Бойко, А. В. Санкционный дискурс как формат политического дискурса / А. В. Бойко. — Текст : непосредственный // Studium Juvenis : межвузовский сборник трудов молодых ученых / науч. ред. О. Н. Кондрачева. — Челябинск, 2020. — № 12. — С. 10—13.
4. Большой китайско-русский словарь. — Режим доступа: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 15.09.2020). — Текст : электронный.
5. Бубнова, Н. И. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: новые ипостаси холодной войны / Н. И. Бубнова. — Текст : непосредственный // Россия и современный мир. — 2015. — № 2 (87). — С. 81—97.
6. Будаев, Э. В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2010. — № 1 (31). — С. 9—23.
7. Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Москва : Флинта, 2012. — 248 с. — Текст : непосредственный.
8. Войтоловский, Ф. Г. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: тенденции и перспективы / Ф. Г. Войтоловский. — Текст : непосредственный // Пути к миру и безопасности. — 2015. — № 1 (48). — С. 67—84.
9. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2007. — № 3 (23). — С. 73—78.
10. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: на материале жанра компьютерных конференций : дис. ... канд. филол. наук / Галичкина Е. Н. — Астрахань : АГУ, 2001. — 212 с. — Текст : непосредственный.
11. Дзюба, Е. В. «Бархатные» метафоры чешского политического дискурса / Е. В. Дзюба. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 1 (61). — С. 31—40.
12. Добросклонская, Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания / Т. Г. Добросклонская. — Текст : непосредственный // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. — 2014. — № 13 (184). — С. 181—187.
13. Иванова, С. В. Национально-культурные прецеденты в политической коммуникации / С. В. Иванова, З. З. Чанышева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 39—47.
14. Квятковский, К. О. Дискурс политической блогосферы как объект политологического исследования / К. О. Квятковский. — Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2012. — № 10 (269). — С. 138—141.
15. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.
16. Карасик, В. И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — № 9 (1). — С. 32—49.
17. Котеленец, Е. А. «Русский медведь» — динамика изменений образа России в мире / Е. А. Котеленец, М. С. Затуловская, М. Ю. Лаврентьева. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 164—176.
18. Красильникова, Н. А. Общество и неинституциональный политический дискурс в сети Интернет / Н. А. Красиль-

никова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2012. — № 4 (42). — С. 130—138.

19. Лазари, А. де. «Русский медведь» в западноевропейской пропаганде Первой мировой войны / А. де Лазари, О. В. Рябов, М. Жаковска. — Текст : непосредственный // Лабиринт : журнал социально-гуманитарных исследований. — 2013. — № 4. — С. 54—67.

20. Махмутова, Л. Ф. Медведь как символ России и как политический образ на западе / Л. Ф. Махмутова, Н. В. Ушакова. — Текст : непосредственный // Политические науки. Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. — 2012. — С. 109—115.

21. Нахимова, Е. А. Интертексты, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры / Е. А. Нахимова. — Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. — Екатеринбург, 2006. — № 19. — С. 186—196.

22. Россия. Большой лингвострановедческий словарь. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина : АСТ-Пресс. — 2007. — URL: <https://rus-lingvostranovedcheskiy-dict.slovaronline.com/326> (дата обращения: 25.09.2020). — Текст : электронный.

23. Сиркия, Н. П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) / Н. П. Сиркия. — Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2018. — Т. 10. — № 2 (2). — С. 164—170.

24. Солопова, О. А. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI в.) / О. А. Солопова. — DOI: 10.17223/19986645/46/5. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2017. — № 46. — С. 55—70.

25. Солопова, О. А. Ретроспективный анализ британского политического дискурса о будущем СССР / О. А. Солопова. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2019. — № 4. — С. 124—134.

26. Солопова, О. А. Ключ к будущему: прогностические смыслы политической метафоры (на материале британских текстов о России периода Великой Отечественной войны) / О. А. Солопова. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 63. — С. 161—177.

27. Тагильцева, Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе : 10.02.01 : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Р. Тагильцева. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2006. — 22 с. — Текст : непосредственный.

28. Чудинов, А. П. Постулаты уральской школы политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. — 2012. — № 2. — С. 85—93.

29. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Москва : Флинта, 2020. — 236 с. — Текст : непосредственный.

30. Шустрова, Е. В. Методика анализа графических метафор / Е. В. Шустрова. — Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. — 2014. — № 6. — С. 70—80.

31. Chudinov, A. P. Linguistic political prognostics: models and scenarios of future / A. P. Chudinov, O. A. Solopova. — DOI 10.1016/j.cej.2018.08.019. — Text : unmediated // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2015. — № 200. — P. 412—417.

32. Lehti, L. Style in French politicians' blogs: degree of formality / L. Lehti, V. Laippala // Language@internet. — URL: <https://www.languageatinternet.org/articles/2014/lehti>. (date of access: 17.09.2020). — Text : electronic.

33. Political discourse, media and translation / edited by Christina Schäffner, Susan Bassnett. — 2010. — 260 p. — Text : unmediated.

34. Solopova, O. Prognostic potential of political metaphors / A. P. Chudinov, O. A. Solopova. — Text : unmediated // Journal of Professional and Scientific Communication. Fachsprache Special Issue. — 2019. — P. 48—64.

35. Solopova, O. A. Russia as a target domain in American, British and Canadian political discourses / O. A. Solopova, M. Yu. Plyushkina. — DOI 10.14529/ling170306. — Text : unmediated // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». — 2017. — Т. 14. — № 3. — С. 41—48.

36. Dijk, T. A. van. Discourse and power / T. A. van Dijk. — New York : Palgrave Macmillan, 2008. — 308 p. — Text : unmediated.

37. 百度百科. Китайская онлайн-энциклопедия «Байду бай-кэ». — URL: <https://m1.baidu.com/> (дата обращения: 18.09.2020). — Текст : электронный.

38. 在线汉语词典. Онлайн-словарь китайского языка. — URL: <http://xh.5156edu.com/html3/1815.html> (дата обращения: 20.09.2020). — Текст : электронный.

#### O. A. Solopova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4170-7267 

#### E. V. Budaev

Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-2137-1364 

#### A. V. Boiko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0001-5703-1287 

 *E-mail*: o-solopova@bk.ru; aedw@rambler.ru; alenaboiko93@mail.ru.

## Metaphorical Image of the Future of Russia in the Chinese Non-Institutional Political Internet Discourse

**ABSTRACT.** *The article deals with the metaphorical image of the future of Russia in the context of anti-Russian sanctions. The study of the image of the future is performed on the material of Chinese non-institutional political Internet discourse. It is defined as a hybrid format of media and political discourses that transmits axiological attitudes of agents of electronic-mediated communication and provides their status equality. The web-based opinion exchange service 知乎 (Zhihu) is used as the source of research material. The aim is to analyze the meanings of political metaphors that are verbalized when modeling images of the future of Russia and its anticipated relations with other powers. The object of the research is metaphorical models involved in conceptualization of the image of Russian future in the Chinese non-institutional political Internet discourse. The analysis of the material is held within the framework of linguistic political prognostics. The article presents the study of the system of metaphorical models, which is fixed in Chinese non-institutional political Internet discourse about the future of Russia. The paper employs the methods of metaphorical modeling, linguistic, cultural, cognitive and discourse analyses. The analysis of the system of metaphorical models contains quantitative and content processing. The authors identify and analyze dominant metaphorical models and factors that influence activity of certain models in Chinese political Internet discourse. Dominant models include metaphors of inanimate nature, relationship, organism, sport, games, wildlife, and monarchy. The analysis of the system of metaphorical models proves that the present relationship between Russia, America and Europe determines their “dark” future, which is why metaphorical units with a negative component prevail, while positively colored metaphorical units model the “bright” future of Russian-Chinese relationships, which is determined by the existing relations between Russia and China.*

**KEYWORDS:** *Internet; Internet space; Internet discourse; Internet texts; Internet communication; social networks; Internet messages; political metaphorology; political metaphors; metaphorical modeling; metaphorical models; metaphorical images; conscience manipulation; manipulative impact; social conscience; Russia’s image; Russia’s future; linguopolitical prediction; non-institutional discourse; anti-Russian sanctions.*

**AUTHOR’S INFORMATION:** *Solopova Ol’ga Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

**AUTHOR’S INFORMATION:** *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages and Russian Philology, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

**AUTHOR’S INFORMATION:** *Boiko Alena Victorovna, Post-Graduate Student of Department of Linguistics and Translation, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

**FOR CITATION:** *Solopova, O. A. Metaphorical Image of the Future of Russia in the Chinese Non-Institutional Political Internet Discourse / O. A. Solopova, E. V. Budaev, A. V. Boiko // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 96-107. — DOI 10.26170/pl20-06-10.*

**ACKNOWLEDGMENTS.** *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISI) within scientific project № 20-011-31622.*

#### REFERENCES

1. Babitova, L. V. Linguistic Means of Representation of American Political Blog Discourse : 10.02.04 : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Babitova Larisa Vyacheslavovna. — Pyatigorsk : Pyatigorsk State University, 2017. — 28 p. — Text : unmediated. [Jazykovye sredstva reprezentacii amerikanskogo politicheskogo blog-diskursa: avtoref. dissertacii kand. filol. nauk :

10.02.04 / Babitova Larisa Vyacheslavovna. — Pyatigorsk : FGBOU VO Pyatigorskij gosudarstvennyj universitet. — 2017. — 28 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)

2. Blinova, O. A. Multimodality in the Network Political Discourse: Internet Memes about the Independence of Scotland / O. A. Blinova. — DOI 10.24224 / 2227-1295-2019-10-79-93. — Text : unmediated // Scientific Dialogue. — 2019. — No. 10. —

- P. 79—93. [Multimodalnost' v setevom politicheskom diskurse: internet-memy o nezavisimosti Shotlandii / O. A. Blinova. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-79-93. — Tekst : neposredstvennyj // Nauchnyj dialog. — 2019. — № 10. — S. 79—93]. — (In Rus.)
3. Bojko, A. V. Sanctions Discourse as a Format of Political Discourse / A. V. Boyko. — Text : unmediated // Studium Juvenis : interuniversity collection of works of young scientists / scientific. ed. O. N. Kondratyeva. — Chelyabinsk, 2020. — No. 12. — P. 10—13. [Sankcionnyj diskurs kak format politicheskogo diskursa / A. V. Bojko. — Tekst : neposredstvennyj // Studium Juvenis: Mezhvuzovskij sbornik trudov molodyh uchenyh / Nauch. red. O. N. Kondrat'eva, otv. red. N. N. Koshkarova. — Cheljabinsk, 2020. — № 12. — S. 10—13]. — (In Rus.)
4. The Comprehensive Chinese-Russian Dictionary. [Bol'shoj Kitajsko-Russkij Slovar']. — URL: <https://bkrs.info/> (date of access : 15.09.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
5. Bubnova, N. I. Russian-American Relations in the Context of the Ukrainian Crisis: New Incarnations of the Cold War / N. I. Bubnova. — Text : unmediated // Russia and the Modern World. — 2015. — No. 2 (87). — P. 81—97. [Rossijsko-amerikanske otnoshenija v kontekste ukrainskogo krizisa: novye ipostasi holodnoj vojny / N. I. Bubnova — Tekst : neposredstvennyj // Rossija i sovremennyy mir. — 2015. — № 2 (87). — S. 81—97]. — (In Rus.)
6. Budaev, E. V. Political Metaphorology: Perspectives of Comparative Analysis / E. V. Budaev. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2010. — No. 1 (31). — P. 9—23. [Politicheskaja metaforologija: rakursy sopostavitel'nogo analiza / E. V. Budaev. — Tekst : neposredstvennyj // Politicheskaja lingvistika. — Ekaterinburg, 2010. — № 1 (31). — S. 9—23]. — (In Rus.)
7. Budaev, E. V. Metaphor in Political Communication / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta, 2012. — 248 p. — Text : unmediated. [Metafora v politicheskoy kommunikatsii / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. — M. : Flinta, 2012. — 248 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
8. Vojtlovskij, F. G. Russian-American Relations in the Context of the Ukrainian Crisis: Trends and Prospects / F. G. Vojtlovskij. — Text : unmediated // Paths to Peace and Security. — 2015. — No. 1 (48). — P. 67—84. [Rossijsko-amerikanske otnoshenija v kontekste ukrainskogo krizisa: tendencii i perspektivy / F. G. Vojtlovskij. — Tekst : neposredstvennyj // Puti k miru i bezopasnosti, 2015. — № 1 (48). — S. 67—84]. — (In Rus.)
9. Voroshilova, M. B. Creolized Text in Political Discourse / M. B. Voroshilova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2007. — No. 3 (23). — P. 73—78. [Kreolizovannyj tekst v politicheskom diskurse / M. B. Voroshilova. — Tekst : neposredstvennyj // Politicheskaja lingvistika, Ekaterinburg, 2007. — № 3 (23). — S. 73—78]. — (In Rus.)
10. Galichkina, E. N. Specificity of Computer Discourse in English and Russian: Based on the Genre of Computer Conferences : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Galichkina E. N. — Astrakhan : ASPU, 2001. — 212 p. — Text : unmediated. [Specifika komp'juternogo diskursa na anglijskom i russkom jazykah: Na materiale zhanra komp'juternyh konferencij: dis. ... kand. filol. nauk / E. N. Galichkina. — Astrakhan' : AGPU, 2001. — 212 s.]. — (In Rus.)
11. Dziuba, E. V. «Velvet» Metaphors in Czech Political Discourse / E. V. Dziuba. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2017. — No 1 (61). — P. 31—40. [«Barhatnye» metafory cheshskogo politicheskogo diskursa / E. V. Džuba // Politicheskaja lingvistika. — 2017. — № 1 (61). — S. 31—40]. — (In Rus.)
12. Dobrosklonskaya, T. G. Massmedia Discourse as an Object of Scientific Description / T. G. Dobrosklonskaya. — Text : unmediated // Scientific Statements. Series: Humanities. — 2014. — No. 13 (184). — P. 181—187. [Massmedijnyj diskurs kak ob#ekt nauchnogo opisanija / T. G. Dobrosklonskaja. — Tekst : neposredstvennyj // Nauchnye vedomosti. Serija Gumanitarnye nauki. — 2014. — № 13 (184). — S. 181—187]. — (In Rus.)
13. Ivanova, S. V. National Cultural Precedents in Political Communication / S. V. Ivanova, Z. Z. Chanysheva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2014. — No 4 (50). — P. 39—47. [Nacional'no-kul'turnye precedenty v politicheskoy kommunikacii / S. V. Ivanova, Z. Z. Chanysheva. — Tekst : neposredstvennyj // Politicheskaja lingvistika. — 2014. — № 4 (50). — S. 39—47]. — (In Rus.)
14. Kvyatovsky, K. O. The Discourse of the Political Blogosphere as an Object of Political Research / K. O. Kvyatovsky. — Text : unmediated // Bulletin of SUSU. Series "Social Sciences and Humanities". — 2012. — No. 10 (269). — P. 138—141. [Diskurs politicheskoy blogosfery kak ob#ekt politologicheskogo issledovanija / K. O. Kvjatovskij. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik JuUrGU. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki». — 2012. — № 10 (269). — S. 138—141]. — (In Rus.)
15. Karasik, V. I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse / V. I. Karasik. — Volgograd : Change, 2002. — 477 p. — Text : unmediated. [Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs / V. I. Karasik. — Volgograd: Peremena, 2002. — 477 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
16. Karasik, V. I. Targeted Specialization in Public Political Discourse / V. I. Karasik. — Text : unmediated // Bulletin of RUDN. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics. — 2018. — No. 9 (1). — P. 32—49. [Adresnaja specializacija v publicnom politicheskom diskurse / V. I. Karasik. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. — 2018. — №9 (1). — S. 32—49]. — (In Rus.)
17. Kotolenec, E. A. "Russian Bear" — the Dynamics of Changes in the Image of Russia in the World / E. A. Kotolenets, M. S. Zatulovskaya, M. Yu. Lavrentieva. — Text : unmediated // Scientific Dialogue. — 2018. — No. 7. — P. 164—176. [«Russkij medved'» — dinamika izmenenij obraza Rossii v mire / E. A. Kotolenec, M. S. Zatulovskaja, M. Ju. Lavrent'eva. — Tekst : neposredstvennyj // Nauchnyj dialog. 2018. № 7. — S. 164—176]. — (In Rus.)
18. Krasil'nikova, N. A. Society and Non-institutional Discourse in the Internet / N. A. Krasil'nikova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2012. — No 4 (42). — P. 130—138 [Obshhestvo i neinstitucional'nyj politicheskij diskurs v seti internet / N. A. Krasil'nikova. — Tekst : neposredstvennyj // Politicheskaja lingvistika. — 2012. — № 4 (42). — S. 130—138]. — (In Rus.)
19. De Lazari, A. "Russian Bear" in Western European Propaganda of the First World War / A. de Lazari, O. V. Ryabov, M. Zhakovska. — Text : unmediated // Labyrinth : journal of social and humanitarian research. — 2013. — No. 4. — P. 54—67. [«Russkij medved'» v zapadnoevropejskoj propagande pervoj mirovoj vojny / A. de Lazari, O. V. Rjabov, M. Zhakovska. — Tekst : neposredstvennyj // Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij. — 2013. — № 4. — S. 54—67]. — (In Rus.)
20. Mahmutova, L. F. Bear as a Symbol of Russia and as a Political Image in the West / L. F. Makhmutova, N. V. Ushakova. — Text : unmediated // Political Sciences. Intellectual potential of the XXI century: stages of knowledge. — 2012. — P. 109—115. [Medved' kak simvol Rossii i kak politicheskij obraz na zapade / L. F. Mahmutova, N. V. Ushakova. — Tekst : neposredstvennyj // Politicheskije nauki. Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznanija. 2012. — S. 109—115]. — (In Rus.)
21. Nakhimova, E. A. Intertextmes, Precedent Names, Text Reminiscences and Metaphors / E. A. Nakhimova. — Text : unmediated // News of the Ural State Pedagogical University. Linguistics. — Ekaterinburg, 2006. — No. 19. — P. 186—196. [Intertekstemy, precedentnye imena, tekstovye reminiscencii i metafory / E. A. Nahimova. — Tekst : neposredstvennyj // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika. — Ekaterinburg, 2006. — № 19. — S. 186—196]. — (In Rus.)
22. Russia. Comprehensive Linguistic and Cultural Dictionary. — Moscow : State Institute of the Russian Language n. a. A. S. Pushkin : AST-Press. — 2007. [Rossija. Bol'shoj lingvostranovedcheskij slovar'. — Moskva : Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A.S. Pushkina : AST-Press, 2007]. — URL: <https://rus-lingvostranovedcheskiy-dict.slovaronline.com/326>. (date of access : 25.09.2020). — (In Rus.)
23. Sirkia, N. P. Political Discourse vs Political Internet Discourse: Similarities and Differences (Cognitive Aspect) / N. P. Sirkia. — Text : unmediated // Historical and Socio-educational Thought. — 2018. — Vol. 10. — No. 2 (2). — P. 164—170. [Politicheskij diskurs vs politicheskij internet-diskurs:shodstva i razlichija (kognitivnyj aspekt) / N. P. Sirkija. — Tekst : neposredstvennyj // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. — 2018. — T. 10. — №2 (2). — S. 164—170]. — (In Rus.)

24. Solopova, O. A. Metaphor in Modeling the Future: "Bright" Scenario (based on predictive texts about Russia in Russian, American and British political discourses of the XXI century) / O. A. Solopova. — DOI 10.17223/19986645/46/5. — Text : unmediated // Bulletin of the Tomsk State University. Philology. — 2017. — No. 46. — P. 55—70. [Metafora v modelirovanii budushhego: "svetlyj" scenarij (na materiale prognosticheskikh tekstov o Rossii otechestvennogo, amerikanskogo i britanskogo politicheskikh diskursov XXI v.) / O. A. Solopova. — DOI: 10.17223/19986645/46/5. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. — 2017. — № 46. — S. 55—70]. — (In Rus.)
25. Solopova, O. A. Retrospective Analysis of the British Political Discourse about the Future of the USSR / O. A. Solopova. — Text : unmediated // Issues of Cognitive Linguistics. — 2019. — No. 4. — P. 124—134. [Retrospektivnyj analiz britanskogo politicheskogo diskursa o budushhem SSSR / O. A. Solopova. — Tekst : neposredstvennyj // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. — 2019. — № 4. — S. 124—134]. — (In Rus.)
26. Solopova, O. A. Key to the Future: Prognostic Meanings of Political Metaphor (based on British texts about Russia during the Great Patriotic War) / O. A. Solopova. — Text : unmediated // Bulletin of the Tomsk State University. Philology. — 2020. — No. 63. — P. 161—177. [Kljuch k budushhemu: prognosticheskie smysly politicheskoy metaforj (na materiale britanskikh tekstov o Rossii perioda Velikoj Otechestvennoj vojny) / O. A. Solopova. — Tekst : neposredstvennyj // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. — 2020. — № 63. — S. 161—177]. — (In Rus.)
27. Tagil'ceva, Ju. R. Subjective Modality and Tonality in Political Internet Discourse : 10.02.01 : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Yu. R. Tagiltseva. — Ekaterinburg : Ural State Pedagogical University, 2006. — 22 p. — Text : unmediated. [Sub"ektivnaja modal'nost' i tonal'nost' v politicheskom internet-diskurse: avtoref. dissertacii kand. filol. nauk : 10.02.01 / Ju. R. Tagil'ceva. — Ekaterinburg: FGBOU VO Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. — 2006. — 22 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
28. Chudinov, A. P. Postulates of the Ural School of Political Metaphorology / A. P. Chudinov. — Text : unmediated // Ural Philological Bulletin. Language. System. Personality: linguistics of creativity. — 2012. — No. 2. — P. 85—93. [Postulaty ural'skoj shkoly politicheskoy metaforologii / A. P. Chudinov. — Tekst : neposredstvennyj // Ural'skij filologicheskij vestnik. Jazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. — 2012. — № 2. — S. 85—93]. — (In Rus.)
29. Chudinov, A. P. Political Metaphorology: a Discursive Turn / A. P. Chudinov, E. V. Budaev, O. A. Solopova. — Moscow : Flinta, 2020. — 236 p. — Text : unmediated. [Politicheskaja metaforologija: diskursivnyj povorot / A. P. Chudinov, Je. V. Budaev, O. A. Solopova. — M. : Flinta, 2020. — 236 s. — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
30. Shustrova, E. V. Methods of Analysis of Graphic Metaphors / E. V. Shustrova. — Text : unmediated // Pedagogical Education in Russia. — 2014. — No. 6. — P. 70—80. [Metodiki analiza grafičeskikh metafor / E. V. Shustrova. — Tekst : neposredstvennyj // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, 2014. — № 6. — S. 70—80]. — (In Rus.)
31. Chudinov, A. P. Linguistic political prognostics: models and scenarios of future / A. P. Chudinov, O. A. Solopova. — DOI 10.1016/j.cej.2018.08.019. — Text : unmediated // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2015. — № 200. — P. 412—417.
32. Lehti, L. Style in French politicians' blogs: degree of formality / L. Lehti, V. Laippala // Language@internet. — URL: <https://www.languageatinternet.org/articles/2014/lehti>. (date of access: 17.09.2020). — Text : electronic.
33. Political discourse, media and translation / edited by Christina Schäffner, Susan Bassnett. — 2010. — 260 p. — Text : unmediated.
34. Solopova, O. Prognostic potential of political metaphors / A. P. Chudinov, O. A. Solopova. — Text : unmediated // Journal of Professional and Scientific Communication. Fachsprache Special Issue. — 2019. — P. 48—64.
35. Solopova, O. A. Russia as a target domain in American, British and Canadian political discourses / O. A. Solopova, M. Yu. Ilyushkina. — DOI 10.14529/ling170306. — Text : unmediated // Bulletin of the South Ural State University. Linguistics series. — 2017. — Vol. 14. — No. 3. — P. 41—48.
36. Van Dijk, T. A. Discourse and power / T. A. van Dijk. — New York : Palgrave Macmillan, 2008. — 308 p. — Text : unmediated.
37. Baidu Baike. Chinese Online Encyclopedia. — URL: <https://m1.baidu.com/>. (date of access: 18.09.2020). — Text : electronic. — (In Chinese.)
38. Zaixian hanyu cidian. Online Chinese Dictionary. — URL: <http://xh.5156edu.com/html3/1815.html> (date of access: 20.09.2020). — Text : electronic. — (In Chinese.)

**Тао Чжан**

Южно-Уральский гос. ун-т (национальный исследовательский ун-т), Челябинск, Россия  
ORCID ID: —

**Н. Н. Кошкарлова**

Южно-Уральский гос. ун-т (национальный исследовательский ун-т), Челябинск, Россия  
ORCID ID: 0000-0001-8861-0353

**E-mail:** taozhang@yandex.ru; nkoshka@rambler.ru.

## Особенности речевого воздействия в китайской социальной рекламе, направленной на пропаганду санитарных норм в условиях пандемии коронавируса (на материале уличных агитационных плакатов)

**АННОТАЦИЯ.** Пандемия новой коронавирусной инфекции в начале 2020 года вызвала во всем мире потребность в широком использовании масштабной социальной рекламы, направленной на изменение моделей общественного поведения применительно к новым условиям жизни. Авторы на примере продуктов китайской социальной рекламы, направленной на пропаганду санитарных норм в условиях новой коронавирусной инфекции, раскрывают способы речевого воздействия на поведение населения и дают их классификацию по различным критериям, при этом выделяют характерные национальные особенности рекламных текстов, составленных на китайском языке. Приводятся различные точки зрения на роль социальной рекламы в соответствующем типе дискурса, даются классификации социальной рекламы и определяется место лозунга в системе жанров рекламного дискурса. Согласно теории речевого акта, функции лозунга в условиях эпидемии новой коронавирусной инфекции по критериям их содержания и степени речевого воздействия можно условно разделить на научно-популярные, убеждающие, предупреждающие и демонстрирующие угрозу. В статье дан прагмалингвистический анализ выделенных типов лозунга социальной рекламы. Делается вывод о том, что социальная реклама испытывает на себе влияние не только социальных, но и национально-культурных условий и обстоятельств. Определяются перспективы исследования, к которым относится возможность компаративистского исследования лозунгов социальной рекламы на китайском и русском языках. Такой анализ будет ценным и с практической точки зрения для создателей рекламного продукта, который должен учитывать национальные и языковые особенности целевой аудитории.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** речевое воздействие; речевые стратегии; речевые тактики; речевая деятельность; социальная реклама; рекламный дискурс; рекламные тексты; лозунги; эпидемии; коронавирус; коронавирусная инфекция.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Чжан Тао, аспирант, кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 169; e-mail: taozhang@yandex.ru.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); адрес: 454000, Россия, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования; e-mail : nkoshka@rambler.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Чжан, Тао. Особенности речевого воздействия в китайской социальной рекламе, направленной на пропаганду санитарных норм в условиях пандемии коронавируса (на материале уличных агитационных плакатов) / Тао Чжан, Н. Н. Кошкарлова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 108-116. — DOI 10.26170/pl20-06-11.

### ВВЕДЕНИЕ

В 2020 г. в Китае после вспышки эпидемии новой коронавирусной инфекции государственные органы с целью повышения осведомленности населения об эпидемии вывесили на улицах городов и деревень транспаранты и плакаты, содержащие социальную рекламу соответствующего содержания. Поскольку Китай жестко пресекает распространение эпидемии, применение лаконичных и основанных на лексике, используемой в повседневной жизни, пропаганди-

стских лозунгов может усилить бдительность людей в отношении проявлений заболевания. В связи с культурными и региональными различиями адресатов социальной рекламы продолжает расти влияние рекламных лозунгов, содержащих образцы народной мудрости, найденные в сетевой коммуникационной среде.

Лозунги в основном выполняют направляющую, мобилизующую и мотивирующую функцию, что очень помогает в наращивании усилий общества в борьбе с эпидемией. В ходе противоэпидемических мероприятий

на местах появилось много ярких и талантливых пропагандистских лозунгов, которые оказывают психологический эффект внушения на различные целевые группы.

Лозунг — один из наиболее широко используемых социальных языковых жанров, отличающийся кратким текстом и ясным смыслом, поэтому исследование лозунгов всегда было одной из актуальных и популярных тем в научных трудах. Лозунг привлекает внимание лиц, относящихся к различным социальным группам, короткими и убедительными фразами, стимулирует общественные эмоции, направляет усилия общественности на реализацию конкретных целей и выражает признанные в обществе ценности [Хань Чэнпэн 2008]. Лозунги как целенаправленная и актуальная форма социальной рекламы часто играют важную роль в общественной жизни. Использование лозунга диктует необходимость получения от краткого текста результата в виде эффективного воздействия на общественное мнение. Как достичь этой цели? Ответ заключается в том, что такая творческая работа, как создание лозунгов, посвященных борьбе с эпидемией, требует от их авторов способности умело использовать стилистические средства, ведь именно это позволяет рекламе получить необычайно высокий резонанс [Юань Хуэйянь 2020].

### ЛОЗУНГ КАК ЖАНР СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

У рекламы как виде маркетинговой коммуникации, предоставляющей целевой аудитории информацию о товарах и услугах, выделяется два основных типа в зависимости от цели: коммерческая и общественная. В России термину *общественная реклама* соответствует понятие *социальная реклама*. В последнее время стали говорить о политической рекламе как средстве борьбы за избирателей и их голоса. Однако К. В. Акулич [Акулич 2011] полагает, что социальная реклама может трактоваться как политическая технология, не считая при этом обоснованным выделение политической рекламы как отдельного вида коммуникации.

Насколько размытым является дефиниция термина «социальная реклама», настолько неопределенным остается пока ее статус в системе других видов рекламы. Так, ученые определяют социальную рекламу как речевой жанр [Рюмин 2012], как форму передачи информации в современной массовой коммуникации [Байдалова, Емельянова 2012], как инструмент государственной социальной политики [Чжан Жун 2010]. В целом ученые, представляющие различные

исследовательские парадигмы, сходятся во мнении, что «социальная реклама призвана изменить отношение общественности к какой-либо социальной проблеме» [Томилин 2010: 124]. Варьируются и основания классификации социальной рекламы. О. В. Беляева выделяет следующие четыре блока социальной рекламы: 1) реклама, создающая позитивный образ; 2) реклама, создающая негативный образ; 3) реклама, пропагандирующая созидательный процесс; 4) реклама, обеспечивающая начальный уровень психотерапии [Беляева 2014: 232—233]. К. В. Томилин пишет о следующих видах рекламы: 1) реклама относительно образа жизни; 2) реклама правопорядка и законопослушности; 3) адресная реклама; 4) событийная реклама; 5) реклама милосердия и благотворительности; 6) запрещенная социальная реклама [Томилин 2010: 126—127]. О. Ю. Голуб полагает, что следует говорить о типах и видах социальной рекламы, причисляя к первым рекламу определенного образа жизни; рекламу законопослушания, конституционных прав и свобод человека; патриотическую рекламу [Голуб 2010: 18—19]. К видам социальной рекламы автор относит рекламу ценностей, позиций, принципов; рекламу миссий и целей; рекламу проблем; рекламу проектов, настоящих и будущих; рекламу достижений; рекламу отдельных людей, их деятельности; рекламу организации в целом [Там же: 19—22].

Независимо от типа и вида социальной рекламы, основная ее идея выражается в лозунге, который может определяться как форма или жанр. По нашему мнению, лозунг является именно жанром социальной рекламы, учитывая тот факт, что жанры рекламного дискурса возможно рассматривать как комплексные образования, интегрирующие достижения различных направлений исследования речи и языка. Ван Сицзе, внесший весомый вклад в исследование стилистики китайского языка, считает, что стилистические приемы, повышая выразительность языка, улучшают эффективность речевого воздействия [Ван Сицзе 1983]. Чэнь Вандао в «Основах стилистики» писал, что «фигура речи — это всеобъемлющее приложение двух аспектов» [Чэнь Вандао 1997: 71], т. е. сочетание содержания текста и формы, в которой оно выражается.

В связи с этим необходимо отметить, что китайский язык с учетом его тонального характера и сложившихся правил ритмической организации текста располагает широким диапазоном фонетических средств языковой выразительности. В китайской рекламе большое внимание уделяется фонетическим

средствам выразительности языка, ведь если текст удачно фонетически выстроен, мелодичен и благозвучен, его можно будет легко запомнить и произнести. Гармонично созданный рекламный текст не допускает разночтения, не создает нежелательные ассоциации, звуки сочетаются таким образом, чтобы облегчить произношение [Баяртуева 2018]. Не менее важное значение имеет использование лексических и синтаксических средств языковой выразительности. Взаимное сочетание фонетических, лексических и синтаксических языковых средств дает возможность создавать яркие образцы выразительной речи, в том числе лозунгов социальной рекламы.

Согласно теории речевого акта, функции лозунга в условиях эпидемии новой коронавирусной инфекции по критериям их содержания и степени речевого воздействия можно условно разделить на научно-популярные, убеждающие, предупреждающие и демонстрирующие угрозу [Ван Синь 2020]. В настоящей статье проанализированы отдельные лозунги социальной рекламы, которые широко распространены в Интернете, и описаны особенности речевого воздействия, используемые в них. Ниже приведены примеры лозунгов каждого типа и дан их прагмалингвистический анализ.

### НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ЛОЗУНГИ

Научно-популярные лозунги в основном имеют простой и понятный вид, чтобы в доступной форме дать людям возможность понять актуальную ситуацию с эпидемией, сознательно принять меры самозащиты и избежать вреда. В начале эпидемии обычные люди не знали об опасности эпидемии, и у них отсутствовала бдительность, не было стремления избежать заражения. Когда СМИ сообщили о распространении эпидемии, а эксперты подтвердили, что болезнь легко передается от человека к человеку, то люди придумали множество простых и понятных лозунгов.

Приведем примеры:

咳嗽打喷嚏时，用纸巾或袖肘遮住口鼻。 / При кашле или чихании прикрывайте рот и нос платком или рукавом.

洗手通风戴口罩,个人健康很重要。 / Вымойте руки и наденьте маску. Личное здоровье очень важно.

Эти два лозунга просто и прямо информируют людей о методах профилактики и контроля, а также сообщают о мерах, которые в различных ситуациях необходимо предпринимать, чтобы избежать заражения либо предотвратить его опасные последствия. Люди могут понять и запомнить их с первого взгляда.

### УБЕЖДАЮЩИЕ ЛОЗУНГИ

Убеждающие лозунги в основном используются с намерением впечатлить адресата социальной рекламы, чтобы он выразил свое согласие или одобрение. Этот тип лозунга используется чаще всего.

Убеждающие лозунги, выполняющие воспитательную функцию, обычно содержат предложения, которые по критерию цели относятся к побудительному типу. Интонация таких лозунгов, по сравнению с интонацией информирующих лозунгов, повышенная. Иногда в убеждающих лозунгах используются риторические вопросы. Убеждающие лозунги зачастую содержат требование воздержаться от совершения тех или иных действий, поэтому в них часто используются отрицательные частицы, такие как 不 «не, нет», 勿 «не», 莫 «не надо, не смей; нельзя», 别 «не надо». Особо следует отметить частицу 莫, характерную для книжного языка. Применение в лозунгах этой частицы, не используемой в быденной речи, привлекает к тексту внимание людей и заставляет их признать серьезность ситуации, требующей от всех соблюдения противоэпидемических ограничений, введенных в рамках борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции.

Приведем примеры.

不信谣，不传谣，不造谣 / Не верьте слухам, не распространяйте слухи, не распускайте слухи. Во время эпидемии ходило много слухов, не соответствующих действительности. Сегодня, когда Интернет очень развит, слухи распространяются быстро, что легко может вызвать панику и другие неблагоприятные последствия. Этот лозунг призван убедить публику искать истину в фактах и не распространять слухи. В данном лозунге используется стилистический прием 排比 «последовательное построение». Последовательное построение является разновидностью параллелизма и представляет собой «сочетание трех и более синтаксических единиц, близких по смысловому содержанию и сходных по своей формальной, синтаксической организации» [Горелов В. И. 1979: 106]. Использование данного стилистического приема, обладающего широкими экспрессивными возможностями, позволяет убедительно донести содержание лозунга до аудитории.

这个春节莫瞎窜，冠状病毒早防范。 / Не гуляйте безрассудно во время нынешнего Праздника весны, коронавирус нужно предотвратить как можно раньше. При оценке данного и аналогичных лозунгов, содержащих требования соблюдения правил безо-

пасности, необходимо понимать, что Праздник весны — самый важный праздник в Китае. Согласно традиционным обычаям, во время Праздника весны (китайского Нового года) друзья и родственники навещают друг друга и общаются. Вспышка коронавирусной инфекции произошла как раз в период Праздника весны, поэтому важно было убедить людей в том, что, несмотря на наступление праздничных дней, вопреки традициям и привычкам, следовало соблюдать режим изоляции и оставаться дома.

武汉回来莫乱跑，传染肺炎不得了。 / *Вернувшись из Уханя, не бегите куда глаза глядят, тогда не заболеете пневмонией.*

返乡回来莫乱串，左邻右舍捏把汗。 / *Когда вернетесь в родные места, не ходите из дома в дом, а то соседи обольются холодным потом.*

Целевой аудиторией двух последних лозунгов являются люди, возвращающиеся домой из Уханя и других городов. Первая в Китае вспышка эпидемии новой коронавирусной инфекции произошла в Ухане, когда перед Праздником весны многие люди вернулись в свои родные места, чтобы с родственниками отпраздновать Новый год.

儿女如何算孝顺？ 看住爸妈不出门 / *Как детям уважать родителей и слушаться их? Следи за тем, чтобы твои родители не вышли из дома.*

要听晚辈好言劝，不戴口罩万人嫌 / *Слушайте добрые слова молодого поколения, а люди, которые не носят масок, будут отвергнуты.*

Приведенные выше два лозунга обращены к молодому поколению и исполнены уверенности в его активной позиции в деле борьбы с эпидемией. Для повышения выразительности текста первый из приведенных лозунгов содержит риторический вопрос, после которого следует ответ. Относительно содержания лозунгов следует отметить, что после того, как разразилась эпидемия, молодые люди проявляли наибольшую активность в осуществлении мер по борьбе с эпидемией, в то время как люди среднего и пожилого возраста проявляли наименьшее беспокойство.

Убеждение с использованием эвфемизмов часто привлекает внимание людей к эпидемии применяемыми сравнениями, возникающими аналогиями. Приведем примеры:

戴口罩总比戴呼吸机好，躺家里总比躺ICU强 / *Носить маску лучше, чем носить аппарат искусственной вентиляции легких, а лежать дома лучше, чем лежать в отделении интенсивной терапии.*

现在的不见面是为了以后更长久的相聚 / *Мы не видимся сейчас для того, чтобы потом подольше встречаться.*

Существуют также лозунги, в которых используется юмор, шутка.

Приведем примеры:

神仙也要戴口罩，疫情不是开玩笑。 / *Богам тоже нужно носить маски, эпидемия — не шутка.* Данный лозунг в шутливой форме убеждает людей, что защитные маски должны носить все без исключения, а остроумный способ убеждения позволяет публике легче согласиться с правилами безопасности и принять их. Кроме того, в этом лозунге использована занимающая важное место в системе средств стилистического синтаксиса китайского языка фигура речи, называемая *对偶 «парное построение»*, являющаяся одной из разновидностей параллелизма. В текстах лозунгов, содержащих парное построение, существуют причинные, условные и гипотетические отношения между синтаксическими единицами, составляющими данную параллельную конструкцию. Так, в приведенном ниже примере видна условная связь между первой и второй частями лозунга:

要想活得久，不要到处走 / *Если хочешь жить долго, не ходи везде.*

Еще один стилистически прием, используемый при создании лозунгов, фразеологизмы. Например:

你别来，我无恙。 / *Ты не приходи — я останусь здоров.* Этот лозунг создан на основе идиомы *别来无恙*, имеющей значение *«в добром здоровье, все в порядке»*. В данном лозунге использованы две части указанной идиомы: сочетание слов *别来*, означающее *«не приходи»*, и выражение *无恙*, которое имеет значение *«быть в добром здравии; в целостности и сохранности»*. Таким образом, смысл приведенного лозунга: *«если ты не придешь, со мной все будет хорошо, я останусь здоровым; советую не заходить ко мне»*.

早发现，早报告，早隔离，早治疗 / *Выявляйте как можно раньше, сообщайте заранее, изолируйте как можно раньше и лечите как можно раньше.* Смысл данной фразы состоит в том, что необходимо как можно скорее выявить новую коронавирусную инфекцию, чтобы как можно скорее изолировать больного и вылечить его. В этом лозунге для усиления речевого воздействия использован лексический повтор (в каждом из четырех однородных членов предложения содержится слово *早* «рано, раньше, заранее»), а также синтаксические языковые средства в виде одинакового расположения однородных членов предложения, то есть последова-

тельное построение (排比), что служит привлечению внимания аудитории.

### ЛОЗУНГИ, НОСЯЩИЕ ХАРАКТЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В лозунгах, носящих характер предупреждения, часто используются слова, выражающие сильные проявления чувств: ощущение тревоги, неодобрение и т. п. — с целью предупредить партнеров, чтобы они были бдительны и осознавали свои обязанности. За счет использования экспрессивной лексики степень речевого воздействия в лозунгах такого типа более интенсивная, чем в убеждающих лозунгах, соответственно, расширяется и арсенал используемых языковых средств выразительности. Приведем примеры:

聚餐就是找死, 拜年就是害人 / Совместно обедать — это самому искать себе погубели, наносить новогодние визиты — это значит убивать людей. Посещение родственников и друзей на обед и новогоднее поздравление — нормальные обычаи простых людей во время китайского Нового года. Однако во время эпидемии такое поведение становится очень опасным. В этом лозунге использовались такие выражения, как *找死 «искать смерти, самому искать себе погубель»* и *害人 «причинять вред, делать жертвой, доставлять неприятности, убивать людей»*. Использование экспрессивной лексики придает данному лозунгу яркую эмоциональную окраску и привлекает внимание, заставляя всех задуматься о том, к чему может привести скопление людей в условиях эпидемии новой коронавирусной инфекции.

Еще примеры:

今天到处串门, 明天肺炎上门 / Сегодня вы ходите по гостям, а завтра пневмония придет к вам.

春节集会一时爽, 隔天医院床上躺 / Праздник Весны ты встречаешь в веселье — день пройдет, и ты в больничной постели.

Кроме того, воздействие слов в лозунгах данного типа может усиливаться за счет использования рифмы, являющейся ярким фонетическим выразительным средством. «Под рифмой в китайском языке понимаются слоги, оканчивающиеся на одинаковые финали» [Думанская 2010: 84], то есть при наличии в тексте рифмы гласные звуки, которые завершают слог, в разных частях лозунга совпадают. Например:

春节集会一时爽, 隔天医院床上躺 / Праздник Весны ты встречаешь в веселье — день пройдет, и ты в больничной постели. В каждой из двух частей этого лозунга последние слова 爽 — «shuǎng» и 躺 — «tǎng» имеют одинаковое окончание *ang*.

Все приведенные лозунги данного типа носят предупреждающий характер, подчеркивая, что скопление людей во время эпидемии приведет к заражению болезнью.

### ЛОЗУНГИ, ДЕМОНСТРИРУЮЩИЕ УГРОЗУ

В лозунгах, демонстрирующих угрозу, часто используется экспрессивная лексика и тревожная интонация, чтобы предупредить адресную аудиторию о необходимости придерживаться поведения, обеспечивающего безопасность в период эпидемии новой коронавирусной инфекции. Характер речевого воздействия здесь еще более интенсивный, чем в лозунгах убеждающего и предупреждающего типа. Диапазон используемых при этом средств выразительности также широкий, соответствующий задачам, которые ставят перед собой создатели лозунгов указанного типа. Приведем примеры:

口罩还是呼吸机, 您老看着二选一 / Маска или аппарат искусственной вентиляции легких — выбирайте сами. Содержание этого лозунга заключается в том, что если не надевать защитную маску, то вследствие заражения вирусом может развиваться пневмония, и тогда уже потребуется лечение в больнице с использованием аппарата искусственной вентиляции легких. Использование экспрессивной лексики позволяет подчеркнуть опасность сложившейся ситуации и донести до аудитории предупреждение об опасных последствиях пренебрежения требованием ношения защитных масок.

隐瞒症状不上报, 黄泉路上提前到 / Скроешь симптомы и не доложишь — заранее готовься в путь на тот свет. У некоторых людей наблюдаются симптомы новой коронавирусной инфекции, но они думают, что у них обычная простуда, и не сообщают о своих симптомах в комитет жителей и не обращаются в больницу. Такая категория людей серьезно препятствуют предотвращению эпидемии и борьбе с ней. Целевая аудитория этого лозунга — именно такие люди, поэтому экспрессивная, окрашенная эмоциями лексика позволяет достучаться до их сердец.

今天走亲或访友, 明天家中剩条狗 / Сегодня идешь в гости к родственникам или друзьям — завтра собака останется дома одна.

今天到处乱跑, 明年坟上长草 / Сегодня не сешься куда глаза глядят — в следующем году на могиле вырастет трава.

В последних двух лозунгах экспрессивная лексика дает возможность наглядно показать: правильное поведение заключается в том, чтобы оставаться дома и не выходить на улицу во время эпидемии, а в случае, если вы навещаете родственников и друзей и повсюду гуляете, такие нарушения могут

привести к серьезным последствиям. Кроме того, воздействие этих лозунгов усиливается за счет использования рифмы: как видно из приведенных примеров, первый из двух лозунгов содержит рифму 友 / yǒu — 狗 / gǒu, а второй — рифму 跑 / pǎo — 草 / cǎo.

Приведем еще пример использования в лозунгах рифмы наряду с экспрессивной лексикой:

返乡人员不隔离， 亲人不死扒层皮 / *Если человек, возвращающийся на родину, не изолируется, то для его родственников, даже если они и не умрут, даром это не пройдет.* В каждой из двух частей этого лозунга последние слова 离 «lí» и 皮 «pí» имеют одинаковое окончание «i».

Содержание таких лозунгов легко понять, их язык лаконичный и ясный, в сочетании с рифмой он хорошо принимается аудиторией, вследствие чего лозунги получают широкое распространение.

Одним из путей достижения звуковой гармонии в китайском языке является чередование «ровных» и «ломанных» тонов (平仄 / píngzè).

Говоря о тонах в китайском языке, следует отметить, что они имеют богатую историю. Китайский исследователь Цзун Шоюнь указывает, что в процессе развития языка тона изменялись, причем имелись отличия в тонах и по регионам [Цзун Шоюнь 2019]. Современный китайский общенародный язык путунхуа, функционирующий на основе пекинского диалекта, обладает четырьмя полными тонами, каждый из которых сам по себе описывается совокупностью индивидуальных особенностей: 1) направлением основного тона (формой тона); 2) распределением интенсивности (силы звука) внутри тона; 3) частотным диапазоном (высотным интервалом между начальной и конечной точками тона); 4) высотой тона; 5) временем звучания (долготой тона). Для семантики одинаково важны и тон, и звуковой состав слога, так как одно и то же звуко сочетание может выражать разные значения в зависимости от того, каким тоном оно было произнесено. Мелодия первого тона — высокая, долгая, ровная, с равномерной интенсивностью и небольшим ослаблением ее к концу (для русского уха подобно незавершенному высказыванию); мелодия второго тона, напротив, краткая, быстро восходящая, с максимальной интенсивностью в конце слога (создает впечатление переспроса); третий тон можно охарактеризовать как низкий и долгий, с нисходяще-восходящей формой и максимальной интенсивностью на низкой ноте (похож на недоуменный вопрос); четвертый тон краток, резко нисходящий от

высшей точки до низшей (тон производит впечатление приказа в категорической форме) [Хашаева 2016: 377—379].

В целом китайские тоны можно разделить на две категории: 平声 «ровные тоны» и 仄声 «ломанные тоны». К «ровным» тонам (平声 / píngshēng) в китайской фонологии принято относить первый и второй тоны, к «ломанным» соответственно относятся третий и четвертый тоны [Баяртуева 2018: 25]. Основное требование фонетической риторики к тону — чередование ровных и ломанных тонов. Это дает возможность изменять модуляцию голоса, избегая монотонности и однообразия. «Использование метрико-композиционных комбинаций в тексте рекламы (чередование „ровных“ и „ломанных“ тонов) придает особую выразительность тексту, поэтичность, создает оригинальную мелодику, усиливает слуховое восприятие. Текст получается живым, динамичным, он действительно увлекает слушателя, производит глубокое впечатление» [Баяртуева 2018: 26].

Приведем примеры:

孤独两星期， 热闹一辈子 / *В одиночестве две недели, живые всю жизнь.*

В этом слогане порядок тонов соответствует схеме:

Gūdú liǎngxīngqī, rènaoyíbèizi  
Ровный-ровный-ломанный-ровный-  
ровный,  
ломанный-ломанный-ровный-ломанный-  
ломанный.

今年过节不串门， 网络拜年看亲人 / *Не будь гостем на Празднике весны в этом году. Посетите родственников в Интернете на Новый год.*

Расположение тонов в слогане:  
Jīnnián guòjié bú chuànmén, wǎngluò  
bàinián kàn qīnrén  
Ровный-ровный-ломанный-ровный-  
ровный-ломанный-ровный,  
ломанный-ломанный-ломанный-ровный-  
ломанный-ровный-ровный.

Таким образом, в каждом из двух приведенных выше предложений происходит чередование ровных и ломанных тонов.

Еще один стилистический прием, относящийся к фонетическим средствам языковой выразительности, — слоговая симметрия. Слоговая симметрия — это регулярное чередование фраз или предложений с одинаковым количеством китайских иероглифов [Ван Синь 2020]. При написании стихов их авторы стараются использовать четкие и симметричные слоги, чтобы придать стихам ритм и мелодичность. Лозунги — это не стихотворение, и требования к симметрии слогов не очень строгие, поэтому симметрия слогов применяется в соответствии с по-

требностями содержания, что придает лозунгам выразительность и способствует их восприятию аудиторией и распространению. Приведем примеры:

聚餐/就是/找死, 拜年/就是/害人 / Jùcān/ jiùshì/ zhǎosǐ, bàinián/jiùshì/hàirén / Совместно обедать — это самому искать себе погибели, наносить новогодние визиты — это значит убивать людей.

今天到处乱跑 明年坟上长草 / Jīntiān/ dào chù/ luàn pǎo, míngnián/fénshàng/chángcǎo / Сегодня несешься куда глаза глядят — в следующем году на могиле вырастет трава.

Это не всегда симметрия двух слогов, возможна и симметрия двух и трех слогов. Приведем примеры:

面对疫情别添乱, 在家也能做贡献  
Miànduì/yìqíng/biétiānlàn,  
zàijiā/yěnéng/zuògòngxiàn

Лицом к лицу / с эпидемией / не создавай проблем,  
находясь дома / также можно / внести вклад в общее дело.

Таким образом, симметрия слогов — важный стилистический прием, используемый в лозунгах.

Метафора может сделать абстрактное конкретным, глубокое простым, а простое ярким. Люди, не имеющие профессионального медицинского образования, могут не осознавать серьезность ситуации и разрушительный характер эпидемии. Поэтому для простых людей особенно важно повысить свою бдительность. В связи с этим в период эпидемии в лозунгах часто используются метафоры. Приведем примеры:

现在请吃的饭都是鸿门宴 / В настоящее время все банкеты являются пиром со злым умыслом. Сравнение банкетов во время эпидемии с пиром со злым умыслом предупреждает людей, что во время эпидемии скопление людей опасно для жизни.

Еще пример:

出门不戴口罩, 等于在病毒中裸奔 / Выйти за порог без маски равносильно бегу нагишом в окружении коронавирусов. Выражение «бег нагишом» ярко отражает серьезность угрозы заражения новой коронавирусной инфекцией.

Использование антропоморфных приемов (олицетворение, очеловечивание) часто делает изображение ярким, живым и интересным, а антропоморфные приемы противоэпидемических лозунгов заставляют людей вздрогнуть и задуматься о своем поведении. Приведем пример:

今天到处串门, 明天肺炎上门 / Сегодня вы ходите по гостям, а завтра пневмония придет к вам.

口罩你不戴, 病毒把你爱 / Если вы не надеваете маску, вирус полюбит вас.

Человеческие характеристики, придаваемые словам肺炎(пневмония) и病毒(вирус), заставляют людей чувствовать, что вирусы есть повсюду, показывая сложный характер профилактики эпидемий и борьбы с ними.

В китайском языке существует такое стилистическое средство, как 夸张 (kuazhang); этот троп в русском языке именуется гиперболой. В китайском языке они подразделяются на собственно гиперболу — 扩大夸张 «преувеличение» и 缩小夸张 «преуменьшение» (литоту). Лозунги, собранные в ходе исследования, показывают, что гипербола часто используется для выражения идей авторов социальной рекламы, и целью этого приема является привлечение внимания людей к борьбе с эпидемией. Самый популярный способ использования гипербол в лозунгах — «преувеличение». Приведем пример:

出来聚会的是无耻之辈, 一起打麻将的是亡命之徒 / Те, кто приходят на вечеринку, — люди бессовестные, а те, кто вместе играют в маджонг — головорезы. Этот лозунг описывал людей, отправившихся на вечеринку, как бессовестных, а людей, которые вместе играли в маджонг, как головорезов, что является явным и намеренным преувеличением.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

– лозунги являются важным средством коммуникации с массами в деле проведения пропагандистской работы по борьбе с эпидемией новой коронавирусной инфекции;

– содержание социальной рекламы, в отличие от коммерческой рекламы, вызывает необходимость широкого использования побудительных и вопросительных конструкций с целью активного воздействия на обстановку в интересах всего общества, что наглядно проявилось в ситуации с лозунгами, посвященными борьбе с эпидемией новой коронавирусной инфекции, когда потребовалось дать людям конкретные указания к действию либо предостеречь их от совершения определенных действий;

– по мере усиления степени речевого воздействия увеличивается разнообразие используемых языковых средств и интенсивность их использования;

– китайская социальная реклама в условиях эпидемии новой коронавирусной инфекции испытывает на себе влияние не только социальных, но и национальных языковых особенностей и культурных условий.

## ИСТОЧНИКИ

1. Слоганы про коронавирус. — URL: <https://www.zhihu.com/question/371434044/answer/1013756474> (дата обращения: 25.10.2020). — Текст: Изображение : электронные. — (на кит.).

## ЛИТЕРАТУРА

2. Акулич, К. В. Социальная реклама как политическая технология : автореф. ... канд. полит. наук / Акулич К. В. — Краснодар, 2011. — 26 с. — Текст : непосредственный.

3. Байдалова, О. В. Социальная реклама как форма передачи информации в современной массовой коммуникации / О. В. Байдалова, Е. А. Емельянова. — Текст : непосредственный // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2012. — № 4. — С. 69—75.

4. Баяртуева, Е. Ж. Фонетические средства языковой выразительности в тексте коммерческой рекламы китайских средств массовой информации / Е. Ж. Баяртуева. — Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. — 2018. — № 43. — С. 17—29.

5. Беляева, О. В. Социальная реклама как высшая ступень эволюции PR / О. В. Беляева. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2014. — С. 232—234.

6. Ван Синь. Исследование лозунгов в условиях вспышки пневмонии, вызываемой новым типом коронавируса / Ван Синь. — Текст : непосредственный // Журнал Шаньси Датунского университета. — 2020. — Т. 34. — № 2. — С. 109—113. = 王新. 新冠肺炎疫情下的标语研究. 山西大同大学学报, 2020(2): 109—113.

7. Ван Сицзе. Стилистика китайского языка / Ван Сицзе. — Пекин : Пекинское изд-во, 1983. — 376 с. — Текст : непосредственный. = 王希杰, 汉语修辞学, 北京: 北京出版社, 1983, 376页.

8. Голуб, О. Ю. Социальная реклама : учебное пособие / О. Ю. Голуб. — Москва : Дашков и К°, 2010. — 180 с. — Текст : непосредственный.

9. Горелов, В. И. Стилистика современного китайского языка / В. И. Горелов. — Москва : Просвещение, 1979. — 192 с. — Текст : непосредственный.

10. Думанская, К. С. Лингвистические и культурные особенности печатной и наружной социальной рекламы в Китае / К. С. Думанская. — Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного университета. — 2010. — Т. 8. — № 1. — С. 82—91.

11. Рюмин, Р. В. Социальная реклама как речевой жанр : автореф. ... канд. филол. наук / Рюмин Р. В. — Томск, 2012. — 24 с. — Текст : непосредственный.

12. Томилин, К. В. Социальная реклама / К. В. Томилин. — Текст : непосредственный // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. — 2010. — С. 123—129.

13. Хань Чэнпэн. Исследование функции слогана / Хань Чэнпэн. — Текст : непосредственный // Идеологическое и теоретическое образование. — 2008. — № 8. — С. 56—61. = 韩承鹏. 标语口号的功能研究. 思想理论教育, 2008 (8): 56—61.

14. Хашаева, З. Н. Система тонов современного китайского языка / З. Н. Хашаева. — Текст : непосредственный // Научный альманах. — 2020. — № 4. — С. 377—379.

15. Цзун Шоуюнь. Основы китайской фонетической риторики / Цзун Шоуюнь. — Текст : непосредственный // Журнал Сяочжуанского института. — 2019. — № 1. — С. 64—70. — 宗守云. 汉语语音修辞的基础. 南京晓庄学院学报, 2019 (01): 64—70.

16. Чжан Жун. Социальная реклама в Китае как инструмент государственной социальной политики / Чжан Жун. — Текст : непосредственный // Вестник Университета Российской академии образования. — 2010. — № 4. — С. 14—17.

17. Чэнь Вандао. Основы стилистики / Чэнь Вандао. — Шанхай : Шанхайское издательство «Образование», 1997. — 302 с. — Текст : непосредственный. = 陈望道. 修辞学发凡. 上海: 上海教育出版社, 1997. 302页.

18. Юань Хуэйянь. Языковое искусство лозунга жесткого стиля (hardcore) в борьбе с эпидемией / Юань Хуэйянь. — Текст : непосредственный // Строительство филологии. — 2020. — № 2. — С. 70—73. = 原慧艳. 抗击疫情 “硬核” 标语的语言艺术. 语文建设, 2020(2): 70—73.

## Tao Zhang

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: [✉](#)

## N. N. Koshkarova

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8861-0353 [✉](#)

[✉ E-mail: taozhang@yandex.ru; nkoshka@rambler.ru.](#)

## Peculiarities of Verbal Impact in Chinese Public Service Advertising Aimed at Promotion of Health and Safety Regulations under the Conditions of Coronavirus Pandemic (On the Material of Street Posters)

**ABSTRACT.** *The pandemic of the new coronavirus infection in early 2020 has caused a worldwide demand for wide-spread usage of extensive public service advertising aimed at changing social behavior patterns in connection with new living conditions. By the example of Chinese public service advertising products aimed at promoting sanitary standards in the context of a new coronavirus infection, the authors reveal the methods of verbal impact on the behavior of the population and classify them according to various criteria highlighting the characteristic national features of advertising texts written in Chinese. The study provides various points of view on the role and place of public service advertising in the corresponding type of discourse and classifications of public service advertising and defines the place of the slogan in the system of genres of advertising discourse. According to the theory of speech acts and the criterion of their content and degree of verbal impact, the functions of the slogan in the context of the epidemic of a new coronavirus infection can be conventionally divided into popular scientific, convincing, warning and demonstrating threat. The article carries out a pragmalinguistic analysis of the distinguished types of social advertising slogan. It is concluded that public service advertising is influenced not only by social but also by national and cultural conditions and circumstances. The research perspectives are determined which include the possibility of comparative study of public service advertising slogans in Chinese and Russian. Such analysis might be valuable from a practical point of view for the creators of an advertising product which should take into account the national and linguistic characteristics of the target audience.*

**KEYWORDS:** *verbal impact; speech strategies; speech tactics; speech; social advertisement; advertising discourse; advertising texts; slogans; epidemics; coronavirus; coronavirus infection.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Zhang Tao, Post-Graduate Student of Department of International Relations, Political Sciences and Regional Studies, Institute of Linguistics and International Communications, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Koshkarova Natal'ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations, Political Sciences and Regional Studies, Institute of Linguistics and International Communications, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

**FOR CITATION:** *Zhang, Tao. Peculiarities of Verbal Impact in Chinese Public Service Advertising Aimed at Promotion of Health and Safety Regulations under the Conditions of Coronavirus Pandemic (On the Material of Street Posters) / Tao Zhang, N. N. Koshkarova // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 108-116. — DOI 10.26170/pl20-06-11.*

#### MATERIALS

1. Slogans about the Coronavirus. — URL: <https://www.zhihu.com/question/371434044/answer/1013756474> (date of access: 25.10. 2020). — Text. Image : electronic. — (In Chinese.)

#### REFERENCES

2. Akulich, K. V. Social Advertising as a Political Technology : synopsis of thesis... of Cand. of Polit. Sciences / Akulich K. V. — Krasnodar, 2011. — 26 p. — Text : unmediated. [Sotsial'naya reklama kak politicheskaya tekhnologiya : avtoref. ... kand. polit. nauk / Akulich K. V. — Krasnodar, 2011. — 26 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Baydalova, O. V. Social Advertising as a Form of Information Transfer in Modern Mass Communication / O. V. Baydalova, E. A. Emelyanova. — Text : unmediated // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of RAS. — 2012. — No. 4. — P. 69—75. [Sotsial'naya reklama kak forma peredachi informatsii v sovremennoy massovoy kommunikatsii / O. V. Baydalova, E. A. Emel'yanova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. — 2012. — № 4. — S. 69—75]. — (In Rus.)

4. Bayartueva, E. Zh. Phonetic Means of Linguistic Expressiveness in the Text of Commercial Advertising of the Chinese Mass Media / E. Zh. Bayartueva. — Text : unmediated // Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov. — 2018. — No. 43. — P. 17—29. [Foneticheskie sredstva yazykovoy vyrazitel'nosti v tekste kommercheskoy reklamy kitayskikh sredstv massovoy informatsii / E. Zh. Bayartueva. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova. — 2018. — № 43. — S. 17—29]. — (In Rus.)

5. Belyaeva, O. V. Social Advertising as the Highest Stage of PR Evolution / O. V. Belyaeva. — Text : unmediated // Actual Problems of Aviation and Cosmonautics. — 2014. — P. 232—234. [Sotsial'naya reklama kak vysshaya stupen' evolyutsii PR / O. V. Belyaeva. — Tekst : neposredstvennyy // Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki. — 2014. — S. 232—234]. — (In Rus.)

6. Wang Xin. Investigation of slogans in the face of an outbreak of pneumonia caused by a new type of coronavirus / Wang Xin. — Text : unmediated // Journal of Shanxi Datong University. — 2020. — V. 34. — № 2. — P. 109—113. — (In Chinese.)

7. Wang Xijie. The Stylistics of the Chinese Language / Wang Xijie. — Beijing : Beijing chubanshe, 1983. — 376 p. — (In Chinese.)

8. Golub, O. Yu. Social Advertising: a tutorial / O. Yu. Golub. — Moscow : Dashkov and K °, 2010. — 180 p. — Text : unmediated. [Sotsial'naya reklama : uchebnoe posobie / O. Yu. Golub. — Moskva : Dashkov i K°, 2010. — 180 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Gorelov, V. I. Stylistics of the Modern Chinese Language / V. I. Gorelov. — Moscow : Education, 1979. — 192 p. — Text :

unmediated. [Stilistika sovremennogo kitayskogo yazyka / V. I. Gorelov. — Moskva : Prosveshchenie, 1979. — 192 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

10. Dumanskaya, K. S. Linguistic and Cultural Features of Print and Outdoor Social Advertising in China / K. S. Dumanskaya. — Text : unmediated // Bulletin of the Novosibirsk State University. — 2010. — V. 8. — No. 1. — P. 82—91. [Lingvisticheskie i kulturnye osobennosti pechatnoy i naruzhnoy sotsial'noy reklamy v Kitae / K. S. Dumanskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — T. 8. — № 1. — S. 82—91]. — (In Rus.)

11. Ryumin, R. V. Social Advertising as a Speech Genre : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Ryumin R. V. — Tomsk, 2012. — 24 p. — Text : unmediated. [Sotsial'naya reklama kak rechevoy zhanr : avtoref. ... kand. filol. nauk / Ryumin R. V. — Tomsk, 2012. — 24 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Tomilin, K. V. Social Advertising / K. V. Tomilin. — Text : unmediated // Modern Trends in Economics and Management : a New Look. — 2010. — P. 123—129. [Sotsial'naya reklama / K. V. Tomilin. — Tekst : neposredstvennyy // Sovremennye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyy vzglyad. — 2010. — S. 123—129]. — (In Rus.)

13. Han Chengpeng. Study of Slogan Function / Han Chengpeng. — Text : unmediated // Ideological and theoretical education. — 2008. — № 8. — P. 56—61. — (In Chinese.)

14. Khashaeva, Z. N. The System of Tones of the Modern Chinese Language / Z. N. Khashaeva. — Text : unmediated // Scientific Almanac. — 2020. — No. 4. — P. 377—379. [Sistema tonov sovremennogo kitayskogo yazyka / Z. N. Khashaeva. — Tekst : neposredstvennyy // Nauchnyy al'manakh. — 2020. — № 4. — S. 377—379]. — (In Rus.)

15. Zong Shouyun. Fundamentals of Chinese Phonetic Rhetoric / Zong Shouyun. — Text : unmediated // Journal of the Xiaozhuang Institute. — 2019. — № 1. — P. 64—70. — (In Chinese.)

16. Zhang Rong. Social Advertising in China as an Instrument of State Social Policy / Zhang Rong. — Text : unmediated // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. — 2010. — No. 4. — P. 14—17. [Sotsial'naya reklama v Kitae kak instrument gosudarstvennoy sotsial'noy politiki / Chzhan Zhun. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya. — 2010. — № 4. — S. 14—17]. — (In Rus.)

17. Chen Wangdao. Basics of stylistics / Chen Wangdao. — Shanghai : Shanghai Jiaoyu Chubanshe, 1997. — 302 p. — Text : unmediated. — (In Chinese.)

18. Yuan Hueiyan. The Language Art of the Hardcore Slogan in the Fight Against the Epidemic / Yuan Hueiyan. — Text : unmediated // Construction of Philology. — 2020. — № 2. — P. 70—73. — (In Chinese.)

## РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'373  
ББК Ш105.31  
DOI 10.26170/pl20-06-12

ГСНТИ 16.21.29; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

**М. Р. Бабикова**

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-0814-5936 

 *E-mail*: marina-anvarova@yandex.ru.

### Семантические нагрузки визуальных форм вандажных повреждений в региональном аспекте

**АННОТАЦИЯ.** В статье представлен анализ типичных семантических нагрузок визуальных форм вандажных повреждений в разных регионах Российской Федерации. В качестве материала взяты фотоизображения графического вандализма в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Самара, Владивосток. Материал был собран в период с июня по октябрь 2020 г. Проведен анализ визуального городского пространства каждого региона. Отмечены специфические особенности вандализма в каждом из них, например, уникальность распространения конкретных тегов, место нанесения изображений (на стенах домов, на крышах, под ними, на недостроенных зданиях), отношения местных органов власти (в некоторых регионах граффити быстро исчезают с поверхностями городского пространства, а в других остаются надолго и становятся элементом культуры и частью облика города), преобладание тех или иных семантических групп. Определены общие черты распространения графического вандализма, среди которых повторяемость семантических групп, некоторых знаков и символов, обуславливающих дискурсивность графического вандализма, а также отмечена тенденция к переходу на другой способ графического вандализма — стикер-арт (размещение на любых доступных поверхностях городского пространства авторских наклейек), способствующий виртуализации вандализма: зачастую стикеры состоят из подписи райтера (в разных вариантах) со встроенным QR-кодом, переход по которому открывает зрителю весь спектр графического вандализма, совершаемого автором в реальной городской среде. Таким образом, даже если коммунальные службы быстро сотрут нанесенные райтером надписи, они надолго сохранятся в социальных сетях.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** вандализм; граффити; молодежь; семантическое поле; молодежные субкультуры; российские города; городское пространство; деструктивное поведение; семантические группы; семантическая нагрузка; вандажные повреждения; вандажные практики.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Бабикова Марина Рашитовна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: marina-anvarova@yandex.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Бабикова, М. Р. Семантические нагрузки визуальных форм вандажных повреждений в региональном аспекте / М. Р. Бабикова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 117-126. — DOI 10.26170/pl20-06-12.

**БЛАГОДАРНОСТИ.** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01278).

*Автор статьи выражает благодарность за сбор эмпирического фотоматериала Злоказову Кириллу Витальевичу (Санкт-Петербург), Ким Ирине Александровне (г. Владивосток), Кузовенковой Юлии Александровне (г. Самара), Горбуновой Юлии Александровне (Москва).*

Анализ городской среды с точки зрения проявляемых в ней феноменов — одно из актуальных научных направлений современности. Вандализм как один из этих феноменов является объектом исследования, позволяющим определить его роль в становлении личности, в частности таких компонентов, как самореализация, самоопределение, самовыражение, познание и самопознание, самоутверждение, самоконструирование и пр., определить закономерности актуализации, сублимации, переноса ванда-

льного поведения молодежи в деструктивных и конструктивных формах активности.

В различных дискурсах, как правило, вандализм наделен негативными коннотациями, но, по справедливому замечанию некоторых исследователей, «практически никто не рассматривает его функциональное значение для общественных процессов, социализационных явлений и эволюционных изменений. Вместе с тем в общественной практике появляется всё больше прецедентов, когда, по сути, вандажные действия

интерпретируются с позиции социально одобряемых категорий активности — творчества, общественной инициативы, самовыражения, реализации пропаганды и пр.» [Кружкова, Воробьева, Порозов, Зарбова 2018: 99]. Исследователи делают выводы об ошибочности одностороннего, чисто негативного подхода к определению феномена вандализма: «Его наличие в общественной жизни и индивидуальной практике деятельности субъекта несет в себе определенную смысловую нагрузку, понимание которой позволяет не только лучше осмыслить и изучить указанный феномен, но и управлять проявлениями деструктивной активности молодежи в городской среде» [Там же]. Исследования вандализма позволяют авторам говорить о том, что «глубинная суть вандализма — диалог между личностью / группой лиц и обществом» [Там же]. Соглашаясь с предложенными выводами, мы остановимся в качестве рабочего на определении вандализма как «особого рода сообщения, посыле, имеющем своего адресата, от которого ожидается обратная реакция: осуждение, удивление, общественный резонанс, наказание, поиск исполнителя и пр. — т. е. вступление в коммуницирование и взаимодействие. Именно коммуникация через инструмент ее реализации выступает основной сферой проявления социального отклонения (которым признается вандализм) как социально-культурного конструкта. В данном контексте вандализм может и должен выполнять ряд функций, и с позиции субъекта (функций, связанных с его реализацией во внешней среде), и с позиции социального пространства его присутствия» [Кружкова, Воробьева, Порозов, Зарбова 2018: 100].

В центре внимания настоящей работы находится графический вандализм, основная исследовательская задача — проанализировать изменение облика городского пространства посредством нанесения изображений, надписей (или комбинирования этих двух семиотических систем) с точки зрения определения типичных семантических нагрузок. Определение ключевых тем, проецируемых на визуальное пространство города и актуальных для местных жителей, преимущественно для молодежи, позволит расширить представление о феномене вандализма, определить взаимоотношения между городом и его жителями, выявить спе-

цифику распространения графического вандализма в регионах РФ, определить функции вандального поведения в информационном пространстве городской среды, что будет способствовать описанию наиболее распространенных стратегий вандального поведения молодежи в информационном пространстве города с учетом регионального аспекта. Кроме того, региональный подход позволит оценить степень вариативности графического вандализма в разных регионах РФ.

Материалом исследования стали фотографии, содержащие изображения графического вандализма, из таких городов РФ, как Москва, Санкт-Петербург, Самара, Владивосток, общим объемом более 1000 единиц. Материал был собран в период с июня по октябрь 2020 г. Выбор городов обусловлен отнесенностью к разным федеральным округам, а также наличием в каждом из городов ярко выраженной региональной специфики.

Анализируя материал из регионов РФ, мы будем опираться на классификацию семантических нагрузок, представленную в ряде наших предыдущих исследований и включающую категории «*Морально-этические тексты*»; «*Политическое мировоззрение*»; «*Субкультура*»; «*Контактные данные*»; «*Реклама*»; «*Коммуникация*»; «*Посмертные граффити*»; «*Визуализация*» [Бабилова, Воробьева, Злоказов, Кружкова и др. 2019: 125—136]. Последние исследования семантических нагрузок вандальных проявлений позволили нам выделить также семантические поля «*Локация*» и «*Символы*».

Анализ визуального городского пространства Москвы выявил следующие особенности распространения семантических нагрузок графического вандализма.

Наиболее распространенными являются надписи, соотносимые с семантическим полем «*Субкультура*». При этом следует отметить, что в основном семантическое поле представлено в более профессиональной технике исполнения (рис. 1, 2). Редко встречаются надписи, выполненные небрежно, «на скорую руку». Вероятно, это можно объяснить спецификой распространения графического вандализма в Москве: местные власти и коммунальные службы тщательно следят за визуальной составляющей города и даже на стенах домов периферийных районов графический вандализм быстро ликвидируется соответствующими службами.



Рис. 1



Рис. 2

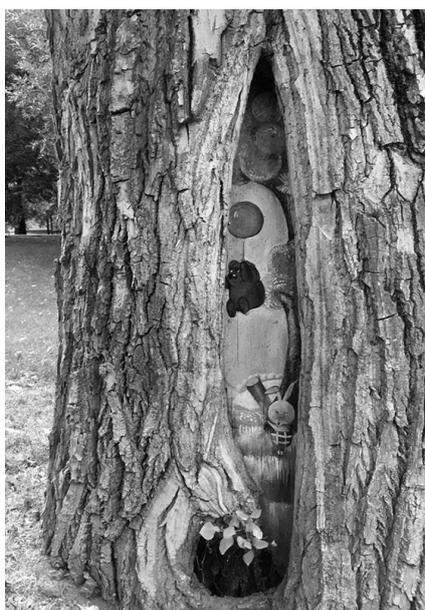


Рис. 3



Рис. 4

Семантическое поле «Визуализация» представлено более масштабными и объемными, в том числе и по смыслу, изображениями. Интересными представляются варианты решения по выбору локации. Так, например, в Измайловском парке есть серия изображений, нанесенных на деревья (рис. 3, 4).

История их возникновения скорее провандальная, так как их автор — профессиональная художница-мультипликатор Евгения Хлынина, которая живет недалеко от парка — создавала эти картины, не имея разрешения. Серия картинок, отсылающих очевидцев к сказочным персонажам, была воспринята местными жителями, считающими, что такое творчество может нанести вред деревьям, негативно [Маленький принц и Ежик в тумане... [www](http://www)].

Визуальное пространство города представлено изображениями на злободневные темы: встречаются изображения людей в масках, визуализации с протестным настроением «против поправок в конституцию» и др., но, как было отмечено ранее, графиче-

ский вандализм быстро исчезает с визуального пространства города, поэтому темы, относящиеся к прошлым событиям города и страны, практически не отражены.

Одним из распространенных способов «присвоения пространства города» его жителями можно назвать появившийся не так давно способ, также не санкционированный, но максимально удобный — стикер-арт. Стикер-арт представляет собой размещение на любых доступных поверхностях городского пространства авторских наклеек. По семантическому наполнению такие наклейки могут относиться к любой из выделяемых нами семантических групп. Таким образом происходит и виртуализация граффити [Кузовенкова 2018], так как зачастую стикеры состоят из подписи райтера (в разных вариантах) со встроенным QR-кодом, переход по которому открывает зрителю весь спектр графического вандализма, совершаемого автором в реальной городской среде. Таким образом, даже если коммунальные службы быстро сотрут нане-

сенные райтером надписи, они будут увековечены в социальных сетях.

Также обнаружено проявление семантического поля «Посмертные граффити» (рис. 5, 6), наличие которых ранее мы отмечали и в Екатеринбурге [Бабилова, Воробьева, Злоказов, Кружкова и др. 2019: 165]. На рисунке 5 представлено граффити в память о фанате ФК «Спартак» — Юрии Волкове у станции метро «Чистые пруды». На сегодняшний день данная граффити-работа закрашена. Рисунок 6 демонстрирует граффити в память о британской рок-группе «The Beatles».

Анализ городского пространства Москвы выявляет специфические отношения между уличными художниками, теми, кто стремится к этому статусу, и городской властью, скрупулезно относящейся к проявлениям вандализма: в городе, в том числе отдаленных

районах, в минимальной степени представлен графический вандализм.

Для городского пространства культурной столицы России — Санкт-Петербурга характерно повсеместное распространение графического вандализма. Граффити представлены на стенах домов, на мостовых ограждениях, на крышах (самый популярный вид размещения графического вандализма). Еще одним специфическим решением в выборе локации графического вандализма следует назвать нанесение граффити на автомобили: это не один-два примера на весь город, такие автомобили (в основном с фургоном) встречаются часто. Как правило, граффити на автомобилях представляют семантическое поле «Субкультура» (рис. 7, 8). Следует отметить, что изображения на автомобилях носят масштабный характер: объемные тексты, изображения, нередко переходящие с фургона на кабину.



Рис. 5



Рис. 6



Рис. 7



Рис. 8



Рис. 9



Рис. 10



Рис. 11

Семантическое поле «Субкультура», как и во многих других больших и малых городах РФ, представлено в большей степени. В минимальных объемах представлены семантические поля «Коммуникация», «Визуализация». Встречаются смешанные семантические поля: «Визуализация» и «Субкультура».

Анализируя городское пространство отдаленных районов Санкт-Петербурга, мы наблюдаем активизацию таких семантических полей, как «Коммуникация», активно представленного на детских площадках — местах времяпрепровождения молодежи, «Политическое мировоззрение» (как правило, это пропаганда националистической идеологии — рис. 9, 10).

Активность в визуальном пространстве города проявляют футбольные фанаты, граффити которых содержат как собственно

футбольные тексты, так и политические, выражающие агрессию к сотрудникам правоохранительных органов (рис. 11).

Исследование графического вандализма Санкт-Петербурга позволяет сделать выводы о большей свободе райтреров. Творчество уличных художников в большей степени распространено, и хотя не поддерживается властями, но и не сталкивается с такой активной борьбой, как, например, в Москве.

Визуальное пространство города Самары также обнаруживает некоторые территориальные особенности распространения графического вандализма. Говоря о типичных семантических нагрузках, следует также отметить распространенность семантического поля «Субкультура». В большей степени проявляется нанесение тегов, среди которых популярны (во многих районах города) «Фэнкз», «Клаус», «183» и др. (рис. 12, 13).



Рис. 12



Рис. 13



Рис. 14



Рис. 15

URL: <https://sgpress.ru/news/200841>

Часто встречается числовой символ «183», одновременно являющийся тегом команды райтеров, по порядковому номеру букв их имен, и символом субкультуры граффити (рис. 14). Он встречается не только в визуальном пространстве города Самары, но и в других городах. Охарактеризуем его вероятное происхождение. В 1970-е гг. в Нью-Йорке молодой человек по имени Dimitraki, работая курьером, в разных частях города оставлял свой след в виде граффити — тега «Tak183». Часть тега «Tak1» — сокращение от имени райтера, а 183 — номер дома, в котором он жил [Граффити: от нью-йоркской подпольки до миллионов долларов [www](http://www)]. Современным уличным художникам этот этап развития граффити известен, и многие используют его и как личный тег, и как кодовый символ субкультуры граффити.

Городское пространство Самары наполнено и работами других семантических полей: «Знаки», «Коммуникация», «Визуализа-



Рис. 16

URL: <https://sgpress.ru/news/200841>

ция». Семантическая группа «Коммуникация» в некоторых проявлениях также имеет территориальную специфику, понятную только местным жителям. Это относится к текстовым посланиям, описывающим события, которые происходят с неким Шукальским — такие послания появились в исторической части города и, как правило, размещаются на заброшенных зданиях или заборах (рис. 15, 16).

В интернет-источниках говорится, что это собирательный образ, придуманный местными уличными художниками, «который включает в себя творца, философа и местного жителя с криминальным прошлым. Шукальский — полностью вымышленный персонаж, герой первого большого уличного литературного произведения» [Кто такой Шукальский... [www](http://www)]. Цель таких посланий — установление контакта с горожанами как элемент игры, в ходе которой каждый адресат сам определяет историю жизни персо-

нажа, может додумать его биографию или задуматься над посланием.

Семантическая группа «Коммуникация» представлена и в формате диалога между коммуникантами, и в виде любовных, бытовых посланий.

Особенность распространения графического вандализма в г. Самара в целом идентична другим городам: часто графические повреждения появляются на недостроенных или заброшенных домах.

Анализ содержания вандальных проявлений во Владивостоке снова выявляет лидерство семантической группы «Субкультура» (рис. 17, 18).

Наряду с рассмотренными не раз вариантами проявления субкультуры граффити (нанесение надписей в определенном, характерном стиле), частотны проявления субкультуры футбольных фанатов (рис. 19, 20). Свои граффити (в том числе трафаретные) оставляют группы фанатов «Fck khv»,

«ФКЛВ», «Луч». Однако, в отличие от субкультуры футбольных фанатов, проявляющих себя в г. Самара, надписи не содержат радикальных посланий или числовых кодов.

Семантическая группа «Визуализация» в основном представлена актуальными темами: встречаются изображения людей в масках или изображения животных, преимущественно тигров — как символа региона. Вероятно, так же как и в Москве, власти Владивостока тщательно следят за визуальным пространством городской среды, так как чаще встречаются закрашенные элементы настенного творчества и в целом отмечено минимальное количество графического вандализма.

Подводя итог анализу распространенности разных семантических нагрузок визуальных форм вандальных повреждений в регионах Российской Федерации, следует отметить наличие как специфических региональных особенностей проявления вандализма, так и общих, характерных для всех регионов.



Рис. 17



Рис. 18



Рис. 19



Рис. 20

К общим следует отнести единообразие семантических полей. В каждом регионе самой распространенной группой является «*Субкультура*». В данном случае речь идет не только о самой субкультуре граффити, но и о других субкультурах, представители которых стремятся заявить о себе через визуальное пространство города: футбольные фанаты, анархисты, скинхеды и др. В каждом регионе встречаются повторяющиеся символы, дискурсивные, известные только определенным субкультурам, являющиеся кодовыми для их представителей. Общей тенденцией для распространения графического вандализма является применение стикер-арта — расклеивание стикеров с разнообразной информацией, представляющей различные семантические группы: от презентаций того или иного райтера до выражения политических предпочтений или пропагандистских идей. Появление работ такого типа способствует виртуализации вандализма, так как зачастую стикеры содержат QR-коды, переход по которым ведет или на страницу уличного художника в социальных сетях, где он размещает свои несанкционированные работы, или на страницу с общественными опросами, или на страницы деструктивных объединений, что не оставляет соответствующим органами власти инструментов противодействия распространению как самого феномена вандализма, так и деструктивного поведения.

К специфическим проявлениям графического вандализма в первую очередь следует относить узнаваемость райтеров. Часто мы наблюдаем, как в том или ином регионе во всех частях города фигурирует один и тот же тег или символ, который определяет «своих» в рамках графического вандализма. Это может быть чье-то имя (как в примере с Шукальским, г. Самара) или название футбольной команды с припиской региона.

Следует отметить, что каждый регион имеет свою специфику распространения графического вандализма в части локации: где-то он чаще встречается на стенах домов, где-то на крышах, под ними, в некоторых регионах уличные художники предпочитают использовать в качестве холста недостроенные здания.

Отличаются проявления графического вандализма и в части отношения к ним органов местной власти: в некоторых регионах граффити быстро исчезают с поверхностей городского пространства, а в других остаются надолго и становятся элементом культуры и частью облика города.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Асадова, З. Н. Контркультура и проблемы современной молодежи / З. Н. Асадова. — Текст : непосредственный //

Международный журнал экспериментального образования. — 2014. — № 8-3. — С. 47—50.

2. Воробьева, И. В. Психология вандализма : моногр. / И. В. Воробьева, О. В. Кружкова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2015. — 304 с.

3. Ворошилова, М. Б. Спортивный экстремизм: тексты в дискурсе футбольных фанатов / М. Б. Ворошилова. — Текст : непосредственный // Русский язык в поликультурном мире : материалы I Междунар. симпозиума. — Симферополь : Ариал, 2017. — Т. 1. — С. 258—263.

4. Головаха, И. Социальное значение асоциальных граффити (бытование и функции современных киевских граффити) / И. Головаха. — Текст : непосредственный // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 2. — С. 64—77.

5. Граффити: от нью-йоркской подземки до миллионов долларов // Yandex. Zen. — URL: [https://zen.yandex.ru/media/krasnaya-polyanaresort/graffiti-ot-niuiorskoi-podzemki-do-millionov-dollarov-5f57769722e26e081a419158?utm\\_source=serp](https://zen.yandex.ru/media/krasnaya-polyanaresort/graffiti-ot-niuiorskoi-podzemki-do-millionov-dollarov-5f57769722e26e081a419158?utm_source=serp). — Текст : электронный.

6. Кружкова, О. В. Вандализм подростков и юношей как совладение с негативными воздействиями городской среды / О. В. Кружкова, И. Н. Воробьева, Н. Е. Жданова. — Текст : электронный // Личность в трудных жизненных ситуациях: ресурсы и преодоление : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию факультета психологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского / отв. ред. А. Ю. Маленова. — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2018. — С. 255—227.

7. Кружкова, О. В. Функции вандализма в молодежном поведении: от личности к обществу / О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, Р. Ю. Порозов, Б. Зарбова. — Текст : непосредственный // Образование и наука. — 2018. — Т. 20. — № 10. — С. 95—120.

8. Кто такой Шукальский, и кто пишет про него на заброшенных зданиях в Самаре // Самарская Газета. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/spress/kto-takoi-shukalskii-i-cto-pishet-pro-nego-na-zabroshennyh-zdaniiah-v-samare-5f182ba07c237c4b8b557008>. — Текст. Изображение : электронные.

9. Кузовенкова, Ю. А. Виртуализация граффити и стрит-арта / Ю. А. Кузовенкова. — Текст : непосредственный // Культура и искусство. — 2018. — № 12. — С. 77—89.

10. Кузовенкова, Ю. А. Трансформация публичной сферы в субкультуре граффити / Ю. А. Кузовенкова. — Текст : непосредственный // Публичное / частное в современной цивилизации : материалы XXII российской научно-практической конференции (с международным участием). Екатеринбург, 16—17 апр. 2020 г. — Екатеринбург : гуманитарный ун-т, 2020.

11. Курбатова, Т. В. Граффити: субкультура или вандализм / Т. В. Курбатова, Р. С. Васильева. — Текст : непосредственный // Психология и право. — 2013. — № 2. — С. 1—11.

12. Лощаков, Д. Г. Радикализация молодежи в современном российском обществе / Д. Г. Лощаков. — Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. — 2015. — № 6. — С. 35—39.

13. Маленький принц и Ежик в тумане: кто рисует сказочные картины на деревьях Москвы. — URL: <https://leprechaun.land/mal-enkiy-prints-i-ezhik-v-tumane-cto-risuet-skazochnyie-kartiny-na-devuyah-moskvyi/>. — Текст. Изображение : электронные.

14. Молодёжный вандализм как реакция на информационные вызовы городской среды : моногр. / М. Р. Бабилова, И. В. Воробьева, К. В. Злоказов, О. В. Кружкова, А. Г. Оболенская, Р. Ю. Порозов, Д. В. Руденкин, И. А. Симонова ; под ред. И. В. Воробьевой, О. В. Кружковой ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2019. — 240 с. — Текст : непосредственный.

15. Панова, О. Ю. От субкультуры к контркультуре и масскульту: консолидация, расцвет и разрушение рок-культуры в СССР / России / О. Ю. Панова. — Текст : непосредственный // Новые российские гуманитарные исследования. — 2010. — № 5. — С. 24.

16. Симонова, И. А. Аффективная сила вандализма: молодежные вандажные практики в контексте концепции аффективного труда / И. А. Симонова. — Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019. — № 1 (149). — С. 273—291.

17. Сухарева, Е. А. Субкультура и контркультура / Е. А. Сухарева. — Текст : непосредственный // Запад — Россия — Восток. — 2019. — № 7. — С. 143—153.

M. R. Babikova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-0814-5936 

 *E-mail:* marina-anvarova@yandex.ru.

## Semantic Load of Visual Forms of Vandal Damage: Regional Aspect

**ABSTRACT.** *The article presents an analysis of typical semantic loads of visual forms of vandal damage in various regions of the Russian Federation. The research material includes photos of graphic vandalism in Moscow, Saint Petersburg, Samara and Vladivostok. The material was collected during the period from June to October 2020. An analysis of the visual city space of each region was carried out. The study reports specific features of vandalism in each of them, such as, for example, unique character of the spread of certain tags, place of visual images (on the house walls, roofs, under them, on houses under construction), attitude of the local organs of power (in some regions, graffiti quickly vanishes from the city space surfaces and in others it stays for a long time and becomes an element of the city image), prevalence of certain semantic groups. The article defines the common features of the spread of graphic vandalism, which include recurrence of semantic groups and certain signs and symbols providing graphic vandalism a discursive nature and registers a tendency to pass on to a different form of graphic vandalism – sticker art (placing authored stickers on any city space surfaces available) facilitating virtualization of vandalism: often stickers contain the writer's signature (in various variants) with a built-in QR code which opens to the viewer the whole range of graphic vandalism performed by the author in the real city environment. Thus, even if the public utilities should quickly remove the graphic signs made by the writer, they will stay for a long time in the social networks.*

**KEYWORDS:** *vandalism; graffiti; youth; semantic field; youth subcultures; Russian cities; city space; destructive behavior; semantic groups; semantic load; vandal damages; vandal practices.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Babikova Marina Rashitovna, Candidate of Philology, Assistant Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

**FOR CITATION:** *Babikova, M. R. Semantic Load of Visual Forms of Vandal Damage: Regional Aspect / M. R. Babikova // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 117-126. — DOI 10.26170/pl20-06-12.*

**ACKNOWLEDGMENTS.** *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant within scientific project № 17-18-01278.*

### REFERENCES

1. Asadova, Z. N. Counterculture and Problems of Modern Youth / Z. N. Asadova. — Text : unmediated // International Journal of Experimental Education. — 2014. — No. 8-3. — P. 47—50. [Kontrkultura i problemy sovremennoy molodezhi / Z. N. Asadova. — Tekst : neposredstvennyy // Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. — 2014. — № 8-3. — S. 47—50]. — (In Rus.)
2. Vorob'eva, I. V. Psychology of Vandal Behavior : monograph / I. V. Vorob'eva, O. V. Kruzhkova ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2015. — 304 p. [Psikhologiya vandal'nogo povedeniya : monogr. / I. V. Vorob'eva, O. V. Kruzhkova ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2015. — 304 s.]. — (In Rus.)
3. Voroshilova, M. B. Sports Extremism: Texts in the Discourse of Football Fans / M. B. Voroshilova. — Text : unmediated // Russian Language in the Multicultural World: materials of the I International symposium. — Simferopol : Arial, 2017. — V. 1. — P. 258—263. [Sportivnyy ekstremizm: teksty v diskurse futbol'nykh fanatov / M. B. Voroshilova. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk v polikul'turnom mire : materialy I Mezhdunar. simpoziuma. — Simferopol' : Arial, 2017. — T. 1. — S. 258—263]. — (In Rus.)
4. Golovakha, I. Social Meaning of Asocial Graffiti (existence and functions of modern Kiev graffiti) / I. Golovakha. — Text : unmediated // Sociology: Theory, Methods, Marketing. — 2004. — No. 2. — P. 64—77. [Sotsial'noe znachenie asotsial'nykh graffiti (bytovanie i funktsii sovremennykh kievskikh graffiti) / I. Golovakha. — Tekst : neposredstvennyy // Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing. — 2004. — № 2. — S. 64—77]. — (In Rus.)
5. Graffiti: from the New York subway to millions of dollars // Yandex. Zen. [Graffiti: ot n'yu-yorkskoy podzemki do millionov dollarov // Yandex. Zen]. — URL: [https://zen.yandex.ru/media/kr-asnayapolyanaresort/graffiti-ot-niuiorskoi-podzemki-do-millionov-dollarov-5f57769722e26e081a419158?utm\\_source=serp](https://zen.yandex.ru/media/kr-asnayapolyanaresort/graffiti-ot-niuiorskoi-podzemki-do-millionov-dollarov-5f57769722e26e081a419158?utm_source=serp). — Text : electronic.
6. Kruzhkova, O. V. Vandal Activity of Adolescents and Young Men as Coping with the Negative Influences of the Urban Environment / O. V. Kruzhkova, I. N. Vorob'eva, N. E. Zhdanova. — Text: electronic // Personality in Difficult Life Situations: Resources and Overcoming: materials of the Intern. scientific-practical conf., dedicated to the 25th anniversary of the Faculty of Psychology of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky / resp. ed. A. Yu. Malenova. — Omsk : Publishing house of Omsk State University, 2018. — P. 255—227. [Vandal'naya aktivnost' podrostkov i yunoshey kak sovladenie s negativnymi vozdeystviyami gorodskoy sredy / O. V. Kruzhkova, I. N. Vorob'eva, N. E. Zhdanova. — Tekst : elektronnyy // Lichnost' v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh: resursy i preodolenie : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 25-letiyu fakul'teta psikhologii Omskogo gosudarstvennogo universiteta im. F. M. Dostoevskogo / otv. red. A. Yu. Malenova. — Omsk : Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2018. — S. 255—227]. — (In Rus.)
7. Kruzhkova, O. V. Functions of Vandalism in Youth Behavior: from Personality to Society / O. V. Kruzhkova, I. V. Vorob'eva, R. Yu. Porozov, B. Zarbova. — Text : unmediated // Education and Science. — 2018. — Vol. 20. — No. 10. — P. 95—120. [Funktsii vandalizma v molodezhnom povedenii: ot lichnosti k obshchestvu / O. V. Kruzhkova, I. V. Vorob'eva, R. Yu. Porozov, B. Zarbova. — Tekst : neposredstvennyy // Obrazovanie i nauka. — 2018. — T. 20. — № 10. — S. 95—120]. — (In Rus.)
8. Who is Shukalsky and Who Writes about Him on Abandoned Buildings in Samara // Newspaper of Samara. [Kto takoy Shukal'skiy, i kto pishet pro nego na zabroshennykh zdaniyakh v Samare // Samarskaya Gazeta]. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/sgpress/kto-takoi-shukalskii-i-kto-pishet-pro-nego-na-zabroshennykh-zdaniyah-v-samare-5f182ba07c237c4b8b557008>. — Text. Image : electronic.
9. Kuzovenkova, Yu. A. Virtualization of Graffiti and Street Art / Y. A. Kuzovenkova. — Text : unmediated // Culture and Art. — 2018. — No. 12. — P. 77—89. [Virtualizatsiya graffiti i strit-arta / Yu. A. Kuzovenkova. — Tekst : neposredstvennyy // Kul'tura i iskusstvo. — 2018. — № 12. — S. 77—89]. — (In Rus.)

10. Kuzovenkova, Yu. A. Transformation of the Public Sphere in the Graffiti Subculture / Yu. A. Kuzovenkova. — Text : unmediated // Public / Private in Modern Civilization: materials of the XXII Russian scientific-practical conference (with international participation). Ekaterinburg, 16—17 Apr. 2020. — Ekaterinburg : Humanitarian University, 2020. [Transformatsiya publichnoy sfery v subkul'ture graffiti / Yu. A. Kuzovenkova. — Tekst : neposredstvennyy // Publichnoe / chastnoe v sovremennoy tsivilizatsii : materialy XXII rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem). Ekaterinburg, 16—17 apr. 2020 g. — Ekaterinburg : gumanitarnyy un-t, 2020]. — (In Rus.)
11. Kurbatova, T. V. Graffiti: Subculture or Vandalism / T. V. Kurbatova, R. S. Vasilyeva. — Text : unmediated // Psychology and Law. — 2013. — No. 2. — P. 1—11. [Graffiti: subkul'tura ili vandalizm / T. V. Kurbatova, R. S. Vasil'eva. — Tekst : neposredstvennyy // Psikhologiya i pravo. — 2013. — № 2. — S. 1—11]. — (In Rus.)
12. Loshchakov, D. G. Radicalization of Youth in Modern Russian Society / D. G. Loshchakov. — Text : unmediated // Bulletin of Economic Security. — 2015. — No. 6. — P. 35—39. [Radikalizatsiya molodezhi v sovremennom rossiyskom obshchestve / D. G. Loshchakov. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2015. — № 6. — S. 35—39]. — (In Rus.)
13. The Little Prince and the Hedgehog in the Fog: Who Draws Fabulous Pictures on the Trees of Moscow. [Malen'kiy prints i Ezhik v tumane: kto risuet skazochnye kartiny na derev'yakh Moskvy]. — URL: <https://leprechaun.land/malenkiy-prints-i-ezhik-v-tumane-kto-risuet-skazochnyie-kartiny-na-derevyah-moskvy/>. — Text. Image : electronic. — (In Rus.)
14. Youth Vandalism as a Reaction to Information Challenges of the Urban Environment: monograph / M. R. Babikova, I. V. Vorobieva, K. V. Zlokazov, O. V. Kruzhkova, A. G. Obolenskaya, R. Yu. Porozov, D. V. Rudenkin, I. A. Simonova ; ed. I. V. Vorobyova, O. V. Kruzhkova ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2019. — 240 p. — Text : unmediated. [Molodezhnyy vandalizm kak reaktsiya na informatsionnye vyzovy gorodskoy sredy : monogr. / M. R. Babikova, I. V. Vorob'eva, K. V. Zlokazov, O. V. Kruzhkova, A. G. Obolenskaya, R. Yu. Porozov, D. V. Rudenkin, I. A. Simonova ; pod red. I. V. Vorob'evoy, O. V. Kruzhkovoy ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2019. — 240 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Panova, O. Yu. From Subculture to Counterculture and Mass Culture: Consolidation, Dawn and Destruction of Rock Culture in the USSR / Russia / O. Yu. Panova. — Text : unmediated // New Russian Humanitarian Studies. — 2010. — No. 5. — P. 24. [Ot subkul'tury k kontrkul'ture i masskul'tu: konsolidatsiya, rassvet i razrushenie rok-kul'tury v SSSR / Rossii / O. Yu. Panova. — Tekst : neposredstvennyy // Novye rossiyskie gumanitarne issledovaniya. — 2010. — № 5. — S. 24]. — (In Rus.)
16. Simonova, I. A. Affective Power of Vandalism: Youth Vandal Practices in the Context of the Concept of Affective Labor / I. A. Simonova. — Text : unmediated // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. — 2019. — No. 1 (149). — P. 273—291. [Affektivnaya sila vandalizma: molodezhnye vandal'nye praktiki v kontekste kontseptsii affektivnogo truda / I. A. Simonova. — Tekst : neposredstvennyy // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye perezmeneniya. — 2019. — № 1 (149). — S. 273—291]. — (In Rus.)
17. Sukhareva, E. A. Subculture and Counterculture / E. A. Sukhareva. — Text : unmediated // West — Russia — East. — 2019. — No. 7. — P. 143—153. [Subkul'tura i kontrkul'tura / E. A. Sukhareva. — Tekst : neposredstvennyy // Zapad — Rossiya — Vostok. — 2019. — № 7. — S. 143—153]. — (In Rus.)

**Е. Н. Иванова**Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия  
ORCID ID: 0000-0002-9521-5340  **E-mail:** z3411828@yandex.ru.

## Эпистолярный текст первой половины XVIII века как отражение особенностей мыслеформления пишущего (на материале писем и распоряжений Акинфия Демидова)

**АННОТАЦИЯ.** Статья выполнена в русле актуальных исследований, посвященных характеристике исторической языковой личности, занимающей особое место в типологии языковых личностей: этот тип языковой личности обнаруживает глубокую связь с определенной эпохой. В статье анализируются деловые письма и распоряжения А. Н. Демидова, одного из первых Демидовых, с позиций выявления их собственно языковой специфики, связанной с преобладанием в них черт разговорного синтаксиса. Письма Демидова диктовались им, заверялись и подписывались. Эпистолярные тексты отражают особенности реализации в них маркеров коммуникативных потребностей адресанта, которые, в свою очередь, фиксируют основные этапы мыслительного процесса автора писем, поскольку не корректируются писцом. Письма Демидова анализируются с применением методики контекстуального и функционального анализа языковых единиц высказывания. Делается вывод о том, что устный характер этих писем демонстрирует первичность смысловой связи между словами по сравнению с грамматической, ассоциативность связи между членами предложения и т. п. Материалы и выводы исследования могут быть использованы как в фундаментальных исследованиях лингвоперсонологии, рассматривающих различные типы языковых личностей и их черты, так и в прикладных сферах лингвистики и лингводидактики, связанных с обучением проектной деятельности обучающихся школ и вузов на материале текстов, принадлежащих исторической личности.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** эпистолярный дискурс; эпистолярные тексты; эпистолярный жанр; эпистолярный; русский язык; история русского языка; устная речь; письменная речь; разговорный синтаксис; текстопорождение; языковая личность; лингвоперсонология; деловые письма; распоряжения; исторические личности; уральские промышленники.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Иванова Евгения Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Иванова, Е. Н. Эпистолярный текст первой половины XVIII века как отражение особенностей мыслеформления пишущего (на материале писем и распоряжений Акинфия Демидова) / Е. Н. Иванова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 127-131. — DOI 10.26170/pl20-06-13.

**БЛАГОДАРНОСТИ.** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот».

Деловая письменность XVIII в. представляется уникальным явлением в истории русского языка уже потому, что отражает закономерное формирование языковых норм на различных этапах, складывание стилистических и жанровых закономерностей. Кроме того, текстовые источники этого периода зафиксировали непосредственное взаимодействие устной и письменной речи. Для привилегированных классов надиктовывание писем было обычной практикой (это не являлось показателем безграмотности их авторов). Такая своеобразная культурная традиция исторически обусловлена необходимостью писать много, красиво и грамотно (по правилам). Отличительные признаки деловой письменности данного периода уже становились предметом научных изысканий (напр.: [Глухих 2010; Трофимова 2002; Трофимова 2010; Майоров 2006; Косов 2004; Чугаев 2014]). Кроме того, существует ряд

работ, посвященных описанию исторической языковой личности и проявлению идиостиля личности [Анциферова 2012; Петрухина 2014; Рут, Иванова 2013].

Л. С. Выготский характеризовал письменную речь как самую развернутую, сложную и подготовленную, поскольку это «речь в отсутствии собеседника» [Выготский 1934: 296]. Устная речь отличается большей спонтанностью, сокращенностью, упрощенным синтаксисом, возрастающей ролью интонационного оформления и иных невербальных средств. Кроме того, письменная речь является монологической, а «устная... в большинстве случаев является диалогической» [Выготский 1934: 297]. Отдельно взятые эпистолярные тексты рассматриваемого периода, конечно, монологичны, могут включать лишь элементы чужой речи в определенных контекстах, например, при цитировании иных документов или высказываний третьих лиц.

К началу XVIII в. существовал институт писцов и человек, служивший писцом, имел специальное образование, был востребован в системе делопроизводства. О том, кто мог быть писцом в XVII в., см. в работе: [Демидова 1994]. Складывание особых правил, по которым оформлялся тот или иной документ, рассматривалось, например, О. В. Трофимовой [Трофимова 2002], А. Г. Косовым [Косов 2002]. Текст письма (делового, иногда и частного) создавался под диктовку, писец его тщательно записывал, автор контролировал процесс его создания и при необходимости исправлял или добавлял что-либо, и, если было нужно, документ переписывался уже набело.

В силу отмеченной системы создания писем представляется важным наблюдение, которому до сих пор не придавалось особого значения: эпистолярные тексты, по крайней мере XVIII в., в том виде, в котором они сохранились в архивах, обладают несомненной ценностью с точки зрения отражения в них некоторых особенностей мыслеформирования (термин И. А. Зимней) личности в соответствии с языковыми и жанровыми нормами. Диктуемый текст должен заключать в себе определенную мысль и в то же время более или менее соответствовать нормативному русскому предложению, т. е. расчлененной синтаксической структуре.

Данная публикация основывается на деловых письмах и распоряжениях, выполненных писцами от имени уральского заводовладельца Акинфия Никитича Демидова (1678—1745), дополненных и заверенных им. В его эпистолярии можно выделить два типа документов в зависимости от социального статуса получателя: письма к вышестоящим или к равным Демидову и к нижестоящим адресатам.

Письма А. Н. Демидова до сих пор не опубликованы целиком, в отличие от, например, писем его старшего сына — Прокофия Акинфиевича Демидова [Прокофий Акинфиевич Демидов 2010], хотя историки (А. С. Черкасова [Черкасова 1994], И. Н. Юркин [Юркин 1998] и др.) не раз обращались к характеристике личности А. Н. Демидова, его деятельности на Урале и приводили выдержки из его писем и бумаг. Рукописные тексты документов первой половины XVIII в. выявлены в Государственном архиве Свердловской области (г. Екатеринбург) и предоставлены в наше распоряжение доктором исторических наук А. С. Черкасовой.

Коммуникативно-деятельностные потребности личности, которые Ю. Н. Караулов справедливо относит к единицам мотивационно-прагматического уровня языковой

личности [Караулов 2010: 211], демонстрируют прежде всего мысль, продиктованную опытом и внеязыковой деятельностью человека. Основными маркерами контактоустанавливающей потребности в деловых письмах XVIII в. являются дата и место написания документа, формулы обращения, формулы завершения письма, подпись, дата создания (подробнее об этом см.: [Иванова 2016]). К маркерам воздействующей потребности пишущего можно отнести следующие: формы императива в письмах к приказчикам (*пиши, скажи, уведоми*), просьбу к вышестоящим адресатам (*просимь вашего величества о'размотрении той обиде*), сочетание грамматической формы императива и просьбы в посланиях к вышестоящим адресатам (*покорно прошу прикажи государь оным от нас посланным мастерам о сыску и о взятые тех наших крестьян*), безличную конструкцию (*о'чемь ему з[о]с[у]д[а]рь должно жестоко приказать дабы он какь сам такь и'другия при'оной домне служители работаючи не'за'все дремали надобно с'нею возитца какь с'малымь ребенкомь*).

Отметим, каким образом реализуется информационная коммуникативная потребность пишущей личности в деловых эпистолярных текстах, поскольку маркеры ее реализации имеют наименьшую выраженность по сравнению с маркерами других коммуникативных потребностей. Информационная потребность пишущего в большей степени связана с появлением и развертыванием мысли в тексте, с обозначением в нем микротем, сменой этих микротем.

Как правило, начальные устойчивые формулы в письмах, помимо информационной потребности, реализуют также и контактоустанавливающую потребность адресанта, поскольку деловая (письменная) коммуникация опосредована физическим временем и расстоянием. Содержание этих формул может бесконечно варьироваться в зависимости от внеязыковой ситуации. Графика и орфография текстов частично сохранена:

**Доносит дворянин Акинфей Демидов о нижеследующем; письмо твое и при том о выходе из домни чюгуна и о деле железа ведомости сего генваря 29 дня получил...**

**Письмо твое сего февраля 13 дня получено, которым требуеш по чему зачитать за аржаную муку за пуд. И я тому твоему запросу весьма подивился бутто ты там живеш первой год и о цене по чему здесь хлеб покупается не'знаеш. А здесь хлеб купитса по тринацати копеек пуд, а к тому приложит провозную цену куль и набойку знаеш же, а нас утруждаеш или скушаеш напрасно, а хорошо кабы от тебе**

за оной хлеб поверенной денги здес платил, то бы росходы все тебе показал.

**Пишете** вы...

Отметим, что деление демидовских текстов на предложения в современном понимании во многих случаях очень условно, потому что писцы даже в XVIII в. редко использовали заглавные буквы и знаки препинания, разграничивая скорее микротемы между собой. Иногда можно обнаружить минимальную правку в тексте письма, например, зачеркивание писцом написанного дважды слова:

**По ея императорского величества г[о]с[у]д[а]р[с]твенной генерал берг директориум указом первому от 29 марта второму подтвердителному от 27 чисел августа [сего — зачеркнуто] сего 1738 году велено отправленную в 737-м году с Томских моих заводовъ на казенные заводы медь отдать мне всю неударжно и безотговорочно а ежели та медь переплавлена и употреблена до сего числа в расход или куда отвезена то вместо оной велено то ж число равномерно отдать из наличной казенной меди.**

Содержание писем в основном зависит от производственных ситуаций на заводах Демидова, отражает возникающие деловые вопросы и способы их решения, то есть все то, что запускает механизм формирования мысли, поэтапность которого видна в тексте.

Укажем черты спонтанного текстопорождения, зафиксированные в деловых письмах А. Н. Демидова: **повторение предлогов, использование в начале предложения союза а** и комбинации союзов: *а ежели, и ежели, и если, а понеже, и когда, и что, и чтоб* — и некоторых других, обилие односоставных конструкций — **инфинитивных и безличных, согласование по смыслу (кто поедет и пойманы будут), ассоциативный порядок слов, повтор, ввод чужой речи с помощью частицы де, конструкции с уточняющими членами** при личных местоимениях.

Проиллюстрируем и прокомментируем некоторые из них. Порядок слов в текстах А. Н. Демидова отражает этапы формирования и оформления мысли, имеет так называемый ассоциативный характер, проявляющийся, например, в отрыве зависимого слова или группы слов согласованного определения от определяемого: *вашь моего государя покорный слуга; в приписные к моим заводам слободы; добрыя там управители тол[ь]ко строят себе жилища.*

Или: *Для отпуску с припасами в Колыванской завод к старой в прибавок другую новую коломенку всемерно надлежит зде-*

*лать о том от меня вам и прежде приказ был. Веревки и рогож по преждепосланному от меня х тебе писму в Колыванской завод как возможно пошли промыслить, тако ж понадобится лычных веревок с три тысячи для отпуску на пристани на Шайтанку, на Утку и на Ревду и ты для б[о]га оного в забвение и в долгой ящик не положи.*

**Повтор, тавтология и плеоназм** в современной трактовке характеризуют именно спонтанное речепорождение, отражающееся в следующих фрагментах писем:

*Издавна от насъ определения во все н[а]ш[и] канторы посланы с вьящим подтверждениемъ и сверхъ того и н[ы]не по часту подтверждается, чтобъ...; Уведоми меня как у вас проволочная строится и скоро ли она действовать будет: ибо канторския татара об ней меня не репортуют, хотя ты им не по-ревнуи уведоми меня. И ты оныя посылаемая к тебе писма объявляй всем нашим канторщиком, чтоб они знали и по ним исполняли и содержи их в канторе.*

**Ввод чужой речи с помощью частицы де** — особенность, характерная для живой речи [Стеценко 1977: 115]:

*И помянутой салдат Немировъ со оной горы прислал к нам сего июля 1-г дня писмо в котором показал понеже де 29 дня минувшаго ж м[е]с[я]ца июня в деревни де Леневики вышеписанного доменного мастера Данилу Кокорина убил до смерти Арамашевской слободы крестьянин Сергей Миронов незнамо за что.*

Из наблюдений за языковыми особенностями делового эпистолярного письма первой половины XVIII в. следует, что деловые тексты в значительной мере являются письменной фиксацией устной речи и транслируют черты живого спонтанного речепорождения. Языковую личность периода формирования норм отличает прежде всего демонстрация лексических и грамматических предпочтений, отражающая ее понимание правил создания текстов.

Таким образом, к специфике оформления мысли пишущего на уровне делового текста следует отнести ассоциативность связи между компонентами высказывания (членами предложения), первичность смысловой (семантической) связи между словами по сравнению с грамматической, проявление субординации в отношениях с адресатом (вышестоящему доношу, челом бью, нижестоящему приказываю, требую от него). Современные деловые письма отличаются от аналогов XVIII в. безупречностью корректировки в плане совершенства формы и ее соответствия содержанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анциферова, О. Н. «Журнал путешествия...» Н. А. Демидова как памятник русского языка второй половины XVIII века : дис. ... канд. филол. наук / Анциферова О. Н. — Екатеринбург, 2012. — Текст : непосредственный.
2. Выготский, Л. С. Мысль и слово / Л. С. Выготский. — Текст : непосредственный // Мышление и речь. — Москва, 1934. — С. 260—318. — (Гл. 7).
3. Глухих, Н. В. «Писать правдиво и со всякою ясностию и подробно...» (Эпистолярные тексты из фондов южноуральских заводских контор) / Н. В. Глухих. — Текст : непосредственный // Культура индустриального Урала (XVIII—XX вв.). — Екатеринбург, 2010.
4. Демидова, Н. В. Приказные школы начального образования в Москве XVII в. / Н. В. Демидова. — Текст : непосредственный // Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Н. Б. Голиковой. — Москва, 1994. — С. 152—167.
5. Иванова, Е. Н. Маркеры контактоустанавливающей потребности личности в деловой коммуникации XVIII в. (на примере писем и распоряжений А. Н. Демидова) / Е. Н. Иванова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2016. — № 14. — С. 128—137.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва, 2010. — Текст : непосредственный.
7. Косов, А. Г. Специфика стандартизации текстов деловых документов в XVIII веке (на материале Государственного архива Челябинской области) / А. Г. Косов. — Текст : непосредственный // Русский язык: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти профессора Г. А. Турбина (23—24 октября 2002 г.). — Челябинск, 2002. — С. 76—89.
8. Майоров, А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров. — Москва, 2006. — Текст : непосредственный.
9. Петрухина (Косивцова), А. В. Проблема идиостиля частно-делового текста XVIII века (по письмам уральского заводчика Н. А. Демидова) / А. В. Петрухина (Косивцова). — Текст : непосредственный // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию доцента кафедры русского языка Клавдии Николаевны Прокошовой. — Пермь, 2014.
10. Прокофий Акинфиевич Демидов. Письма и документы. 1735—1786 / П. А. Демидов. — Екатеринбург : Демидовский институт, 2010. — Текст : непосредственный.
11. Рут, М. Э. Языковая игра в дискурсе языковой личности XVIII—XIX вв. / М. Э. Рут, Е. Н. Иванова. — Текст : непосредственный // Лингвистика креатива. — Екатеринбург, 2013.
12. Стеценко, А. Н. Исторический синтаксис русского языка / А. Н. Стеценко. — Москва, 1977. — Текст : непосредственный.
13. Трофимова, О. В. Жанрообразующие особенности русских документов XVIII века : дис. ... д-ра филол. наук / Трофимова О. В. — Тюмень, 2002. — Текст : непосредственный.
14. Трофимова, О. В. Роль и место провинциальной деловой письменности в истории языка и государства / О. В. Трофимова. — Текст : непосредственный // Культура индустриального Урала (XVIII—XX вв.). — Екатеринбург, 2010.
15. Черкасова, А. С. История одного конфликта. Из переписки В. Н. Татищева с Никитой и Акинфием Демидовыми / А. С. Черкасова. — Текст : непосредственный // Демидовский временник: исторический альманах. — Екатеринбург : Демидовский институт, 1994. — Кн. I. — С. 174—199.
16. Чугаев, Н. В. Лингвистические особенности региональных памятников XVIII в. (на материале пыскорских проемов) / Н. В. Чугаев. — Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Сер. «Российская и зарубежная филология». — 2014. — № 2 (26).
17. Юркин, И. Н. Демидовы в Туле: из истории становления и развития промышленной династии / И. Н. Юркин. — Москва ; Тула, 1998. — Текст : непосредственный.

E. N. Ivanova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9521-5340

E-mail: z3411828@yandex.ru.

## Epistolary Text of the First Half of the 18th Century as a Reflection of the Peculiarities of Expression of the Writing Person's Way of Thinking (Based on the Letters and Orders of Akinfiy Demidov)

**ABSTRACT.** *The article is written in line with current research devoted to the characterization of a historical linguistic personality, which occupies a special place in the typology of linguistic personalities: this type of linguistic personality reveals a deep connection with a certain era. The article analyzes business letters and orders of A.N. Demidov, one of the first Demidovs, from the standpoint of identifying their own linguistic specificity, associated with the prevalence of features of colloquial syntax in them. Demidov's letters were dictated by him, certified and signed. Epistolary texts reflect the peculiarities of the implementation of markers of the addressee's communicative needs in them, which, in their turn, fix the main stages of the thought process of the author of the letters, since they are not corrected by a scribe. Demidov's letters are analyzed using the methods of contextual and functional analysis of the language units of the utterance. It is concluded that the oral nature of these letters demonstrates the primacy of the semantic coherence between words in comparison with the grammatical cohesion, the associative connection between the members of the sentence, etc. The materials and the conclusions of the study can be used both in fundamental studies of linguopersonology, considering various types of linguistic personalities and their features, and in applied areas of linguistics and linguodidactics, related to teaching project activities to students of secondary and higher schools on the material of texts belonging to a historical personality.*

**KEYWORDS:** *epistolary discourse; epistolary texts; epistolary genre; epistolary heritage; Russian; Russian language history; oral speech; written speech; conversational syntax; text generation; linguistic personality; linguopersonology; business letters; orders; historical personalities; Urals businessmen.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Ivanova Evgeniya Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

**FOR CITATION:** *Ivanova, E. N. Epistolary Text of the First Half of the 18th Century as a Reflection of the Peculiarities of Expression of the Writing Person's Way of Thinking (Based on the Letters and Orders of Akinfiy Demidov) / E. N. Ivanova // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 127-131. — DOI 10.26170/pl20-06-13.*

**ACKNOWLEDGMENTS.** Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within scientific project № 19-012-00465 A “Linguo-Political Personology: A Discursive Turn”.

#### REFERENCES

1. Antsiferova, O. N. “Travel Journal ...” of N. A. Demidov as a Record of the Russian Language of the Second Half of the 18th century : thesis ... of Cand. of Philol. sciences / Antsiferova O. N. — Ekaterinburg, 2012. — Text : unmediated. [«Zhurnal puteshestviya...» N. A. Demidova kak pamyatnik russkogo yazyka vtoroy poloviny XVIII veka : dis. ... kand. filol. nauk / Antsiferova O. N. — Ekaterinburg, 2012. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Vygotsky, L. S. Thought and Word / L. S. Vygotsky. - Text : unmediated // Thinking and Speech. — Moscow, 1934. — P. 260—318. — (Ch. 7). [Mysl' i slovo / L. S. Vygotskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Myshlenie i rech'. — Moskva, 1934. — S. 260—318. — (Gl. 7)]. — (In Rus.)
3. Glukhikh, N. V. “Write truthfully and with all clarity and detail ...” (Epistolary texts from the funds of the South Ural factory offices) / N. V. Glukhikh. — Text : unmediated // Culture of the Industrial Urals (XVIII—XX centuries). — Ekaterinburg, 2010. [«Pisat' pravdivo i so vsyakoyu yasnostiyu i podrobnosti...» (Epistolarnye teksty iz fondov yuzhnoural'skikh zavodskikh kontor) / N. V. Glukhikh. — Tekst : neposredstvennyy // Kul'tura industrial'nogo Urala (XVIII—XX vv.). — Ekaterinburg, 2010]. — (In Rus.)
4. Demidova, N. V. Schools of Prikaz of Primary Education in Moscow in the 17th century. / N. V. Demidova. — Text : unmediated // Trade and Entrepreneurship in Feudal Russia. To the anniversary of the professor of Russian history N. B. Golikova. — Moscow, 1994. — P. 152—167. [Prikaznye shkoly nachal'nogo obrazovaniya v Moskve XVII v. / N. V. Demidova. — Tekst : neposredstvennyy // Torgovlya i predprinimatel'stvo v feodal'noy Rossii. K yubileyu professora russkoy istorii N. B. Golikovoy. — Moskva, 1994. — S. 152—167]. — (In Rus.)
5. Ivanova, E. N. Markers of the Contact-establishing Needs of the Individual in Business Communication of the 18th Century (on the example of letters and orders of A. N. Demidov) / E. N. Ivanova. — Text : unmediated // Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity. — 2016. — No. 14. — P. 128—137. [Markery kontaktoustanavlivayushchey potrebnosti lichnosti v delovoy kommunikatsii XVIII v. (na primere pisem i rasporyazheniy A. N. Demidova) / E. N. Ivanova. — Tekst : neposredstvennyy // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. — 2016. — № 14. — S. 128—137]. — (In Rus.)
6. Karaulov, Yu. N. Russian Language and Language Personality / Y. N. Karaulov. — Moscow, 2010. — Text : unmediated. [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. — Moskva, 2010. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Kosov, A. G. Specificity of Standardization of Texts of Business Documents in the 18th Century (based on the State Archives of the Chelyabinsk Region) / A. G. Kosov. — Text : unmediated // Russian language: history and modernity : materials of the Intern. scientific-practical conf. in memory of Professor G. A. Turbin (October 23-24, 2002). — Chelyabinsk, 2002. — P. 76—89. [Spetsifika standartizatsii tekstov delovykh dokumentov v XVIII veke (na materiale Gosudarstvennogo arkhiva Chelyabinskoy oblasti) / A. G. Kosov. — Tekst : neposredstvennyy // Russkiy yazyk: istoriya i sovremennost' : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati professora G. A. Turbina (23—24 oktyabrya 2002 g.). — Chelyabinsk, 2002. — S. 76—89]. — (In Rus.)
8. Mayorov, A. P. Essays on the Vocabulary of Regional Business Writing in the 18th Century / A. P. Mayorov. — Moscow, 2006. — Text : unmediated. [Ocherki leksiki regional'noy delovoy pis'mennosti XVIII veka / A. P. Mayorov. — Moskva, 2006. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Petrukhina (Kosivtsova), A. V. The Problem of the Idiostyle of a Private Business Text of the 18th Century (according to the letters of the Ural fabricant N. A. Demidov) / A. V. Petrukhina (Kosivtsova). — Text : unmediated // Problems of Linguistic Local History : materials of the All-Russian scientific-practical conf., dedicated to the 80th anniversary of the associate professor of the Russian language department Klavdia Nikolaevna Prokoshcheva. — Perm, 2014. [Problema idiostilya chastno-delovogo teksta XVIII veka (po pis'mam ural'skogo zavodchika N. A. Demidova) / A. V. Petrukhina (Kosivtsova). — Tekst : neposredstvennyy // Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 80-letiyu dotsenta kafedry russkogo yazyka Klavdii Nikolaevny Prokoshevoy. — Perm', 2014]. — (In Rus.)
10. Prokofy Akinievich Demidov. Letters and Documents. 1735—1786 / P. A. Demidov. — Ekaterinburg : Demidov Institute, 2010. — Text : unmediated. [Prokofiy Akinievich Demidov. Pis'ma i dokumenty. 1735—1786 / P. A. Demidov. — Ekaterinburg : Demidovskiy institut, 2010. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Rut, M. E. Language Game in the Discourse of the Linguistic Personality of the 18th-19th Centuries. / M. E. Rut, E. N. Ivanova. — Text : unmediated // Linguistics of Creativity. — Ekaterinburg, 2013. [Yazykovaya igra v diskurse yazykovoy lichnosti XVIII—XIX vv. / M. E. Rut, E. N. Ivanova. — Tekst : neposredstvennyy // Lingvistika kreativa. — Ekaterinburg, 2013]. — (In Rus.)
12. Stetsenko, A. N. Historical Syntax of the Russian Language / A. N. Stetsenko. — Moscow, 1977. — Text : unmediated. [Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka / A. N. Stetsenko. — Moskva, 1977. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Trofimova, O. V. Genre-forming Features of Russian Documents of the 18th Century : doctoral thesis ... of Dr. of Philol. Sciences / Trofimova O. V. — Tyumen, 2002. — Text : unmediated. [Zhanroobrazuyushchie osobennosti russkikh dokumentov XVIII veka : dis. ... d-ra filol. nauk / Trofimova O. V. — Tyumen', 2002. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Trofimova, O. V. The Role and Place of Provincial Business Writing in the History of Language and State / O. V. Trofimova. — Text : unmediated // Culture of the Industrial Urals (XVIII—XX centuries). — Ekaterinburg, 2010. [Rol' i mesto provintsial'noy delovoy pis'mennosti v istorii yazyka i gosudarstva / O. V. Trofimova. — Tekst : neposredstvennyy // Kul'tura industrial'nogo Urala (XVIII—XX vv.). — Ekaterinburg, 2010]. — (In Rus.)
15. Cherkasova, A. S. History of One Conflict. From the Correspondence of V. N. Tatishchev with Nikita and Akinfiy Demidov / A. S. Cherkasova. — Text : unmediated // Demidov's Annals: Historical Almanac. — Ekaterinburg : Demidov Institute, 1994. — Book I. — P. 174—199. [Istoriya odnogo konflikta. Iz perepiski V. N. Tatishcheva s Nikitoy i Akinfiem Demidovymi / A. S. Cherkasova. — Tekst : neposredstvennyy // Demidovskiy vremennik: istoricheskiy al'manakh. — Ekaterinburg : Demidovskiy institut, 1994. — Kn. I. — S. 174—199]. — (In Rus.)
16. Chugaev, N. V. Linguistic Features of Regional Records of the 18th Century (based on the promemoria of Pyskorskiy) / N. V. Chugaev. — Text : unmediated // Bulletin of Perm University. Ser. “Russian and foreign philology”. — 2014. — No. 2 (26). [Lingvisticheskie osobennosti regional'nykh pamyatnikov XVIII v. (na materiale pyskorskikh promemoriy) / N. V. Chugaev. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Permskogo universiteta. Ser. «Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya». — 2014. — № 2 (26)]. — (In Rus.)
17. Yurkin, I. N. Demidovs in Tula: from the History of the Formation and Development of an Industrial Dynasty / I. N. Yurkin. — Moscow; Tula, 1998. — Text : unmediated. [Demidovy v Tule: iz istorii stanovleniya i razvitiya promyshlennoy dinastii / I. N. Yurkin. — Moskva ; Tula, 1998. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

**А. М. Мубаракшина**

Казанский федеральный университет, Казань, Россия  
ORCID ID: 0000-0002-2595-1254 

 **E-mail:** [blondy010888@mail.ru](mailto:blondy010888@mail.ru).

## Роль когнитивного контекста в семиотической интерпретации иноязычных вкраплений в романе Сергея Минаева «Duxless»

**АННОТАЦИЯ.** Настоящее исследование выполнено в рамках когнитивной лингвистики и интерпретативной семиотики. Объектом анализа является процесс адекватной интерпретации англоязычных элементов, инкорпорированных в текст романа популярного эпатажного российского писателя Сергея Сергеевича Минаева «Duxless» и являющихся важными элементами реализации генеральной коммуникативной стратегии автора. Предметом анализа стали английские слова, словосочетания и предложения, полученные методом сплошной выборки, интерпретация которых осуществляется посредством семиотического анализа когнитивного контекста. В поле зрения автора попали ключевые коммуникативные тактики (коммуникативная тактика дефиниции, описания, а также контекстуальная коммуникативная тактика, которой в статье уделяется основное внимание). Наиболее значительный пласт лексики иноязычного происхождения в анализируемом романе относится к названиям известных мировых брендов одежды, обуви, часов и сумок, популярных марок алкоголя и т. п. Особенностью употребления наименований иностранных брендов у Сергея Минаева является появление смысловой «надстройки» и эмоциональной окрашенности в процессе структурирования парадигматических связей «заграничный — дорогой, красивый, успешный»; «советский — застойный, „совковый“, отсталый и т. д.». В статье приводится заключение о том, что иноязычные слова и фразы представляются русскоязычному читателю довольно сложными для восприятия, поэтому для верной их интерпретации требуется сложный процесс наложения концептуальных областей имеющихся знаний, полученных в результате обогащения когнитивного опыта читателя, учета контекстуального пространства, образующего заимствованный элемент, а также верно выбранной писателем коммуникативной тактики, способствующей быстрой работе интерпретативного механизма в сознании реципиента.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** русский язык; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; романы; английский язык; художественные тексты; художественный дискурс; когнитивный контекст; семиотическая интерпретация; коммуникативные стратегии; прагматический анализ; когнитивная лингвистика; интерпретативная семиотика; семиотический анализ.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Мубаракшина Анастасия Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет; 420111, Россия, Казань, ул. Межлаука, 3, ком. 3а; e-mail: [blondy010888@mail.ru](mailto:blondy010888@mail.ru).

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Мубаракшина, А. М. Роль когнитивного контекста в семиотической интерпретации иноязычных вкраплений в романе Сергея Минаева «Duxless» / А. М. Мубаракшина // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 132-136. — DOI 10.26170/pl20-06-14.

Антропоцентрический вектор современной лингвистики обусловил синтез собственно лингвистического и коммуникативно-прагматического анализа любого языкового материала. Текст как вербальный продукт воплощенности мышления исследуется «специалистами в рамках различных парадигм знаний, в том числе учеными таких областей знания, как теория перевода и переводоведение, теория речевой деятельности, когнитивная семантика, межкультурная коммуникация, логическая семантика» [Попова, Саушева 2020: 71] и других наук.

Усложняется задача не только исследователей, но и современных писателей, так как перед ними стоит необходимость эффективного коммуникативного планирования в условиях дистантного речевого взаимодействия с читателем [Мубаракшина 2019: 80], который не всегда адекватно воспринимает языковые реалии, известные писателю,

но малоизвестные либо чуждые ему самому, а личности автора как коммуниканта присваивается нулевая степень координации процесса речевого акта. Благодаря тесному взаимодействию лингвистики, семиотики, теории коммуникации, психологии, культурологии и других наук текст в настоящее время позиционируется исследователями как динамический объект, который требует междисциплинарного подхода к исследованию [Лотман 2010].

Наибольшую сложность с позиции процесса семиотической интерпретации представляют иноязычные текстовые вкрапления, главным образом в художественном дискурсе. По справедливому замечанию О.С. Иссерс, в процессе непосредственного межличностного взаимодействия каждый говорящий стремится в своих интересах повлиять на когнитивные процессы, которые происходят в слушающем, дабы «направить

вектор речевого взаимодействия в благоприятное и целесообразное для него русло» [Иссерс 2008: 89]. Однако стоит отметить, что дистантное общение (в нашем случае автора и читателя) не дает никакой возможности адресанту распознать особенности коммуникативной ситуации, характерные приметы целевой аудитории, специфику протекания когнитивных процессов, задействованных в данном конкретном речевом акте, и, безусловно, социокультурный фон. Зачастую основным способом верификации «верности» трактовки читателем коммуникативных посылов для современных авторов остается метод интроспекции, то есть наблюдение автором себя как носителя языка, что, в свою очередь, ненамеренно обуславливает непосредственную целевую аудиторию определенного интеллектуального, социального, физического и возрастного уровня для своих художественных текстов.

В остальных случаях автор вправе рассчитывать на то, что читатель способен принять во внимание когнитивный контекст, который, по определению Н. Н. Болдырева, является «моделью культурно обусловленного, канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества» [Болдырев 2019: 229], что позволяет без знания иностранного языка сформулировать семантику иноязычного семиотического знака.

В связи с вышеперечисленным, актуальным и интересным в свете рассматриваемой проблемы является идиостиль эпатажного современного писателя Сергея Минаева, романы которого, по нашему мнению, отличаются две своеобразные черты: афористичность и интертекстуальность.

Эмпирическим материалом для анализа послужили иноязычные вкрапления (преимущественно на английском языке), полученные методом сплошной выборки из бестселлера современного российского писателя Сергея Сергеевича Минаева «Duxless: повесть о настоящем человеке» [Минаев www].

В романе «Duxless» нами были выявлены и проанализированы три основные коммуникативные тактики, которые обеспечивают адекватную интерпретацию заимствованных лексических сегментов: коммуникативная тактика дефиниции, коммуникативная тактика описания, а также контекстуальная коммуникативная тактика [Мубаракшина 2019: 81]. В данной работе остановимся подробнее на последней тактике, которая в качестве основного инструмента интерпретации использует когнитивный контекст.

Так, наиболее значительный пласт лексики иноязычного происхождения в анализи-

руемом романе относится к названиям известных мировых брендов одежды, обуви, часов и сумок, популярных марок алкоголя и прочих атрибутов «красивой жизни»: *Вадим в истертых джинсах и выцветшей футболке, на ногах у него джинсовые лоуферы “Patric Cox”*. Я соответственно в красных *“Tod’s”*, рваных джинсах и красной же футболке *“Mochino”*; Я сижу в «Шатре», летнем кафе, находящемся на воде Чистых прудов, и пью виски *“Jameson”*, уже вторую двухсотграммовую порцию; Скажи ей, что та юбка *“Missoni”*, что была на ней в твой день рождения, просто классная! Отметим, что в рамках контекста смысл перевода указанных лексем нивелируется за счет употребления атрибутивных распространителей. В этой связи еще одной особенностью употребления наименований иностранных брендов у Сергея Минаева является появление смысловой «надстройки» и эмоциональной окрашенности в процессе структурирования парадигматических связей *заграничный — дорогой, красивый, успешный; советский — застойный, «совковый», отсталый* и т. д. Такого рода коммуникативные операции подтверждают гипотезу многоярусной организации лексикона, каждый подъярус которого является конечным продуктом разных этапов генерализации и дифференциации смысла [Залевская 1980].

Возвращаясь к генеральной стратегии автора, стоит отметить, что в рамках макроконтекста можно вполне четко угадать целесообразность употребления такого рода иноязычных наименований — для Минаева количество атрибутов «красивой жизни» обратно пропорционально духовному наследию человека, т. е. чем больше брендовой одежды, дорогих аксессуаров и известных общественных мест связано с персонажем, тем беднее и однообразнее его духовный мир и широта мировоззрения в целом: *В «Vogue», как и в любом модном ресторане, много проституток, выдающих себя за честных столичных девушек, и еще больше честных столичных девушек, почему-то выдающих себя за проституток. Чем первые отличаются от вторых, мне совершенно не понятно, засим, для простоты понимания, я зову эту категорию особей женского пола **the telki*** [Там же]. В рамках анализируемого романа этот прием противоречия внутреннего и внешнего репрезентирует концептуальную метафору «человек-вместилище», согласно которой человек — это часть мира, отделенного от него физической оболочкой; с другой стороны, та же оболочка ограничивает и создает пространство внутри человека, *space in man*, которое

обустроивается не только органами, но и мыслями, состояниями, чувствами, знаниями и т. д. [Кубрякова 1999: 8].

Когнитивная семантика, как известно, настаивает на взаимосвязи трактовки лексемы с конкретным контекстом, который вербализует фрагмент когнитивного опыта. Данный тезис вполне «работает» не только с объяснением слов и выражений родного языка, но и способен переносить имеющийся объем знаний на слова и выражения иностранного языка.

Так, в контексте *На тротуаре стоит маленький рекламный щит с фотографией четы молодоженов: он — в смокинге, она — в умопомрачительном белом платье. Вадим берет под руку одну из девушек, Татьяну, и встает с ней спиной к щиту. — Мы похожи на молодоженов? А? Нет, скажите? По-моему, вылитые. Как там это говорится: «Till death do us Apart», — говорит Вадим торжественным голосом* англоязычную фразу можно логическим путем перевести на русский язык, не обращаясь к словарям. Принимая во внимание, что религиозная свадебная церемония практически не отличается вербальным ритуалом в разных языках мира и заканчивается, как правило, фразой «Пока смерть не разлучит нас», звучащей во всех англоязычных фильмах, описывающих свадебные церемонии, можно с большой вероятностью предположить, что именно она приходит на ум герою при взгляде на фотографию молодоженов. Кроме того, уверенности в адекватности трактовки добавляет при этом введенная автором ремарка «Как там это говорится», что манифестирует каноническое знание описанного церемониала.

Еще более интересным является следующая сразу перспективизация данного контекста: *Хотя правильнее было бы сказать: “Till morning do us Apart...”*. Слово *смерть* заменяется известным словом *утро*, соответственно, появляется окказиональный вариант общеизвестной фразы, применимый исключительно к данному контексту, поскольку герои находятся в ночном клубе и собираются проводить время совместно до утра. Подчеркнем, что дословный перевод предложения *Till morning do us Apart* — «пока утро не разлучит нас» (перевод наш. — А. М.) не даст никакой адекватной информации об условиях коммуникативной ситуации, что еще раз наглядно доказывает утверждение Ч. Филмора о том, что «любая попытка соотнести знание языковых значений со способностью интерпретации текстов неизбежно приведет к признанию важности внеязыковой информации, которая не может

быть инкорпорирована в определение соответствующего слова» [Филмор 1983: 111].

Зачастую сам автор нарочито подчеркивает отсутствие важности перевода иноязычных вкраплений для общего понимания контекста: *Той самой лирической композицией группы «Enigma», которая называется «Sadness» или «Madness», я в этом не очень силен*. Процесс спонтанного семиозиса при отсутствии знаний для перевода лексем не требуется на первый взгляд, так как сам герой не придает значения названной композиции, что дает читателю возможность релятивистской игры значения, нивелируя смысловую разницу похожих по звучанию и графическому оформлению слов. Однако афористичность романа, упомянутая нами в начале работы, наводит на мысль, что процесс трактовки коммуникативной деятельности для понимания концепции изложения в данном случае гораздо сложнее. Коммуникативная дистрибуция знаков *sadness* и *madness* есть не что иное, как мастерски вербализованное эмоциональное нагнетание описываемой ситуации, которая из *меланхолии* превратилась в *безумие* для героя.

Следуя теории релевантности, стоит отметить, что заимствованные аутентичные элементы в анализируемом романе выполняют функцию вербализации *коммуникативного намерения*, успешность реализации которого зависит в том числе и от умения читателя распознать *информационное намерение* говорящего. Кроме того, можно предположить, что английские лексемы и фразы являются текстовыми остенсивными стимулами (термин Д. Спербера и Д. Уилсон [1989]), благодаря которым информативное намерение адресата становится более понятным для реципиента. Таким образом, становится ясным, что адекватная интерпретация иноязычных вкраплений в современном художественном тексте требует не только от автора, но и от реципиента умения организовать процесс семиозиса в когнитивном аспекте: дифференцировать необходимый для трактовки когнитивный контекст и соотнести его с областью известного знания, которая лежит в основе формирования лексического значения данной семантической единицы.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бабкин, А. М. Иноязычные выражения в составе русской фразеологии / А. М. Бабкин. — Текст : непосредственный // Проблемы современной фразеологии. — Москва : Наука, 1965. — С. 11—14.
2. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — 2-е изд. — Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. — 480 с. — Текст : непосредственный.
3. Залевская, А. А. Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межязыкового сопоставления результатов ассоциативных

экспериментов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Залевская А. А. — Ленинград, 1980. — 32 с. — Текст : непосредственный.

4. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учебное пособие / О. С. Иссерс. — 2-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2011. — 224 с. — Текст : непосредственный.

5. Крысин, Л. П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики / Л. П. Крысин. — Текст : непосредственный // Диахроническая социолингвистика. — Москва : Наука, 1993. — С. 131—151.

6. Кубрякова, Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке) / Е. С. Кубрякова. — Текст : непосредственный // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. — 1999. — Т. 58. — № 5—6.

7. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. — Текст : непосредственный // Семиосфера / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство — СПб, 2010. — С. 12—390.

8. Минаев, С. ДУХLESS: Повесть о настоящем человеке / С. Минаев. — URL: <https://e-libra.ru/read/108313-duhless-povest-o-nenastoyaschem-cheloveke.html> (дата обращения: 21.06.2020). — Текст : электронный.

9. Мубаракшина, А. М. Понимание текста с иноязычными вкраплениями: к вопросу о коммуникативных стратегиях (на

материале романа «Духless» Сергея Минаева) / А. М. Мубаракшина. — Текст : непосредственный // Филология и культура. Philology and culture. — 2019. — № 4 (58). — С. 80—87.

10. Нарочная, Е. Б. Иноязычные слова в современной российской публицистике / Е. Б. Нарочная, Г. В. Шевцова. — Текст : непосредственный // Язык и культура. — 2009. — № 4 (8). — С. 84—97.

11. Норлусеня, В. С. Иноязычные вкрапления: современное состояние проблемы / В. С. Норлусеня. — Текст : непосредственный // Вестник Новгородского государственного университета. — 2010. — № 57. — С. 63—66.

12. Попова, Т. Г. Метафора как важный элемент когниции / Т. Г. Попова, Е. В. Саушева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — № 1 (79). — С. 68—72.

13. Филмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филмор. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Радуга, 1983. — Вып. 12 : Прикладная лингвистика. — С. 74—122.

14. Щерба, Л. В. О понятии «смещения языков» / Л. В. Щерба. — Текст : непосредственный // Языковая система и речевая деятельность. — Ленинград, 1974. — С. 60—74.

15. Sperber, D. La pertinence. Communication et cognition / D. Sperber, D. Wilson. — Paris : Ed. du Minuit, 1989. — 250 p. — Text : unmediated.

#### A. M. Mubarakshina

Kazan Federal University, Kazan, Russia

ORCID ID: 0000-0002-2595-1254 

 *E-mail*: [blondy010888@mail.ru](mailto:blondy010888@mail.ru).

## The Role of Cognitive Context in the Semiotic Interpretation of Foreign Inclusions in the Novel “Spiritless” by Sergey Minaev

**ABSTRACT.** *The study is performed within the framework of cognitive linguistics and interpretative semiotics. It analyzes the process of adequate interpretation of English-language inclusions incorporated in the text of the novel “Spiritless” of the popular scandalous Russian writer Sergey Minaev, which are important elements of realization of the general communicative strategy of the author. The analysis focuses on the English words, phrases and sentences, chosen by the method of continuous sampling, the interpretation of which is done by means of semiotic analysis of the cognitive context. The author considers the key communicative tactics (the communicative tactic of definition and description and the contextual communicative tactic). The most significant lexical layer of foreign origin in the novel under analysis refers to the names of famous world brands of clothes, footwear, watches and bags, popular kinds of alcohol, etc. The peculiar feature of use of names of foreign brands by Minaev consists in the emergence of a semantic “superstructure” and emotional coloring in the process of structuring of the paradigmatic connections “foreign – expensive, nice, successful”; “Soviet – stagnant, “sovok”, backward, etc.” The article contains a conclusion that foreign words and phrases are rather difficult for comprehension by the Russian reader, that is why their correct interpretation needs a complex process of matching of conceptual fields of the knowledge obtained as a result of cognitive experience of the reader, the contextual space framing the borrowed element, and the necessary communicative tactic chosen by the writer which facilitates fast functioning of the interpretative mechanisms in the recipient’s mind.*

**KEYWORDS:** *Russian language; Russian writers; literary creative activity; literary genres; novels; English language; fiction texts; fiction discourse; cognitive context; semiotic interpretation; communicative strategies; pragmatic analysis; cognitive linguistics; interpretative semiotics; semiotic analysis.*

**AUTHOR’S INFORMATION:** *Mubarakshina Anastasiya Mikhailovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia.*

**FOR CITATION:** *Mubarakshina, A. M. The Role of Cognitive Context in the Semiotic Interpretation of Foreign Inclusions in the Novel “Spiritless” by Sergey Minaev / A. M. Mubarakshina // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 132-136. — DOI 10.26170/pl20-06-14.*

#### REFERENCES

1. Babkin, A. M. Foreign Language Expressions as Part of Russian Phraseology / A. M. Babkin. — Text : unmediated // Problems of Modern Phraseology. — Moscow : Science, 1965. — P. 11—14. [Inoyazychnye vyrazheniya v sostave russkoy frazeologii / A. M. Babkin. — Tekst : neposredstvennyy // Problemy sovremennoy frazeologii. — Moskva : Nauka, 1965. — S. 11—14]. — (In Rus.)

2. Boldyrev, N. N. Language and knowledge system. Cognitive theory of language. — 2nd ed. — M.: Publishing scrap

YASK, 2019. — 480 p. — Text : unmediated. [Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka. — 2-ye izd. — M.: Izdatel'skiy lom YASK, 2019. — 480 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

3. Zalevskaya, A. A. Psycholinguistic study of the principles of the organization of the human lexicon (on the material of interlingual comparison of the results of associative experiments) : Author’s abstract of Doctoral Thesis... of Dr of Philol. sciences / A. A. Zalevskaya. — Leningrad, 1980. — 32 p. — Text : unmediated. [Psikholingvisticheskoye issledovaniye printsipov organi-

zatsii leksikona cheloveka (na materiale mezh"yazykovogo sopolstavleniya rezul'tatov assotsiativnykh eksperimentov): Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk / A.A. Zalevskaya. — L., 1980. — 32 s. — Tekst : neposredstvennyy].— (In Rus.)

4. Issers, O. S. Speech influence. Study guide. — 2nd ed. — Moscow : Flinta : Science, 2011. — 224 p. — Text : unmediated. [Rechevoye vozdeystviye Uchebnoye posobiye / O.S. Issers. — 2-ye izd. — M.: Flinta: Nauka, 2011. — 224 s. — Tekst : neposredstvennyy].— (In Rus.)

5. Krysin, L. P. Linguistic borrowing as a problem of diachronic sociolinguistics / L. P. Krysin. — Text : unmediated // Diachronic sociolinguistics. — Moscow : Science, 1993. — P. 131—151. [Yazykovoe zaimstvovanie kak problema diakhronicheskoy sotsiolingvistiki / L. P. Krysin. — Tekst : neposredstvennyy // Diakhronicheskaya sotsiolingvistika. — Moskva : Nauka, 1993. — S. 131—151]. — (In Rus.)

6. Kubryakova, E. S. Semantics in cognitive linguistics (about the concept of a container and the forms of its objectification in language) / E. S. Kubryakova. — Text : unmediated // Izvestiya AN. SLIA. — 1999. — Volume 58. — No. 5—6. [Semantika v kognitivnoy lingvistike (o kontsepte konteynera i formakh yego ob"yektivizatsii v yazyke) / Ye.S. Kubryakova. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya AN. SLYA. — 1999. — T. 58. — № 5—6]. — (In Rus.)

7. Lotman, Yu. M. Culture and explosion. Inside thinking worlds / Yu. M. Lotman. — Text : unmediated // Yu. M. Lotman. Semiosphere. — SPb.: "Art — SPB", 2010. — P. 12—390. [Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov / YU.M. Lotman. — Tekst : neposredstvennyy // YU.M. Lotman. Semiosfera. — SPb.: «Iskusstvo — SPB», 2010. — S. 12—390.] — (In Rus.)

8. Minaev, S. DUKHLESS: A Story about a Fake Man [DUKHLESS: Povest' o nenastoyaschem cheloveke / S. Minaev. — Tekst: elektronnyy]. — URL: <https://e-libra.ru/read/108313-duhless-povest-o-nenastoyaschem-cheloveke.html> (date of access: 21.06.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

9. Mubarakshina, A. M. Understanding the text with foreign language inclusions: on the issue of communicative strategies (based on the novel "Duhless" by Sergei Minaev) / A. M. Mubarakshina. — Text : unmediated // Philology and Culture. Philology and culture. — 2019. — No. 4 (58). — P. 80—87. [Ponima-

niye teksta s inoyazychnymi vkrapleniyami: k voprosu o kommunikativnykh strategiyakh (na materiale romana «Dukhless» Sergeya Minayeva) / A.M. Mubarakshina. — Tekst : neposredstvennyy // Filologiya i kul'tura. Philology and culture. — 2019. — № 4 (58). — S. 80-87]. — (In Rus.)

10. Narochnaya, E. B. Foreign words in modern Russian publicism / E. B. Narochnaya, G. V. Shevtsova. — Text : unmediated // Language and culture. — 2009. — No. 4 (8). — P. 84—97. [Inoyazychnye slova v sovremennoy rossiyskoy publitsistike / E. B. Narochnaya, G. V. Shevtsova. — Tekst : neposredstvennyy // Yazyk i kul'tura. — 2009. — № 4 (8). — S. 84—97]. — (In Rus.)

11. Norlusenyan, V. S. Foreign language inclusions: current state of the problem / V. S. Norlusenyan. — Text : unmediated // Bulletin of the Novgorod State University. — 2010. — No. 57. — P. 63—66. [Inoyazychnye vkrapleniya: sovremennoe sostoyanie problemy / V. S. Norlusenyan. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 57. — S. 63—66]. — (In Rus.)

12. Popova, T. G. Metaphor as an important element of cognition / T. G. Popova, E. V. Sausheva. — Text: unmediated // Political linguistics. — 2020. — № 1 (79). — P. 68—72. [Metafora kak vazhnyy element kognitsii / T. G. Popova, Ye. V. Sausheva. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2020. — № 1 (79). — S. 68-72]. — (In Rus.)

13. Fillmore, Ch. Main problems of lexical semantics // New in foreign linguistics. Issue 12. Applied linguistics. — Moscow : Raduga, 1983. — P. 74—122. — Text: unmediated. [Osnovnyye problemy leksicheskoy semantiki / Ch. Fillmore // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp.12. Prikladnaya lingvistika. — M.: Raduga, 1983. — S.74-122. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Shcherba, L. V. On the concept of "mixing of languages" / L. V. Shcherba. — Text: unmediated // Language system and speech activity. — Leningrad, 1974. — P. 60—74. [O ponyatii «mesheniya yazykov» / L. V. Shcherba. — Tekst : neposredstvennyy // Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. — Leningrad, 1974. — S. 60—74]. — (In Rus.)

15. Sperber, D. La pertinence. Communication et cognition / D. Sperber, D. Wilson. — Paris : Ed. du Minuit, 1989. — 250 p. — Text : unmediated.

**О. Б. Пономарева**Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия  
ORCID ID: 0000-0003-1707-6629  **E-mail:** obponomareva@list.ru.**Семантическая и стилистическая вариативность процессов семантической деривации в русской и английской политической лексике**

**АННОТАЦИЯ.** В статье предлагается когнитивно-дискурсивный анализ лингвокогнитивных моделей семантической деривации в политической картине мира на материале англо- и русскоязычных дериватов, полученных методом сплошной выборки из еженедельных английских и американских газет: «The Washington Times», «The Washington Post», «The News&Observer», «The Guardian» — и русских политических газет: «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Трудовая Тюмень» (общее количество страниц — 3000). В качестве рабочего материала использовались тексты следующих жанров: аналитические статьи, передовые статьи, информационные заметки, интервью, колонки новостей. Наряду с лингвостилистическим анализом и компонентным анализом, использовался метод лингвокогнитивного моделирования. Процессы семантической деривации, характерные для политической лексики, в том числе и метафорическое переосмысление, основаны на механизмах тождественности. Когнитивная теория метафоры сводится к тезису о том, что в процессе метафоризации взаимодействуют две структуры знаний: когнитивная структура «источника» и когнитивная структура «цели». В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, т. е. происходит «метафорическая проекция». Средства массовой информации активно используют метафору для построения картины мира в политической сфере. В сфере массовой информации она является способом формирования представлений, реагируя на происходящие в обществе социальные перемены, образно интерпретирует политическую действительность. Цель данной статьи — выявить основные лингвокогнитивные модели семантической деривации в политической, постоянно меняющейся картине мира. В результате анализа основных процессов семантической деривации в англоязычной и русскоязычной политической лексике установлены наиболее общие и характерные для человеческого мышления когнитивные модели, использующие явления природы, предметы человеческой деятельности. Ряд специфических когнитивных моделей семантической деривации характеризуют менталитет и политическую картину в России и в англоязычных странах.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** журналистика; медиалингвистика; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; языковые средства; политический дискурс; политическая коммуникация; язык СМИ; английский язык; русский язык; британские СМИ; американские СМИ; русские СМИ; семантическая деривация; дискурс-анализ; лингвокогнитивные модели; когнитивная лингвистика; политическая лексика.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Пономарева Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет; 625003, Россия, г. Тюмень ул. Володарского, 6; e-mail: obponomareva@list.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Пономарева, О. Б. Семантическая и стилистическая вариативность процессов семантической деривации в русской и английской политической лексике / О. Б. Пономарева // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 137-149. — DOI 10.26170/pl20-06-15.

**1. ВВЕДЕНИЕ**

Метафорическая картина политического мира достаточно антропоцентрична и в то же время обладает своей национальной спецификой: создаваемые образы имеют национальные корни, а также соответствуют политическим пристрастиям отдельных группировок и настроениям всего общества. Политический язык отражает существующую политическую реальность. Средства массовой информации активно используют метафору для построения картины мира в политической сфере. В области массовой коммуникации метафора служит способом формирования представлений, реагируя на происходящие в обществе социальные перемены,

образно интерпретирует политическую действительность. Цель данной статьи — выявить основные лингвокогнитивные модели семантической деривации в политической, постоянно меняющейся картине мира.

Материалом для исследования послужили 186 английских и 150 русских семантических дериватов, полученных методом сплошной выборки из еженедельных английских и американских газет: «The Washington Times», «The Washington Post», «The News&Observer», «The Guardian» — и русских политических газет: «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Трудовая Тюмень» (общее количество 3000 стр.). В качестве рабочего материала использована

лись тексты следующих жанров: аналитические статьи, передовые статьи, информационные заметки, интервью, колонки новостей. Наряду с лингвостилистическим и компонентным анализом, использовался метод лингвокогнитивного моделирования. В политической лексике особенно ярко проявляется антропоцентризм человеческого мышления, поскольку метафора используется как механизм когнитивной обработки информации, связанной с новыми понятиями в сфере инноваций в науке, новых технологиях и в политической жизни. Универсальные понятия тождеств и различий, лежащие в структуре языка, распространяются и на процесс осмысления окружающей нас действительности в политическом лексиконе.

## 2. ПРОЦЕССЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ, ХАРАКТЕРНЫЕ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Современная лингвистика ориентирована на когнитивное, концептуальное осмысление быстро изменяющегося мира. Неиссякаемым источником возникающих в языке инноваций является «метод метафорической экспансии» [Молчанова 2002]. Антропоцентризм человеческого мышления проявляется в том, что метафора используется как механизм когнитивной обработки информации, связанной с новыми понятиями в сфере инноваций в науке, новых технологиях и в политической жизни. Универсальные понятия тождеств и различий, лежащие в структуре языка, распространяются и на процесс осмысления окружающей нас действительности. Прототипический характер тождеств связан с особенностью обыденного сознания и принимаемой им модели мира, в которой вещь первична по отношению к признакам и свойствам, существующим лишь как абстрактные предметы мысли. Одна и та же вещь может входить в несколько тождеств по разным основаниям, которые иногда вступают в конфликт друг с другом [Никитин 2002: 122].

Процессы семантической деривации, характерные для политической лексики, в том числе и метафорическое переосмысление, также основаны на механизмах тождественности. Когнитивная теория метафоры сводится к тезису о том, что в процессе метафоризации взаимодействуют две структуры знаний: когнитивная структура «источника» и когнитивная структура «цели». В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, т. е. происходит «метафорическая проекция». Тезис о повторении структуры источника в структуре цели получил название «гипотезы

инвариативности» [Lakoff 1990: 54; Баранов 2003: 75]. Вместе с тем, говоря о метафорической проекции, Дж. Лакофф вводит тезис о ее однонаправленности, что противоречит многочисленным моделям-вариантам, реализованным в политической лексике. Так, если проследить развитие значений слова **bagman**, то в политической лексической подсистеме оно имеет следующие дефиниции: 1) посредник во взятке, человек, передающий взятку в политических кругах; 2) офицер, всюду сопровождающий президента. Он носит специальный чемоданчик с кодом, с помощью которого можно начать ядерную войну [DNWM]. В общем толковом словаре это слово означает «торговец, коммивояжер». Вместе с тем источником метафоризации является полисемное слово *bag*, у которого имеется более 10 значений. Основное значение «сумка, мешок, чемодан» проецируется на конкретное лицо, которое отвечает за ядерный чемоданчик в общей прототипической словообразовательной модели  $N + N = N$ , метафорически его переосмысливая. Более сложное проектирование можно выявить в первом значении «посредник по взятке» или «человек, передающий взятку в политических кругах» — от нескольких значений первого компонента: «богатство», «проститутка», «дипломатическая почта», в основе которых также содержится общий компонент первого значения «мешок». С точки зрения семантической деривации прослеживается последовательное развитие интенционала или основного ядра лексического значения слова *bag*, в котором реализуются дополнительные созначения импликационала в определенном политическом контексте. Поэтому семантическая вариативность определяется контекстной сочетаемостью полисемного слова и его синтагматическими связями. Например: *Illinois congressman A.F. described Phillips as a bagman in environmental racket but refused to repeat the libel when the Senate committee took up the EPA case* [International Herald Tribune, February 25, 1983].

Перенос или проектирование значения осуществляется в рамках прототипической модели от «предмета» к «человеку, имеющему отношение к этому предмету». В русской политической лексике: *Не лучше ли всем костылям собраться и так Лисе накостылять, что власти лис не удержаться?* (Трудовая Тюмень. 2005. № 10; далее ТТ).

Другая прототипическая модель развития значений в процессе метафоризации — «конкретный предмет» и «абстрактное понятие»; в ее основе лежит проектирование

функций конкретного предмета на действия политических деятелей, сходные с действиями, производимыми конкретным предметом. Примером такой модели может быть слово **boomerang** — бумеранг, приобретающее несколько значений в политическом контексте: 1) обратный эффект; 2) политическое заявление или политика, имеющие неожиданный (чаще всего отрицательный) результат для их инициатора; 3) катастрофическая реакция, грубая ошибка. Например: *The louder Carter has shouted, the more his staff was worried about his assaults on Reagan boomeranging* [DNWM]. Во всех семантических вариантах развития значений отмечается общность функции или действия бумеранга, основанная на отрицательном эффекте для того, кто его запускает в прямом или переносном смысле.

В русской политической лексике: „**кошелек, кнут и ключ от клетки**“ — атрибуты власти (ТТ. 2005. № 27). Предметное значение источника: *кошелек, кнут и ключ* процедируется на политические цели, в которых используются такие символы власти, как *деньги (кошелек), насилие (кнут) и ключ от клетки (заключение, тюрьма)*.

Широко используются в политической лексике и экономические термины, приобретающие новые значения, связанные с политической и часто коррупционной деятельностью того или иного политического деятеля. Так, слово **contract** может иметь значения: 1) договоренность о политической и деловой услуге, обещание; 2) (редко) взятка (DNWM). Например: *Contract is now used as a legitimate promise to perform, with no bribe implied. A contract is not a “deal”; a deal clearly implies a two-way transaction, while contract is merely an assignment accepted with no specific return favour demanded* [W. Safire. “Safire’s Political Dictionary”].

В процессе семантической деривации происходит актуализация импликационала и переход сем, содержащихся в нем, в интенционал деривата. В этом процессе именно политический контекст определяет выбор той или иной семы импликационала слова-источника.

Так, в самом слове **politicization** появляется дополнительное значение 2) «обучение таким качествам, как осторожность, сдержанность, благоразумие, вежливость». Например: *People who would be very polite to each other meeting face to face in a doorway will turn into aggressive idiots behind the wheel. The solution: “To complement the big Es (engineering, enforcement, education) with two big Ps — personalization and politicization”* [DNWM]. В русской политической лексике:

**Обокрала! Не платите вымогателям!** — о деятельности ТРИЦ (ТТ. 2005. № 10) с метафорическим использованием воровской лексики по отношению к местной власти.

Одной из самых активных прототипических моделей семантической деривации в политической сфере коммуникации является использование богатейшего ассоциативного фона (импликационала) **имен собственных** (топонимов и антропонимов). Актуализация импликационала определяется условиями политического дискурса и вызывает появление разнообразных **семантических вариантов** в процессе **семантической деривации**. Например, **Camelot**, легендарный город, где жили рыцари Круглого стола, приобрел переносное (метафорическое) значение более широкой семантики: **время или место славных деяний, легендарное, славное время**. В политическом контексте в последнее время часто употребляется по отношению к **администрации Кеннеди**, иногда с ироническими коннотациями, но вместе с тем с подчеркиванием исторической роли Кеннеди и его окружения. Создается определенный миф о группе молодых, мужественных, красивых, высокообразованных блестящих людей с Кеннеди во главе, которые стремились к высоким идеалам на благо нации и всего мира. *Among themselves, Carter strategists argued optimistically that the old romance of Camelot would play badly in the harsh climate of the 1980s* [Newsweek, Sept. 24, 1979; DNWM].

Зачастую топонимы, связанные с важными политическими событиями мирового масштаба или имеющие широкую известность, варьируются с рядом субстантивов, становясь политическими клише. Так, **Camp David** — не только уединенная резиденция президентов США в горах, но и соглашение между США, Израилем и Египтом; **Madison Avenue**, улица в Нью-Йорке, где сосредоточены основные рекламные агентства, приобрела дополнительное неодобрительное значение: лживая, хорошо сработанная реклама с такими атрибутивными клише, как *Madison Avenue techniques, MA functions, MA notion, etc. “Madison Avenue techniques can be startlingly successful to politics”* [Time, June 14, 1982; DNWM]. Таким же ярким примером являются субстантивы **Off-Broadway** и **Off-off-Broadway**, получившие значения «экспериментальный театр» и «крайне авангардистский театр», связанные с театральной деятельностью в небольших театрах нового некоммерческого направления, расположенных вокруг главной улицы Нью-Йорка с разветвленной сетью коммерческих театров. Менее известен топоним **Foggy**

**Bottom** — земельный участок в низине, где расположены здания Государственного департамента. Впоследствии характеристика «туманный» (*Foggy*) стала восприниматься как намек на туманность заявлений и политики Государственного департамента США. *The Takeover of Radio Free Europe by USI, which in turn takes its cues from Foggy Bottom, is an affront to diversity, a misconception of roles and a surrender to complacency* [International Herald Tribune, July 2, 1991; DNWM]. Сравним в русской сленговой лексике: *Бастилия* — *главное (высотное) здание МГУ в Москве* [МС 40]. Статья с заголовком в «Трудовой Тюмени» № 47, 2005 «Руки прочь от *Красного Некрополя*», посвященная попыткам перезахоронить тело В. И. Ленина, также использует метафорическое название мавзолея на Красной площади.

Не менее интересными являются процессы семантической деривации имен собственных (антропонимов), также широко используемых в политической лексике. Так, на основе литературной аллюзии имя **Yahoo**, *n*, использованное Джонатаном Свифтом в романе «Приключения Гулливера», получило обобщенное значение «жестокый, грубый политик» и «мракобес, крайний реакционер»: *In 1970 a reader of the Washington Post wrote the editor: "Justice Douglas makes a perfect target for the know-nothing over-running Washington... The Yahoos are on the loose. Who is to stop them?"* [W. Safire. "Safire's Political Dictionary"; DNWM]. Имя английского писателя Дж. Оруэлла используется в структурно-семантических дериватах **Orwellian**, **Orwellism** в ряде значений политического характера, реализуя авторские аллюзии и ассоциативный фон произведений писателя, критикующего ряд тоталитарных режимов: *adj.* 1) характерное для произведений Дж. Оруэлла; 2) манипулирующий фактами, искажающий факты для пропаганды, лживый, чисто пропагандистский; 3) тоталитарный; *n.* манипуляция фактами или их искажение. *A fashionable, almost Orwellian vision of the 1990s sees the world divided into three giant, warring blocs: North America, Europe and Eastern Asia. Unlike Orwell's superstates, which constantly waged conventional warfare, today's emerging blocs would battle with trade and economic weapons* [International Herald Tribune, Jan. 31, 1989; DNWM].

Деривационная модель на базе имени собственного Samuel A. **Maverick** (1803-70) — *Texas rancher, who did not brand his cattle* (Collins) — включает ряд значений, основанных на метафорических переносах от имени человека к животному: 1) *an unbranded animal, esp. a stray calf*; далее к человеку, бро-

сающему вызов общему мнению: 2) индивидуалист, «белая ворона», человек, идущий против течения; далее — к человеку, проявляющему независимость политических взглядов: 3) бунтовщик; 4) независимый; 5) выступающий против течения своей партии. Содержащийся в импликационале концепт вызова, несогласия с общепринятыми традициями и устоями реализуется в различных контекстах в соответствии с проектируемой целью высказывания. *Weicker, a maverick, plans to battle for his seat next fall come what may* [Newsweek, January 25, 1982]. Ср. в русской политической лексике: «политический **Чикатилло**», «**Егор-буржуин**» — о политических деятелях новой России [Чудинов 2001: 193], **Муромцы**, **Поповичи**: «*Пробуждайтесь, Муромцы! Встаньте в строй, Поповичи! Встань, народ поруганный! Из России-матушки бесов изгони!*» *Какая польза народу принесена миллиардерами типа **Абрамовичей**, **Березовских** и прочей компанией?* (ТТ. 2005. № 41).

Семантическая деривация активно вовлекает сложные метонимико-метафорические ассоциативные переносы, проектируя различные компоненты интенционала или импликационала в тот или иной дериват политического дискурса.

Так, характеристика внешности в сложном слове **redneck** превратилась в уничижительную характеристику жителей южных штатов США: «неотесанный невежда, деревенщина» (метонимический перенос); а далее развилось метафорическое значение, ассоциируемое с южанами как сторонниками сегрегации и расизма. Например: *Trying to make the point that US had not engaged in a maneuver designed to placate both Britain and Argentine, the author (Roy Blount Jr) sensed a sort of redneck renaissance in the making* [Time, October 20, 1980; DNWM].

Сравним словосочетание **black hats** (часто ирон.) «злодеи, негодяи» с дериватом **white hat**, имеющим значения 1) положительный персонаж, герой; хороший парень (метонимический перенос) — по аналогии с героями вестернов, где положительные герои носят белые шляпы, а отрицательные — черные; 2) либерально настроенное лицо в администрации. Во втором значении метонимический перенос приобретает несколько иронический оттенок: *The users are conscious of the satire implicit in its usage; in the real world of political compromise, few hats are all-white* [W. Safire. "Safire's Political Dictionary"; DNWM]. В русской политической лексике: *Смена была осуществлена без „оранжевых шарфов“, но с участием самого Ельцина* (ТТ. 2005. № 24), где «оранжевые

шарфы» являют собой метонимическую проекцию на политическую власть и ее символику на Украине.

Следует отметить широкое использование мира природы как источника **семантической деривации** в политической лексике. Фитоморфная и зооморфная метафоры отражают свойство человека ощущать себя частью окружающей природы, перенося некоторые свойства и характеристики животных и растений на деятельность человека вообще и политическую деятельность в частности. Например, традиционно негативное отношение к ястребу в сознании людей как к агрессивной птице, нападающей на птенцов, нашло отражение в метафорических значениях 1) «ястреб», сторонник решения спорных вопросов военным путем; 2) сторонник жестких мер: *Carter proposed boosting real defense spending by 5% a year, but GOP hawks want 7%* [Newsweek, Jan. 19, 1981, DNWM]; *Don't the administration's hawks know this?* [The News & Observer, July 13, 2004]. Соответственно прилагательное **hawkish** имеет значения *ястребинный, воинственный, воинствующий, считающий войну единственным способом разрешения споров* [DNWM]. В русской политической лексике находим полное соответствие когнитивных процессов в таких политических метафорах-клише, как «ястреб холодной войны» по отношению к политическим деятелям типа Трумэна, Даллеса, Черчилля и др. Напротив, другая птица — голубь в большинстве языков символизирует мирное решение конфликтов, отсюда политическое клише в русском языке: **голубь мира** и такое же значение в английской политической лексике: *In this debate I was in lonely position. I was a hawk on defense and a dove on SALT, earning opponents on both sides. I was convinced we had to strengthen conventional forces. But I also saw an important role for SALT in our national security policy* [Y. Kissinger. «Years of upheaval»; DNWM]. Ср. в русской политической лексике: «ведьмы Боннер и Гербер», «неугомонные жабы Старовойтова и Новодворская» (примеры А. П. Чудинова [Чудинов 2001: 191]). **Колорадские жуки пожирают наши мизерные зарплаты и пенсии** — о городских властях (ТТ. 2005. № 26).

Особенности национального менталитета проявляются в таком метафорическом политическом клише, как **lame duck**, имеющем в английском языке следующие значения: 1) лицо или страна, утратившее прежнее влияние; 2) банкрот, 3) attr. Бывший, ущербный, утративший прежнее влияние [DNWM]. Как правило, выражение относится к политическому деятелю, завершающему

свое пребывание на данном посту, а поэтому уже не имеющему влияния, или к президенту (члену конгресса), завершающему второй срок. Например: *...From the moment of his nomination de la Madrid is the virtual king of Mexican politics and Lopes Pottilo is a lame duck* [Newsweek, Oct. 5, 1981; DNWM]. В русской политической лексике **утка** метафорически используется в значении «ложь, обман» в таких клише, как «пустить утку», т. е. распространить неверный, ложный слух. Ср.: *Движение „Медведь“: „медвежья болезнь“, „медвежата“, „идущие на медведя собаки“* — о политиках той или иной партии; *„ящерицы буржуазии“, „соловей, мой соловей!“* — о лживом политике: *«Соловей, может быть, и новый, а песнито уже знакомые»; «Объединенная оппозиция в составе лебедя, рака и щуки вполне устраивает действующую власть»* [ТТ. 2005. № 27, 41, 26, 24].

Интересным является и использование фитоморфной метафоры, т. е. перенос характеристик растений на человека. Так, **magnolia, n** — цветущее дерево, являющееся символом южных американских штатов, название которого используется в различных политических контекстах, подразумевая южанина-джентльмена, с одобрительной оценочной коннотацией по отношению к мягкому «южному» обаянию при ведении политических дел. В других политических контекстах эта метафора может приобретать отрицательную оценку. Например, **magnolia talk / magnolia mafia**: «Unfriendly writers referred to Rosalynn Carter as “the steel magnolia”. *“Life” magazine wrote in 1956 about L.B. Johnson of Texas: “He has little support in organized labour. He smells of magnolias, i.e. is a southerner”* [W. Safire. “Safire’s Political Dictionary”]. Зачастую такие политические метафоры отражают также различия в менталитете южных и северных штатов. Например, **cone pone** — 1) кукурузная лепешка, кукурузный хлеб; 2) простой парень с Юга; 3) свой, доступный человек; 4) что-то старомодное, банальное, псевдонародное. Во время избирательных кампаний в США это выражение стало символом простоты, скромности, доступности кандидата в южных штатах. На севере США оно воспринимается как отрицательное с оттенком слащавости, фальши. *In 1966 Lindon Johnson named his campaign train, which did so much to hold the South for the Kennedy-Johnson ticket “The Cone Pone Special”* [W. Safire. “Safire’s Political Dictionary”; DNWM]. Ср. в русской политической лексике о политической партии «Яблоко»: «недалеко падающее от яблони яблоко», «яблочная начинка» [Чудинов 2001: 202].

Использование субстандартной, чаще криминальной лексики является характерной чертой современного политического дискурса как в английском, так и в русском языках. Из американского жаргона в политическую лексику перешел семантический дериват **zap**, *v.*: 1) застрелить, убить; 2) разбить, нанести поражение; 3) исключить; 4) расправиться; 5) быстро сделать что-то; 6) мчаться, лететь; 7) нанести внезапный удар, ошарашить, ошеломить; 8) нападать (в прямом и переносном смысле). Из множества значений глагола в субstantиве реализовались следующие: 1) жизненная сила; 2) стычка, столкновение, конфронтация, нападение [DNWM]. *Despite six zaps, New York Mayor Lindsay has consistently refused to meet with any representatives of the constituency* [Saturday Review, Feb. 12, 1972]. Подчеркивается агрессивность атак на политического противника на основе метафорического переноса физического уничтожения человека на его уничтожение в моральном и политическом смысле. Аналогичные явления отмечаются и в русской политической лексике в таких словах, как **разборка**, **наезд**, **мочить**, **знять** и других, заимствованных из уголовного и тюремного жаргона, например: *Горбачева замочили* [ТТ. 2005. № 44].

Довольно распространенными являются модели семантической деривации, использующие экспрессивно-эмоциональный и, как правило, пейоративный интенционал субстандартной (сленговой и жаргонной) лексики в различных политических контекстах. Так, **buzzword**, *n.* из жаргона определенной социальной группы, где означало слухи, сплетни, перешло в политическую лексику в значении «яркое, броское слово или лозунг, способный произвести впечатление»: *What the Democratic Party needs, Hayden and other insist, is a new buzzword, something to rival the clarity and appeal of Kemp-Roth bill* [Newsweek, Aug. 18, 1980; DNWM]. В русской политической лексике: *Кто скомандовал „Фас“?* [ТТ. 2005. № 10].

Разговорное выражение звукоподражательного характера **flip-flop**, *n.* «хлопающие звуки, сальто-мортале, качели» в политическом контексте используется в значении «резкий поворот, полное изменение (пози-

ции, политики, взглядов и т. п.), поворот на 180°». *Trying to make the point that US had not engaged in a maneuver designed to placate both Britain and Argentine, White House spokesman Larry Speakes said: “This does not indicate any change in our basic position. Still the embarrassing flip-flop was hardly an impressive show of US resolve”* [Time, June 14, 1982]; *The President denied making a flip-flop. He said he simply forgot his earlier position* [SAS].

Из негритянского жаргона в политическую лексику перешло слово **Man, the Man**: 1) белый, общество белых; 2) истеблишмент, дядюшка Сэм; 3) полицейский, полиция, — отражающее отголоски дискриминации во взаимоотношениях белого и цветного населения, отношение к белым как олицетворению подавления и насилия, связанного с полицией. *The Man systematically killed your language, killed your culture, tried to kill your soul, tried to blot you out* [Calvin Marshall. “The Black Church: Three Views”; DNWM]. Из жаргона индейцев в политическую лексику пришел семантический дериват **powwow**, означавший первоначально «знахарь, колдун», затем «собрание» (у индейцев), затем «совещание партийных боссов»: *...Today, political leadership meetings are frequently termed “powwows”* [W. Safire. “Safire’s Political Dictionary”; DNWM]. Это также яркий пример влияния индейского менталитета, ассоциирующего совещания белого населения со знахарскими ритуальными собраниями в их субкультуре.

### 3. КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Когнитивное пространство русского и американского политического дискурса можно условно представить в виде когнитивно-ассоциативных моделей и схем семантической деривации, отражающих способы и механизмы категоризации и концептуализации политической и общественной жизни.

Обобщим полученные когнитивные модели американской и русской политической лексики в таблице.

Таблица

Когнитивные модели семантической деривации из сферы-источника в сферу-цель в английской и русской политической лексике

Когнитивная модель, сфера источника — сфера цели	Семантические дериваты	
	в английском языке	в русском языке
Человек (части тела) → человек (политический деятель, власть) — метонимическая модель	<p><i>Man, the Man</i> — 1) белый, общество белых, 2) дядюшка Сэм, 3) полицейский, полиция; <i>The Man systematically killed your language, killed your culture, tried to kill your soul, tried to blot you out</i> [Calvin Marshall. "The Black Church: Three Views"; DNWM].</p> <p>Человек — общество белых.  <i>Redneck</i> — «деревенщина» — сторонник расизма.</p>	<p><i>Из-за спины Бояркина выглядывают огромные уши правящего в России буржуазного режима...</i> (ТТ. 2005. № 25).</p> <p>Уши человека — часть режима (метафоро-метонимическая модель).</p> <p><i>Попа</i> — «Кому нужна такая ПО-Па?, — (Попсово-Олигархическая Палата) — об Общественной палате (ТТ. 2005. № 1).</p>
Животное (птица, насекомое) → человек (власть) — метафорическая модель	<p><i>A hawk</i> — «ястреб», сторонник холодной войны, жестких мер: <i>Don't the administration's hawks know this?</i> [The News &amp; Observer, July 13, 2004].</p> <p><i>A dove</i> — «голубь мира»,  <i>a lame duck</i> — политический банкрот, президент, у которого заканчивается срок правления.</p>	<p><i>Ястреб холодной войны, голубь мира, утка</i> («пустить утку») — неверный слух, ящерицы буржуазии.</p> <p><i>соловей, мой соловей!</i> — о лживом политике: <i>Соловей, может быть, и новый, а песни-то уже знакомые</i> (ТТ. 2005. № 41).</p> <p><i>Медведь, медвежья болезнь, медвежья лапа ЖК, медвежата: «Медвежий мятеж — Единая Россия имитирует ссору с правительством»</i> (ТТ. 2005. № 27), <i>собаки</i> — о политиках той или иной партии. ...<i>Объединенная оппозиция в составе лебедя, рака и щуки вполне устраивает действующую власть</i> (ТТ. 2005. № 24); <i>колорадские жуки пожирают наши мизерные зарплаты и пенсии</i> — о городских властях (ТТ. 2005. № 26).</p> <p><i>Саранча: Никто эту прожорливую саранчу урезонить не может и не желает</i> (ТТ. 2006. № 46).</p>
Растение (цветы, овощи, фрукты) → человек (политик, политическая партия) — метафорическая модель	<p><i>Magnolia</i> — 1) южанин-джентльмен, 2) жесткий политик: <i>He has little support in organized labour. He smells of magnolias, i.e. is a southerner</i> [W. Safire. "Safire's Political Dictionary"].</p>	<p><i>Яблоко: «Недалеко падающее от яблони яблоко»</i>; <i>яблочная начинка</i> — о политиках той или иной партии и их политике.</p> <p><i>Яблоко</i> — символ партии Г. Явлинского.</p>
Механизм (предмет) → человек (во власти, власть) — сужение, специализация, метафорическая модель	<p><i>Bag</i> — <i>bagman</i></p> <p>1. коммивояжер;  2. посредник, передающий взятку в политических кругах;  3. офицер с ядерным чемоданчиком, сопровождающий президента <i>Illinois congressman A.F. described Phillips as a bagman in environmental racket but refused to repeat the libel when the Senate committee took up the EPA case</i> [International Herald Tribune, February 25, 1983].</p>	<p><i>Те, у кого в руках кошелек, кнут и ключ от клетки, делают вид, что, что пугаются медвежьего рева</i> (ТТ. 2005. № 27) — метафорическая модель.</p>

Когнитивная модель, сфера источника — сфера цели	Семантические дериваты	
	в английском языке	в русском языке
Конкретный предмет — > абстрактное понятие (власть) — метафорическая модель	<i>Boomerang</i> 1) обратный эффект; 2) политика (политическое заявление) с неожиданным эффектом для их инициатора: <i>The louder Carter has shouted, the more his staff was worried about his assaults on Reagan boomeranging</i> [DNWM].	<i>кошелек, кнут и ключ от клетки</i> — атрибуты власти (ТТ. 2005. № 27). <i>Не лучше ли всем костылям собраться, и так Лисе накостылять, что власти лис не удержаться?</i> (ТТ. 2005. № 10). <i>Со всей России грязь и мразь в единую партийку собралась... лишь бы остаться у корыта</i> (ТТ. 2005. № 10). <i>Веревка на шее: Веревку на свою шею олигархи и чиновники готовят сами себе</i> (ТТ. 2006. № 46). <i>Веревка-смерть</i> — метонимическая модель. <i>Выворачивать карманы</i> — повысить цены: <i>Как коммунальная система выворачивает карманы у населения</i> (ТТ. 2005. № 46).
Человек (имя собственное) —> человек (политический деятель) — метонимическая модель (антономазия)	<i>Yahoo</i> — «жестокый, грубый политик, мракобес, крайний реакционер», <i>Orwellian, Orwellism</i> . <i>Samuel A. Maverick</i> — 1) индивидуалист, 2) бунтовщик, 3) независимый, выступающий против своей партии.	Политический <i>Чикатилло, Егорбуржуин, Муромцы, Поповичи</i> : « <i>Пробуждайтесь, Муромцы! Встаньте в строй, Поповичи! Встань, народ поруганный! Из России-матушки бесов изгони</i> »; « <i>Коммунист Тюлькин против политических власовцев</i> » (ТТ. 2005. № 42). <i>Какая польза народу принесена миллиардерами типа абрамовичей, березовских и прочей компанией?</i> (ТТ. 2005. № 41). <i>Мы для Запада такие же чингачуки, только белые</i> (ТТ. 2005. № 27); <i>Сатана</i> попутал (ТТ. 2005. № 1). <i>Нынешние Нероны хуже библейского Иуды</i> — о политиках у власти (ТТ. 2005. № 47).
Топоним —> политическая реалья — метафорическая модель (аллюзия)	<i>Camelot</i> — администрация Кеннеди, « <i>Among themselves, Carter strategists argued optimistically that the old romance of Camelot would play badly in the harsh climate of the 1980s</i> [Newsweek, Sept. 24, 1979; DNWM]. <i>Camp David, Off-Broadway, Off-Off-Broadway</i> ; <i>Madison Avenue</i> — лживая, хорошо сработанная пропаганда; <i>Foggy Bottom</i> — «туманная» политика департамента США.	<i>Вавилон</i> — молодежная группа, <i>Бастилия</i> — высотное здание МГУ.

Когнитивная модель, сфера источника — сфера цели	Семантические дериваты	
	в английском языке	в русском языке
Одежда → человек (политик) — метонимическая модель	<i>Black hats</i> — «злодеи, негодяи» — политики-коррупционеры; <i>white hats</i> — либерально настроенные политики, администрация, <i>redneck</i> — «деревенщина» — сторонник расизма. <i>The users are conscious of the satire implicit in its usage; in the real world of political compromise, few hats are all-white</i> [W. Safire. "Safire's Political Dictionary"; DNWM].	Смена была осуществлена без „оранжевых шарфов“, но с участием самого Ельцина (ТТ. 2005. № 24).
Продукт питания → человек (политик) — метафорическая модель. Физиологическое действие → политическое действие	<i>Cone pone</i> — 1) кукурузная лепешка, 2) простой парень с Юга, 3) свой человек, доступный политик, 4) псевдонародный, банальный политик, популист. <i>In 1966 Lindon Johnson named his campaign train, which did so much to hold the South for the Kennedy-Johnson ticket "The Cone Pone Special"</i> [W. Safire. "Safire's Political Dictionary"; DNWM].	Это будет уникальный случай, когда одна палата съест другую [Чудинов 2001: 64].
Экономическая деятельность → политическая деятельность — специализация (сужение)	<i>Contract</i> — 1) договоренность о политической услуге, 2) взятка (DNWM) <i>Contract is now used as a legitimate promise to perform, with no bribe implied. A contract is not a "deal"; a deal clearly implies a two-way transaction, while contract is merely an assignment accepted with no specific return favour demande</i> [W. Safire. "Safire's Political Dictionary"].	Не плати <b>вымогателям!</b> — о деятельности ТРИЦ.
Игра → политическая игра. Политик → игрок — специализация	<i>Matthew Down, a Bush campaign strategist, said the Kerry ads are late in the game</i> (The Washington Times, July 13, 2004).	<b>Лохотрон</b> — он и есть лохотрон. В выигрыше только политические и финансовые мошенники (ТТ. 2005. № 40). <b>Политический банкрот</b> (ТТ. 2005. № 25).
Болезнь → политическая режим (политическая болезнь) — метафорическая модель	<i>Mr. Raffarin said the attack revealed "a sickness" in French society</i> (The Washington Times, July 13, 2004)	Медвежья болезнь, зараза — Очистим Россию от <b>заразы</b> (ТТ. 2005. № 24).
Криминальная власть (общество) → политическая власть (общество) — метафорическая модель	<i>Zap</i> (жарг.) — 1) жизненная сила; 2) стычка, столкновение, нападение (DNWM). <i>Despite six zaps, New York Mayor Lindsay has consistently refused to meet with any representatives of the constituency</i> [Saturday Review, Feb. 12, 1972].	Разборка, наезд, мочить, гнать (жарг.) [Чудинов 2001]. <b>Обокрали!</b> Не платите <b>вымогателям!</b> (ТТ. 2005. № 10).

Когнитивная модель, сфера источника — сфера цели	Семантические дериваты	
	в английском языке	в русском языке
Речь (жаргон) —> политическая речь — специализация	<i>Buzzword</i> (жарг.) — 1) слухи, сплетни; 2) яркое, броское слово, лозунг: <i>What the Democratic Party needs, Hayden and other insist, is a new <b>buzzword</b>, something to rival the clarity and appeal of Kemp-Roth bill</i> [Newsweek, Aug. 18, 1980; DNWM].	<i>Кто скомандовал „Фас“?</i> (ТТ. 2005. № 10).
Движение (физическое) —> политическое действие — метафорическая модель	<i>Flip — flop</i> (разг.) — 1) сальто-мортале, качели; 2) резкий поворот, полное изменение политики, взглядов (DNWM). <i>The President denied making a <b>flip-flop</b>. He said he simply forgot his earlier position</i> [SAS].	<i>Сидим на ядерном боезаряде</i> (ТТ. 2005. № 40).

Изучение наиболее типичных прототипических моделей дает толчок к пониманию основных способов организации сознания в концептуальные структуры. Импликационные связи, реализующиеся в политических дериватах, — это когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира, их взаимодействий и зависимостей, отражение связей между видами, между частью и целым, между вещью и признаками.

Анализ основных процессов **семантической деривации** в английской и русской политической лексике позволил выявить наиболее общие, характерные для человеческого мышления **когнитивные модели**, использующие **явления природы, конкретные предметы человеческой деятельности, действия и процессы повседневной жизни**, а также определенную специфику в менталитете народов, населяющих англоязычные и русскоязычные страны, и отражающуюся в семантических дериватах политического дискурса.

Так, модель **продукт питания — человек (политик)** в русском политическом дискурсе реализуется в глагольной парадигме в других значениях: проглотить — уничтожить, проглотить — принять как должное (см. таблицу). Общая характеристика общества и его политики как **болезни** в американском дискурсе сменяется пейоративной характеристикой политики «Единой России» как **медвежьей болезни**, по ассоциации с символикой партии (медведь) и болезнью, связанной с расстройством пищеварения (так называемый **двойной фокус**, или наличие в семантике слова двух потенциально выделенных компонентов, между которыми существует метафоро-метонимическая связь).

Обобщим рассмотренные когнитивные модели в когнитивно-ассоциативную схему (КАС), отражающую процессы семантической деривации в политической лексике.

**КАС «человек — политик»:** С «политик» + (С «часть тела» + С «животное» + С «растение» + С «власть» + С «предмет власти» + С «имя» + С «географическое название» + С «одежда» + С «продукт питания» + С «экономика» + С «криминал» + С «политические махинации» + С «болезнь» + С «игра»).

#### 4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с представлениями современной когнитивной лингвистики, метафорическое моделирование отражает национальное, социальное и личностное самосознание; это средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-либо фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов, слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области [Lakoff 1980]. Процессы семантической деривации в слове и словосочетании необходимо увязывать с ментальными репрезентациями того или иного объекта в виде пучка ассоциируемых с ним признаков, отражающих слияние разных ментальных пространств или концептуальную интеграцию смыслов. Появление новых слов и развитие новых значений в процессе семантической деривации отражает сложный спектр взаимоотношений в профессиональных и ситуативных группах и слоях населения, определяя современную картину мира в целом.

В результате анализа основных процессов семантической деривации в англоязычной и русскоязычной политической лексике установлены наиболее общие и характер-

ные для человеческого мышления когнитивные модели, использующие явления природы, предметы человеческой деятельности. Ряд специфических когнитивных моделей семантической деривации характеризует менталитет и политическую картину в России и в англоязычных странах.

#### ИСТОЧНИКИ

1. Трудовая Тюмень. — 2005. — № 1, 23, 24, 26, 27, 28, 40, 41, 42, 45, 46, 47; 2006. — № 5, 46; 2007. — № 2.
2. Guardian Unlimited. — 2004. — 7 October. — URL: <http://media.guardian.co.uk>.
3. The News & Observer. — 2004. — 13 July.
4. The News & Observer. — 2004. — 21 July.
5. Newsweek. — 2003. — 19 October.
6. Newsweek. — 2003. — 25 May.
7. Newsweek. — 2004. — 1 Jan.
8. Newsweek. — 2004. — 20 May.
9. The New-York Times. — 2005. — 8 July. — URL: <http://nytimes.com>.
10. The Times. — 2004. — 15 July. — URL: <http://www.timesonline.co.uk/global>.
11. The Virginia Pilot. — 2004. — 27 Aug.
12. The Virginian Pilot. — 2004. — 13 July.
13. The Washington Times. — 2004. — 13 July.
14. The Washington Times. — 2005. — 27 July.
15. The Washington Times. — 2005. — 11 Sept.
16. The Washington Post. — 2005. — 25 Nov. — URL: <http://www.washingtonpost.com>.

#### СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ С ПРИНЯТЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ

17. Англо-русский словарь языка СМИ. — Москва : Рус. яз. — Медиа, 2003. — 496 с. — Текст : непосредственный.
18. Апресян, Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. / Ю. Д. Апресян. — 6-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 2001. — 832 с. — Текст : непосредственный.
19. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Советская энциклопедия, 1969. — 608 с. — Текст : непосредственный.
20. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва, 1994. — Текст : непосредственный.
21. БАРС = Большой англо-русский словарь. В 2 т. / Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин [и др.]. — 4-е изд., испр., с доп. — Москва : Русский язык, 1987. — Текст : непосредственный.
22. КСКТ = Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова [и др.]. — Москва : Филологический ф-т МГУ, 1996. — 247 с. — Текст : непосредственный.
23. МС = Молодежный сленг : толковый словарь / Т. Г. Никитина. — Москва : Астрель : АСТ, 2004. — 912 с. — Текст : непосредственный.
24. НАРС = Глазунов, С. А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики / С. А. Глазунов. — Москва : Русский язык, 1998. — 776 с. — Текст : непосредственный.
25. САС = Спирерс, Р. А. Словарь американского сленга / Ричард А. Спирерс. — Москва : Русский язык, 1991. — 528 с. — Текст : непосредственный.
26. Словарь молодежного жаргона / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : Логос, 1992. — Текст : непосредственный.
27. Словарь новых слов и значений в английском языке / З. С. Трофимова. — Москва : Павлиц, 1999. — 304 с. — Текст : непосредственный.
28. Словарь-справочник субстандартных суффиксальных глаголов в современном английском языке / под ред. О. Б. Пономаревой. — Тюмень : ТюмГУ, 1995. — 50 с. — Текст : непосредственный.
29. Толковый словарь уголовных жаргонов / под общей редакцией Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. — Москва : Голос, 1991. — Текст : непосредственный.
30. ODS = Ayto, J. The Oxford Dictionary of Slang / John Ayto. — Oxford university press, 1999. — 474 p. — Text : unmediated.

31. ATS = Berrey, V. The American Thesaurus of Slang / V. Berrey, M. Van den Bark. — New York : T.V. Crowell, 1960. — 1272 p. — Text : unmediated.
  32. AS = Chapman, R. L. American Slang / Robert L. Chapman. — Philip Harper Paperworks, 1994. — 560 p. — Text : unmediated.
  33. DAS = Dictionary of American Slang / ed. by H. Wentworth, S.B. Flexner. — New York : Thomas Y. Crowell Company, 1975. — 766 p. — Text : unmediated.
  34. DAS1 = Spears R. Dictionary of American Slang. — Москва : Русский язык, 1991. — 528 p. — Text : unmediated.
  35. DNWM = Dictionary of New Words and Meanings / под ред. З. С. Трофимовой. — Москва : Павлиц, 1993. — 500 p. — Text : unmediated.
  36. LDCE = Longman Dictionary of contemporary English. — English Longman group Ltd, 1995. — 1668 p. — Text : unmediated.
  37. LRNW = The Longman Register of New Words. — Longman : Русский язык, 1990. — 434 с. — Text : unmediated.
  38. NWDEL = New Webster's Dictionary of the English Language. — Sujeet Publications, 1989. — 1856 p. — Text : unmediated.
  39. OALDCE = Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. — Oxford Univ. Press, 1995. — 1428 p. — Text : unmediated.
  40. Spears, R. Slang American Style / R. Spears. — Chicago : NTC Publishing Group, 1997. — 555 p. — Text : unmediated.
  41. Spears, R. Dictionary of American Slang / R. Spears. — Москва : Русский язык, 1991. — 528 p. — Text : unmediated.
  42. SAS = Spears, A. R. Slang American Style / A. R. Spears. — Chicago : NTC Publishing Group, 1997. — 555 p. — Text : unmediated.
  43. Safire, W. Safire's Political Dictionary / W. Safire. — New York, 1985. — 260 p. — Text : unmediated.
  44. WEUDEL = Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. — San Diego, CA : Thunder Bay Press, 2001. — 2230 p. — Text : unmediated.
  45. WNWD = Webster's New World Dictionary of the American Language. — New York : World publ. Co., 1972. — 1692 p. — Text : unmediated.
  46. WNID3 = Webster's Third New International Dictionary of the English Language. — London : Merriam, cop. — Vol. 1. — 1258 p.; vol. 2. — 2662 p. — Text : unmediated.
  47. 6000 Words. A supplement to Webster's Third New International Dictionary. — Springfield : G. and C. Merriam Co., 1976. — 220 p. — Text : unmediated.
- #### ЛИТЕРАТУРА
48. Молчанова, Г. Г. Некоторые языковые механизмы вариативной интерпретации действительности / Г. Г. Молчанова. — Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета. — 2002. — Сер. 19. — № 2. — С. 7—12.
  49. Никитин, М. В. О тождествах с когнитивных позиций / М. В. Никитин. — Текст : непосредственный // Англистика в XXI веке. — Санкт-Петербург : ГУ, 2002. — С. 122—129.
  50. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 2003. — № 2. — С. 73—94.
  51. Баранов, А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики / А. Н. Баранов. — Текст : непосредственный // Известия Академии наук. Серия русского языка. — 2004. — Т. 63. — № 1. — С. 33—43.
  52. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.
  53. Lacoff, G. Metaphors We Live By / G. Lacoff, M. Johnson. — Chicago, 1980. — 154 p. — Text : unmediated.
  54. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things / G. Lakoff. — Chicago, 1990. — 178 p. — Text : unmediated.
  55. Rosch, E. Human Categorization / E. Rosch. — Text : unmediated // Studies in Crosscultural Psychology / Ed. N. Warren. — New York, 1977. — P. 29—35.
  56. Rosch, E. Principles of Categorization / E. Rosch. — Text : unmediated // Cognition and categorization / E. Rosch, B. B. Lloyd (eds.). — Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1978. — P. 27—48.
  57. Wierzbicka, A. "Cultural scripts": A new approach to the study of cross-cultural communication / A. Wierzbicka. — Text : unmediated // Language Contact and Language Conflict / M. Putz, ed. — Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins. — P.69—87.

О. В. Ponomareva

Tyumen State University, Tyumen, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1707-6629 

 E-mail: obponomareva@list.ru.

## Semantic and Stylistic Variability of Semantic Derivation Processes in Russian and English Political Vocabulary

**ABSTRACT.** *The article presents a cognitive-discursive analysis of linguocognitive models of semantic derivation in the political worldview on the material of English and Russian derivatives chosen by the method of continuous sampling from the English and American weeklies “The Washington Times”, “The Washington Post”, “The News&Observer”, “The Guardian” and the Russian political newspapers “Argumenty i fakty”, “Komsomol'skaya Pravda”, and “Trudovaya Tyumen” (the overall number of pages is 3000). Texts of the following genres were used as working material: analytical articles, editorials, news stories, interviews, and news columns. The method of linguocognitive modeling was used alongside linguostylistic and component analyses. The processes of semantic derivation characteristic of political vocabulary, including metaphorical change of meaning, are based on the mechanisms of identity. The cognitive metaphor theory boils down to the thesis that two structures of knowledge interact in the process of metaphorization: the cognitive structure of the “source” and the cognitive structure of the “target”. In the process of metaphorization, some goal areas are structured according to the source sample, i.e. there takes place a “metaphorical projection”. Mass media actively use metaphor to build the worldview in the political sphere. In the sphere of mass information, metaphor is a means of creation of cognitions responding to the social change that take place in society, and providing a figurative interpretation of political reality. The aim of the given article is to reveal the main linguocognitive models of semantic derivation in the dynamic political worldview. As a result of analysis of the key processes of semantic derivation in the English and Russian-language political vocabulary, the author has identified the most common and typical of the human thinking cognitive models, based on natural phenomena and human activity artifacts. A number of specific cognitive models of semantic derivation characterize the mentality and the political situation in Russia and the English-speaking countries.*

**KEYWORDS:** *journalism; media linguistics; media texts; mass media; language means; political discourse; political communication; mass media language; English language; Russian language; British mass media; American mass media; Russian mass media; semantic derivation; discourse analysis; linguocognitive models; cognitive linguistics; political vocabulary.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Ponomareva Ol'ga Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English, Institute of Socio-Humanitarian Sciences, Tyumen State University, Tyumen, Russia.*

**FOR CITATION:** *Ponomareva, O. B. Semantic and Stylistic Variability of Semantic Derivation Processes in Russian and English Political Vocabulary / O. B. Ponomareva // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 137-149. — DOI 10.26170/pl20-06-15.*

### MATERIALS

1. Labor Tyumen. [Trudovaya Tyumen]. — 2005. — № 1, 23, 24, 26, 27, 28, 40, 41, 42, 45, 46, 47; 2006. — № 5, 46; 2007. — № 2. — (In Rus.)
2. Guardian Unlimited. — 2004. — 7 October. — URL: <http://media.guardian.co.uk>.
3. The News & Observer. — 2004. — 13 July.
4. The News & Observer. — 2004. — 21 July.
5. Newsweek. — 2003. — 19 October.
6. Newsweek. — 2003. — 25 May.
7. Newsweek. — 2004. — 1 Jan.
8. Newsweek. — 2004. — 20 May.
9. The New-York Times. — 2005. — 8 July. — URL: <http://nytimes.com>.
10. The Times. — 2004. — 15 July. — URL: <http://www.timesonline.co.uk/global>.
11. The Virginia Pilot. — 2004. — 27 Aug.
12. The Virginian Pilot. — 2004. — 13 June.
13. The Washington Times. — 2004. — 13 July.
14. The Washington Times. — 2005. — 27 July.
15. The Washington Times. — 2005. — 11 Sept.
16. The Washington Post. — 2005. — 25 Nov. — URL: <http://www.washingtonpost.com>.

### DICTIONARIES AND REFERENCE BOOKS (WITH ABBREVIATIONS)

17. The English-Russian Dictionary of the Language of the Media. — Moscow : Rus. lang. — Media, 2003. — 496 p. — Text : unmediated. [Anglo-russkiy slovar' yazyka SMI. — Moskva : Rus. yaz. — Media, 2003. — 496 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Apresyan, Yu. D. New Large English-Russian Dictionary: in 3 volumes / Yu. D. Apresyan. — 6th ed., stereot. — Moscow : Russian language, 2001. — 832 p. — Text : unmediated. [Novyy

bol'shoy anglo-russkiy slovar' : v 3 t. / Yu. D. Apresyan. — 6-e izd., ster. — Moskva : Russkiy yazyk, 2001. — 832 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Akhmanova, O. S. Dictionary of Linguistic Terms / O. S. Akhmanova. — Moscow : Soviet Encyclopedia, 1969. — 608 p. — Text : unmediated. [Slovar' lingvisticheskikh terminov / O. S. Akhmanova. — Moskva : Sovetskaya entsiklopediya, 1969. — 608 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Baranov, A. N. Dictionary of Russian Political Metaphors / A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov. — Moscow, 1994. — Text : unmediated. [Slovar' russkikh politicheskikh metafor / A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov. — Moskva, 1994. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

21. BARS = Comprehensive English-Russian Dictionary. In 2 volumes / Yu. D. Apresyan, I. R. Galperin [and others]. — 4th ed., rev., with add. — Moscow : Russian language, 1987. — Text : unmediated. [BARS = Bol'shoy anglo-russkiy slovar'. V 2 t. / Yu. D. Apresyan, I. R. Gal'perin [i dr.]. — 4-e izd., ispr., s dop. — Moskva : Russkiy yazyk, 1987. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

22. KSKT = Brief Dictionary of Cognitive Terms / ed. E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankova [and others]. — Moscow : Faculty of Philology, Moscow State University, 1996. — 247 p. — Text : unmediated. [KSKT = Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / pod red. E. S. Kubryakovoy, V. Z. Dem'yankova [i dr.]. — Moskva : Filologicheskiy f-t MGU, 1996. — 247 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

23. MS = Youth Slang: explanatory dictionary / T. G. Nikitina. — Moscow : Astrel : AST, 2004. — 912 p. — Text : unmediated. [MS = Molodezhnyy sleng : tolkovyy slovar' / T. G. Nikitina. — Moskva : Astrel' : AST, 2004. — 912 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

24. NARS = Glazunov, S. A. New English-Russian Dictionary of Modern Colloquial Vocabulary / S. A. Glazunov. — Moscow : Russian language, 1998. — 776 p. — Text : unmediated. [NARS = Glazunov, S. A. Novyy anglo-russkiy slovar' sovremennoy razgovornoy leksiki / S. A. Glazunov. — Moskva : Russkiy yazyk, 1998. — 776 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
25. SAS = Spears, R. A. Dictionary of American Slang / Richard A. Spears. — Moscow : Russian language, 1991. — 528 p. — Text : unmediated. [SAS = Spiers R. A. Slovar' amerikanskogo slenga / Richard A. Spiers. — Moskva : Russkiy yazyk, 1991. — 528 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
26. Dictionary of Youth Jargon / ed. I. A. Sternin. — Voronezh : Logos, 1992. — Text : unmediated. [Slovar' molodezhnogo zhargona / pod red. I. A. Sternina. — Voronezh : Logos, 1992. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
27. Dictionary of New Words and Meanings in English / Z. S. Trofimova. — Moscow : Pavlin, 1999. — 304 p. — Text : unmediated. [Slovar' novykh slov i znacheniy v angliyskom yazyke / Z. S. Trofimova. — Moskva : Pavlin, 1999. — 304 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
28. Dictionary-reference Book of Substandard Suffixal Verbs in Modern English / ed. O.B. Ponomareva. — Tyumen : Tyumen State University, 1995. — 50 p. — Text : unmediated. [Slovar'-spravochnik substandartnykh suffiksalykh glagolov v sovremennom angliyskom yazyke / pod red. O. B. Ponomarevoy. — Tyumen' : TyumGU, 1995. — 50 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
29. Explanatory Dictionary Of Criminal Jargons / edited by Yu. P. DUBYAGIN and A. G. BRONNIKOV. — Moscow : Voice, 1991. — Text : unmediated. [Tolkovyy slovar' ugovolnykh zhargonov / pod obschey redaktsiyey Yu. P. DUBYAGINA i A. G. BRONNIKOVA. — Moskva : Golos, 1991. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
30. ODS = Ayto, J. The Oxford Dictionary of Slang / John Ayto. — Oxford university press, 1999. — 474 p. — Text : unmediated.
31. ATS = Berrey, V. The American Thesaurus of Slang / V. Berrey, M. Van den Bark. — New York : T.V. Crowell, 1960. — 1272 p. — Text : unmediated.
32. AS = Chapman, R. L. American Slang / Robert L. Chapman. — Philip Harper Paperworks, 1994. — 560 p. — Text : unmediated.
33. DAS = Dictionary of American Slang / ed. by H. Wentworth, S.B. Flexner. — New York : Thomas Y. Crowell Company, 1975. — 766 p. — Text : unmediated.
34. DAS1 = Spears R. Dictionary of American Slang. — Moscow : Russian language, 1991. — 528 p. — Text : unmediated.
35. DNWM = Dictionary of New Words and Meanings / ed. Z. S. Trofimova. — Moscow : Pavlin, 1993. — 500 p. — Text : unmediated.
36. LDCE = Longman Dictionary of contemporary English. — English Longman group Ltd, 1995. — 1668 p. — Text : unmediated.
37. LRNW = The Longman Register of New Words. — Longman : Russian language, 1990. — 434 c. — Text : unmediated.
38. NWDEL = New Webster's Dictionary of the English Language. — Sujeet Publications, 1989. — 1856 p. — Text : unmediated.
39. OALDCE = Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. — Oxford Univ. Press, 1995. — 1428 p. — Text : unmediated.
40. Spears, R. Slang American Style / R. Spears. — Chicago : NTC Publishing Group, 1997. — 555 p. — Text : unmediated.
41. Spears, R. Dictionary of American Slang / R. Spears. — Moscow : Russian language, 1991. — 528 p. — Text : unmediated.
42. SAS = Spears, A. R. Slang American Style / A. R. Spears. — Chicago : NTC Publishing Group, 1997. — 555 p. — Text : unmediated.
43. Safire, W. Safire's Political Dictionary / W. Safire. — New York, 1985. — 260 p. — Text : unmediated.
44. WEUDEL = Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. — San Diego, CA : Thunder Bay Press, 2001. — 2230 p. — Text : unmediated.
45. WNWD = Webster's New World Dictionary of the American Language. — New York : World publ. Co., 1972. — 1692 p. — Text : unmediated.
46. WNID3 = Webster's Third New International Dictionary of the English Language. — London : Merriam, cop. — Vol. 1. — 1258 p.; vol. 2. — 2662 p. — Text : unmediated.
47. 6000 Words. A supplement to Webster's Third New International Dictionary. — Springfield : G. and C. Merriam Co., 1976. — 220 p. — Text : unmediated.

## REFERENCES

48. Molchanova, G. G. Some Linguistic Mechanisms of Variable Interpretation of Reality / G. G. Molchanova. — Text : unmediated // Bulletin of Moscow State University. — 2002. — Ser. 19. — No. 2. — P. 7—12. [Nekotorye yazykovye mekhanizmy variativnoy interpretatsii deystvitel'nosti / G. G. Molchanova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2002. — Ser. 19. — № 2. — S. 7—12]. — (In Rus.)
49. Nikitin, M. V. About Identities from Cognitive Positions / M.V. Nikitin. — Text : unmediated // Anglistics in the XXI Century. — St. Petersburg : GU, 2002. — P. 122—129. [O tozhdestvakh s kognitivnykh pozitsiy / M. V. Nikitin. — Tekst : neposredstvennyy // Anglistika v KhKhI veke. — Sankt-Peterburg : GU, 2002. — S. 122—129]. — (In Rus.)
50. Baranov, A. N. On the Types of Compatibility of Metaphorical Models / A. N. Baranov. — Text : unmediated // Issues of Linguistics. — 2003. — No. 2. — P. 73—94. [O tipakh sochetanosti metaforicheskikh modeley / A. N. Baranov. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy yazykoznaniiya. — 2003. — № 2. — S. 73—94]. — (In Rus.)
51. Baranov, A. N. Metaphorical Models as Discursive Practices / A. N. Baranov. — Text : unmediated // News of the Academy of Sciences. Russian language series. — 2004. — Vol. 63. — No. 1. — P. 33—43. [Metaforicheskie modeli kak diskursivnye praktiki / A. N. Baranov. — Tekst : neposredstvennyy // Izvestiya Akademii nauk. Seriya russkogo yazyka. — 2004. — T. 63. — № 1. — S. 33—43]. — (In Rus.)
52. Chudinov, A. P. Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Metaphor (1991—2000) / A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2001. — 238 p. — Text : unmediated. [Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie metafory (1991—2000) / A. P. Chudinov. — Ekaterinburg, 2001. — 238 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
53. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago, 1980. — 154 p. — Text : unmediated.
54. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things / G. Lakoff. — Chicago, 1990. — 178 p. — Text : unmediated.
55. Rosch, E. Human Categorization / E. Rosch. — Text : unmediated // Studies in Crosscultural Psychology / Ed. N. Warren. — New York, 1977. — P. 29—35.
56. Rosch, E. Principles of Categorization / E. Rosch. — Text : unmediated // Cognition and categorization / E. Rosch, B. B. Lloyd (eds.). — Hillsdale, NJ. : Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1978. — P. 27—48.
57. Wierzbicka, A. "Cultural scripts": A new approach to the study of cross-cultural communication / A. Wierzbicka. — Text : unmediated // Language Contact and Language Conflict / M. Putz, ed. — Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins. — P.69—87.

**Р. Ю. Порозов**

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия  
ORCID ID: 0000-0003-1932-1624 

**П. С. Ключова**

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия  
ORCID ID: — 

 **E-mail:** r.porozov@yandex.ru; polinasergeevna1900@mail.ru.

## Молодежь как субъект вандальной активности в субкультуре граффити

**АННОТАЦИЯ.** В данной статье предпринимается попытка теоретического анализа вандальной активности молодежи. Выявляются психолого-социальные особенности данной возрастной группы. Рассматриваются вандальные практики (граффити) в соответствии с особенностями молодежи. Анализируется взаимозависимость рефлексии над социокультурными процессами и активности творческого деструктивного самовыражения молодого поколения. Работа имеет междисциплинарную направленность, рассматривает вопросы граффити в молодежной среде с точки зрения социологии, культурологии, психологии, философии. В статье анализируется двойственный статус граффити, находящихся на границе между искусством и формой деструктивного поведения. Данный аспект выражен в особенностях психолого-педагогического, социального, культурного развития демографической группы. Приводится типология граффити, которая основана на анализе конкретных объектов города Екатеринбурга. Отмечается, что городская среда является символическим пространством, которое выступает средством формирования мировоззрения молодежи, а также объектом художественных практик. Обращается особое внимание на двойственность воздействия вандальных художественных практик в пространстве города: новизна социокультурных процессов зависит от креативности изменения окружающей среды и способности к ее интерпретации. Авторами использована широкая методология исследования: анализ и синтез информации, типологический метод, семиотический анализ, структурно-функциональный подход.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** молодежь; молодежные субкультуры; молодежный вандализм; деструктивное поведение; граффити; вандальные практики; социокультура; социокультурные процессы, творческое самовыражение, деструктивное самовыражение.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Порозов Роман Юрьевич, кандидат культурологии, аналитик отдела международных образовательных проектов, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: r.porozov@yandex.ru.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Ключова Полина Сергеевна, старший преподаватель кафедры философии, социологии и культурологии, Институт общественных наук, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: polinasergeevna1900@mail.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Порозов, Р. Ю. Молодежь как субъект вандальной активности в субкультуре граффити / Р. Ю. Порозов, П. С. Ключова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 150-155. — DOI 10.26170/pl20-06-16.

**БЛАГОДАРНОСТИ.** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01278).

Молодежь является одним из самых активных пластов населения. Особенности психологического развития данной возрастной категории позволяют проявлять творческую активность и креативность в выражении общественного мнения. Молодое поколение особенно остро реагирует на социальные изменения, но выражение собственной гражданской позиции зачастую принимает формы деструктивного поведения. Внесение изменений в городское пространство, граффити на зданиях, объектах культуры и искусства может быть попыткой при-

влечения внимания к тем противоречиям, которые волнуют молодое поколение.

Проблемным вопросом данной статьи явился поиск причин вандальной активности молодежи, а также полярные векторы восприятия деструктивного поведения: от отчуждения от культурных норм, ценностей и нравственных установок до формы проявления творческого потенциала, креативности и символизма.

Цель статьи — выявить основные векторы творчества молодежи на примере граффити.

Методы исследования: анализ и синтез информации, типологический метод, семиотический анализ, структурно-функциональный подход. Семиотический анализ выявил основные знаки и символы графического текста, которые способствовали отнесению исследуемого художественного текста к определенной типологии. На основании знаково-символического материала реализован типологический метод. Это позволило не только классифицировать граффити по объекту изображения, но и установить, что типологические ряды раскрывают содержание высказываний, соотносят их с окружающей действительностью, высвечивают субъективную сторону вандальной активности. Структурно-функциональный подход рассматривает молодежные субкультуры, в том числе и граффити, в качестве целостной самоорганизующейся системы, каждый элемент которой способствует формированию целостного единства.

К проблемам социально-психологических характеристики молодежи обращаются различные области гуманитарного знания: психология, социология, философия, культурология. Данному вопросу посвящены работы зарубежных (М. Вебер, Г. Крайг, С. Фрис) и отечественных (О. И. Белый, В. А. Луков, Е. Омельченко, В. Я. Суртаев) авторов. Исследователями отмечается сложность установления конкретных возрастных границ в определении понятия «молодежь», а соответственно и ее социальных функций.

С опорой на нормативно-правовую базу установлено, что молодежь — это «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующаяся специфическими интересами и ценностями» [Распоряжение 2014]. Что касается возрастных границ, то они достаточно размыты, затрагивают возрастную интервал от 14 до 30 (в некоторых случаях 35) лет [Распоряжение 2014].

О. И. Белый отмечает, что молодежь «выступает как особый субъект многоплановых и разнохарактерных отношений, в которых она объективно ставит задачи и цели взаимодействия со взрослыми, определяя направления совместной деятельности, развивает свой общественно значимый мир» [Белый 2012: 157].

Саймон Фрис, английский социолог, предлагает рассматривать молодежь через ряд категорий: семья, образование, работа, досуг. В аспекте исследования молодежи как субъекта вандальной активности необходимо обратить внимание на критерий досуга. В

данном случае особое внимание обращено на ответственность молодежи: «Молодежь часто характеризуется как „безответственная“, но на самом деле молодость — время, когда все новая и новая ответственность принимается молодым человеком. Это отражает изменение молодыми людьми институциональных ролей, но „рост“ имеет и психологический подтекст, включающий интеллектуальное и эмоциональное развитие. От молодежи ожидают „зрелости“, рассматривают их как зрелых, но, если зрелость и считают более определенным понятием, чем юность, тем не менее, оно лежит позади ясного и простого способа определения и разделения молодежи и взрослых людей — закона». Здесь появляется противоречие между потребностью в креативном выражении собственной гражданской позиции и ответственным отношением к обществу. То есть представители данной социальной общности обладают потребностью в рефлексии над социальной реальностью, ее изменении через высказывание собственного мнения о протекающих в обществе процессах.

Зачастую способы коммуникации с внешним миром имеют деструктивный характер, это связано с «отсутствием возможностей самоутверждения и самореализации» [Фрис: 77], что обусловлено особенностями данного возраста: «Отказ от традиционных культурных паттернов поведения в молодом возрасте обычно сочетается с высокой степенью восприимчивости и подражательности, что объясняется противоречивостью задач этого этапа: попытками скорейшей социальной адаптации и видоизменения ряда социальных норм; усвоением комплекса ролей для эффективного функционирования в мире взрослых и модифицированием этих ролей и стилей поведения» [Журавлева, Завьялова 2013: 77—78]. Разрыв с традицией связан с такой характеристикой молодежи, как символизм. Е. Омельченко связывает ее с надеждой на обновление: «Идея молодости, идея возможности „нового“ будущего и новых свершений — это символическая аура понятия „молодость“» [Омельченко 2000]. При этом символизм имеет двойственный характер: он «не только обогащает, но и невероятно затрудняет его научный анализ» [Омельченко 2000].

Вместе с тем Е. О. Кубякин, рассуждая об особенностях социализации молодежи, указывает на противоречивый характер этого процесса. Сложность его протекания заключается в условиях глобализации, влиянии извне, отсутствии способности аналитически подходить к поступающей информации. Исследователь связывает массовую

культуру, рассматривая ее как культурный контекст действия, с поведением представителей молодого поколения: «Эффект от произведений массовой культуры проявляется в отчуждении российской молодежи от культурного наследия прошлых поколений, отказе от духовных ценностей и идеалов в пользу сиюминутной наживы, пусть даже путем нарушения норм и законодательства» [Кубякин 2011: 25]. То есть для исследователя деструктивное поведение является не проявлением дивергентного мышления или творческого потенциала, а способом «отрицания моральных и юридических норм во имя достижения жизненной цели, навешанной мифами и стереотипами массовой культуры» [Кубякин 2011: 25]. Е. О. Омельченко выявляет такую характеристику, как разносторонняя активность молодого поколения и осознание им ценностного кризиса. Предполагается, что молодежь подвергается определенной пропаганде и одновременно сопротивляется ей: «Молодежь ищет пространства для культурного самовыражения, а государство различными способами продвигает навязывать ей политические идентичности», при этом особое внимание уделяется «культурной борьбе» [Омельченко 2000]. Это порождает культурные практики вандализма. При этом следует отметить, что творческая активность проявляется в преобразовании окружающей действительности, в том числе и городского пространства, поиске нестандартного пути в решении проблем. Но в некоторых случаях она может переродиться в вандальные практики. Например, в случае с граффити, которые находятся на грани между вандализмом и творчеством. Отличительной особенностью вандальной практики будет анонимность и демонстративный характер высказывания.

Молодой возраст имеет определенные психологические особенности, среди которых выделяются «развитие самосознания, осознание собственной уникальности, глубокая рефлексия; формирование конкретных жизненных планов; задач; формирование мировоззрения и стойкой жизненной позиции; поиск внутренних идеалов, проживание экзистенциальной направленности как поиска духовных ориентиров, установка на сознательное построение собственной жизни» [Петренко, Сысоева: 19—23]. Выявляя факторы субкультурной активности, В. А. Луков выделил социальную мобильность и аномию [Луков 2006: 479]. Концепция социальной мобильности разрабатывалась П. Сорокиным. Он рассматривает ее как «переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что... модифицировано

человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [Сорокин 1992: 302]. В аспекте молодежной субкультуры создается иная группа внутри социума, которая может осуществлять восхождение или нисхождение: повышать свою значимость или понижать ее. Практики вандализма являются одним из способов осуществления социальной мобильности молодежи: значимость той или иной мировоззренческой позиции повышается за счет большего охвата ее объектов воздействия (реципиентов). Социальная ценность в интерпретации вандализма может трансформироваться, ее значимость при нагрузке дополнительными смыслами изменяется: актуализируется, обновляется или утрачивается.

Молодежь как субъект вандальной активности рассмотрена в данной статье на примере субкультуры граффити. Как было сказано ранее, до сих пор не определен статус граффити — вандальная ли это практика или искусство, так как произведения размещаются на стенах и иных поверхностях городского пространства. При этом целью не всегда является порча городского имущества, что позволяет не рассматривать граффити в качестве деструктивного поведения. Е. А. Хорева и О. В. Хорева выявляют одну из значимых функций граффити: манифестация, которая может быть индивидуальной или групповой. В зависимости от содержащегося в тексте граффити ценностного содержания можно выделить: «1) граффити, манифестирующие групповые ценности (либо через их утверждение, либо через отрицание враждебных ценностей); 2) граффити, манифестирующие индивидуальные ценности и таким образом идентифицирующие условного автора как индивидуума. Это и надписи, так или иначе выражающие авторское настроение, чувства, оценку кого-либо или самооценку и т. д.» [Хорева, Хорев 2017].

Исследования показывают, что объекты субкультуры граффити являются способом бытования общественного сознания и выражения общественного мнения. В зависимости от типа и содержания графического изображения реализуется одна из названных функций. Необходимость отстаивания точки зрения через вандальные практики связана с проявлениями креативности молодежи. Креативность в деструктивном поведении направлена на демонстрацию рефлексии над острыми социальными проблемами, проявление дивергентного мышления, реализацию творческого потенциала, погружение творчества в актуальный контекст. Рассматривая граффити как вандальную дискурсивную практику, необходимо определить

свойственные ей черты. Т. Н. Курбатова и Р. С. Васильева отмечают, что субкультура позволяет проходить процесс социализации, приобщает к культурным ценностям: «...отсутствие единой культурно-ценностной парадигмы, рост культа потребления, девальвация вечных ценностей толкает молодых людей на поиски себя в субкультурах, которые, с одной стороны, предлагают устоявшуюся иерархию ценностей, на которую можно опереться, а с другой — противопоставляют себя социуму» [Курбатова, Васильева 2013: 8]. Как правило, в социально-гуманитарных исследованиях ставится вопрос о влиянии субкультуры на становление и развитие личности. Но в граффити индивид выступает субъектом действия, соответственно, таким образом осуществляется двойственное влияние (амбивалентность воздействия). Креативному изменению окружающей среды способствуют внешние социально-культурные процессы, но результат их интерпретации и акт коммуникации со зрителями порождает новый социокультурный процесс.

Граффити раскрывают осознание молодежью нескольких измерений существования индивида: «физического, символического, ментального, социального» [Порозов 2016: 8]. Символическое воплощение этого мироощущения транслируется на макро- и микроуровне: понимание социальных проблем, переживание кризиса ценностных установок, попытка создания новых ценностей и традиций могут быть ощутимы в качестве потребности при восприятии информации из глобальных источников (СМИ, социальные сети, телевидение, Интернет и др.), что влияет на трансформацию окружающей среды. Городское пространство наполняется новыми смыслами и ценностями, или вандальные художественные практики служат средством привлечения внимания к утраченному (граффити на значимых объектах города). В данном исследовании понятия «граффити» и «стрит-арт» использованы как частично синонимичные, оба они связаны с субъективным видением и изменением городского пространства по принципам эстетики. При этом, как отмечает Д. Галынко-Вольфсон, стрит-арт, следуя законам художественности, занимает промежуточную нишу: «Стрит-арт сознательно балансирует на грани между искусством и вандализмом, между свободным самовыражением и разнузданным хулиганством, между разрешенным и уголовно преследуемым, между эстетическим и правовым полем» [Голынко-Вольфсон www].

В ходе исследования произведена следующая классификация граффити:

1) неоднозначные политические высказывания;

2) высказывания на экзистенциальные темы («Кто мы и куда мы идем?» — Екатеринбург, Горького, 17; «Двор Букашкина» — Екатеринбург, Ленина, 5в);

3) абстрактные рисунки, адресные обращения, изображения объектов животного мира, не несущие мотивационной или ценностной нагрузки («Мифические птицы Сири и Алконост» — Екатеринбург, просп. Космонавтов, 23; «Двор Букашкина» — Екатеринбург, Ленина, 5в);

4) актуализация проблем определенных социальных групп: защита животных / охрана природы, социальная защита демографических групп, обращение к памяти об ушедших значимых личностях — памятные граффити / графический некролог («Европейская норка на грани исчезновения» — Екатеринбург, проспект Космонавтов; «Спасибо врачам» — Екатеринбург, ул. Белореченская);

5) подражание предметам искусства / художникам («Провансаль — духовная скрепа» — Екатеринбург, Мичурина, 206; «Банка сгущенки» — Екатеринбург, Самоцветный бульвар, 2);

6) актуализация региональной идентичности («Бажов» — Екатеринбург, Бажова, 139; «Малахит» — Екатеринбург, 8 Марта, 8б; «Город-дракон» — Екатеринбург, Куйбышева, 60; «Рабочая перчатка» — Екатеринбург, Испанских Рабочих, 28).

Данная классификация является условной, так как некоторые граффити могут содержать в себе несколько компонентов или не попадать под строгую категоризацию. Здесь имеет значение мотивация высказывания и целевая аудитория, его воспринимающая.

Молодежь представляет собой наиболее активную социальную группу, способную критически оценивать реальность. Этим общественным пластом наиболее остро ощущаются потребности в изменениях ценностных ориентаций, за счет него происходят существенные культурные сдвиги, связанные с попытками формировать и выражать общественные установки. Зачастую из-за субъективного ощущения отсутствия эффективного инструментария выражения общественного мнения высказывания принимают форму деструктивного (вандального) культурного текста. При этом следует отметить, что он обладает определенной художественной ценностью, так как согласован с принципами эстетики. Также необходимо заметить, что, как правило, данные высказывания не носят прямой протестный харак-

тер, могут содержать элементы других видов искусства или художественных произведений, иметь неоднозначную форму.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Белый, О. И. Определение понятия «Молодежь» / О. И. Белый. — Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 12. — С. 156—158.
2. Гольинко-Вольфсон, Д. Стрит-арт: теория и практика обживания уличной среды / Д. Гольинко-Вольфсон. — URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/16/article/225> (дата обращения: 13.10.2020). — Текст : электронный.
3. Журавлева, Л. А. Молодежь как инновационная социальная общность / Л. А. Журавлева, Н. В. Завьялова. — Текст : непосредственный // Образование и наука. — 2013. — № 4 (103). — С. 77—90
4. Кубякин, Е. О. Особенности воздействия массовой культуры на социализацию российской молодежи / Е. О. Кубякин. — Текст : непосредственный // Общество: философия, история, культура. — 2011. — №1—2. — С. 24—27.
5. Курбатова, Т. Н. Граффити: субкультура или вандализм / Т. Н. Курбатова, Р. С. Васильева. — Текст : электронный // Психология и право. — 2013. — Т. 3. — № 2. — URL: [https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61020\\_full.shtml](https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61020_full.shtml) (дата обращения: 12.10.2020).
6. Луков, В. А. Молодежные субкультуры в современной России / В. А. Луков. — Текст : непосредственный // Гуманитарное знание в XXI веке. Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке: в честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / под общ. ред. Вал. А. Лукова. — Москва : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. — С. 478—505.
7. Омельченко, Е. Молодежные культуры и субкультуры / Е. Омельченко. — Москва : Институт социологии РАН, 2000. —

#### R. Yu. Porozov

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia  
ORCID ID: 0000-0003-1932-1624

#### P. S. Klyusova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia  
ORCID ID: —

E-mail: [r.porozov@yandex.ru](mailto:r.porozov@yandex.ru); [polinasergeevna1900@mail.ru](mailto:polinasergeevna1900@mail.ru).

## Youth as the Subject of Vandal Activity in the Graffiti Subculture

**ABSTRACT.** *This article attempts a theoretical analysis of youth vandalism. It reveals the psycho-social features of this age group, considers vandal practices (graffiti) in accordance with the characteristics of young people and analyzes the dependence of reflection on socio-cultural processes and the activity of creative destructive self-expression of the young generation. The study has an interdisciplinary focus, examines the issues of graffiti in the youth environment from the point of view of sociology, cultural studies, psychology, and philosophy. The article analyzes the dual status of graffiti, which is located on the border between art and a specific form of destructive behavior. This aspect is expressed in the peculiar features of psycho-pedagogical, social, and cultural development of the demographic group. A typology of graffiti based on the analysis of specific objects in the city of Ekaterinburg is carried out by the authors. It is noted that the urban environment is a symbolic space that serves as a means of formation of the worldview of young people, as well as an object of artistic practices. Special attention is paid to the duality of the impact of vandal art practices in the city space: the novelty of socio-cultural processes depends on the creativity of changing the environment and the ability to interpret it. The authors use a broad research methodology: analysis and synthesis of information, typological method, semiotic analysis, and structural-functional approach.*

**KEYWORDS:** *youth; youth subcultures; youth vandalism; destructive behavior; graffiti; vandal practices; socioculture; sociocultural processes; creative self-expression; destructive self-expression.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Porozov Roman Yur'evich, Candidate of Cultural Studies, Analyst of the Office of International Educational Projects, Associate Professor of Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Institute of Social Sciences, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Klyusova Polina Sergeevna, Senior Lecturer at Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Institute of Social Sciences, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

**FOR CITATION:** *Porozov, R. Yu. Youth as the Subject of Vandal Activity in the Graffiti Subculture / R. Yu. Porozov, P. S. Klyusova // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 150-155. — DOI 10.26170/pl20-06-16.*

URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/746192-1-e-omelchenko-molodezhnie-kulturi-subkulturi-m-izd-vo-institut-sociologii-ran-2000-isbn-5-89-697-051-x-kni.php> (дата обращения: 28.09. 2029). — Текст : электронный.

8. Петренко, Т. В. Личностная автономия как фактор социально-психологического развития в юношеском возрасте / Т. В. Петренко, Л. В. Сысоева. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы науки : материалы I Всерос. (заоч.) науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Т. 2 (секции «Общегуманитарные науки» и «Исторические науки») / под общ. ред. А. И. Вострецова. — Нефтекамск : Наука и образование, 2014. — 112 с.

9. Порозов, Р. Ю. Культурно-образовательное пространство города : моногр. / Р. Ю. Порозов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2016. — 174 с. — Текст : непосредственный.

10. Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.» — URL: <https://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения: 28.09.2020). — Текст : электронный.

11. Сорокин, П. Социальная стратификация и мобильность / П. Сорокин. — Текст : непосредственный // Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин. — Москва : [б. и.], 1992. — С. 302—373. — (Сер.: Мыслители XX века).

12. Фрис, С. Социология молодежи / С. Фрис. — URL: <https://studfile.net/preview/6152501/> (дата обращения : 15.10. 2020). — Текст : электронный.

13. Хорева, Е. А. Граффити как социально-психологическое явление / Е. А. Хорева, О. В. Хорева. — Текст : электронный // Студенческий научный форум : материалы IX Междунар. студенческой науч. конф. — URL:<http://scienceforum.ru/2017/article/2017030097> <a href="http://scienceforum.ru/2017/article/2017030097">http://scienceforum.ru/2017/article/2017030097</a> (дата обращения: 12.10.2020).

**ACKNOWLEDGMENTS.** Research is accomplished with financial support of the Russian Science Foundation, Project № 17-18-01278.

**REFERENCES**

1. Belyy, O. I. Definition of the concept of “Youth” / O. I. Belyy. — Text : unmediated // Theory and Practice of Social Development. — 2012. — No. 12. — P. 156—158. [Opredelenie ponyatiya «Molodezh'» / O. I. Belyy. — Tekst : neposredstvennyy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. — 2012. — № 12. — S. 156—158]. — (In Rus.)
2. Golyenko-Volfson, D. Street Art: Theory and Practice of Revival in the Street Environment / D. Golyenko-Volfson. [Strit-art: teoriya i praktika obzhivaniya ulichnoy sredy / D. Golyenko-Volfson]. — URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/16/article/225> (date of access: 13.10.2020). — Text : electronic.
3. Zhuravleva, L. A. Youth as an Innovative Social Community / L. A. Zhuravleva, N. V. Zavyalova. — Text : unmediated // Education and Science. — 2013. — No. 4 (103). — P. 77—90. [Molodezh' kak innovatsionnaya sotsial'naya obshchnost' / L. A. Zhuravleva, N. V. Zavyalova. — Tekst : neposredstvennyy // Obrazovanie i nauka. — 2013. — № 4 (103). — S. 77—90]. — (In Rus.)
4. Kubyakin, E. O. Features of the Impact of Mass Culture on the Socialization of Russian Youth / E. O. Kubyakin. — Text : unmediated // Society: Philosophy, History, Culture. — 2011. — No. 1—2. — P. 24—27. [Osobennosti vozdeystviya massovoy kul'tury na sotsializatsiyu rossiyskoy molodezhi / E. O. Kubyakin. — Tekst : neposredstvennyy // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. — 2011. — № 1—2. — S. 24—27]. — (In Rus.)
5. Kurbatova, T. N. Graffiti: Subculture or Vandalism / T. N. Kurbatova, R. S. Vasilyeva. — Text : electronic // Psychology and Law. — 2013. — Vol. 3. — No. 2. [Graffiti: subkul'tura ili vandalizm / T. N. Kurbatova, R. S. Vasilyeva. — Tekst : elektronnyy // Psikhologiya i pravo. — 2013. — T. 3. — № 2]. — URL: [https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61020\\_full.shtml](https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61020_full.shtml) (date of access: 12.10.2020). — (In Rus.)
6. Lukov, V. A. Youth Subcultures in Modern Russia / V. A. Lukov. — Text : unmediated // Humanitarian Knowledge in the XXI Century. Humanitarian Knowledge: Development Trends in the XXI Century: in honor of the 70th anniversary of Igor Mikhailovich Ilyinsky / under total. ed. of V. A. Lukov. — Moscow : Publishing house of the National Institution of Business, 2006. — P. 478—505. [Molodezhnye subkul'tury v sovremennoy Rossii / V. A. Lukov. — Tekst : neposredstvennyy // Gumanitarnoe znanie v XXI veke. Gumanitarnoe znanie: tendentsii razvitiya v XXI veke: v chest' 70-letiya Igorya Mikhaylovicha Il'inskogo / pod obshch. red. Val. A. Lukova. — Moskva : Izd-vo Nats. in-ta biznesa, 2006. — S. 478—505]. — (In Rus.)
7. Omel'chenko, E. Youth Cultures and Subcultures / E. Omel'chenko. — Moscow : Institute of Sociology of RAS, 2000. [Molodezhnye kul'tury i subkul'tury / E. Omel'chenko. — Moskva : Institut sotsiologii RAN, 2000]. — URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/746192-1-e-omelchenko-molodezhnie-kulturi-subkulturi-m-izd-vo-institut-sociologii-ran-2000-isbn-5-89-697-051-x-kni.php> (date of access: 28.09.2029). — Text : electronic.
8. Petrenko, T. V. Personal Autonomy as a Factor of Social and Psychological Development in Adolescence / T. V. Petrenko, L. V. Sysoeva. — Text : unmediated // Actual Problems of Science: materials of the I All-Russian (extramural) scientific-practical. conf. (with international participation). Vol. 2 (sections “General Humanities” and “Historical sciences”) / under total. ed. of A. I. Vostretsov. — Neftekamsk : Science and Education, 2014. — 112 p. [Lichnostnaya avtonomiya kak faktor sotsial'no-psikhologicheskogo razvitiya v yunosheskom vozraste / T. V. Petrenko, L. V. Sysoeva. — Tekst : neposredstvennyy // Aktual'nye problemy nauki : materialy I Vseros. (zaoch.) nauch.-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem). T. 2 (sektzii «Obshchegumanitarnye nauki» i «Istoricheskie nauki») / pod obshch. red. A. I. Vostretsova. — Neftekamsk : Nauka i obrazovanie, 2014. — 112 s.]. — (In Rus.)
9. Porozov, R. Yu. Cultural and Educational Space of the City: monograph / R. Yu. Porozov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg : [s. l.], 2016. — 174 p. — Text : unmediated. [Kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo goroda : monogr. / R. Yu. Porozov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2016. — 174 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 N 2403-r “On the Approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025”. [Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 noyabrya 2014 g. N 2403-r «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy molodezhnoy politiki RF na period do 2025 g.»]. — URL: <https://base.garant.ru/70813498/> (date of access: 28.09.2020). — Text : electronic.
11. Sorokin, P. Social Stratification and Mobility / P. Sorokin. — Text : unmediated // Human. Civilization. Society / Pitirim Sorokin. — Moscow : [s. l.], 1992. — P. 302—373. — (Ser.: Thinkers of the XX Century). [Sotsial'naya stratifikatsiya i mobil'nost' / P. Sorokin. — Tekst : neposredstvennyy // Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo / Pitirim Sorokin. — Moskva : [b. i.], 1992. — S. 302—373. — (Ser.: Mysliteli XX veka)]. — (In Rus.)
12. Fris, S. Sociology of Youth / S. Fris. [Sotsiologiya molodezhi / S. Fris]. — URL: <https://studfile.net/preview/6152501/> (date of access: 15.10.2020). — Text : electronic.
13. Khoreva, E. A. Graffiti as a Socio-psychological Phenomenon / E. A. Khoreva, O. V. Khoreva. — Text : electronic // Student Scientific Forum : materials of the IX Intern. student scientific. conf. [Graffiti kak sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie / E. A. Khoreva, O. V. Khoreva. — Tekst : elektronnyy // Stucheskiiy nauchnyy forum : materialy IX Mezhdunar. studencheskoy nauch. konf.]. — URL: <http://scienceforum.ru/2017/article/2017030097> → <http://scienceforum.ru/2017/article/2017030097/> (date of access: 12.10.2020).

**О. Б. Януш**

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия  
ORCID ID: —

**Н. М. Мухарямов**

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия  
ORCID ID: —

**Л. М. Мухарямова**

Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия  
ORCID ID: 0000-0002-5016-6928

**E-mail:** yanush\_ob@yahoo.com; n.mukharyamov@yandex.ru; l.mukharyamova@yandex.ru.

## Языковая политика в теоретических контекстах неоинституционализма

**АННОТАЦИЯ.** В статье рассматриваются некоторые концептуальные перспективы исследования языковой политики с позиций подходов неоинституционализма — бурно развивающейся междисциплинарной отрасли социально-гуманитарного знания. Основное внимание уделено таким подходам, как рациональный выбор, вариант исторического институционализма («тропа зависимости»), роль идеологического фактора на макродискурсивном и частном прикладном уровне применительно к представлениям и принципам нормативно-регулятивного воздействия в области языкового функционирования. Авторы демонстрируют те аналитические направления, по которым парадигмальные установки институционального анализа могут быть использованы применительно к политико-языковым отношениям в современных российских условиях. При существовании нескольких межведомственных, правительственных и общественных структур единого полномочного органа, который был бы ответственным за языковую политику, в системе российской исполнительной власти не создано. О том, что современная языковая политика в России пока не получила достаточного институционального оформления, говорит незавершенность подготовки общего доктринального документа или акта стратегического планирования в этой области. Вектор развития языковой политики в России задается противоположными историческими ориентирами: содействие сохранению языкового многообразия (создание алфавитов для бесписьменных языков, мероприятия периода советского «языкового строительства» в 1920—1930 годы, институциональное закрепление идеознческих языков в контексте федеративной государственности и т. д.); установления, предназначенные для укрепления единого языка как инструмента коммуникации и властвования. В современной России разговор преимущественно ведется о нормативно-правовых актах и о присутствии языков в системе отечественного образования.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** языковые отношения; языковая политика; родные языки; народы России; рациональный выбор; неоинституционализм; лингвистические исследования.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51, ауд. Д-714а; e-mail: yanush\_ob@yahoo.com.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Мухарямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; 420066, Россия, г. Казань, ул. Красносельская, 51, ауд. Г-331; e-mail: n.mukharyamov@yandex.ru.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Мухарямова Лайсан Музиповна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, философии и социологии, Казанский государственный медицинский университет; 420012, Россия, г. Казань, ул. Бутлерова, 49, ауд. 202; e-mail: l.mukharyamova@yandex.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Януш, О. Б. Языковая политика в теоретических контекстах неоинституционализма / О. Б. Януш, Н. М. Мухарямов, Л. М. Мухарямова // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 156-165. — DOI 10.26170/pl20-06-17.

**БЛАГОДАРНОСТИ.** Исследование выполнено по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020 — 2022 гг.

Регулирующее воздействие на языковые отношения происходит через многообразные общественные институты. В этой области присутствуют «действующие лица», образующие глубоко диверсифицированную и многоуровневую картину. Сюда входят как

властно-управленческие инстанции, обладающие суверенными полномочиями (а также — межгосударственные формирования международного-политического уровня), так и, по словам Мануэля Кастельса, «параинституты» государства — «религиозные институ-

ты, университеты, образованные элиты, в некоторой степени медиа» [Кастельс 2017: 61]. Наконец, к институтам, играющим системную роль в языковой политике, необходимо относить и неполитические категории, такие как институты родства и в первую очередь институт семьи, что создает исключительно широкую — практически безграничную — панораму форм и способов участия.

Стоит упомянуть и присущий рассматриваемому тематическому комплексу нюанс, связанный с некоторым предубеждением ученых-языковедов семантического и стилистического порядка. Свидетельством тому примечательный историко-научный эпизод из сравнительно недавнего прошлого, связанный с тем, что на русский язык название работы Э. Бенвениста «*Le vocabulaire des institutions indo-européennes*» (1970) переведено как «Словарь индоевропейских социальных терминов». Общий редактор и автор вступительной статьи к переводу Ю. С. Степанов, поясняя это, ссылается на то, что в русском языке существуют «слова, обозначающие *социальные* явления, которые одновременно *социально осознаны* и „терминологизированы“ естественным образом в языке». С одной стороны, это «учреждения» или «установления», произведенные властью, с другой стороны, по-русски это слова ограниченной стилистической сферы — бюрократического языка, а «социальные институты» вообще не слово русского языка, но термин социологии [Степанов 1995: 5].

Эмиль Бенвенист (1902—1976) придерживался широкого понимания термина «институт», подразумевающего социальные установления. Это «не только классические институты права, государства, религии, но и те менее заметные институты, которые обнаруживаются в производстве, повседневной жизни, социальных связях, в процессе речевого общения и образа мысли» [Бенвенист 1995: 27].

Институционализм как самостоятельное направление в изучении языковой политики — в отличие от экономической теории, социологии, политической науки — все еще весьма далек от состоявшегося оформления. Наблюдается некоторая асимметрия векторов исследовательского внимания к «языку в институтах» и «институтам в языке». Первая из названных перспектив сегодня получает свои программные очертания в качестве области междисциплинарных разработок [см., напр.: Иншаков, Фролов 2010]. Во втором направлении, связанном с осмыслением институциональных факторов языковой политики, только делаются первые шаги в сторону синтеза социолингвистики и политической

науки [см., напр.: Борисова, Бородина 2017; Борисова 2017].

В зарубежных научных публикациях по текущему состоянию разработки темы, касающиеся языковой политики в связи с современным институциональным пространством, также оцениваются как сравнительно «неисследованные» (или, по-другому — «не нанесенные на карту») [Codó 2018].

Проблема в данном случае состоит, разумеется, не в том, что субъекты языковой политики оказываются вне поля зрения исследователей, что само по себе выглядело бы чем-то непредставимым. Вопрос в том, насколько специализированы и подвергнуты концептуальной рефлексии подходы к политике применительно к языковым отношениям с точки зрения рассматриваемой здесь эвристики.

Во-первых, не всякий анализ институтов как таковых происходит в эпистемологических рамках той дисциплины, о которой здесь идет речь. «Среди институционалистов практически общепризнанна необходимость проводить различие между исследованием политических институций, с одной стороны, и институциональными исследованиями — с другой», — отмечают С. В. Патрушев и Л. Е. Филиппова. Первое отсылает к предметной области. Второе относится к институционализму как методологии исследования. Предметом институционального исследования являются не только и даже не столько политические институты. «...Институциональные теории описывают, как происходит идентификация индивидуальных предпочтений и как они суммируются на уровне коллективного выбора» [Современная политическая наука 2019: 112—113]. Отсюда — намерения отойти от описания структур и процессов и, напротив, сосредоточиться на теории и на понятийном круге, в центре которого — «институциональная среда», «институциональные практики», «политические установления» и т. п. Словом, эта методологическая позиция выражается в поиске способов такого видения, которое соотносит формальные и неформальные нормы (и правила), политико-юридические и социальные рамки, в которых взаимодействуют люди в «типичных ситуациях» [Там же]. В этом же логическом русле формулируется суждение о том, что институциональные процессы, по Пьеру Бурдьё, несводимы к определенным формам организаций, к бюрократическим структурам, но скорее представляют набор социальных отношений индивидов с властью, различного рода статусами и ресурсами [Roberts 2011].

Во-вторых, рассматриваемый в данном случае предмет артикулируется в весьма

широких смысловых пределах и с некоторым акцентированием фактора индивидуальности. «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями (в оригинале использован термин «акторы». — Н. М., О. Я., Л. М.) разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт» [Бергер, Лукман 1995: 93]. Такому пониманию институтов свойственна историчность. Иными словами, институты — это то, что уже существует в качестве объективной реальности еще до рождения индивида и будет существовать после его смерти. «В этом отношении институты оказываются для индивида внешними, сохраняющими свою реальность, независимо от того, нравятся она ему или нет. Он не может избавиться от них... Институты сопротивляются его попыткам изменить их или обойтись без них. Они имеют над ним принудительную власть и сами по себе, благодаря силе своей фактичности, и благодаря механизмам контроля, которыми обычно располагают наиболее важные институты. Объективная реальность институтов не становится меньше от того, что индивид не понимает их цели и способа действия» [Там же].

В-третьих, в процессе конституирования интердисциплинарного исследовательского поля — институциональной лингвистики — специальным образом было заявлено, что в роли концептуального ядра здесь выступает принципиальная потребность различения категорий «институция» и «институт» и отказа от их искусственного отождествления. В рамках теории институциональных номинаций основополагающим становится понимание институции как «социальной формы признания и закрепления обособившихся способов человеческой деятельности с присутствующими им атрибутами (правилами, нормами, статусами и т. д.)». Институциональный фактор, следовательно, присущ любым актам и процессам этой деятельности, а «действительным содержанием институции является социально укорененное, типичное, обособленное действие, способное к закреплению в качестве постоянно воспроизводимой функции индивидуальных и коллективных субъектов, которые становятся представителями (агентами) данной институции» [Иншаков, Фролов 2010].

В-четвертых, в современных теоретических рефлексиях о политической науке, изложенных в 1990-х годах в наиболее систематизированном виде, содержатся ключевые постулаты относительно данной темы. Институты «не могут быть изменены в одночасье по воле агентов», они не меняются

«так же часто, как властные структуры или иные существующие параллельно с ними общественные структуры». Далее, они «не конструируются, но, скорее, эволюционируют». Политические институты нельзя сводить только к формализованным правилам (к тому, что было записано на бумаге), но также — и ко всем типам «постоянно повторяющегося поведения», к «привычкам» и «культуре». Это — не только «правила игры», но и факторы, воздействующие на ценности, в том числе — на коллективную идентичность, доверие и солидарность. Наконец, восприятие политики в новейших концептуальных образах связано с ее пониманием как «ограниченного применения социальной власти». Историческое наследие, случайность, природа социальных правил и политических режимов, их возможностей — это многослойная модель таких ограничителей [Политическая наука 1999: 43].

Приведенные способы понимания предмета открывают новые перспективы и служат приращению эвристических возможностей при исследовании языковой политики, преодолевая традиционно сложившиеся рамки субдисциплины для придания ей межотраслевого статуса в социальном познании.

В практике исследования языковой политики можно найти примеры — конкретные случаи — использования эпистемологии, подходов, инструментов и техник институционального анализа. Не претендуя на сколько-либо полный обзор (нео)институциональных подходов к этой предметной области, можно привести несколько достаточно репрезентативных примеров.

Одно из обозначившихся направлений — применение приемов, характерных для экономического неoinституционализма. Широкую известность получили разработки Дэвида Лэйтина в рамках парадигмы рационального выбора по проблематике этнических конфликтов, идентичности и, что наиболее показательно в рассматриваемом контексте, — языковой политики. Этот автор, которого относят к мэтрам современной американской политологии, неоднократно использовал в своих исследованиях инструментарий теории игр. Одна из его статей называется «Вавилонская башня как координационная игра. Политическая лингвистика в Гане» [Laitin 1994]. Декларируя релевантность соответствующего инструментария экономического неoinституционализма для изучения этнолингвистических материй, этот влиятельный специалист энергично призывает отказаться от противопоставления рациональности и культуры, которая традиционно ассоциируется с аффективными началами. Экономи-

ческая деятельность также испытывает воздействие обычаев. С другой стороны, «рациональное» не тождественно «материальному». Соображения максимизации статусов и чести (элементов идентичности) могут основываться на калькуляциях так же, как и калькуляция благосостояния [Laitin 1998]. Техника анализа политико-языковых вопросов (главным образом — в постколониальных контекстах), применяемая Д. Лэйтиным, базируется на принципах «равновесия Дж. Нэша», концепции конфликта и кооперации в версии теории координационных игр Т. Шеллинга (нобелиатов в области экономики). Языковую политику в бывших африканских колониях он предлагает строить с учетом комбинаторики теории игр, когда результат может выглядеть как а) оптимальный для всех участников игры, но неустойчивый; б) устойчивый, но неоптимальный. Равновесный результат в обществах с различным типом многоязычия при этом предлагается описывать формулами « $3 \pm 1$ » или « $3 + 1$ ». Первый вариант отражает ситуацию в таких странах, как Индия, Индонезия, Кения (жители разных регионов должны овладеть либо двумя языками — языком бывшей метрополии как *lingua franca* и широко применяемым идеоэтническим кодом в качестве общенационального языка, либо четырьмя, т. е. двумя, названными выше, а также наиболее распространенным языком своего региона плюс регионального меньшинства). Второй вариант подходит для таких государств, как, например, Гана, где рационализация потребует знания международного, общенационального (наделяемого гипотетическим институциональным рангом), регионального и регионально-миноритарного языков, которые используются в различных «доменах» [Laitin 1992, 1994]. Искомое равновесие зависит не только от «свободного рынка языковых инвестиций», но и от вмешательства государства с его волей и мотивациями. При этом, как подчеркивает сам автор, используемая абстрактная модель не дает каких-то точных решений применительно к «проклятью Вавилона», но, скорее, предлагает аналитическую репрезентацию, способствующую поиску решений [Laitin 1994].

Приложения методологии рационального выбора, включая теории игр, к этнолингвистическим отношениям вызывают как положительное отношение в академических кругах, так и возражения оппонентов. Существенно то, что подходы Д. Лэйтина способствуют лучшему пониманию роли языковых «вопросов» в политической повестке, в частности в конкуренции элит. С другой сторо-

ны, аргументы критиков оперируют такими квалифицирующими характеристиками, как недостаточность историзма и учета традиций, инструментализм, отождествление этнических и языковых сообществ лишь с одной из разновидностей групп интересов. Один из упреков состоит в том, что рационализация и эффективность понимается в данном случае как языковая унификация до тех пор, пока политическая стабильность не сталкивается с угрозами [Sonntag, Cardinal 2015].

Второе исследовательское направление в области языковой политики, относящееся к рассматриваемому методологическому разряду, — исторический неоинституционализм, представляющий собой один из альтернативных вариантов данной парадигмы в противовес рациональному выбору, экономическим аспектам и методологическому индивидуализму. Гносеологическим ядром здесь выступает концепт «тропы зависимости» (*“path dependency”*), играющий роль своеобразного пароля в академической стилистике (роль, вероятно, аналогичную той, которую играют «*транзакционные издержки*» в исследованиях институциональной экономики). Объяснительная функция понятия, описывающего эволюцию институтов, строится на выявлении того, как изменения в среде общества соотносятся с трансформацией давно укоренившихся установлений, насколько институциональная динамика зависит от опыта пройденного пути. Смысл исторического детерминизма этой версии неоинституционализма состоит в том, чтобы определить границы, заданные прошлыми траекториями, и ту степень, в которой они ограничивают выбор людей и политических акторов [Сморгунов 2012: 72].

Специфичным комбинациям традиций, государственной политики и институтов применительно к языковому устройству общества посвящен академический проект Международной ассоциации политической науки (IPSA) и его исследовательского комитета «Политика языка» (RC50). Определяющая методологическая установка проекта и итоговой монографии связана с использованием категорий неоинституционализма — «традиции государства» и «тропа зависимости» — в перспективах сравнительной политической науки. Авторы показывают, каковы системные особенности языковых режимов с различающимися типами институционализации. К примеру, ценности многоязычия могут не подчеркиваться, а языковая политика — не концептуализироваться как область публичной политики, служащая социальным и образовательным интересам в условиях либеральных рыночных и политических инсти-

тутов и в целях экономической конкурентоспособности (США) [Sonntag 2015]. Как контрастирующий пример — французы, которые, в отличие от британцев с их неписаной конституцией, воспринимают свой язык как «неотъемлемую часть государственного аппарата. ...воспринимают институты со всем их чиновничеством и язык со всеми его правилами» [Safran 2015].

Далее, перспективы концептуализации языковой политики как институционально оформленной области рассматриваются в зарубежных публикациях в связи с макро-идеологическими контекстами. Исследователи, специализирующиеся в области языковой политики, демонстрируют растущий интерес к тому, каковы последствия доминирования принципов неолиберализма. Рыночные принципы и идеология «свободного выбора» будут срабатывать в пользу языков глобального ранга (особенно — английского языка). С другой стороны, в условиях экономики знаний в эпоху позднего модерна особая роль принадлежит коммуникации и символическому производству, вследствие чего языковая политика служит орудием в руках неолиберальных сил [Piller, Cho 2013]. В ситуации глобального распространения рыночных принципов язык и многоязычие «превращаются в товар» (становятся предметом *маркетинга* и *коммодификации*, рыночного обмена, рассматривается в ценовых категориях и прибыли). Институциональный неолиберализм предполагает свободную циркуляцию капиталов, людских потоков и «семиотических практик», захватывает науку и университетское образование. С этим связаны перспективные исследовательские задачи — «изучение языковой по-

литики и языкового планирования в институциональных пространствах, претерпевающих воздействие неолиберализма, и необходимость понять переплетение этих пространств с появляющимися социоэкономическими, политическими и моральными порядками, так же как изучение условий, сдержек и возможностей языковой политики в специфических институциональных локациях» [Codó 2018].

Противоположная по отношению к неолиберальным представлениям о языке в обществе позиция — это круг представлений и подходов, характерных для критической социолингвистики и критических концепций языковой политики и языкового планирования. Она широко представлена в идейно-теоретическом дискурсе о языках и политике и ориентирована на выявление факторов неравенства и доминирования в языковых отношениях. Соответствующая оппозиция затрагивает также концептуальные образы многоязычия: «эффективность / инструментализм» vs «толерантность / инклюзивность».

Многоязычие в неолиберальной версии трактуется в категориях иерархичности и утилитарного видения мультилингвальной компетенции, то есть *глотто-разнообразия* (*glottodiversity*), тогда как в критической перспективе — в смысле *семио-разнообразия* (*semiodiversity*) [Канагараджа 2016]. На этом же горизонте в институциональной среде языковой политики в качестве оппозиции неолиберальным принципам противопоставляется лингвоэкологическая (или так называемая «зеленая») парадигма, ценностно ориентированная на всемерное сохранение культурно-языкового многообразия.

Таблица 1

Неолиберальная и критическая ориентации в отношении мультилингвизма	
<i>Неолиберальный дискурс</i>	<i>Критический дискурс</i>
<i>Упрощенный</i>	<i>Расширенный</i>
<i>Мультилингвизм</i>	<i>Мультилингвизм</i>
Сценарии	Голос (речь)
Стандартизация	Смешение
Разделение	Синергия
Форма	Стратегия
Инструментальность	Экологичность
Автономия	Совместимость
<i>или</i>	<i>или</i>
Трансцендентальная агентивность	Дистрибутивная агентивность

Наконец, в практике зарубежных исследований институциональных моделей языковой политики предложен еще один способ концептуализации предмета — в более «прикладном», доступном для верификации виде. Это, к примеру, трехуровневая аналитическая конструкция. Одно из ее измерений включает субъектный состав участников: на макроуровнях (законодатели), на мезоуровнях (администраторы) и на микроуровнях (учителя). Второе измерение выделяет направления практического проведения: (1) документирование языковой политики в тестах законодательства; (2) дискурсы о языковой политике, или ее отражение в информационном пространстве; (3) институциональные модели, или государственные стандарты. Этот способ видения языковой политики предполагает системное использование институциональных подходов — от языковых идеологий, производимых институтами, до словарей и научно-исследовательских структур [Fitzsimmons-Doolan 2019].

Приемы рассмотрения языковой политики с позиций неoinституционализма обладают немалым познавательным потенциалом применительно к российским контекстам.

Актуализация соответствующих способов теоретизирования и аналитического инструментария в нынешней ситуации с языковой политикой в нашей стране имеет значение даже, наверное, не столько в проективном смысле, но скорее с точки зрения оценки имеющихся «лакун». В проводимой в России государственной языковой политике есть зоны, которые пребывают в состоянии институциональной недостаточности или своеобразной «разреженности». Если взглянуть на предмет сквозь призму традиционного, или «старого» понимания институтов, то обращают на себя внимание несколько обстоятельств. Прежде всего, институты в «классическом» понимании — это и регуляторы деятельности и поведения действующих в политике субъектов, и политические образования в виде учреждений и организаций, «формальных управленческих структур» [Современная политическая наука 2019: 112—113]. Так, во время обсуждения задач, связанных с формированием продуманной, сбалансированной, активной и целостной языковой политики, в Совете по русскому языку при Президенте России прозвучали слова о нынешней ее «бесхозности», сказанные советником главы государства В. И. Толстым [Заседание Совета по русскому языку 2019]. При существовании нескольких межведомственных, правительственных и общественных структур единого

полномочного органа, который был бы ответственным за языковую политику, в системе российской исполнительной власти не создано. Соответствующие «вопросы» закреплены отчасти за ведомствами образования, науки и просвещения, отчасти — за Федеральным агентством по делам национальностей, отчасти же относятся к структурам, продвигающим русский язык и культуру в международном пространстве. Однако очевидно, что языковые отношения (в интер- и интралингвальных своих проявлениях) по своей сущности не сводятся только лишь к образовательной или «межнациональной» сферам. По-прежнему злободневно продолжает звучать предупреждение академика В. М. Алпатова: «А если нет целенаправленной политики, ее место занимает рыночная стихия» [Алпатов 2010].

О том, что современная языковая политика в России пока не получила достаточно институционального оформления, говорит незавершенность подготовки общего доктринального документа или акта стратегического планирования в этой области. Одна из очевидных «лакун», о чем было сказано выше, состоит в дефиците субстантивного целеполагания — того, что составляет существо категории «политика» [Ильин 2016]. В этом смысле установка, связанная с «сохранением и развитием языков народов России», требующая «обеспечения прав граждан на изучение родных языков» или связанная с созданием соответствующих «оптимальных условий» для их функционирования, выглядит недостаточно определенной. Одно из редких исключений в нормативно-правовом дискурсе — это целевая формула, содержащаяся в федеральной целевой программе «Русский язык» на 2002—2005 годы. В документе было записано: «Основой языковой политики, включая политику в области образования, является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением Российской Федерации, поощряется изучение национальных языков населением ее республик и создаются условия для гармоничного взаимодействия русского языка с другими языками Российской Федерации». Следует, однако, признать, что приведенная установка в дальнейшем не стала воспроизводимой, т. е. не получила институциональной значимости.

Нынешнее состояние языковой политики в Российской Федерации, если оценивать его с позиций неoinституционализма, демонстрирует сложное сочетание элементов,

связанных с «тропой зависимости», с влиянием опыта предшествующих траекторий и факторов инерционности. Это и многократные и кардинальные трансформации общественного строя и, соответственно, всех привычных социально-культурных установлений. Сюда же можно отнести традиции отечественной правовой культуры с ее преемственностью, начиная с дореволюционных времен и с советскими историческими фазисами. Правовые регуляторы языковых (в том числе этнолингвистических) отношений в нашей стране действуют по историческим меркам сравнительно недавно. «Тропа», задающая вектор языковой политики в нашем случае, всегда была довольно извилистой. Ее направленность изначально определялась разными ориентирами. Курс следования здесь испытывал воздействие ситуативных особенностей, порождаемых двумя началами. Первое — это содействие сохранению языкового многообразия (создание алфавитов для бесписьменных языков, мероприятия периода советского «языкового строительства» в 1920—1930-х гг., институциональное закрепление идеознических языков в контексте федеративной государственности и т. д.). Второе — установления, предназначенные для укрепления единого языка как инструмента коммуникации и властвования. Правовая норма относительно того, что «употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами» наряду с закреплением общегосударственного статуса русского языка, закрепленная в «Своде основных государственных законов Российской Империи» в апреле 1906 года, дальнейшего правового оформления не получила. Языковая жизнь народов Союза ССР, как известно, законами также не регулировалась. Первые нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения по поводу языков — государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик в ее составе, принимались с начала 1990-х годов в условиях крайне противоречивой политической конъюнктуры дезинтеграции [Мухарямов, Януш 2020]. Следовательно, есть достаточные основания для того, чтобы идентифицировать «тропу зависимости» в рассматриваемой теме с приоритетом политико-административной воли властей страны (часто в инструментально-ситуативном ключе), с одной стороны, и энергичным применением мер индоктринации, с другой стороны.

Если говорить об идеологических изменениях институтов языковой политики, то на макроуровне происходили не только фунда-

ментальные дуально-реверсивные («манхейские») смены эпох, но и непрерывные колебания смысловых акцентов на тех или иных исторических отрезках. Как записано в ведомственной «Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации» (одобрена приказом Минобрнауки от 3 августа 2006 г. N 201), российская образовательная языковая политика в полиэтничных условиях была «направленной на профилактику сепаратизма еще в конце XVIII века. Последующие два столетия характеризовались поиском организационных решений, которые сделали бы образовательные учреждения с нерусским языком обучения инструментом национально-политических задач». Однако говорить о воспроизводимости идейных оснований — этом сущностном атрибуте институтов — не получается в любом случае. Что же касается прикладных аспектов, или идеологических оснований языковой политики в более частно-научном (социолингвистическом) смысле, то в этой исследовательской области делаются лишь первые шаги в направлении теоретической рефлексии и прогностического моделирования [Биткеева, Вингендер 2020].

Применительно к верифицируемым измерениям институтов языковой политики в современной России можно, вероятно, достаточно достоверно констатировать: разговор по преимуществу ведется, с одной стороны, о нормативно-правовых актах (в том числе — подзаконных ведомственных документах, концепциях и проч.) и, с другой — о присутствии языков в системе отечественного образования. В соответствующей повестке федеральной исполнительной власти, помимо этого, начинают фигурировать положения, которые по утвердившейся традиции относят к мерам «планирования корпуса» в отличие от «планирования статуса». К примеру, недавно учрежденной Правительственной комиссии по русскому языку (август 2020 г.) вменяется в обязанности разработка требований к словарям, нормирующим русский литературный язык «при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации», определения порядка экспертизы грамматик, словарей и справочников, правил русской орфографии и пунктуации и, что принципиально в рассматриваемом контексте, — разработка концепции государственной языковой политики.

Упомянутая выше институциональная «разреженность» касается такого аспекта образовательной языковой политики, как учебники и — в целом — организационно-методическая инфраструктура изучения

родных языков. Преподавать эти языки на законных основаниях можно при соблюдении многочисленных разрешительных процедур и на основе экспертизы примерных образовательных программ, учебников или пособий, рабочих тетрадей и проч. Судя по официальным сведениям, заключения, необходимые для включения в федеральный перечень учебников по родным языкам (родной литературе), в 2016 г. были выданы «пакетам» по абазинскому, алтайскому, башкирскому, татарскому, хакасскому, чеченскому, якутскому языкам. Ситуация не может расцениваться как институционально обеспеченная и в связи с тем, что при наличии приблизительно восьми десятков родных языков народов страны примерные основные образовательные программы (ПООП) в соответствующий реестр в 2020 г. были включены в форме полных комплектов — для всех уровней образования — только по семи родным языкам, не считая русского (по башкирскому, карачаево-балкарскому, крымско-татарскому, татарскому, украинскому, хакасскому, чеченскому); для начального и основного образования по родным языкам и родной литературе — по пяти языкам (алтайскому, кабардино-чеченскому, казахскому, удмуртскому, якутскому); только по родному языку — по трем языкам (вепсскому, карельскому, финскому); также зарегистрированы комплекты ПООП только по родному языку для ступеней начального и основного общего образования (по языкам коми и чувашскому); только для начального образования (по мокшанскому и эрзянскому языкам). По 55 языкам такие комплекты либо не разработаны, либо находятся на стадии экспертизы [Методические рекомендации 2020]. Следует отметить, что конкретные параметры включены в различные государственные программы и подпрограммы в качестве индикаторов практической имплементации. Иными словами, оформление этого сегмента языковой политики пробивает себе дорогу через сложные бюрократические процедуры, которые иногда называют «институциональными ловушками».

В заключение имеет смысл еще раз отметить, что подходы к рассматриваемому предмету с позиций неонституционализма не могут сулить какого-то оперативного программно-сценарного или моделирующего эффекта. Смысл их применения состоит скорее в том, чтобы разнообразить аналитические приемы. В исследовательском поле современной российской языковой политики еще только предстоит содержательно осмыслить потенциал и роль виртуальных или, к примеру, религиозных институтов. Оче-

видно вместе с тем, что институциональные принципы могут сослужить полезную службу для изучения среды проводимой языковой политики с точки зрения баланса формальных и неформальных измерений, структурной и индивидуальной субъектности, языковых отношений и регулятивного воздействия в макро-, мезо- и микроперспективах, соотношения режимов *de jure* и *de facto*.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов, В. М. Двадцать лет спустя / В. М. Алпатов. — Текст : непосредственный // Язык и общество в современной России и других странах : Международная конференция, Москва, 21—24 июня 2010 г. : доклады и сообщения. — Москва : Тезаурус, 2010. — С. 1—5.
2. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс-Универс, 1995. — Текст : непосредственный.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — Москва : Academia-центр : Медиум, 1995. — Текст : непосредственный.
4. Биткеева, А. Н. Сценарии в языковой политике России: вопросы концепции и методологии / А. Н. Биткеева, М. Вингендер. — Текст : непосредственный // Социолингвистика. — 2020. — № 1. — С. 34—53.
5. Борисова, Н. В. Языковая преференциальная политика как тема и арена баланса / дисбаланса в межэтнических отношениях / Н. В. Борисова, Л. С. Бородина. — Текст : непосредственный // Балансируя притязания: этническое региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П. В. Панова. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — С. 164—165.
6. Борисова, Н. В. Когда язык в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях / Н. В. Борисова. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 189 с. — Текст : непосредственный.
7. Даль, Р. О демократии / Р. Даль. — Москва : Аспект Пресс, 2000. — 208 с. — Текст : непосредственный.
8. Заседание Совета по русскому языку. В Екатерининском зале Кремля состоялось заседание Совета при Президенте по русскому языку // Президент России : сайт. — 2019. — 5 нояб. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 15.09.2020). — Текст : электронный.
9. Ильин, М. В. Что может дать анализ перформативов? / М. В. Ильин. — Текст : непосредственный // Политическая наука. — 2016. — № 4. — С. 264.
10. Иншаков, О. В. Лингвистика институциональной экономики / О. В. Иншаков, Д. П. Фролов. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. — С. 7, 18, 21. — Текст : непосредственный.
11. Канагараджа, С. Мультилингвальная педагогика нелиберального времени: расчистка территории и планирование движения вперед / С. Канагараджа. — Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2016. — № 2. — С. 16—17.
12. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. — Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — Текст : непосредственный.
13. Методические рекомендации по разработке и оформлению примерных основных образовательных программ предметных областей «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература». — Москва, 2020. — 20 с. — Текст : непосредственный.
14. Мухарямов, Н. М. Историческая интертекстуальность в российском правовом дискурсе о языках / Н. М. Мухарямов, О. Б. Януш. — Текст : непосредственный // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — 2020. — № 71. — С. 39—48.
15. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудинаи, Х.-Д. Клингеманна ; науч. ред. русск. изд. Е. Б. Шестопал. — Москва : Вече, 1999. — С. 43, 154, 161, 167, 170. — 815 с. — Текст : непосредственный.

16. Сморгун, Л. В. Сравнительная политология / Л. В. Сморгун. — Санкт-Петербург : Питер, 2012. — Текст : непосредственный.

17. Современная политическая наука : методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. — Москва : Аспект Пресс, 2019. — Текст : непосредственный.

18. Степанов, Ю. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке о культуре / Ю. Степанов. — Текст : непосредственный // Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс-Универс, 1995. — С. 5—25.

19. Codó, E. Language Policy and Planning, Institutions, and Neoliberalisation / E. Codó. — Text : unmediated // The Oxford Handbook of Language Policy and Planning / ed. by James W. Tollefson and Miguel Pérez-Milans. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2018. — P. 480.

20. Fitzsimmons-Doolan, Sh. Language ideologies of institutional language policy: exploring variability by language policy register / Sh. Fitzsimmons-Doolan. — Text : unmediated // Language Policy. — 2019. — No 18. — P. 170, 173—174.

21. Laitin, D. Language repertoires and state construction in Africa / D. Laitin. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1992. — 205 p. — Text : unmediated.

22. Laitin, D. The Tower of Babel as a Coordination Game: Political Linguistics in Ghana / D. Laitin. — Text : unmediated //

American Political Science Review. — 1994. — Vol. 88. — No 3. — P. 631, 634.

23. Laitin, D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad / D. Laitin. — Ithaca, London : Cornell Univ. Pr., 1998. — P. 366. — Text : unmediated.

24. Piller, I. Neoliberalism as language policy / I. Piller, J. Cho. — Text : unmediated // Language in Society. — 2013. — Vol. 42. — Iss. 1. — P. 23—44.

25. Roberts, C. Institutional discourse / C. Roberts. — Text : unmediated // The Routledge Handbook of Applied Linguistics. — London ; New York : Routledge, 2011. — P. 82.

26. Safran, W. Postscript: Reflection on States and the Uses of Language // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 258. — Text : unmediated.

27. Sonntag, S. K. Introduction: State Traditions and Language Regimes: Conceptualizing Language Policy Choices / S. K. Sonntag, L. Cardinal. — Text : unmediated // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 11.

28. Sonntag, S. K. State Tradition and Language Regime in the United States: Time for Change? / S. K. Sonntag. — Text : unmediated // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 44—61.

#### O. B. Yanush

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia  
ORCID ID: —

#### N. M. Mukharyamov

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia  
ORCID ID: —

#### L. M. Mukharyamova

Kazan State Medical University, Kazan, Russia  
ORCID ID: 0000-0002-5016-6928

E-mail: yanush\_ob@yahoo.com; n.mukharyamov@yandex.ru; l.mukharyamova@yandex.ru.

## Language Policy in Theoretical Contexts of Neoinstitutionalism

**ABSTRACT.** *The article deals with some conceptual perspectives of investigation of language policy from the positions of neoinstitutionalist approaches – rapidly developing interdisciplinary branch of socio-humanitarian knowledge. Primary attention is paid to such approaches as rational choice, variant of historical institutionalism (“path dependence”), and the role of the ideological factor on the macrodiscursive and specific applied levels with relation to the concepts and principles of normative-regulatory intervention in the field of language functioning. The authors demonstrate those analytical areas in which paradigmatic purposes of institutional analysis may be used with reference to politico-linguistic relations under modern Russian conditions. While there are several interdepartmental, government and public structures, there is no one sole fully authoritative body which would be responsible for language policy in the system of the Russian executive power. The fact that the modern Russian language policy has not yet been institutionally formed is corroborated by the incomplete process of preparation of the final doctrinal documents or act of strategic planning in this area. The development vector of language policy in Russia is determined by opposite historical benchmarks: facilitation of preservation of language diversity (creation of alphabets for unwritten languages, measures of the period of the Soviet “language construction” in the 1920s-1930s, institutional fixation of ideoethnic languages in the context of federal statehood, etc.); regulations designed to support the uniform common language as an instrument of communication and governance. In modern Russia, the problem is associated with normative-regulatory acts and the presence of languages in the system of Russian education.*

**KEYWORDS:** *language relations; language policy; native languages; peoples of Russia; rational choice; neoinstitutionalism; linguistic research.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Yanush Ol'ga Borisovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Mukharyamov Nail' Midkhatovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia.*

**AUTHOR'S INFORMATION:** *Mukharyamova Laysan Muzipovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of History, Philosophy and Sociology, Kazan State Medical University, Kazan, Russia.*

**FOR CITATION:** *Yanush, O. B. Language Policy in Theoretical Contexts of Neoinstitutionalism / O. B. Yanush, N. M. Mukharyamov, L. M. Mukharyamova // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 156-165. — DOI 10.26170/pl20-06-17.*

**ACKNOWLEDGMENTS.** The research is accomplished under the Program of Fundamental and Applied Scientific Research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity” 2020-2022.

#### REFERENCES

- Alpatov V.M. Twenty years later // Language and society in modern Russia and other countries: International conference, Moscow, June 21-24, 2010: reports and messages. — Moscow: Thesaurus, 2010. P. 1 — 5. [Dvadcat' let spustja // Jazyk i obshchestvo v sovremennoj Rossii i drugih stranah: Mezhdunarodnaja konferencija, Moskva, 21-24 ijunja 2010 g.: doklady i soobshhenija. — M.: Tezaurus, 2010. S. 1 — 5]. — (In Rus.)
- Benvenist Je. Dictionary of Indo-European Social Terms. — Moscow: Progress-Univers, 1995. P. 27. [Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov. — M.: Progress-Univers, 1995. S. 27]. — (In Rus.)
- Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. — Moscow: Academia-center, Medium, 1995. P. 93. [Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. — M.: Academia-centr, Medium, 1995. S. 93]. — (In Rus.)
- Bitkeeva A.N., Vingender M. Scenarios in the language policy of Russia: issues of concept and methodology // Sociolinguistics. 2020. No. 1. P. 34 -53. [Scenarii v jazykovoj politike Rossii: voprosy koncepcii i metodologii // Sociolingvistika. 2020. № 1. S. 34 — 53]. — (In Rus.)
- Borisova N.V., Borodina L.S. Language preferential policy as a topic and arena of balance / imbalance in interethnic relations // Balancing claims: ethnic regional autonomies, state integrity and the rights of ethnic minorities / ed. by P.V. Panov. — Moscow: Political Encyclopedia, 2017. P. 164 — 165. [Jazykovaja preferencial'naja politika kak tema i arena balansa / disbalansa v mezhetnicheskikh otnoshenijah // Balansirujta pritzazaniya: jetnicheskoe regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava jetnicheskikh men'shinstv/ pod red. P.V. Panova. — M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2017. S. 164 — 165]. — (In Rus.)
- Borisova N.V. When a Language is on Fire: Contestation Language Regimes as a Challenge to Balance in Interethnic Relations. — Moscow: Political Encyclopedia, 2017. 189 p. [Kogda jazyk v ognе: osparivanie jazykovyh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnoshenijah. — M.: Politicheskaja jenciklopedija, 2017. 189 s.]. — (In Rus.)
- Dal' R. About democracy. — Moscow: Aspect Press, 2000. 208 p. [O demokratii. — M.: Aspekt Press, 2000. 208 s.]. — (In Rus.)
- Meeting of the Russian Language Council. A meeting of the Presidential Council on the Russian language took place in the Catherine Hall of the Kremlin. November 5, 2019. [Zasedanie Soveta po russkomu jazyku. V Ekaterininskom zale Kremlja sostojalos' zasedanie Soveta pri Prezidente po russkomu jazyku. 5 nojabrja 2019]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (date of access: 15.09.2020).
- Il'in M.V. What can analysis of performatives give? // Political Science. 2016. No. 4. P. 264. [Chto mozhet dat' analiz performativov? // Politicheskaja nauka. 2016. No. 4. S. 264]. — (In Rus.)
- Inshakov O.V., Frolov D.P. Linguistics of Institutional Economics. — Volgograd: VolSU Publishing House, 2010. P. 7, 18, 21. — [Lingvistika institucional'noj jekonomiki. — Volgograd: Izd-vo VolGU, 2010. S. 7, 18, 21]. — (In Rus.)
- Kanagaradza S. Multilingual pedagogy of neoliberal time: clearing the territory and planning forward movement // Social and Human Sciences in the Far East. 2016. No 2. P. 16. [Mul'tilingval'naja pedagogika neoliberal'nogo vremeni: raschistka territorii i planirovanie dvizhenija vpered // Social'nye i gumanitarne nauki na Dal'nem Vostoke. 2016. No 2. S. 16.]. — (In Rus.)
- Kastel's M. The power of communication. — Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2017. P. 61. [Vlast' kommunikacii. — M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2017. S. 61]. — (In Rus.)
- Methodological recommendations for the development and design of exemplary basic educational programs of the subject areas “Native language and literary reading in the native language” and “Native language and native literature”. — Moscow, 2020. 20 p. [Metodicheskie rekomendacii po razrabotke i oformleniju primernyh osnovnyh obrazovatel'nyh programm predmetnyh oblastej «Rodnoj jazyk i literaturnoe chtenie na rodnom jazyke» i «Rodnoj jazyk i rodnaia literatura». — M., 2020. 20 s.]. — (In Rus.)
- Mukharjamov N.M., Yanush O.B. Historical intertextuality in the Russian legal discourse about languages // Dialogue with time. Almanac of Intellectual History. 2020. No. 71. P. 39 — 48. [Istoricheskaja intertekstual'nost' v rossijskom pravovom diskurse o jazykah // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 2020. No. 71. S. 39 — 48]. — (In Rus.)
- Political Science: New Directions / Ed. R. Goudinai, H.-D. Klingemann; Sci. ed. of the Russian ed. by E. B. Shestopal. — Moscow: Veche, 1999. P. 43, 154, 161, 167, 170. [Politicheskaja nauka: novye napravlenija / Pod red. R. Gudinai, H.-D. Klingemanna; Nauch. red. russk. izd. E.B. Shestopal. — M.: Veche, 1999. S. 43, 154, 161, 167, 170]. — (In Rus.)
- Smorgunov L.V. Comparative Political Science. — Saint Petersburg: Peter, 2012. P. 72. [Sravnitel'naja politologija. — SPb.: Piter, 2012. S. 72]. — (In Rus.)
- Modern political science: Methodology / Ex. ed. by O.V. Gaman-Golutvina, A.I. Nikitin. — Moscow: Publishing House “Aspect Press”, 2019. P. 112 — 113. [Sovremennaja politicheskaja nauka: Metodologija / Otv. red. O.V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. — M.: Izd-vo «Aspekt Press», 2019. S. 112 — 113]. — (In Rus.)
- Stepanov Ju. “Words”, “concepts”, “things”. Towards a new synthesis in the science of culture // Dictionary of Indo-European social terms. — Moscow: Progress-Univers, 1995. P. 5. [«Slova», «ponjatija», «veshhi». K novomu sintezu v nauke o kul'ture // Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov. — M.: Progress-Univers, 1995. S. 5]. — (In Rus.)
- Codó, E. Language Policy and Planning, Institutions, and Neoliberalisation / E. Codó. — Text : unmediated // The Oxford Handbook of Language Policy and Planning / ed. by James W. Tollefson and Miguel Pérez-Milans. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 2018. — P. 480.
- Fitzsimmons-Doolan, Sh. Language ideologies of institutional language policy: exploring variability by language policy register / Sh. Fitzsimmons-Doolan. — Text : unmediated // Language Policy. — 2019. — No 18. — P. 170, 173—174.
- Laitin, D. Language repertoires and state construction in Africa / D. Laitin. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 1992. — 205 p. — Text : unmediated.
- Laitin, D. The Tower of Babel as a Coordination Game: Political Linguistics in Ghana / D. Laitin. — Text : unmediated // American Political Science Review. — 1994. — Vol. 88. — No 3. — P. 631, 634.
- Laitin, D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad / D. Laitin. — Ithaca, London : Cornell Univ. Pr., 1998. — P. 366. — Text : unmediated.
- Piller, I. Neoliberalism as language policy / I. Piller, J. Cho. — Text : unmediated // Language in Society. — 2013. — Vol. 42. — Iss. 1. — P. 23—44.
- Roberts, C. Institutional discourse / C. Roberts. — Text : unmediated // The Routledge Handbook of Applied Linguistics. — London ; New York : Routledge, 2011. — P. 82.
- Safran, W. Postscript: Reflection on States and the Uses of Language // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 258. — Text : unmediated.
- Sonntag, S. K. Introduction: State Traditions and Language Regimes: Conceptualizing Language Policy Choices / S. K. Sonntag, L. Cardinal. — Text : unmediated // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 11.
- Sonntag, S. K. State Tradition and Language Regime in the United States: Time for Change? / S. K. Sonntag. — Text : unmediated // State Traditions and Language Regimes / ed. by Linda Cardinal, Selma K. Sonntag. — Montreal & Kingston : McGill Queen's Univ. Pr., 2015. — P. 44—61.

## РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.161.1'42:811.581'42  
ББК ШП41.12-51+ШП71.1-51  
DOI 10.26170/pl20-06-18

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20; 10.02.19

### Лю Лифэнь

Гуандунский ун-т иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу; Хэйлунцзянский ун-т, Харбин, КНР  
ORCID ID: 0000-0002-0003-0723

### Хуан Чжунлянь

Гуандунский ун-т иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, КНР  
ORCID ID: —

**E-mail:** liulifen1993@163.com; zhuang1604@163.com.

## Сопоставление комбинаций элементов языковых ландшафтов китайских и российских вузов (на материале их вывесок)

**АННОТАЦИЯ.** Статья посвящена теме, практически не изученной как в Китае, так и в России. *Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые предложен сопоставительный анализ такого вида языковых ландшафтов, как вывески китайских и российских вузов. Результаты показали, что одноязычных вывесок в российских вузах намного больше, чем в китайских, а двуязычных вывесок в китайских вузах гораздо больше, чем в российских, но многоязычные вывески в вузах двух стран по пропорциональности почти одинаковы. На одноязычных вывесках вузов двух стран преобладают государственные языки, соответственно китайский и русский, но иногда тексты вывесок написаны только на английском. На двуязычных или многоязычных вывесках китайских и российских вузов помимо государственного языка всегда есть английский, но на вывесках китайских вузов присутствуют также корейский, японский, французский и арабский языки, а российских — французский, немецкий, китайский и японский языки. Доминирующим языком китайских и российских вузов является официальный язык государства, но на вывесках китайских вузов английский язык присутствует чаще, чем на вывесках российских вузов. Проявления многоязычия на таких вывесках являются результатом конкуренции разных языков с точки зрения приоритетности их использования. Исследование позволяет получить и обобщить данные о распределении языковых ресурсов и языковой экологии китайских и российских вузов, выяснить, применяются ли на их вывесках какие-либо другие языки, помимо родного как официального языка и английского как международного языка. Цель статьи заключается в выявлении сходств и различий между вывесками китайских и российских вузов как элементами их языковых ландшафтов.*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** языковые ландшафты; языковые комбинации; языковые композиции; китайские вузы; российские вузы; вывески; языковая политика; сопоставительный анализ; русский язык; китайский язык; английский язык.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Лю Лифэнь, доктор филологических наук, профессор, Исследовательский центр переводоведения Института европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу; Научно-исследовательский центр русской филологии и культуры, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика; e-mail: liulifen1993@163.com.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ-КОРРЕСПОНДЕНТЕ:** Хуан Чжунлянь, доктор филологических наук, профессор, Исследовательский центр переводоведения, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу; 510420, China, Guangdong, Guangzhou, Baiyun District, 2 Baiyun N. Avenue; e-mail: zhuang1604@163.com.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Лю Лифэнь. Сопоставление комбинаций элементов языковых ландшафтов китайских и российских вузов (на материале их вывесок) / Лю Лифэнь, Хуан Чжунлянь // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 166-173. — DOI 10.26170/pl20-06-18.

**БЛАГОДАРНОСТИ.** Данная статья выполнена при финансовой поддержке Минобразования КНР в 2014 г. №14JJD740010 и при финансовой поддержке гранта Научного социального фонда КНР в 2016 г. №16YY188.

### 1. ВВЕДЕНИЕ

Глобализация — «процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Она является характерной чертой процессов изменения структуры мирового хозяйства, понимаемого как совокупность национальных хозяйств, связанных друг с другом системой международного разделения труда, экономических и политических отношений,

путем включения в мировой рынок и тесного переплетения экономики на основе транснационализации и регионализации. По этой причине происходят формирование единой мировой сетевой рыночной экономики — геоэкономики и ее инфраструктуры, разрушение национального суверенитета государств, являвшихся главными действующими лицами международных отношений на протяжении многих веков» [Глобализация //

Википедия [www](http://www)]. На уровне языка вывески (здесь «вывески» обозначают «общественные знаки» и включают в себя указатели, объявления и др.) как носители культурной информации становятся неотъемлемой частью жизни человека. С бурным развитием «третьей индустрии» (так в Китае называют сферу услуг и мелкорозничной торговли) и туризма повсюду используются уличные указатели, объявления, дорожные знаки, названия улиц, вывески магазинов, плакаты, баннеры, слоганы, рекламные щиты, электронные дисплеи и т. д., которые упрощают ориентирование и делают удобнее нашу повседневную жизнь. Вывески, которые встречаются в определенных регионах, государствах, городах, уездах, поселках, а также в каких-то сообществах, образуют языковой ландшафт (далее — ЯЛ) определенного региона. В полиязыковом сообществе разные языки выполняют разные функции.

ЯЛ считается объектом социолингвистики и представляет собой комплекс визуальных знаков (вербальных и невербальных, т. е. текстов, изображений или и того, и другого), выполняющих определенные функции в общественном пространстве [Лю Лифэнь, У Цзюань, Жэнь Яцань 2019: 209]. Это «дорожные знаки, рекламные щиты, названия улиц, вывески магазинов, названия организаций и учреждений» [Landry, Bourhis 1997: 25]. В рамках обсуждения ЯЛ часто используется еще одна метафора — «голос». Имеется в виду, что ЯЛ — это отражение определенной идеологии, репрезентация определенной социально-культурной группы. Такой «голос» может быть или очень громким, или, наоборот, едва слышимым [Синекопова 2015: 45].

В данной статье представлены итоги сопоставления пространственных комбинаций такого явления ЯЛ, как вывески в китайских и российских вузах. Данное сопоставление выполнено на материале 3115 личных фотографий, снятых в 10 университетах Китая (2050 фото) и России (1065 фото), в число ко-

торых входят Пекинский университет (ПУ), Университет Цинхуа (Цинхуа), Пекинский лингвистический университет (ПЛУ), Пекинский педагогический университет (ППУ), Университет Фудань (Фудань), Московский государственный университет (МГУ), Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) и Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (ИРЯП). Комбинации ЯЛ включают в себя количество языков на вывесках, типы языковых композиций, визуальную иерархию, т. е. порядок презентации языков в зависимости от их приоритетности, а также цвет, шрифт и графический стиль как потенциальные сигналы предпочтения определенных языков. Цель статьи заключается в выявлении сходств и различий между вывесками китайских и российских университетов как проявлениями их языковых ландшафтов.

## 2. СОПОСТАВЛЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ЯЗЫКОВ НА ВЫВЕСКАХ КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Тексты на вывесках могут писаться на одном, двух или более языках. Многоязычие является важным признаком современного мира. ЯЛ в административных районах имеет следующие комбинации [Abramova 2016: 48]: 1) официальный язык + язык с высоким международным статусом (например, китайский + английский, русский, французский и др.); 2) официальный язык + официальный язык региона или местный диалект (например, русский + татарский язык в Республике Татарстан); 3) официальный язык + язык с высоким статусом в определённой области (итальянский в музыкальной сфере) или язык большого сообщества иммигрантов (например, хинди в Лондоне). Исходя из этого, мы подсчитали количество языков на вывесках китайских и российских вузов (см. таблицу 1).

**Таблица 1.** Количество языков на вывесках китайских и российских вузов, %

Вузы		Количество языков		
		однойязычные	двухязычные	многоязычные
китайские	ПУ	58,5	39,5	2,0
	ПЛУ	66,0	32,3	1,7
	ПЛУ	56,0	40,3	3,7
	Цинхуа	58,5	40,5	1,0
	Фудань	59,8	39,7	1,5
российские	МГУ	88,0	9,3	2,7
	МПГУ	88,16	8,2	3,64
	МГЛУ	93,3	5,3	1,4
	СПбГУ	88,2	9,87	1,93
	ИРЯП	93,6	5,2	1,2

Как видно из таблицы 1, в китайских и российских вузах присутствуют одноязычные, двуязычные и многоязычные знаки, среди которых одноязычные составляют подавляющее большинство, а многоязычные остаются в меньшинстве. Доля одноязычных вывесок в китайских вузах составляет в среднем 59,76 % от общего количества, в то время как доля одноязычных вывесок в пяти российских вузах в среднем составляет 90,25 %, что намного выше, чем в китайских. Доля двуязычных вывесок в китайских вузах в среднем составляет 38,46 %, а в российских только 7,56 %. Доля многоязычных вывесок в китайских вузах в среднем составляет 1,98 %, а в российских — 2,17 %, т. е. в этом отношении рассматриваемые показатели в вузах двух стран примерно равны.

Язык является носителем культуры, важным элементом национальной идентичности и принадлежности, в языке сохраняются и воплощаются национальная культура и история. В Китае, где проживает 56 наций, официальным языком является китайский, а в качестве общей письменной системы используется китайская иероглифика. В России больше 130 наций, и русский язык является единственным официальным языком РФ. Вузовские вывески устанавливаются и контролируются совместно вузом и государством. Использование языков на вывесках вузов в большей степени нормировано и должно соответствовать языковой политике государства по сравнению с коммерческими организациями. Китайский и русский языки — важные языки для вывесок государственных вузов соответственно Китая и России как с точки зрения языковой политики, так и с точки зрения функциональных нагрузок этих вывесок.

Под двуязычными и многоязычными вывесками понимаются такие, на которых одна и та же информация размещена не менее чем на двух языках вследствие ориентированности на более обширную аудиторию, чем у одноязычных вывесок. Из таблицы 1 видно, что доли двуязычных вывесок в китайских и российских вузах резко различаются, что связано прежде всего с традициями этих стран. В разных частях мира некоторые университеты имеют традицию использования двуязычных вывесок со дня их основания для распространения европейско-американской культуры. Несмотря на то что Россия расположена на Евразийском континенте и во многих отношениях близка к Европе, от советского строя она унаследовала моноязыковое мышление с присущими ему не очень активной интернационализацией и выдвиганием на передний план изучения

именно русского языка, поэтому надписи на других языках на вывесках российских вузов в основном отсутствуют.

Отмеченное выше находит соответствие в языковой политике государства. В статье 13 второй главы Закона о национальном языке и письменности КНР указано: «В сфере общественного обслуживания в качестве главной письменности используются стандартизированные китайские иероглифы. Надписи, рекламные щиты, объявления, вывески и др. в общественном пространстве могут оформляться на китайском языке совместно с иностранными языками» [Zhonghua renmin gongheguo guojia tongyong yuyan wenzi www]. В Законе РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), в статье 23 «Язык наименований географических объектов, надписей, дорожных и иных указателей» главы V «Язык наименований географических объектов, надписей, дорожных и иных указателей» (статьи 23—25) [Закон РФ от 25 октября 1991 г... www] не указывается, что написание наименований географических объектов и оформление надписей, дорожных и иных указателей может производиться на иностранных языках.

Наличие или отсутствие вывесок не менее чем на двух языках зависит и от экономического развития страны. После начала проведения политики реформ и открытости экономика Китая развивается столь стремительно, что он стал второй по величине экономикой мира, привлекая не только большое количество инвестиций, но и значительное количество иностранных студентов, в то время как российская экономика переживает кризис из-за экономических санкций западных стран и других факторов. Ведь чем более открыта политическая среда и экономическая система страны, чем выше степень ее интернационализации, тем чаще происходит общение между странами и соответственно тем больше приехавших в эту страну иностранцев, что стимулирует рост потребности в производстве вывесок на иностранных языках.

Наконец, наличие или отсутствие вывесок на не менее чем двух языках зависит и от открытости концепций образования университетов. Чем более открыта концепция образования, тем больше внимания уделено изучению иностранных языков. Предоставляя иностранцам удобные языковые услуги, двуязычные и многоязычные вывески свидетельствуют о глобализации образования и активном участии в международном сотрудничестве.

**Таблица 2.** Сопоставление типов языковых композиций на вывесках китайских и российских вузов

Элементы языковой композиции		Вузы, %	
		китайские	российские
Одноязычные вывески	Китайский язык	59,15	–
	Английский язык	3,61	0,51
	Русский язык	–	89,74
	Другие языки	0,1	–
Двухязычные вывески	Китайский + английский	39,63	–
	Русский + английский	–	6,7
	Русский + другие	–	0,23
	Китайский + другие	0,13	–
Многоязычные вывески	Китайский + английский + другие	0,52	–
	Русский + английский + другие	–	0,17

### 3. СОПОСТАВЛЕНИЕ ТИПОВ ЯЗЫКОВЫХ КОМПОЗИЦИЙ НА ВЫВЕСКАХ КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ ВУЗОВ

Тексты, составляющие ЯЛ, могут быть одноязычными, двухязычными или многоязычными, отражающими разнообразие языковых групп, присутствующих на данной территории или в регионе [Исмагилова 2015: 140]. Информация о том, из каких языков состоит текст, в каком порядке языки расположены на вывесках, может отражать языковую реальность данного региона, языковую политику и национальную культуру государства и др. [Liu LifenLiu Lifen 2019]. Мы подсчитали типы языковых композиций в китайских и российских вузах (результаты приведены в таблице 2).

Из таблицы 2 видно, что языки на вывесках китайских и российских вузов включают и официальный язык данной страны, и английский, и другие языки. Вывески бывают одноязычными, двухязычными и многоязычными. В вузах обеих стран одноязычные вывески составляют большинство. На одноязычных вывесках после официального языка страны наиболее употребительным является английский. Доля вывесок на английском языке в китайских вузах составляет 3,61 %, а в российских вузах намного меньше, чем в Китае: 0,51 %. В китайских вузах доли двухязычных (39,63 %) и многоязычных (0,52 %) вывесок больше, чем в российских вузах (соответственно 6,7 % и 0,17 %).

Типы вывесок в китайских вузах в основном следующие: «китайский», «английский», «китайский + английский / другие языки». Кроме официального китайского языка, чаще используется английский язык: 43,76 % (одноязычный + двухязычный + многоязычный). Корейский, японский, французский, арабский и другие языки тоже появляются на двухязычных и многоязычных вывесках под господствующим китайским языком, но доля их использования очень невелика: 0,65 %.

В российских вузах выявлены следующие типы вывесок: «русский», «английский», «русский + английский + французский», «русский + английский / другие языки» и другие модели. Помимо русского языка как официального и государственного языка, по сравнению с другими языками выше доля использования английского языка, на который приходится 7,39 %. Остальными языками на вывесках являются французский (чаще других среди языков этой группы), немецкий, китайский, японский и другие, но их число невелико: 0,4 %.

В комбинациях языков на вывесках китайских и российских вузов помимо родного наиболее распространенным языком является английский, и видно, что иноязычная часть ландшафта в китайских и российских вузах в основном представлена английским языком. Так происходит по двум причинам. Во-первых, потому, что английский — самый распространенный язык в мире и самый важный язык международной коммуникации. В нынешнее время глобализации английский язык считается необходимым инструментом общения для жителей разных стран. Во-вторых, распространение английского языка объясняется результатами осуществления языковой политики государства, усилий по популяризации английского языка, повышению степени интернационализации городов и вузов, поддержанию международных межвузовских отношений и предоставлению удобства иностранным студентам. Проведение крупных международных мероприятий тоже увеличивает количество двухязычных и многоязычных вывесок. Хотя английский язык является наиболее используемым иностранным языком на вывесках китайских и российских вузов, существует большая разница в частоте использования английского языка в Китае и России. Частота использования английского языка в китайских вузах намного выше, чем в российских.

Это связано с языковой политикой, особенностями развития экономики и образова-

ния в Китае и России. Как универсальный мировой язык английский высоко ценится во всех странах. Согласно учебной программе, официальные уроки английского языка в Китае и России начинаются соответственно с третьего и второго класса начальной школы, но английский язык не является обязательным предметом для вступительных экзаменов в российские вузы. В 1984 г. английский язык был официально включен в обязательные предметы для вступительных экзаменов в китайские вузы, с 1992 г. он введен в качестве обязательного предмета из трех основных предметов для вступительных экзаменов в эти вузы. Что касается ситуации в России, то решение о тестировании по английскому языку зависит от факультетов вузов. Кроме того, в российских вузах не применяются тесты на знание английского языка, подобные китайским CET-4 и CET-6. Помимо английского, в российских школах в незначительном количестве изучаются немецкий, французский, испанский и другие языки [Liu Lifen 2017: 34]. В китайских школах в основном преподается английский язык, а изучение других иностранных языков возможно только в специализированных школах иностранных языков. Английский является первым иностранным языком в китайских школах и вузах. В российских школах и вузах английский язык является приоритетным начиная с середины XX в. и как язык потенциального военного противника (в лице США в период холодной войны), и как общепризнанный язык международного общения, в том числе научно-технического. В XVIII в. приоритетным здесь был немецкий язык, в XIX в. — французский. После 1917 г. и до середины XX в. в 70 % советских школ и вузов преподавался немецкий язык — в первую очередь как язык потенциального или реального военного противника, а остальные 30 % учебных заведений изучали примерно поровну французский и английский языки [Бурт, Хамано 2000; Тер-Минасова 2015].

В дополнение к родному китайскому и английскому как иностранному в китайских вузах на вывесках в определенной пропорции могут использоваться корейский, японский, французский и арабский языки, в то время как в российских вузах имеется определенное количество вывесок на французском и немецком языках, а также небольшое количество на китайском. Это связано с такими факторами, как традиции изучения языка в данной стране и количество иностранных учащихся. С развитием экономики, науки и техники в Китае все больше студентов учится в других странах, и в то же время

в китайских вузах растет число студентов из Кореи, Японии и африканских государств. Французский язык был признан языком делового общения в Европе и даже в мире, он также является одним из шести рабочих языков ООН, поэтому в китайских вузах также можно видеть вывески на французском языке. У российской аристократии XIX в. была традиция перевозить французский язык и обучать ему своих детей с раннего детства. Использование в российских вузах вывесок на немецком языке связано со сложными историческими отношениями между Россией и Германией: это и необходимость применения в России многих научно-технических новшеств из Германии с XVIII по XX век, и периодические войны между Россией и Германией, в том числе две мировые войны в XX в., и многие другие исторические факторы. Появление небольшого количества вывесок на китайском языке в российских вузах стало результатом того, что в них стало обучаться большое количество китайских студентов и открылись филиалы Института Конфуция. Вступительный экзамен по иностранному языку в российских вузах проводился на выбор по любому из 4 иностранных языков, а именно из английского, немецкого, французского и испанского, а в 2019 г. в рамках ЕГЭ впервые был проведен экзамен по китайскому языку [Рособрнадзор рассказал о ЕГЭ по китайскому языку [www](http://www.rosobrnadzor.gov.ru)].

#### **4. СОПОСТАВЛЕНИЕ КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКИХ ВУЗОВ ПО ПРИОРИТЕТНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВ НА ВЫВЕСКАХ**

Приоритетный язык является наиболее заметным языком на двуязычной или многоязычной вывеске, он отражает степень использования и социальный статус одного языка в данном регионе. Р. и С. Сколлон [Scollon R., Scollon S. 2003] в своей теории географической семиотики предложили модель анализа ЯЛ, которая предполагает, что приоритетность языков может быть подчеркнута их расположением, размером букв и яркостью цвета шрифта на двуязычных или многоязычных вывесках. Критерием оценки приоритетности языка в данной статье является определение порядка презентации языков и размера шрифта. Этот порядок предполагает направления сверху вниз (когда текст расположен горизонтально) и слева направо (когда текст расположен вертикально). Исходя из этого, приоритетность языков представляется такой, как показано на таблице 3.

**Таблица 3.** Сопоставление по приоритетности использования языков на вывесках китайских и российских вузов

Вузы		Приоритетный язык			
		Китайский	Английский	Русский	Французский
Китайские вузы	Количество	281	18	–	–
	Доля, %	96,56 %	3,44 %	–	–
Российские вузы	Количество	–	1	59	–
	Доля, %	–	3,28 %	96,72 %	–

Как видно из таблицы 3, как в китайских, так и в российских вузах наиболее видное положение на вывесках всегда занимает официальный язык государства вуза. Это обусловлено не только требованиями государственной языковой политики и потребностью сохранения культурного наследия страны, но и тем, что основной целевой аудиторией вывесок являются местные жители, а не иностранцы. Соответственно, языковые вывески в вузе должны быть понятными как можно большему количеству студентов из страны вуза. Английский язык является наиболее широко используемым иностранным языком, поэтому вывески на английском языке — самые главные иноязычные вывески в китайских и российских вузах. В соответствии с правилами КНР, вывески только на иностранном языке не допускаются. Если иностранный язык используется в качестве названия магазина, то рядом должна быть размещена эквивалентная информация на китайском языке. Хотя в китайских и российских вузах бывают вывески на английском как языке приоритетном, такие языковые вывески, например объявления для иностранных студентов на специально предназначенных для них досках объявлений, предназначены только для иностранцев.

### 5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате сопоставительного анализа вывесок китайских и российских вузов по количеству языков, типам языковой композиции и приоритетности использования языка установлено, что и те и другие вузы в основном используют одноязычные вывески на официальных языках — китайском и русском, поскольку аудитория текстовых вывесок в основном состоит из студентов страны вуза; но есть и некоторое количество двуязычных и многоязычных вывесок, отражающих степень интернационализации, главным образом чтобы предлагать иностранным студентам удобные языковые услуги. Двуязычных вывесок в китайских вузах намного больше, чем в российских. Доли многоязычных вывесок в вузах двух стран приблизительно одинаковы. С точки зрения языковой композиции, модели китайских вы-

весок — это «китайский», «английский», «китайский + английский», «китайский + английский + корейский / японский / французский / арабский», а модели языковых ландшафтов в российских вузах — «русский», «английский», «русский + английский», «русский + английский + французский / немецкий / китайский / японский» и др. На двуязычных и многоязычных вывесках, согласно порядку расположения на них языков, родной язык является приоритетным в обеих странах, но в качестве приоритетного иностранного языка чаще используется английский, при этом доля такого использования в китайских вузах больше, чем в российских. Исключительно англоязычные вывески предназначены только для иностранцев: как правило, это объявления для иностранных студентов на соответствующих досках объявлений. Процессы формирования такого вида ЯЛ, как вузовские вывески, представляются управляемыми: обычно за ними стоят государственная языковая политика, господствующая идеология, культурные факторы и национальная идентичность.

### ЛИТЕРАТУРА

- Бурт, В. «Зачем учить язык врага?» С иностранными языками в СССР отношения складывались по-разному / В. Бурт. — URL: <https://svpressa.ru/post/article/135754/> (дата обращения: 14.09.2020). — Текст : электронный.
- Глобализация // Википедия : свободная энцикл. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Глобализация> (дата обращения: 14.09.2020). — Текст : электронный.
- Закон РФ от 25 октября 1991 г. N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Программа повышения квалификации «Реформа корпоративного права». — URL: <https://base.garant.ru/10148970/> (дата обращения: 14.09.2020). — Текст : электронный.
- Исмаилова, А. Р. Эргонимы как средства визуализации лингвистического ландшафта города / А. Р. Исмаилова. — Текст : непосредственный // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике : сборник статей международной научно-практической конференции. (Казанский федеральный университет, 2015). — Казань : [б. и.], 2015. — С. 139—143.
- Лю, Лифэнь. Сопоставление пространственной конфигурации языкового ландшафта китайских и российских университетов / Лю Лифэнь, У Цзюань, Жэнь Яцзянь // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5 (77). — С. 185—192. — DOI 10.26170/pl19-05-20.
- Рособрнадзор рассказал о ЕГЭ по китайскому языку. — URL: [http://obrnadzor.gov.ru/ru/press\\_center/news/index.php?id\\_4=6894](http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=6894) (дата обращения: 14.09.2020). — Текст : электронный.
- Синекопова, Г. В. Языковые меньшинства в лингвистическом ландшафте Москвы / Г. В. Синекопова. — Текст : непосредственный // Человек в современном мире. — 2015. — № 2. — С. 45—49.

8. Тер-Минасова, С. Г. Преподавание иностранных языков в современной России: прошлое, настоящее и будущее / С. Г. Тер-Минасова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 15.2 (95.2). — С. 1—7.

9. Хамано, А. К истории преподавания иностранных языков в России / А. Хамано. — Текст : непосредственный // Hitotsubashi Journal of Arts and Science. — 2000. — No 41. — P. 27—40.

10. Abramova, E. I. Linguistic Landscape as an object of sociolinguistics / E. I. Abramova. — Text : unmediated // Russian Linguistic Bulletin. — 2016. — Vol. 2. — № 6. — P. 48—49.

11. Landry, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study / R. Landry, R. Bourhis. — Text : unmediated // Journ. of Language and Social Psychology. — 1997. — Vol. 16. — № 1. — P. 23—29.

12. Liu, Lifen. Comparison between Chinese and Russian College Entrance Examination System / Liu Lifen. — Text : unmediated // Russian Learning. — 2017. — № 2. — P. 32—34. — (In Chinese)

13. Liu, Lifen. Language Landscapes: A Coupled Interface of Multidiscipline / Liu Lifen. — Text : unmediated // China Social Science Journal. — 2019.10.22. — (In Chinese)

14. Scollon, R. Discourses in Place: Language in the Material World / R. Scollon, S. W. Scollon. — London : Routledge, 2003. — 258 p. — Text : unmediated.

15. 中华人民共和国国家通用语言文字法 = Zhonghua renmin gongheguo guojia tongyong yuyan wenzi / Wuhan Business University. — URL: <https://ts.wbu.edu.cn/2018/1211/c2062a44773/page.htm> (date of access: 14.09.2020). — Text : electronic. — (In Chinese)

**Авторы выражают благодарность Жэнь Яцэнь за предоставление подсчитанных данных.**

#### Liu Lifen

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou; Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China  
ORCID ID: 0000-0002-0003-0723

#### Huang Zhonglian

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, People's Republic of China  
ORCID ID: —

**E-mail:** [liulifen1993@163.com](mailto:liulifen1993@163.com); [zhuang1604@163.com](mailto:zhuang1604@163.com).

## A Comparison of Linguistic Landscapes of Chinese and Russian Universities

**ABSTRACT.** *This paper deals with a topic that has not been studied in either China or Russia. The scientific novelty of the study is determined by the fact that for the first time, the verbal signs in Chinese and Russian universities are analyzed and compared from the point of view of the type of composition of the number of language codes and the dominant language code. The research results show that there are more monolingual signs in Russian universities than in Chinese ones, and the bilingual signs in Chinese universities are more numerous than in Russian universities, and the proportion of multilingual signs is almost equal in both countries. The dominant language of monolingual signs in both countries is the national language, namely, Chinese and Russian respectively, but sometimes they are written only in English. The bilingual or multilingual signs of Chinese and Russian universities, in addition to the national language, also contain information in English; but Chinese signs also have notes in Korean, Japanese, French and Arabic, whereas Russian signs also employ French, German, Chinese and Japanese. The dominant languages in Chinese and Russian universities are both official languages of the states, but English is much more popular in Chinese universities than in Russian universities. The multilingualism of the linguistic landscape is the result of the competition of various languages from the point of view of priority of their usage. This study sheds light on the distribution of language resources and the linguistic ecological situation in Chinese and Russian universities and shows what languages are used in the linguistic landscape of Chinese and Russian universities in addition to the mother tongue as the official language and English as the international language. The aim of the article is to reveal the similarities and differences between the signs of Chinese and Russian universities as elements of their linguistic landscape.*

**KEYWORDS:** linguistic landscapes; linguistic combinations; linguistic compositions; Chinese universities; Russian universities; notes; language policy; comparative analysis; Russian language; Chinese language; English language.

**AUTHOR'S INFORMATION:** Liu Lifen, Doctor of Philology, Professor of Center for Translation and Interpretation Studies and the Faculty of the Russian Language at the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

**AUTHOR'S INFORMATION:** Huang Zhonglian, Doctor of Philology, Professor, Research Center for Translation Studies, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

**FOR CITATION:** Liu, Lifen. A Comparison of Linguistic Landscapes of Chinese and Russian Universities / Liu Lifen, Huang Zhonglian // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 166-173. — DOI 10.26170/pl20-06-18.

**ACKNOWLEDGMENTS.** The paper was written with financial support of the Ministry of Education of the PRC in 2014 № 14JJD740010 and with financial support of the Scientific Social Foundation of the PRC in 2016 № 16BYY188.

#### REFERENCES

1. Burt V. "Why learn the language of the enemy?" Relations with foreign languages in the USSR developed in different ways / V. Burt. [«Zachem uchi' yazyk vraga?» S inostrannymi yazykami v SSSR otnosheniya skladyvalis' po-raznomu / V. Burt]. — URL:

<https://svpressa.ru/post/article/135754/> (date of access: 14.09.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

2. Globalization // Wikipedia: free encyclopedia. [Globalizatsiya // Vikipediya : svobodnaya entsikl.]. — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Glo\\_balizatsiya](https://ru.wikipedia.org/wiki/Glo_balizatsiya) (date of access: 14.09.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)

3. Law of the Russian Federation of October 25, 1991 N 1807-I "On the languages of the peoples of the Russian Federation" (with amendments and additions) // Advanced training program "Reform of corporate law". [Zakon RF ot 25 oktyabrya 1991 g. N 1807-I «O yazykakh narodov Rossiyskoy Federatsii» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Programma povysheniya kvalifikatsii «Reforma korporativnogo prava»]. — URL: <https://base.garant.ru/10148970/> (date of access: 14.09.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
4. Ismagilova, A. R. Ergonyms as a Means of Visualizing the Linguistic Landscape of the City / A. R. Ismagilova. — Text : unmediated // Visual Communication in Socio-cultural Dynamics : collection of articles of the International Scientific-practical Conference (Kazan Federal University, 2015). — Kazan : [s. l.], 2015. — P. 139—143. [Ergonimy kak sredstva vizualizatsii lingvisticheskogo landshafta goroda / A. R. Ismagilova. — Tekst : neposredstvennyy // Vizual'naya kommunikatsiya v sotsiokul'turnoy dinamike : sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. (Kazanskiy federal'nyy universitet, 2015). — Kazan' : [b. i.], 2015. — S. 139—143]. — (In Rus.)
5. Liu, Lifen. Comparison of linguistic landscape configuration of Chinese and Russian universities / Liu Lifen, Wu Juan, Ren Yaqian // Political Linguistics. — 2019. — No 5 (77). — P. 185—192. [Sopostavlenie prostranstvennoy konfiguratsii yazykovogo landshafta kitayskikh i rossiyskikh universitetov / Lyu Lifen', U Tszuyan', Zhen' Yatsyan' // Politicheskaya lingvistika. — 2019. — № 5 (77). — S. 185—192]. — DOI 10.26170/pl19-05-20. — (In Rus.)
6. Rosobrnadzor Spoke about the State Final School Examination in the Chinese Language. [Rosobrnadzor rasskazal o EGE po kitayskomu yazyku]. — URL: [http://obrnadzor.gov.ru/ru/press\\_center/news/index.php?id\\_4=6894](http://obrnadzor.gov.ru/ru/press_center/news/index.php?id_4=6894) (date of access: 14.09.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
7. Sinekopova, G. V. Linguistic Minorities in the Linguistic Landscape of Moscow / G.V. Sinekopova. — Text : unmediated // Man in the Modern World. — 2015. — No. 2. — P. 45—49. [Yazykovye men'shinstva v lingvisticheskom landshafte Moskvy / G. V. Sinekopova. — Tekst : neposredstvennyy // Chelovek v sovremennom mire. — 2015. — № 2. — S. 45—49]. — (In Rus.)
8. Ter-Minasova, S. G. Teaching of Foreign Languages in Modern Russia: Past, Present and Future / S. G. Ter-Minasova. — Text : unmediated // Young Scientist. — 2015. — No. 15.2 (95.2). — P. 1—7. [Prepodavanie inostrannykh yazykov v sovremennoy Rossii: proshloe, nastoyashchee i budushchee / S. G. Ter-Minasova. — Tekst : neposredstvennyy // Molodoy uchenyy. — 2015. — № 15.2 (95.2). — S. 1—7]. — (In Rus.)
9. Khamano, A. On the History of Teaching of Foreign Languages in Russia / A. Khamano. — Text : unmediated // Hitotsubashi Journal of Arts and Science. — 2000. — No 41. — P. 27—40. [K istorii prepodavaniya inostrannykh yazykov v Rossii / A. Khamano. — Tekst : neposredstvennyy // Hitotsubashi Journal of Arts and Science. — 2000. — No 41. — R. 27—40]. — (In Rus.)
10. Abramova, E. I. Linguistic Landscape as an object of sociolinguistics / E. I. Abramova. — Text : unmediated // Russian Linguistic Bulletin. — 2016. — Vol. 2. — № 6. — P. 48—49.
11. Landry, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality : An empirical study / R. Landry, R. Bourhis. — Text : unmediated // Journ. of Language and Social Psychology. — 1997. — Vol. 16. — № 1. — P. 23—29.
12. Liu, Lifen. Comparison between Chinese and Russian College Entrance Examination System / Liu Lifen. — Text : unmediated // Russian Learning. — 2017. — № 2. — P. 32—34. — (In Chinese)
13. Liu, Lifen. Language Landscapes: A Coupled Interface of Multidiscipline / Liu Lifen. — Text : unmediated // China Social Science Journal. — 2019.10.22. — (In Chinese)
14. Scollon, R. Discourses in Place: Language in the Material World / R. Scollon, S. W. Scollon. — London : Routledge, 2003. — 258 p. — Text : unmediated.
15. 中华人民共和国国家通用语言文字法 = Zhonghua renmin gongheguo guojia tongyong yuyan wenzi / Wuhan Business University. — URL: <https://ts.wbu.edu.cn/2018/1211/c2062a44773/page.htm> (date of access: 14.09.2020). — Text : electronic. — (In Chinese)

## РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'42  
ББК Ш105.51  
DOI 10.26170/pl20-06-19

ГСНТИ 16.21.27, 16.31.21

Код ВАК 10.02.19, 10.02.21

**С. И. Красса**

Ставрополь, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6699-2159

*E-mail*: skrassa@yandex.ru.

### Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа (обзор 1)

**АННОТАЦИЯ.** Проводится обзор докладов Первого круглого стола по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа, организованного Международной ассоциацией судебной лингвистики и Центром цифровых гуманитарных наук Манчестерского университета. Круглый стол проведен 15 мая 2019 года. Представлены доклады Евстафияса Стамататоса из Эгейского университета «Автоматическая авторская атрибуция и компьютерная судебная экспертиза текста»; профессора Астонского университета Тима Гранта совместно с Никки Маклеод, доктором Нортумбрийского университета, «Значение теории в судебной автороведческой экспертизе»; Кэтишофа Креденса из Астонского университета совместно с Петром Рензиком «Крупномасштабная классификация автора: исследуя черный ящик»; Джека Грива, профессора лингвистики из Бирмингемского университета, «Изменения стиля и автороведческий анализ»; Эрики Голд, преподавателя судебной речи в университете Хаддерсфилд, «Коэффициент вероятности в науке о судебной речи. Текущая ситуация»; Штефана Эверта, профессора университета Эрлангена — Нюрнберга, «Статистическая значимость в литературной атрибуции авторства». В конце каждого доклада приводятся вопросы к выступающему и ответы на них. Отдельно приведены дискуссии после второго доклада, а также заключительная дискуссия. Планируется публикация нескольких обзорных статей по материалам круглого стола.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** круглые столы; судебный автороведческий анализ; профилирование автора; стилиметрия; компьютерная лингвистика; ядерные признаки стиля; судебная лингвистика; судебная экспертиза.

**ТИП ПУБЛИКАЦИИ:** рецензия.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:** Красса Сергей Иванович, кандидат филологических наук, доцент, Ставрополь, Россия; e-mail: skrassa@yandex.ru.

**ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:** Красса, С. И. Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа (обзор 1) / С. И. Красса // Политическая лингвистика. — 2020. — № 6 (84). — С. 174-187. — DOI 10.26170/pl20-06-19.

#### ВВЕДЕНИЕ

15 мая 2019 г. Международная ассоциация судебной лингвистики (International Association of Forensic Linguistics) и Центр цифровых гуманитарных наук (Centre for Digital Humanities) Манчестерского университета провели первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа [Forensic Authorship Analysis Roundtable]. Его целью являлось продвижение судебной автороведческой экспертизы в направлении стандартизации применения, улучшения диалога между учеными различных направлений. Одной из наиболее значимых целей мероприятия было создание площадки для обсуждения и развития междисциплинарного сотрудничества, которое могло бы привести к формированию строгих методических и теоретических достижений в данной области. Трансляция круглого стола велась в видеохостинге YouTube [Forensic Linguistics Roundtable Event]. Порядок про-

ведения круглого стола предусматривал выступление докладчиков, ответы на вопросы, затем выступления и вопросы в режиме диалога. В целом круглый стол продлился более семи часов.

#### ОБЗОР ДОКЛАДОВ УЧАСТНИКОВ

Первым был заслушан доклад Евстафияса Стамататоса (Efsthathios Stamatatos) из Эгейского университета на тему «Автоматическая авторская атрибуция и компьютерная судебная экспертиза текста», специалиста по информатике (computer scientist). Он осветил проблемы введения в атрибуцию текста, атрибуции текста как доказательства в суде, кампании оценки методики в персональной сети (PAN), верификации авторства. По его мнению, атрибуция авторства предполагает ответы на следующие вопросы: 1) кем написан данный документ? 2) сколько возможных авторов? в связи с этим — список предполагаемых авторов закрытый или открытый? 3) есть ли другие документы, кото-

рые относятся к каждому из возможных авторов? в связи с этим — сколько? какого объема эти документы, каковы их свойства? 4) какова тема документов? 5) каков жанр документов? От ответов на них зависит, будет ли определение авторства легкой или же достаточно сложной задачей.

Докладчик остановился на областях применения атрибуции текста. Это гуманитарные науки с фокусом на анонимные тексты, важные в научном и культурном планах; социальные сети (определение скрывающегося авторства), кибербезопасность (проблемы аутентификации скомпрометированных аккаунтов и незаконного доступа), судебная экспертиза (получение достоверных доказательств в уголовных делах, судебных спорах об авторском праве) и др.

В последнее время наблюдается бум публикаций (более сотни в год, по данным *Scopus*; за последнее десятилетие — более тысячи), и это только по проблемам установления авторства. В то же время отмечается значительная разобщенность исследований и ученых: публикуются специалисты по компьютерным наукам, судебной лингвистике, гуманитарным наукам, ученые в области математики и статистики, что ведет к отсутствию научной коммуникации в исследовательском сообществе. Работы по установлению авторства публикуются в журналах и обсуждаются на конференциях по проблемам искусственного интеллекта, информационного поиска, машинному обучению, компьютерной безопасности, криминалистике, распознаванию речи, компьютерной лингвистике и NLP (Natural Language Processing), литературоведению и филологии, что не позволяет специалистам осуществлять научную коммуникацию между собой по проблемам определения авторства. Кроме того, имеется значительная часть обособленных публикаций, которые можно обнаружить в медицинских интернет-ресурсах, по статической механике, теории сетей, проблемам старения и др., и это на самом деле странно, хотя тоже характеризует обсуждаемую предметную область.

В качестве примера докладчик предложил рассмотреть 6 твитов с целью выявления их авторства. Чтобы решить эту задачу, необходим следующий порядок действий:

1. Идентификация авторства: рассматривается список кандидатов в авторы и собираются образцы их текстов.

2. Верификация авторства: выделяется один автор для того, чтобы принять решение — принадлежат ли ему выделенные образцы текста или нет.

3. Кластеризация авторов: твиты группируются в соответствии с их стилистически сходными свойствами, позволяющими отнести их к тому или иному автору.

4. Протоколирование (*diarisation*) авторов: относится к более протяженным текстам с целью выявления того, сколько авторов работало над данным текстом и какой вклад внес каждый из них.

5. Профилирование автора: выявление профиля автора — мужчина это или женщина, молодой или старый и т. п.

В итоге исследования 3 твита принадлежали американскому психолингвисту Стивену Пинкеру, а 3 других — известному игроку в американский футбол.

Таким образом, очевидно, что некоторые характеристики автора отражаются в том языке, который он использует в твитах и текстах других жанров, которые производит.

Существует 4 вида факторов, влияющих на то, как мы прочитываем текст. Это тема документа, тональность, если выражается положительное или отрицательное отношение к чему-либо, авторский стиль, а также жанр, который определяет форму и коммуникативные задачи. Это ортогональные факторы: мы можем выявить блок значимых характеристик и остановиться на них, в то время как факторы других блоков не будут оказывать влияния. Так, в случае примеров с твитами можно выделить значимость персонального стиля, сконцентрироваться на нем и не уделять внимания характеристикам тональности, жанра и теме.

Говоря о стилеметрии, докладчик отметил, что количественное измерение стиля более сложная процедура, чем анализ темы и тональности текста. Стиль подвержен влиянию как автора текста, так и его жанра. Числовые показатели в идеале должны быть стабильными: на протяжении всего текста; при изменении темы; при изменении жанра. Кроме того, они должны быть способны фиксировать информацию, неосознанно используемую автором во избежание действий, когда пытаются специально обмануть машину, выдать себя за другого и имитировать стилевые особенности другого автора. Таким образом, это весьма непросто — выявить факторы, которые зависят от автора текста, а не его жанра.

Е. Стамататос отмечает большое количество литературы о методах стилеметрии, среди которых можно выделить следующие виды в зависимости от того, на что направлен исследовательский фокус:

1. Тип информации (морфологический, синтаксический, семантический и др.).

2. Уровень анализа (буквенный, лексический, структурный).

3. Квантификация информации (низкая/высокая измеряемость, разреженная/интенсивная область).

4. Определение стилевых черт (ручное / с помощью компьютера).

5. Применяемость метода (общая / в определенной области).

Методы атрибуции могут быть общими для анализа текста или специально разработанными для авторской атрибуции. Они могут быть независимыми от предметной области или специфичными, например для определенных языков, жанров и т. д. Они могут быть воспроизводимыми, когда любой исследователь может ими воспользоваться, или невозможными, когда, например, применяются специальные методы NLP, и только создатель этого метода может его использовать. Они также могут быть основанными на профиле автора или на примере — иными словами, характеризовать стиль автора или стиль документа.

Основной вопрос доклада: может ли быть использована атрибуция автора в качестве доказательства в суде? Может ли AA (атрибуция авторства) сократить число подозреваемых или объединить приемлемые для суда доказательства? AA уже используется в судах Великобритании: CUSUM (CUmulative SUM — кумулятивная сумма), несмотря на то, что этот метод подвергался резкой критике исследовательским сообществом ввиду его ненадежности. Естественно, следует иметь в виду, что не все юридические системы одинаковы: в одних подвергается проверке доверие к эксперту, тогда как в других — доверие к методу.

Еще одна серьезная проблема — объяснимость. Большинство методов AA не подлежит объяснимости с лингвистической точки зрения, поскольку мы говорим о количественном подходе, о многоаспектной репрезентации текста. И весьма непросто объяснить, как работает метод буквенных Ngram и глубокие нейросети. Объяснимость требует использования лингвистических терминов высокого уровня, подобных тем, которые используют эксперты-гуманитарии. Однако во многих случаях не получается с помощью лингвистических терминов объяснить механизм действия того или иного метода. Например, в случае с твитами приходится использовать такие термины, как изысканный стиль, богатый вокабуляр у Пинкера и разговорный стиль твитов футболиста, частое использование сокращений.

В объяснении авторского профиля используются такие характеристики, как «используют более релятивный язык (более частотное применение местоимений, глаго-

лов), тогда как мужчины используют более информативный (дескриптивный) язык (более частотное использование существительных и определителей, предлогов)».

Докладчик остановился на стандарте Дауберта — правилах относительно допустимости показаний эксперта в судах ряда штатов США, а также федеральных судах США. Стандарт Дауберта приобретает все большую популярность и рассматривает следующие вопросы:

1. Эмпирическая проверка: является ли теория и методика фальсифицируемой, опровергаемой и проверяемой?

2. Подвергалась ли она рецензированию в научном сообществе, есть ли публикации по данной теме?

3. Известен ли потенциальный уровень ошибки (степень погрешности)?

4. Существует ли и поддерживается ли стандарт ее функционирования?

5. В какой степени теория и методика является общепринятой в соответствующем научном сообществе?

Объяснимость не рассматривается, скорее, требуется степень погрешности. Мы должны разработать точный метод, и нас особо не беспокоит необходимость объяснения того, каким образом этот метод работает.

Докладчик сравнил степень погрешности разных методов, применяемых в криминалистике. Так, анализ ДНК показывает очень высокую степень надежности, и ошибки связаны скорее с человеческим фактором, а не с самим методом. Метод отпечатков пальцев показывает очень высокие результаты (около 90 %), однако при наличии шумов его точность падает до 60 %. В распознавании речи много факторов, которые влияют на эффективность данной технологии (продолжительность звучания образцов, их количество, наличие одного или нескольких каналов записи, время, прошедшее с момента взятия образцов голоса). Таким образом, эта технология может быть весьма эффективна в одних случаях и не столь эффективна в других.

Каков же уровень погрешности в атрибуции авторства? Это весьма непростой вопрос. Ряд факторов влияет на эффективность AA, который может быть или очень точным, или демонстрировать весьма низкую эффективность. К ним относятся:

1. Число возможных авторов. При их увеличении точность метода уменьшается.

2. Число образцов текстов. При их увеличении точность метода возрастает.

3. Дистрибуция образцов текстов среди авторов. Например, случаи моно- или политематического сценария, когда исследуются тексты (спорные и образцы) о политике, или

когда спорные тексты относятся к политике, тогда как образцы текстов — к обществу, мировым проблемам и другим. Во втором случае эффективность метода уменьшается.

4. Размер текста, соотносящийся с жанром.

5. «Возраст» стиля.

6. Репрезентативность корпуса образцов текстов. Например, имеются твиты одного автора, но нет твитов другого автора, тогда как имеются его обзоры или научные статьи.

Таким образом, основная мысль выступления, подчеркнул докладчик, заключается в том, что необходимо понимание метода авторской атрибуции, но также необходимо понимание того, как он функционирует в различных условиях. Мы должны проводить систематические эмпирические проверки этого метода — и это важно в большей степени, чем фокусирование на его лингвистической объяснимости. Этот анализ должен быть продемонстрирован несколькими независимыми исследователями, поскольку создатели метода могут упустить некоторые доказательства, переоценить результативность метода.

До настоящего времени протестировано лишь очень небольшое число методов атрибуции авторства. Одним из таких методов является «снятие маски» (unmasking), который был предложен в 2007 году. Основная идея заключается в том, что рассматривается пара документов с целью определения, являются ли они текстами того же автора. Выделяются классификаторы простой байесовской сети (SBN — Simple Bayesian Network) для измерения различий в документах, затем удаляются наиболее важные характеристики, и процедура вновь повторяется. Если наблюдается уменьшение точности SBN-классификаторов, то это тексты одно и того же автора. Если наблюдается увеличение точности SBN-классификаторов, то это тексты разных авторов.

Создатели метода провели очень хорошую работу, чтобы протестировать его в различных условиях. Например, в данном случае они осуществили проверки в условиях политематического сценария — текстов одного автора по различной тематике и текстов разных авторов по одной теме. Таким образом, этот метод демонстрирует надежность в условиях изменения темы текстов.

Другие исследователи обнаружили, что данный метод прекрасно проявляет себя в случае больших текстов, например романов, однако в случае коротких текстов, таких как газетная статья, этот метод не работает. В случае полижанрового сценария, если жанры различные, например проза и театральная пьеса, метод не работает, тогда как

в условиях моножанрового сценария (оба текста относятся к прозе) он справляется отлично.

Каким образом в криминалистике происходит оценка эффективности того или иного метода? В большинстве случаев организуются кампании его оценки. Так, Национальный институт стандартов и технологий (National Institute of Standards and Technology) в США провел следующие кампании по оценке методов:

- 1) распознавание речи (1996—2016);
- 2) отпечатки пальцев (2002—2012);
- 3) распознавание лица (2005—2006);
- 4) распознавание по радужной оболочке (2005—2008).

В ходе этих кампаний методы были значительно улучшены.

В атрибуции авторства мы имеем нечто подобное — PAN (Personal Area Network — персональная сеть) Shared Tasks (совместные задачи) [PAN]. Докладчик отметил, что он принимал участие в этом проекте, который стартовал в 2009 г. С 2010 года проект поддерживает также и CLEF — Cross Language Evaluation Forum (Межъязыковой форум оценки). Было организовано несколько кампаний оценки методик:

- 1) атрибуция авторства (2011—2012);
- 2) профилирование автора (2013—2016);
- 3) кластеризация авторов (2016—2017);
- 4) протоколирование авторов (2016—2018);
- 5) «затемнение» (obfuscation) автора (2016—2018);

а также исследования оригинальности (обнаружение плагиата) (2009—2015) и доверия к источнику, вандализм в «Википедии» (2010—2011) и другие.

Сильные стороны решения совместных задач заключаются в следующем:

1. Привлечение внимания к задачам, которые недостаточно исследованы.
2. Обеспечение эталонными корпусами, которые стали стандартами в данной области.
3. Сравнение альтернативных методик и подходов на одинаковых массивах данных.
4. Оценка реальной эффективности метода в специфических условиях.
5. Формирование библиотеки методов для их последующего тестирования.

Слабые места PAN:

1. Качество данных иногда вызывает вопросы.
2. Объем данных бывает ограниченным.
3. Качество представления документов иногда низкое (использование наивных методов, выполнение задания на скорую руку, беспорядочные отчетные документы; не всегда принимают участие «топовые» исследователи в данной области).

В целом положительные стороны PAN Shared Tasks превалируют над его слабыми местами.

Далее докладчик предложил вернуться к факторам, влияющим на эффективность атрибуции авторства. Одна из главных идей доклада заключается в том, что следует фокусировать внимание на сценариях верификации метода, поскольку в таком случае получается, что следует рассматривать меньшее число факторов. Количество возможных авторов и дистрибуция образцов текста относятся к тем параметрам, на которых следует концентрировать внимание в минимальной степени: они оказывают незначительное влияние на процесс верификации автора. В трех предыдущих редакциях PAN (2013, 2014, 2015) внимание было сконцентрировано на этой задаче.

Докладчик остановился на различии между идентификацией и верификацией. В случае идентификации мы имеем список возможных авторов (A, B, C) и должны решить, кто из них наиболее вероятный автор спорного текста. Этот список может быть открытым и закрытым, в большинстве случаев он закрытый. В случае верификации мы имеем одного кандидата в авторы и должны установить, являются ли сходства достаточными, для того чтобы решить, принадлежит ли этот текст одному и тому же автору. Все случаи идентификации могут быть сведены в виде примеров верификации с помощью декомпозиции.

Далее автор привел данные, полученные в результате исследований PAN в 2015 г. на примере 3 языков — английского, нидерландского и испанского на материале романа, эссе и других жанров, а также в межжанровом сопоставлении. Лучшие результаты составили 0,79, средние — 0,60. Эти цифры могут рассматриваться в качестве степени погрешности данного метода применительно к задачам такого плана.

Как было отмечено выше, целью исследования было не только измерить точность метода, но и совершенствовать его. Докладчик обратил внимание на результаты, полученные победителем PAN-2014 в сопоставлении с результатами работ группы в том же году и по тем же задачам. Когда работает группа разных исследователей, использующих несколько различных моделей, в большинстве случаев получают лучшие результаты. То есть одним из выводов, к которому удалось прийти, как отметил докладчик, было то обстоятельство, что эффективность повышается, когда разные технологии объединяются, что увеличивает возможность достижения лучших результатов.

В некоторых случаях они превосходные. Все это свидетельствует о том, что возможен прогресс методик в отношении получения все более достоверных результатов. В то же время в ряде случаев исследователи фокусировались на снижении частоты ошибок метода на одном материале, что вовсе не означает, что на другом материале этот метод будет так же эффективен. Поэтому необходимо проводить апробацию метода на различных массивах языкового материала.

Были рассмотрены методы верификации в недавних публикациях с весьма улучшенными результатами. Каковы их характеристики?

1. Обучение пользователей репрезентации с использованием нейросетей.

2. Векторы репрезентации в «плотных» документах (комбинация параметров, репрезентирующих не что-то определенное, т. е. сложно утверждать, что именно представляет та или иная характеристика, полученная в процессе исследования).

3. Группы разнородных исследователей (о чем говорилось выше).

4. Методы, основанные на компрессии.

Таким образом, в терминах лингвистической объяснимости это очень плохая новость, поскольку вряд ли представляет основу для какого-то лингвистического объяснения, но это работает, причем действительно эффективно. То есть, с одной стороны, это плохая новость, тогда как с другой — хорошая.

Также необходимо, чтобы все эмпирические проверки были сделаны не одним, а разными независимыми исследователями. Что нужно для этого — и что делается для этого PAN?

Во-первых, делиться оригинальным кодом для оценки основных методик. PAN уже обеспечивает кодом исследователей (имеется в виду, что вы можете загрузить этот код, который разработан специально для технологий определения авторства) и хранит уже принятые результаты использования методов для дальнейшей оценки. Во-вторых, это исследование повторяемости результатов, воспроизводимости метода.

Есть два важных принципа, которым должен следовать специалист в этой области:

- 1) полнота — каждая деталь исследования должна быть опубликована и быть доступна;
- 2) воспроизводимость — любой другой специалист должен быть в состоянии воспроизвести результаты.

В конце выступления приведены выводы по докладу.

По AA уже опубликовано много работ, наблюдается большое разнообразие в пред-

метной области. Результаты не всех исследований обладают свойством воспроизводимости — только небольшая их часть. Мы должны пройти несколько этапов, чтобы использовать эту технологию в качестве методики судебной экспертизы. Нам следует понять, как ведут себя методы в различных условиях их применения.

Множество факторов влияют на уровень ошибок того или иного метода, тогда как верификация автора — очень удобный сценарий, поскольку зависит от гораздо меньшего числа факторов. Методы атрибуции авторства должны систематически тестироваться, и PAN — серьезный шаг в этом направлении: установлены стандарты эталонного корпуса текстов, оценочных метрик и библиотеки методов для решения специфических задач.

Относительно лингвистической объяснимости — это зависит от правовой системы, которая требует выполнения тех или иных правил. В то же время стандарт Дауберта не требует этого, и для специалиста в области компьютерных наук это не является необходимым, поскольку его конечной целью является снижение уровня ошибок — в любой технологии, если говорить в общем.

Докладчик указал на исследовательские области, имеющие отношение к применению в судебной экспертизе. Прежде всего это межжанровый сценарий, когда различаются тематика, жанр или даже языки исследуемых и спорных документов. Для решения этих задач необходимы крупноразмерные регулируемые корпуса. Далее, мы должны сосредоточиться на сценариях с открытым списком. Следующее — AA без контроля со стороны научного руководства. Это относится к кластеризации документов — обнаружению фрагментов, принадлежащих определенному автору, в тексте с множественным авторством. Важным является текст и «соперничающая» стилеметрия, когда кто-то пытается обмануть машину или читателя, и необходимы надежные методы, противостоящие таким злонамеренным воздействиям.

Е. Стамататос закончил выступление анонсом программ PAN на 2019 г. Предполагается профилирование ботов и создание гендерных профилей, создание профилей знаменитостей, межжанровый AA (документирование фанфиков — произведений, созданных фанатами ТВ-сериалов, кинофильма, киногероя и т. д.), классификации в открытых группах; также перед PAN стоит задача определения изменения стиля — оценка количества лиц, создававших документ.

Были заданы следующие **вопросы по докладу**.

*Вопрос.* Об имеющемся парадоксе — принципах Дауберта и объяснимости, того, как работает метод, и его уровня точности. В британской правовой системе суды требуют не только уровень точности применяемого метода, но и объяснения того, как он работает.

*Ответ.* У нас не так много возможностей выяснить, насколько глубоко работают нейросети. То, как работает метод, вероятно, в значительной мере отличается от процесса человеческого мышления. Может быть, и нельзя объяснить, как это работает на самом деле, это различные подходы. Но это не обязательно ведет к запрету метода.

*Вопрос.* Чтобы ввести эту технологию в судах Англии, Уэльса, Северной Ирландии, мы должны найти простые слова для объяснения, как это работает, конечному пользователю этого метода.

*Ответ.* Проблема заключается в том, что если мы объясним это тем или иным образом, это может быть чрезмерным упрощением. Возможно, объяснение схватит часть информации, на которой строится метод, но не его основную идею. Например, если буквенные Ngram кажутся очень важными, специальные знаки, или буквы, или еще что-то, то это не ключевая информация, используемая методом. Нам кажется, что мы делаем выводы, важные для понимания метода, но на самом деле это не так.

*Вопрос.* Одной из привлекательных сторон использования компьютерных технологий глубоких нейросетей является возможность получения доказательств в судебном процессе. Вопрос о сравнении метода с его предшественником — «черным ящиком»: насколько предсказуемы могут быть алгоритмы, используемые в AA, с алгоритмами в беспилотном автомобиле? Это значительные в правовом, этическом смысле проблемы: кто приходит к тому или иному решению — эксперт или машина?

*Ответ.* Если мы представим уровень погрешности, то это будет принято во внимание судом. Например, эта программа имеет 10 % погрешности, тогда как другая программа — 0,5 %. Мы можем доверять больше второй, чем первой. В целом данные AA представляют лишь часть доказательств. Докладчик согласен с тем, что здесь поднимается ряд этических вопросов. Однако ему неизвестно, у кого есть право принимать решения в отношении этой проблемы.

*Вопрос.* В какой мере результаты базируются на исходных данных?

*Ответ.* Это значит, что мы должны тщательно тестировать технологии. Как было отмечено в докладе, лишь небольшое

число методов было протестировано в деталях, но я согласен, что на этические вопросы у нас нет ответов.

*Вопрос.* Имеет ли место ситуация, когда наилучшие методы не зависят от темы, жанра, стиля и т. п.?

*Ответ.* Специальные методы Ngram и другие методы могут быть использованы в очень широких областях, но это типичные черты, которые мы извлекаем из документа.

Вторым было выступление профессора Астонского университета (Aston University) Тима Гранта (Tim Grant) «Значение теории в судебной автороведческой экспертизе», подготовленное совместно с Никки Маклеод (Nikki MacLeod), доктором Нортумбрийского университета (Northumbria University). Они тесно сотрудничают, поскольку были коллегами в Астонском университете.

Тим Грант — директор Центра судебной лингвистики (Centre for Forensic Linguistics), профессор судебной лингвистики, работает в данной сфере как специалист не только по судебному автороведению, но и в иных областях; его вклад в науку весьма значителен. В качестве судебного эксперта он принимал участие в расследовании различных дел. Тим Грант являлся президентом Международной ассоциации судебных лингвистов (2015—2017 гг.). Его выступление крайне важно, по мнению ведущего, для обсуждаемой тематики круглого стола, поскольку по теме оно в значительной степени дополняет первый доклад и определенно вызовет заинтересованное обсуждение.

Т. Грант начал свой доклад с краткого обзора случаев, где он выступал в качестве судебного лингвиста — предпосылок исследований, которые ученый проводил с коллегами. И это в большей мере автороведческий синтез, нежели автороведческий анализ. Как отметил докладчик, они с коллегами пришли к пониманию, что не существует готовой к применению теории, которую можно было бы выбрать для описания того, как трактуется категория автора в свете работы по определению авторства. Далее ставится вопрос: зачем нам нужна теория автороведческого анализа, если на практике он уже проводится? Что мы делаем в процессе определения авторства? И докладчик дает на него несколько ответов.

Первый ответ — допустимость. С позиции лингвистики, социологии понятие автора рассматривается в рамках теории идентичности. Нам нужна теория идентичности автора, проявляющейся в тексте.

Судебная автороведческая экспертиза проводится с целью: 1) улучшения отправления правосудия; 2) использования лин-

гвистического анализа для определения происхождения текста.

Докладчик отдает предпочтение функциональному определению в сравнении с таким, которое могло бы быть дано с позиций холистической судебной экспертизы, поэтому первая цель является более важной, поскольку лингвист пытается представить суду доказательства. Задача эксперта — содействовать отправлению правосудия, поскольку это судебная экспертиза, которая должна предоставить суду сведения и доказательства.

Т. Грант провел экспресс-опрос аудитории на предмет ее вовлеченности в автороведческий анализ. Были поставлены следующие вопросы.

1. Проводили ли вы реальный автороведческий анализ (литературный, исторический, иной), когда настоящий автор неизвестен? (Подняла руки примерно половина аудитории.)

2. Проводили ли вы автороведческую экспертизу для юридических целей (в гражданских, уголовных делах, включая нарушения авторского права) — помогли расследованию выявить, кто совершил преступление? (Примерно пять человек.)

3. Проводили ли вы автороведческую экспертизу в рамках расследования, в котором подозреваемый еще не идентифицирован, оказывали ли содействие расследованию? (Несколько больше, чем в предыдущей группе.)

4. Вызывали ли вас на допрос в суде по вашему автороведческому исследованию? (Только двое.)

И это на самом деле интересно, заметил выступающий. Если говорить об оттачивании мастерства автороведческой экспертизы, то вся отмеченная выше активность может вести к этой цели и относиться к этой деятельности: направлять информацию в суд, готовить заключение, которое будет использовано правоохранительными органами, и просто оказывать содействие полиции. В каждом из этих видов деятельности проводится автороведческая экспертиза.

В отчете об американской автороведческой экспертизе говорится о лингвистических теоретических основах автороведения. Лингвистика — это наука, имеющая теоретическую базу, это теория использования языка. Вы можете сказать о себе «я системный лингвист» или «я генеративист». И это все имеет под собой ту или иную теорию.

Второй ответ — надежность. В автороведческой экспертизе нам необходимо ответить на следующие вопросы: почему разные авторы имеют вариации в стиле или почему я как автор проявляю устойчивые черты в текстах различной тематики и разных жан-

ров? И если вы хотите получить теоретические основания критериев Дауберта, то они будут отражать авторство, а не принадлежность к определенному языку.

Критерии Дауберта могут быть сведены к следующим вопросам.

1. Подвергалась ли предлагаемая теория проверке?
2. Имело ли место рецензирование специалистами, есть ли публикации по данной проблеме?
3. Известен ли уровень ошибок (погрешности)?
4. Принята ли в целом теория научным сообществом?

Докладчик приводит цитату из Кимбо (Кумбо): «Суд должен удостовериться, что эксперт в судебном заседании демонстрирует такой же уровень научной строгости, который характерен для практики любого эксперта в данной области».

В законодательстве Соединенного Королевства в показаниях эксперта, которые могут быть представлены перед присяжными, не должно быть закрытых категорий. Оценка эффективности новой методики должна быть признана. С позиции права в Соединенном Королевстве мы признаем эксперта, а не методы, тогда как офис Судебно-экспертного регулятора (Forensic Science Regulator) признает методы, а не эксперта.

Судебная практика рекомендует следовать решению Верховного суда Канады, которое, в свою очередь, указывает на критерии Дауберта. Это относится к англо-американской состязательной судебной системе, которая рассматривает критерии Дауберта в качестве влиятельных, и они выступают такими во всем мире. В системе, носящей инквизиторский характер, они менее важны.

Итак, зачем нам нужна теория автороведческого анализа? Критериям Дауберта следуют федеральные суды США, и в этой стране много судов иной юрисдикции: суды штатов и другие. Иногда они обращаются к критериям Дауберта, так поступают и суды Соединенного Королевства. Но то, что написано, далеко не всегда находит применение даже на федеральном уровне в США.

Т. Грант приводит следующее высказывание Ченга (Cheng) в статье 2013 г.: «„Дауберт“ на практике фундаментально отличается от „Дауберта“ в теории. Фактически суды во время допроса эксперта пристально смотрят на интеллектуальную строгость, и не на что иное».

Ченг артикулирует этот прагматический строгий взгляд как включающий в себя три вопроса:

1. Не преубежден ли эксперт? (Это не относится к критериям Дауберта.)

2. Обеспечивает ли эксперт рациональное объяснение того, как работает методика?

3. Готов ли он признать и адресовать другим критику этой методики?

Что важно и с чем спорит Ченг — методы объяснения должны быть признаны в достаточной мере прозрачными, чтобы суд и присяжные (кто принимает решение) приняли обоснованное решение.

Как вы можете представить суду факты для принятия им обоснованного решения? Если вы проводите анализ данных и осуществляете синтез различных источников, а автороведческий анализ не имеет 99 % надежности, однако у вас имеются другие свидетельства, документы, которые написаны этим человеком. Если вы ведете расследование (под расследованием в данном случае понимается предоставление информации следствию), то ваша задача, как правило, будет заключаться в рассмотрении конфликтующих свидетельств, вы должны показать, как и почему вы приходите к тому или иному заключению.

Третий ответ — понимание данных. Теория автороведческого анализа помогает понять ваши исходные данные. Для достижения этой цели ставятся следующие вопросы.

Данный текст написан одним автором? Это предположение (из которого мы исходим или нет) должно быть проверено до того, как мы начинаем проводить автороведческое исследование. Более или менее, но не исключительно, это вопрос жанра. Если вы анализируете твит, то, скорее всего, отдельный твит написан одним автором. При анализе нескольких твитов такое предположение уже не будет исходным. Если вы анализируете приговор, судебное решение, то это правовой текст, и вы знаете, что в нем имеет место компиляция из различных текстов. И это общепризнанное предположение. Таким образом, некоторые тексты, как и следует ожидать, написаны одним автором. Это вопрос о том, какой должна быть теория автороведческого анализа.

Докладчик упомянул о четырех видах автороведческого анализа: предварительный; исполнительный; повторный; официальный. И любой текст в любом из видов может быть выполнен одним или несколькими авторами.

Почему кандидаты в авторы имеют схожие или различные стили? Потому что у них различный бэкграунд. Почему могут быть вариации в стиле у одного автора? Это может зависеть от тональности текста, его жанра, объема (по различным статистическим подходам).

Когда вам нужно решить, как вы собираетесь объяснить полученные результаты, вам нужна теория автороведческого анализа. И это четвертый ответ на поставленный вопрос. Когда вы собираетесь объяснить полученные результаты, то это непременно ведет к пониманию того, что такое автороведческий анализ.

Юридические дела сложны. Поиски фактов неизбежно ведут к оценке предположительного или имеющего место на самом деле конфликта доказательств. Это также влияет на работу по расследованию дела.

В судебной экспертизе есть нечто вроде золотого стандарта. Это использование коэффициента вероятности в исследуемом контексте:

- вероятностные данные, полученные из предшествующих доказательств;
- мой анализ показывает, что...;
- А в  $x$  раз более/менее вероятен в качестве автора текста  $Q$  (спорного текста).

Таким образом, вы не оставляете в стороне как поиск доказательств, так и уже имеющиеся в деле факты. Вы не игнорируете значение нахождения факта, роль расследования. Это не невозможно, однако довольно сложно найти статистическое и математическое обоснование метода, который предлагал бы 99 % определенности в плане того, как это соотносится с объяснением в рамках вероятности. Если мы посмотрим на различные методы, которые могли бы использовать, начиная от глубоких нейронных сетей и до байесовской сети, то мы найдем меньший уровень погрешности метода — намного лучшее объяснение или намного большая его прозрачность.

Основной вопрос автороведческого анализа заключается в следующем: можете ли вы сказать, что автором текста является А или В? Или, в терминах верификации текстов, в совокупности текстов автор совершает те или иные действия, которые приводят к различиям, и эти различия имеют место в спорном тексте.

Докладчик привел пример дела 2013 г., в котором американский эксперт представил заключение, основанное на интенсивном использовании компьютерных технологий в определении авторства в британском опекуновом суде. Судья отметил, что текст экспертизы труден для чтения, он не знает, насколько качественным и надежным является данный вид экспертизы, поскольку это новый вид экспертных исследований. Судья скептически относится к заявлению эксперта о точности метода в 99,99 % для атрибуции авторства, полагая, что это очень сильное заявление. Он также скептически относится

к тому, что данная компьютерная система — вторая после ДНК по ее надежности. Это очень самоуверенное заявление. Судья полагает, что его не убедили сделать заключение о том, что автор документа такое-то лицо, и принять решение по делу.

И вот что сказал судья: «Я не могу допрашивать систему, действующую по принципу „черного ящика“. Я не могу подходить к этому как к разумно принимаемому решению. У меня есть выбор. Или я принимаю решение на веру. Или я этого не делаю». И судья не принял доводы эксперта. И я думаю, продолжил докладчик, в нашей правовой системе имеет место нечто очень схожее.

Представляется, что показания эксперта в Опекуновом суде не прошли бы тест Ченга «строгий взгляд». И это видится контрастом с процессом Апелляционного суда R против Ходжона. Судебное решение комментирует «квалификации» в рамках показаний Култарда (Coulter). Судебное решение оставляет за присяжными разрешение авторства. Фактически это дело, в котором жюри присяжных может содействовать принятию решения, но не подменять собой свидетельство эксперта.

Косвенно решение этого Апелляционного суда предполагает, что объяснимость в рамках заключения эксперта имеет ключевое значение; и, возможно, более важно, чем любое выражение окончательного мнения в отношении того, кто написал спорный текст. В связи с этим докладчик отметил первостепенную для него роль анализа автора, а не определения авторства. Выступающий признался, что, как правило, в своей работе не предлагает проведения атрибуции, а объясняет существующие различия, поскольку это важно в той или степени.

Теория авторства — это теория идентичности, отметил докладчик. Он остановился на лингвистической аккомодации и дизайне аудитории в интеракции. «Кто я?» — задается вопросом Т. Грант. На работе, в пабе, в чатах я буду проявлять себя различным образом. Имеет место своеобразное «облако меня».

Далее он остановился на социально-интеракционном взгляде на идентичность. Это позиция сводится к следующим положениям:

1. Идентичности возникают из интеракции.
2. В интеракции каждая позиция участника обусловлена демографически и культурно:
  - а) явный выбор оценки и специфический язык;
  - б) имплицитур — базис интеракции и опоры на нее.

3. Идентичности строятся с помощью сравнений и контрастов.

4. Проявление идентичности частично преднамеренно и частично происходит в силу привычки и не полностью осознанно.

Каким образом мы проводим идентификацию посредством интеракции? Мы привлекаем все возможные ресурсы (источники) для формирования идентичности. К ним относятся:

- другие интеракции, включающиеся в практики сообщества;
- жанр интеракции;
- «я» в физическом смысле (мое тело и мой мозг);
- моя социолингвистическая история (история моей семьи, моя образовательная история, мои языки, моя географическая история). Таким образом, у нас много ресурсов для представления интеракции.

Эти ресурсы также имеют ограничения. Что подразумевается под ними? Выделяются два способа наложения ограничений. Один из них — недоступность специфических ресурсов: повреждение мозга, влияющие на производство речи; другой язык и его варианты; утрата владения языком (см. работы Моники Шмид). Приводится цитата Джонстона (Johnstone): «Каждый источник ограничений дискурса является также источником выбора для дискурса».

Вторая группа ограничений — один ресурс ограничивает использование другого: институционально / контекстуально, например проявление сильной идентичности выжившего в воздействии на заявление жертвы; оппозитивные варианты, например *h* в североирландском английском; переключение кода между стандартными и нестандартными вариантами.

Вопрос об идентичности может быть сформулирован следующим образом: что сохраняется с течением времени? Любой текст представляет собой определенный момент выражения идентичности. Однако сама идея личностной идентичности предполагает устойчивость с течением времени. Выделяются две разновидности источников сохранения идентичности.

1. Мои когнитивные ресурсы, к которым относятся мои психолингвистические способности, а также моя память (например, лексический запас).

2. Мои социолингвистические ресурсы, включая историю семьи, образовательную историю, языки, варианты и диалекты, мою географию и мою профессиональную историю.

Докладчик продемонстрировал применение сравнительного автороведческого анализа, которое требует понимания текстов

и контекстов их употребления. Сопоставительный автороведческий анализ не направлен на идентификацию автора или классификацию его типов. Он имеет целью объяснение вариативности, например жанра и интеракции. Он также направлен на описание устойчивости авторства — постоянства его ресурсов. Кроме того, он имеет целью описание различий между авторами, имеющих место в различных ресурсах. Показатели точности атрибуции, не базирующиеся на теории, несостоятельны.

Были заданы следующие **вопросы по докладу**.

*Вопрос.* Вопрос об авторстве текста перевода, который представляется более сложным, чем рассматриваемый в докладе. В этой проблеме заложены противоречия, зависящие от того, как вы относитесь к данному вопросу. Но в этой области есть и чисто теоретические проблемы. Если мы приписываем переводчику постоянные характеристики, то каким образом будут рассматриваться вариативные характеристики автора? Обычно это порождает различные точки зрения. Что мы анализируем в этой ситуации? Что пытаемся сделать?

*Ответ.* Эта модель в тексте перевода будет иметь другой вид, но ее необходимо представить в терминах различных ресурсов — того, что вносит автор оригинального текста и автор текста перевода. И это очевидные различия, поскольку переводчик вносит в текст знание двух языков: языка-источника и языка-цели. И если построить теорию с учетом этих особенностей, мы будем иметь возможность разрешить этот парадокс.

*Вопрос.* Вы говорили об устойчивости и различии ресурсов в качественном плане. Каково их соотношение в решении вопроса об авторстве?

*Ответ.* Когда я создавал модель, то имел в виду, по каким параметрам рассматривается сходство текстов, в какой мере они постоянны для автора и в какой мере различаются тексты разных авторов. Если у вас два параметра — устойчивости и различия, то я бы считал, что это хорошие параметры. Когда я с этой квантификацией выхожу в суд присяжных, я не говорю, что они должны доверять моему ответу. Я очень редко провожу атрибуцию авторства в суде.

*Вопрос.* Очень интересные выступления, в значительной мере дополняющие друг друга. Как мне кажется, вы не проводите систематического разграничения между языковым поведением в устной и письменной речи. Эти области часто вступают в конфликтующие отношения, поскольку речевое

поведение в них осуществляется различным образом. Устная речь более спонтанна, задействует намного больше ресурсов, чем письменная. Как вы определяете происхождение некоторых текстов, их транскриптов (стенограмм)? Я полагаю, нам следует значительно расширить теоретическую модель, которую вы предложили. Может, следует больше внимания уделить различиям, о которых я говорил?

*Ответ (Грант).* Конечно же, письменная речь весьма отличается в терминах спонтанности, а также с позиций плотности текста. В терминах содержания настоящий текст более плотный. Письменный текст может перечитываться, переписываться. И если мы рассматриваем соотношение между жанрами, например в чатах, когда имеет место фактор нехватки времени и нет возможности для переписывания, или в чатах, когда отправитель речи печатает где-то 30 секунд, — да. Или может быть. Вариативность и спонтанность являются важными различительными параметрами. Я хочу отметить, что это неполнота сознательного контроля над стилем — стиль частично находится под контролем нашего сознания и частично неподконтролен ему. Я не согласен с тем, что мы ищем менее подконтрольные нашему сознанию характеристики. Я думаю, что разработано обоснование одной идентичности другой идентичностью, иерархическая модель идентичностей. Это вопрос сознательного/неосознанного контроля. Важной также является спонтанность, в частности поддельная спонтанность.

*Ответ (Стаматос).* Сейчас проводится исследование в области междоменной авторской атрибуции (текстов разных предметных областей), и это включает в себя тренировочные тексты — интервью, твиты, блоги и т. п. Но я бы не рисковал применять эти технологии в целях судебной экспертизы, поскольку показатели точности весьма и весьма низкие — 50 % и много ниже. Сейчас технологии не могут обеспечивать решение таких сложных проблем. Я думаю, единственный путь в настоящее время — попытаться собирать документы, представляющие один и тот же жанр, т. е. в письменной речи — что-то похожее; затем в устной речи — что-то похожее. И, конечно, некоторые жанры — твиты, чаты более похожи на устную речь, чем на разновидности письменной речи — обзор и т. п.

*Вопрос.* Благодарю обоих докладчиков за очень интересные выступления. Вы сказали, что технологии в настоящее время могут иметь дело с гораздо более сложными случаями, такими как междоменная атрибу-

ция. Как вы думаете, будем ли мы когда-либо в состоянии сделать это? И этот вопрос связан с другим, который я хотел задать раньше. Можем ли мы когда-нибудь достичь какого-то общепринятого уровня точности анализа для его применения в суде? Чтобы проиллюстрировать, что я имею в виду, можно привести пример тысячи речевых событий и тысячи «текстуальных» событий. Когда мы говорим об уровне, то имеется такое количество переменных, которые так подвижны, что это делает меня весьма скептическим в отношении того, что мы придем к согласию относительно уровня ошибок, применяемого универсально. Все эти исследования подобны методу, применимому к одному случаю, тогда как другие — к другому. Это все весьма изменчиво, и это обстоятельство разрушает всю ситуацию. Вы думаете, что какая-либо компьютерная система будет в состоянии справляться с проблемой? В каком направлении мы движемся?

*Ответ (Стаматос).* Я думаю, факт заключается в том, что компьютерная система может без труда иметь дело с обсуждаемой проблемой. Некоторые из них могут уже сегодня, другие смогут в будущем. Например, межтематический сценарий — мы можем с этим справиться, с очень высокой эффективностью. В случае межжанрового сценария — если брать определенные жанры — я не так оптимистичен, как в предыдущем случае. Что-то еще не сделано, как говорил профессор, но будет сделано в будущем. Мы видим, как машина обыгрывает чемпиона мира в шахматы.

*Вопрос (Грант).* Вы считаете, что возможно совмещение использования системы машинного обучения и понятного объяснения того, как это работает?

*Ответ (Стаматос).* Я не оптимистично смотрю на это. Но думаю, что машинное обучение не будет производить чего-то, что мы можем легко понять. Это другой тип мышления. Наш способ мышления не позволяет нам понимать, как это все работает. Поэтому я не оптимистичен относительно того, что оно станет полностью ясным.

*Вопрос.* Я считаю, что вы продемонстрировали в своем выступлении очень интересные трактовки, особенно в отношении того, что межтематическое определение авторства легче межжанрового. Скажите, как вы определяете жанр, если не путем того, как это делает эксперт в процессе анализа? Это выглядит как в некотором роде предварительное условие для конкурирующих методов в настоящий момент. Атрибуция должна быть выполнена специалистом в данной области.

*Ответ (Стаматос).* Вы имеете в виду выбор подходящего обучающего материала? Да. Вы можете представить ситуацию, когда имеется большая коллекция документов, и система может отфильтровать документы с определенными релевантными свойствами, затем работать только с этой группой документов. Технологически это можно сделать.

*Ответ (Грант).* Я думаю, некоторые, извините, многие автороведческие экспертизы должны установить, решаемая это проблема или нет, учитывая доступные тексты. И в конкретном случае, в определенной ситуации можно сказать: это невозможно. И когда межжанровый анализ становится реальным, и мы должны принять решение как судебные эксперты: достаточно ли близки данные жанры? Или они слишком удалены? И что у них общего? — это важно для принятия решения по экспертизе. Я думаю об анализе предсмертной записки — с чем вы ее можете сравнивать? Какой подходящий жанр для сравнения? Школьные сочинения — это плохой жанр для сравнения? Может, дневники этого человека будут лучше? И как лингвист может сформировать (специалист по компьютерам может в определенной мере) таксономию близких/отдаленных жанров? Лингвист не мыслит в таких категориях. Что мы можем судить и что мы реально делали? И это влияет на судебное решение.

*Ответ (Стаматос).* Вы можете использовать эту таксономию, но вы должны иметь ее в полностью автоматизированном виде. Вы можете визуализировать документы и видеть, в чем они наиболее близки. Данная визуализация основана на свойствах, которые не могут быть объяснены просто, как, например, при использовании обучения репрезентации. Вы на самом деле не знаете, что этот доступ значит. Вы видите этот документ, окруженный другими документами, принадлежащими в своем большинстве к определенному жанру. Возможно, вы не можете объяснить это сходство с данным жанром, с данным документом, но вы можете видеть, что они весьма похожи в этом пространстве, в этом искусственном текстовом пространстве.

*Вопрос.* Какова ваша позиция по отношению к тому, что я называю Святым Граалем в лингвистической теории идентификации, а именно предположение о том, что существует ядро, набор признаков, которые всегда присутствуют — безотносительно к жанру, теме, адресату, или это в высокой степени зависит от жанра, тематики? Я полагаю, это философский вопрос, на самом

деле. Мне очень интересно узнать, какова ваша позиция по этой проблеме?

*Ответ (Стаматос).* Я не верю в ядерные признаки. Признаки могут определяться посредством анализа конкретного случая. На самом деле, мне не нравятся заранее определенные признаки. Для меня это не очень хорошая идея — заранее определять признаки.

*Ответ (Грант).* Я согласен с этим. Я также согласен с тем, что идентичность есть исполнение (performance). Исполнение — это текст в автороведческом анализе, и со-признаки суть идентичность, ядро — это ресурс того, как человек развивается, и оно представляет его признаки. Это не обязательно проявляется в языке, это ресурс, доступный в индивидууме.

*Вопрос.* Снова философский вопрос. Я хочу задать вопрос, который теоретически звучит весьма странно для тех, кто занимается судебной лингвистикой, для всех, кто использует иллюзорное понятие значения. Одна из главных целей языка — коммуникация, она подразумевает значение. И значение полностью стирается. Ни одно исследование по автороведению не упоминает значение, значение — это табу. Почему это так? Почему мы не используем значение, прагматическую цель языка в автороведческом анализе?

*Ответ (Грант).* Это то место, где я должен сказать «да». Когда мы работаем над раскрытием неизвестного авторства, над людьми, скрывающимися в сети, мы получаем структурные признаки уровня текста — орфографию, пунктуацию, выбор слов, синтаксис и т. д. Мы считаем, что это верно, иначе говоря, это то, что относительно легко обнаружить, то, что дает нам подозреваемый или некоторые системы автороведческого анализа. Мы занимаемся именно этим, и вы не можете получить прагматическое значение, интеракционное значение и семантику социального поведения. Тогда вы, весьма вероятно, определите автора. Когда мы обучаем полицейских, мы фокусируемся на этом внимании. Описание всех языковых особенностей на всех уровнях идентичности, проявляемых в языке, не представляло бы всех структурных черт. Я не говорю, что этого достаточно — это необходимо, но и другие признаки также важны.

*Ответ (Стаматос).* Я считаю, что значение может гораздо легче подвергаться сознательному контролю со стороны автора в соответствующем стиле. И поэтому это не очень хорошая идея, с моей точки зрения, — основываться на значении. В случаях межтематической атрибуции, если у вас есть

что-то, что работает со значением текста, вы теряете основную связь между текстами. Это полезно во всех случаях, когда вы знаете, что все тексты об одном и том же, по более или менее близкой тематике. Но когда у вас различия в этом аспекте, вам следует избегать данной информации. В своих последних работах по межтематической атрибуции я пытаюсь избегать информации о тематике. Вы не знаете, о чем этот документ, просто видите его структуру.

*Вопрос.* В продолжение вопроса о введении значения, например, мы можем классифицировать британские газеты по настрою, отношению к чему-либо. Можем легко отличить таблоид по стилю — левый или правый таблоид, это все основано на значении, значение — разновидность отличительного признака. И очень мало литературы по вопросам мнения автора, его позиции, интонации, которые тоже выявляются в тексте. Вы говорили, что обучаете полицейских, полицейские имеют естественное предрасположение против убийств, преступлений и т. д. Вы рассматриваете неподготовленное речевое поведение как разновидность преступного поведения? И это все значение. Как оно выражается? Вы говорите, что оно опускается в исследовании. Как компьютерное исследование отличает правый таблоид от левого?

*Вопрос.* Я собираюсь спросить, что вы думаете об обфускации (obfuscation). Мы можем поддерживать стиль или допускать утечку? Утечку чего? Этого Святого Грааля, ядра идентичности? Или есть ограничения ресурсов?

*Ответ (Грант).* Относительно «утечки». Мы можем наблюдать утечку на структурном уровне — орфография, пунктуация, а также на уровне прагматики, когда мы рассматриваем интеракцию в разговоре. Когда мы имеем индивидуума, который очень хорош в отношении автороведческого синтеза, это отличается от обфускации. Вы не увидите много статей по автороведческому синтезу. Обфускация — это то, как скрывать ваш стиль, автороведческий синтез — это построение нового стиля, предположение о том, что именно вы онлайн, а не какая-либо легенда об авторе. То есть имеется целый

комплекс задач в этой области. Вы можете структурно верно решать задачи и не выполнить автороведческого анализа. И если преступник собирается встретиться именно с этой личностью, то он становится весьма и весьма подозрительным, и здесь должна быть та же личность. И другая ситуация, которая встречалась нами ранее. Вы можете сделать ее более сложной. Когда мы имеем предположение об идентичности преступника, и кто-то арестован, а полиция хочет продолжать работать в сети определенный период времени, вы должны заставить убедить его окружение, что это именно та личность.

*Ответ (Стаматос).* Насколько я знаю, греческая полиция имитирует покупателей порнографии, этих фото. Это не какая-нибудь определенная личность, это класс персон.

*Ответ (Грант).* Мы предпочитаем построение легенд, а не идентичностей. Если вы не рассматриваете прагматику разговора, человек может решить, что это верно. У нас есть подобные примеры в нашей базе данных. Поэтому я думаю, вы допускаете утечку о том, кто вы, на дискурсивном уровне разговора, а не только на структурном.

*Вопрос.* И в чем ограничения ресурсов?

*Ответ (Грант).* И в том и в этом. О чем говорят эти утечки? Если вы пытаетесь провести автороведческий синтез, вы пытаетесь получить новый набор источников идентичности. Что такое утечка? Это неудача пресечения набора ресурсов, которому обычно следуют.

*Ответ (Стаматос).* Только два комментария. В случае автороведческого синтеза вы симулируете профиль автора?

*Ответ (Грант).* Нет, в типичном случае определенного индивидуума.

*Ответ (Стаматос).* Понятно. У вас есть определенная личность, которая служит в качестве образца.

*Ответ (Грант).* Да, есть две типичные ситуации. Первая. В полицейских кейсах мы определяем жертву, того, кто виктимизирован в онлайн-овом харрасменте. Берем его и помещаем в офлайн. Полицейский может поместить его онлайн, выявить правонарушителя. То есть если это 14-летний мальчик, то этот тот самый 14-летний мальчик.

S. I. Krassa

Stavropol, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6699-2159 

 *E-mail*: [skrassa@yandex.ru](mailto:skrassa@yandex.ru).

## First Roundtable on Practices and Standards in Forensic Authorship Analysis (overview 1)

**ABSTRACT.** *The article provides an overview of the reports of the 1st Roundtable on Practices and Standards in Forensic Authorship Analysis. The roundtable was held by the International Association of Forensic Linguistics and the Centre for Digital Humanities at the University of Manchester on 15 May 2019. The reports of Efstathios Stamatatos from the Aegean University “Automatic authorship attribution and digital text forensics”, Professor Tim Grant from the University of Aston together with Nikki McLeod, Doctor of Northumbria University “The importance of theory in forensic authorship analysis”, Krzysztof Kredens from the University of Aston, together with Piotr Reżek “Large-scale author classification — looking into the black box”, Jack Grieve, Professor of Linguistics at the University of Birmingham “Register variation and authorship analysis”, Erica Gold, lecturer in forensic science at Huddersfield University “Likelihood ratios in forensic speech science. The current state of play”, Stefan Evert, Professor at the University of Erlangen — Nuremberg “Statistical significance in literary authorship attribution” were presented at the roundtable. At the end of each report, questions to the speaker were asked and answers were given. There were separate discussions — after the second report and the closing discussion. Several overviews on the proceedings of the roundtable are planned for publication.*

**KEYWORDS:** *roundtable discussions; forensic authorship analysis; author profiling; stylometry; computer linguistics; core features of a style; forensic linguistics; forensic expertise.*

**TYPE OF PUBLICATION:** *review.*

**AUTHOR’S INFORMATION:** *Krassa Sergey Ivanovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Stavropol, Russia.*

**FOR CITATION:** *Krassa, S. I. First Roundtable on Practices and Standards in Forensic Authorship Analysis (overview 1) / S. I. Krassa // Political Linguistics. — 2020. — No 6 (84). — P. 174—187. — DOI 10.26170/pl20-06-19.*

### REFERENCES

- Chaski, C. E. Empirical evaluations of language-based author identification techniques / C. E. Chaski. — Text : unmediated // *Forensic Linguistics*. — 2001. — Vol. 8. — Iss. 1. — P. 1—65.
- Forensic Authorship Analysis Roundtable. — URL: <https://www.eventbrite.co.uk/e/forensic-authorship-analysis-roundtable-tickets-59772040783#> (date of access: 27.10.2020). — Text : electronic.
- Forensic Linguistics Roundtable Event / International Association of Forensic Linguists ; Centre for Digital Humanities, University of Manchester // YouTube. — Duration: 7:29:40. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZUfxdLstIOc> (date of access: 27.10.2020). — Image (moving; 2D) : electronic.
- Grant, T. Identifying reliable, valid markers of authorship: A response to Chaski / T. Grant, K. Baker. — DOI 10.1558/sil.2001.8.1.66. — Text : unmediated // *Forensic Linguistics*. — 2001. — Vol. 8. — Iss. 1. — P. 66—79.
- Grant, T. Quantifying evidence in forensic authorship analysis / T. Grant. — Text : unmediated // *International Journal of Speech, Language and the Law*. — 2007. — Vol. 14. — Iss. 1. — P. 1—25.
- Grant, T. Resources and constraints in linguistic identity performance: a theory of authorship / T. Grant, N. Macleod. — Text : unmediated // *Language and Law*. — 2018. — Vol. 5. — Iss. 1. — P. 80—96.
- Grant, T. Txt 4n6: Idiolect free authorship analysis? / T. Grant. — Text : unmediated // *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics* / M. Coulthard, A. Johnson (eds.). — Abingdon : Routledge, 2010. — P. 508—522.
- Houvardas, J. N-gram feature selection for authorship identification / J. Houvardas, E. Stamatatos. — Text : unmediated // *International conference on artificial intelligence: Methodology, systems, and applications*. — Berlin ; Heidelberg : Springer, 2006. — P. 77—86.
- PAN : site. — URL: <https://pan.webis.de> (date of access: 27.10.2020). — Text : electronic.
- Sidorov, G. Syntactic n-grams as machine learning features for natural language processing / G. Sidorov, F. Velasquez, E. Stamatatos, A. Gelbukh, L. Chanona-Hernández. — Text : unmediated // *Expert Systems with Applications*. — 2014. — Vol. 41. — Iss. 3. — P. 853—860.
- Stamatatos, E. A survey of modern authorship attribution methods / E. Stamatatos. — Text : unmediated // *Journal of the American Society for information Science and Technology*. — 2009. — Vol. 60. — Iss. 3. — P. 538—556.
- Stamatatos, E. Author identification: Using text sampling to handle the class imbalance problem / E. Stamatatos. — Text : unmediated // *Information Processing & Management*. — 2008. — Vol. 44. — Iss. 2. — P. 790—799.
- Stamatatos, E. Automatic text categorization in terms of genre and author / E. Stamatatos, N. Fakotakis, G. Kokkinakis. — Text : unmediated // *Computational linguistics*. — 2000. — Vol. 26. — Iss. 4. — P. 471—495.
- Stamatatos, E. Text Genre Detection Using Common Word Frequencies / E. Stamatatos, N. Fakotakis, G. Kokkinakis. — Text : electronic // *COLING 2000*. Vol. 2. The 18th International Conference on Computational Linguistics. — P. 808—814. — URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.14.7621&rep=rep1&type=pdf>.
- Westerberg, K. Triangulation mobility of auto-theft offenders / K. Westerberg, T. Grant, J. W. Bond. — DOI 10.1002/jip69. — Text : unmediated // *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*. — 2007. — No 4 (2).

## ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

*Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки*

*Научные направления:*

*10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»*

*10.02.01 «Русский язык»*

*10.02.04 «Германские языки»*

*10.02.19 «Теория языка»*

*10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»*

**Издательство:** ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

**Адрес редакции:** 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

**Главный редактор:** доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

**E-mail:** ap\_chudinov@mail.ru

**Выпускающий редактор:** кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

**Телефон:** 8-922-6128661

**E-mail:** shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. [http://elibrary.ru/title\\_about.asp?id=28049](http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049).

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.100.-2018 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
  - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
  - Ученая степень, звание, должность.
  - Полное и точное место работы автора.
  - Подразделение организации.
  - Открытый идентификатор автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>).
  - Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5—10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

#### СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно. — Текст : непосредственный // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08. — Text : unmediated // The Reference Librarian. — 1997.— Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов. — Текст : непосредственный // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов. — Текст : непосредственный // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

#### МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с. — Текст : непосредственный.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Саратов. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с. — Текст : непосредственный.

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2006. — 494 с. — Текст : непосредственный.

#### АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов, В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке : специальность 05.25.05 «Информационные системы и процессы» : автореф. дис. ... канд. техн. наук / Глухов Виктор Алексеевич ; Институт научной информации по общественным наукам Рос. акад. наук. — Новосибирск, 2000. — 18 с. — Место защиты : Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН. — Текст : непосредственный.

#### ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин, В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : дис. ... канд. полит. наук / Фенухин Владимир Иванович ; Московский гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова. — Москва, 2002. — 162 с. — Текст : непосредственный.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — Москва : ИМЭМО, 2007. — 39 с. — Текст : непосредственный.

ПАТЕНТЫ

Патент № 2122745 Российская Федерация, МПК G02B23/12, G02B26/06. Оптико-электронный аппарат : заявл. 02.07.1996 : опубл. 27.11.1998 / Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. ; заявитель ВНЦ «ГОИ им. С. И. Вавилова». — 1 з. п. ф-лы : ил. — Текст : непосредственный.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с. — Текст : непосредственный.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских. — Текст : непосредственный // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. библиотека, Центр правовой информации. — [Санкт-Петербург], 2005— . — URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/> (дата обращения: 18.01.2007). — Текст : электронный.

Логонова, Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей / Л. Г. Логонова. — Текст : электронный // Образование: исследовано в мире : междунар. науч. пед. интернет-журн. — 2003. — 21 нояб. — URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.2007).

Российская национальная библиотека : официальный сайт. — Санкт-Петербург, 1998— . — Обновляется в течение суток. — URL: <http://www.nrl.ru/> (дата обращения: 20.02.2007). — Текст : электронный.

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник. — Текст : электронный // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

**Цена свободная**

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ  
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА  
2020. ВЫПУСК 6 (84)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.

Адрес учредителя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.

Подписано в печать 21.12.2020. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2020.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 22,1. Усл. печ. л. — 22,2. Тираж 500 экз. Заказ 5182.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе

Уральского государственного педагогического университета

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me